

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2022 Том 13 № 4

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ:
ТЕКСТ И КОНТЕКСТ**

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Научный журнал

Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор
*Денисенко Владимир
Никифорович,*

доктор филологических наук,
профессор, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора
*Новопасская Наталья
Викторовна,* кандидат филологиче-
ских наук, РУДН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: novopasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь
Лазарева Олеся Викторовна,
кандидат филологических наук,
РУДН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюбре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ. Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и/или английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов: О.Н. Кольшиева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 15.09.2022. Выход в свет 28.09.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,91. Тираж 500 экз. Заказ № 1238. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2022 VOLUME 13 No. 4

CONTEMPORARY LINGUISTIC INTERPRETATION:
TEXT AND CONTEXT

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Klaudia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic
Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation
Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan
Yulia A. Evgrafova, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus
Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain
Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus
Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan
Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Materials of the journal are published on the platform of the Russian Scientific Library, Scopus, Russian Index of Science Citation, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Electronic Journals Library CyberLeninka, EBSCOhost.

Aim and Scope

“*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*” elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal “*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*” was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as “Reviews”, “Scientific Reviews”, “Scientific Chronicles”.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Text Editor: *O.N. Kolysheva*
Computer Design. *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru
Printing run 500 copies. Open price
The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation 6 Miklukho-Maklaya str., 117198

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ:
ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Тарасов Е.Ф. (Москва, Российская Федерация).** Введение в психолингвистическую теорию межкультурного общения 861
- Rebrina L.N. (Volgograd, Russian Federation), Solhyshkina M.I. (Kazan, Russian Federation), Soldatkina T.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).** Collective Memory as a Social Construct in German Discourse (Коллективная память как социальный конструкт в немецком дискурсе) 876
- Иванов Е.Е. (Москва, Российская Федерация; Могилев, Республика Беларусь).** Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах 898
- Болдырев Н.Н., Беляева И.В. (Тамбов, Российская Федерация).** Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с позиций бесконфликтного общения 925
- Бутакова Л.О. (Омск, Российская Федерация).** Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y 937
- Дмитриева Н.М. (Оренбург, Российская Федерация), Шаклеин В.М. (Москва, Российская Федерация).** Семантические особенности функционирования доминантных вербализаторов этического концепта БЛАГО в средствах массовой информации 956
- Романова Т.В., Колчина О.Н. (Нижний Новгород, Российская Федерация).** Русскоязычные когнитивные термины как результат интеграционных процессов в научном дискурсе 972
- Бекоева И.Д. (Цхинвал, Республика Южная Осетия), Баликоева М.И. (Владикавказ, Российская Федерация), Денисенко А.В., Калинина Ю.М. (Москва, Российская Федерация).** Понятийная составляющая, образно-метафорические и ценностные характеристики концептов СÆРИБАР/СÆРИБАРДЗИНАД и FREEDOM/LIBERTY 989

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

- Kushneruk S.L., Kurochkina M.A. (Chelyabinsk, Russian Federation).** Urban Identity Through the Prism of Media Framing (Городская идентичность сквозь призму медиафреймирования) 1005

- Гусейнова Л.Д., Дугалич Н.М., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Эбзеева Ю.Н. (Москва, Российская Федерация).** Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах 1020
- Макарова А.С. (Москва, Российская Федерация).** Языковые и стилистические особенности православной медиапроповеди 1045
- Калинин О.И., Игнатенко А.В. (Москва, Российская Федерация).** Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах информационного и воздействующего характера 1063

СЕМИОТИКА И ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

- Муратова Е.Ю. (Витебск, Республика Беларусь).** Картина Исаака Левитана «Над вечным покоем» и ее интерпретация в современных поэтических текстах 1084
- Yunuo Sun, Rybakov M.A., Lysyakova M.V. (Moscow, Russian Federation).** Linguocultural Connotations of the Lexeme WILLOW 'ИВА' in Russian and Chinese Languages (Лингвокультурные коннотации лексемы ИВА в русском и китайском языках). 1095
- Koshkareva N.V. (Moscow, Russian Federation).** Synergism of Music and Word in Polyphonic Forms of Choral Works a Cappella by Modern Russian Composers (Синергизм музыки и слова в полифонических формах хоровых произведений А CAPPELLA современных отечественных композиторов)..... 1111
- Tayibnapis R.G., Muqsith M.A. (Jakarta, Indonesia), Muzykant V.L. (Moscow, Russian Federation), Kuswanti A. (Jakarta, Indonesia).** Bias Meaning of Symbols and Signs of Indonesian Topeng Malangan Puppet Show (Мисинтерпретация символов и знаков в индонезийском масочном шоу Топенг Маланган)..... 1123

CONTENTS

CONTEMPORARY LINGUISTIC INTERPRETATION: TEXT AND CONTEXT

COGNITIVE STUDIES

- Tarasov E.F. (Moscow, Russian Federation).** Introduction to Psycholinguistic Theory of Intercultural Communication 861
- Rebrina L.N. (Volgograd, Russian Federation), Solhyshkina M.I. (Kazan, Russian Federation), Soldatkina T.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).** Collective Memory as a Social Construct in German Discourse..... 876
- Ivanov E.E. (Mogilev, Belarus; Moscow, Russian Federation).** Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses 898
- Boldyrev N.N., Beliaeva I.V. (Tambov, Russian Federation).** Cognitive Mechanisms of Phraseological Units Interpretive Meaning Construction in Relation to Conflict-Free Communication..... 925
- Dmitrieva N.M. (Orenburg, Russian Federation), Shaklein V.M. (Moscow, Russian Federation).** Semantic Features of the Functioning of Dominant Verbalizers of the Ethical Concept BOON in the Mass Media..... 937
- Butakova L.O. (Omsk, Russian Federation).** Words with Value Semantics in the Language Consciousness of Generation «Y» Representatives..... 956
- Romanova T.V., Kolchina O.N. (Nizhny Novgorod, Russian Federation).** Russian Cognitive Terms as a Result of Integration Processes in Scientific Discourse 972
- Bekoeva I.D. (Tskhinval, Republic of South Ossetia), Balikoeva M.I. (Vladikavkaz, Russian Federation), Denisenko A.V., Kalinina, Ju.M. (Moscow, Russian Federation).** Conceptual Component, Figurative-metaphorical and Value Characteristics of the Concept FREEDOM/LIBERTY in the Ossetian and English Languages 989

MEDIA LINGUISTICS

- Kushneruk S.L., Kurochkina M.A. (Chelyabinsk, Russian Federation).** Urban Identity Through the Prism of Media Framing 1005
- Guseynova L.D., Dugalich N.M., Lomakina O.V., Neliubova N.Yu., Ebzeeva Yu.N. (Moscow, Russian Federation).** The Reflection of the Socio-Cultural Context in Russian, French and Azerbaijani Internet Memes 1020
- Makarova A.S. (Moscow, Russian Federation).** Language and Stylistic Features of the Orthodox Media Sermon 1044

Kalinin O.I., Ignatenko A.V. (Moscow, Russian Federation). Comparative Analysis of the Use of Metaphors in Russian, English and Chinese Media Texts of Informational and Influencing Nature.....	1062
---	------

SEMIOTICS & FICTION TEXT STUDIES

Muratava E.Y. (Vitebsk, Belarus). The Painting of Isaac Levitan “Over Eternal Rest” and its Interpretation in Modern Poetic Texts.....	1083
---	------

Yunuo Sun, Rybakov M.A., Lysyakova M.V. (Moscow, Russian Federation). Linguocultural Connotations of the Lexeme WILLOW ‘ИВА’ in Russian and Chinese Languages.	1094
--	------

Koshkareva N.V. (Moscow, Russian Federation). Synergism of Music and Word in Polyphonic Forms of Choral Works a Cappella by Modern Russian Composers	1110
---	------

Tayibnapis R.G., Muqsith M.A. (Jakarta, Indonesia), Muzykant V.L. (Moscow, Russian Federation), Kuswanti A. (Jakarta, Indonesia). Bias Meaning of Symbols and Signs of Indonesian Topeng Malang Puppet Show	1122
--	------

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875

УДК 81'23:316.7

Научная статья / Research article

Введение в психолингвистическую теорию межкультурного общения

Е.Ф. Тарасов

Московский городской педагогический университет (МГПУ),
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

 eft35@mail.ru

Аннотация. Межкультурное общение (МКО) — речевая активность коммуникантов (носителей разных этнических культур), направленная на организацию совместной деятельности (СД). В речевом общении (РО) в рамках одной этнической культуры коммуниканты конструируют речевые сообщения, состоящие только из тел языковых знаков и понимаемые при облигаторной общности сознаний коммуникантов. Говорящий отображает реальную действительность при помощи образов своего сознания, которые он вербально моделирует и предлагает для смыслового восприятия реципиенту, последний эту вербальную модель использует как программу конструирования из образов своего сознания содержания воспринятого сообщения. Общение, опосредованное знаками, предполагает у коммуникантов общность образов сознания и языка. Отсутствие такой общности у коммуникантов в МКО является источником когнитивных конфликтов, которые могут быть устранены в ходе инструктивного обучения коммуникантов и создания у них общности сознаний и языка или при использовании посредника (переводчика) как носителя необходимой общности. Взаимопонимание коммуникантов МКО возможно в случае предварительного установления дефиниций ключевых слов в речевых сообщениях. Для достижения взаимопонимания при помощи образов неязыкового сознания у коммуникантов — носителей разных этнических культур, требуется предварительное знакомство с этими образами. Теоретическое обоснование достижения взаимопонимания в МКО может опереться на теорию образа мира А.Н. Леонтьева, а также на трехуровневую модель образа сознания А.Н. Леонтьева — В.П. Зинченко, состоящую из бытийного, рефлексивного и духовного уровней. Образ мира А.Н. Леонтьева — это совокупность знаний, формируемая каждым носителем этнической культуры в процессе инкультурации и позволяющая ему ориентироваться в реальной действительности. Бытийный уровень содержит познавательные средства, обеспечивающие ориентировку в среде обитания этноса, на рефлексивном уровне локализуются знания о реальной дей-

© Тарасов Е.Ф., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ствительности, обеспечивающие выживание этноса в этой действительности. На духовном уровне в процессе общения носителя сознания с другими индивидами формируется человеческое отношение к реальной действительности.

Ключевые слова: межкультурное общение, совместная деятельность, общность сознаний, когнитивный конфликт, конструирование содержания

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2022

Дата приема в печать: 15.08.2022

Для цитирования:

Тарасов Е.Ф. Введение в психолингвистическую теорию межкультурного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 861–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875>

Introduction to Psycholinguistic Theory of Intercultural Communication

Evgeny F. Tarasov

Moscow City University (MPGU),
4, 2nd Selskhozoyastvenny Str., Moscow, Russian Federation, 129226
 eft35@mail.ru

Abstract. The author analyzes intercultural communication (IC): the speech activity to organize joint activities in a multicultural environment. In course of communication within a single culture, communicants produce speech messages that involve only linguistic signs bodies and require common consciences for understanding. The speaker presents the reality with images of one's verbally modeled consciousness to the recipient for perception; the latter uses this model to construct the perceived message content from the one's consciousness images. The sign communication suggests a common language and images of consciousness. There isn't seen any common consciousness in IC results in cognitive conflicts requiring instructive training to develop common consciousness and language, or an intermediary (interpreter) as a bearer of the proper consciousness. Understanding in IC requires preliminary definitions of key words in speech messages. Understanding with non-linguistic consciousness images among bearers of different ethnic cultures requires a preliminary acquaintance with these images. The theoretical underpinning of understanding in IC can involve A.N. Leontiev's world image theory and the three-level model of the consciousness image by A.N. Leontiev — V.P. Zinchenko, including existential, reflective and spiritual levels. The world image is knowledge developed by an ethnic culture bearer in the enculturation to navigate in the reality. The existential level contains cognitive means providing for the orientation in the ethnic environment, at the reflexive level, the knowledge about reality ensures the ethnic survival in this reality. At the spiritual level, the consciousness bearer communicates with other individuals resulting in a human attitude to reality.

Keywords: cognitive conflict, common activity, common consciousness, content construction, intercultural communication

Article history:

Received: 01.06.2022

Accepted: 15.08.2022

For citation:

Tarasov, E.F. (2022). Introduction to Psycholinguistic Theory of Intercultural Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 861–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875>

Введение

Любой акт человеческого общения и тем более межкультурного общения (МКО) характеризуется многомерностью феноменологии, что затрудняет теоретическое рассмотрение общения людей неидентичных культур и языков. Уменьшение многомерности феноменологии выливается в задачу четкости границ объектной области МКО. Следовательно, при психолингвистическом анализе МКО (обычно называемого МКК) важно обозначить (очертить) нашу объектную область, ибо с позиций разных научных дисциплин (кросс-культурной психологии, культурологии, лингвистики, психолингвистики и межкультурной коммуникации) она членится неидентичным образом.

Кросс-культурная психология, например, у Дж. Берри [1] и Д. Мацумото [2], исследует, в первую очередь, формирование психики человека под влиянием своей культуры или адаптацию иммигранта к новой культуре, культурология в работах А.Я. Флиера, например [3], изучает систему конвенций в общении, позволяющих человеку становится личностью и функционировать в качестве члена социума, лингвистика усилиями Э. Сепира [4] и Б.Л. Уорфа [5] формирует проблему влияния языка на внешнюю активность человека. Все эти дисциплины изучают человека, общающегося на территории, что важно, своей *этнической культуры* и, естественно, воспринимающего реальную действительность при помощи *образов сознания, детерминированных своей культурой*, или изучает иммигранта, усваивающего образы сознания, носителей *чужой культуры*.

Методология

Психолингвистический подход к анализу МКО накладывает естественные ограничения на определение границ объектной области нашего анализа, которые состоят в следующем. Речевое общение (РО) — это сложный процесс, включающий в себя внешние предметные (семиотические) и внутренние, собственно психические звенья. Обозначение «психолингвистическая теория МКО» определяет, что предлагается попытка исследовать в МКО как внешние (наблюдаемые) речевые, так и внутренние (ненаблюдаемые) звенья речевых действий, при помощи которых коммуниканты воздействуют друг на друга. Указание на речевые побуждающие действия следует понимать, что речевое общение анализируется в деятельностной субъект-объектной парадигме.

Речевое общение не имеет самостоятельного существования: оно разворачивается, во-первых, ради организации самого РО, во-вторых, для организации и осуществления совместной деятельности (СД).

Самая существенная характеристика РО состоит в том, что регулирование совместной активности коммуникантов, конечной целью которой является организация и осуществление СД, происходит при помощи знаков, которые производятся говорящим и предъявляются для смыслового восприятия реципиенту в виде предметов (тел знаков), ассоциированных с определенными знаниями в сознании коммуникантов. Предметная характеристика знаков, т.е. тел знаков, состоит в возможности быть произнесенными артикуляторным аппаратом говорящего (или быть зафиксированными на каком-либо носителе) и быть воспринятыми слуховыми или зрительными рецепторами слушающего.

Но знак в виде предмета (тела знака) может выполнить свою функцию только в случае определенной идентичности у обоих коммуникантов знаний, ассоциированных с одним и тем же телом знака.

Дело в том, что вопреки распространенной метафоре о «передаче информации» в общении, опосредованном знаками, знания не передаются, а конструируются реципиентом из своих собственных знаний каждый раз заново, при ориентировке только на цепочку тел языковых (и неязыковых) знаков, образующих речевое сообщение (поэтому люди, обладающие неидентичными знаниями, понимают одно и то же сообщение по-разному).

Очевидно, что предпосылкой эффективного знакового общения является идентичность знаний о языке и о мире у коммуникантов: языковые знания позволяют ориентироваться в речевой цепочке, а общность знаний о мире дает возможность говорящему строить мысль и отображать ее вербально (при помощи цепочки тел знаков) в форме, уместимой для реципиента. Иначе говоря, продуцент речи для ориентирования реципиента в некоторой реальной ситуации должен при помощи образов своего индивидуального сознания сконструировать мысль, отображающую эту ситуацию, а затем отобразить (смоделировать) эту мысль при помощи образов общественного сознания, ассоциированных с телами знаков этнического языка, общего для коммуникантов (подробнее см. у А.О. Прохорова [6]).

Но образы общественного сознания, идентичные в сознании коммуникантов, в самой речевой цепи, состоящей только из тел языковых знаков, никак не представлены. Реципиент, воспринимая цепочку тел языковых знаков, должен трактовать эту цепочку только как программу конструирования из образов своего сознания (идентичных с образами общественного сознания остальных носителей языка и, естественно, самого говорящего) содержание воспринятого речевого сообщения, существующего только в виде этой цепочки тел языковых знаков.

Л.Ф. Чертов, анализируя языковой способ информационной связи, показал, что реципиент, воспринимая речевое сообщение в форме цепочки тел языковых знаков, полагает его только как некоторую программу производства содержания речевого сообщения из собственных знаний, а не знаний говорящего [7. С. 25–26].

Из этого утверждения следует вывод чрезвычайно важный для понимания проблем МКО: общение при помощи знаков возможно только в том случае, если знания коммуникантов, ассоциированные с одним и тем же телом знака, идентичны в той степени, которая позволяет им понимать друг друга. Следует заметить, что в философии вопрос общности сознаний в форме проблемы «другого сознания» (ДС) интенсивно обсуждается, например, в работах Д.И. Дубровского [8–10], Н.М. Смирновой [11], В.П. Филатова [12], J. Wisdom [13], А. Nyslop [14].

Современный аспект проблемы ДС осмысливается как решение задачи понимания подлинных намерений участника СД. С позиции интересующей нас проблемы МКО эта задача трансформируется в задачу понимания сознания членов некоторой другой этнической общности.

Поиски решения проблемы ДС замыкаются на принцип «аргумент по аналогии», согласно которому понимание ДС опирается на понимание собственного сознания по его внешним проявлениям. Если я наблюдаю подобные внешние проявления у другого, то я приписываю другому мое собственное сознание [10. С. 158]. Очевидно, что «аргумент по аналогии» позволяет усмотреть в ДС только то знание, которым я обладаю, и не позволяет усмотреть то знание, которым я не обладаю. Можно полагать, что подобное решение проблемы ДС с точки зрения науки не является удовлетворительным, хотя в обыденной жизни люди удовлетворяются этим, компенсируя непонимание знакового поведения координацией индивидуальных вкладов в процесс СД, что находит свое объяснение в гипотезах «народной психологии» (folk-psychology).

Результаты исследования

Анализируя параметры РО в родной культуре, можно считать, что

- любой акт человеческого общения характеризуется многомерностью феноменологии;
- любой акт человеческого общения связан с СД, т.к. он прямо или опосредованно развертывается только ради организации и осуществления СД;
- акты речевого общения на территории обитания этноса осуществляются в инфраструктуре своей этнической культуры личностями, деятельностно присвоившими эту культуру, которая послужила субстанцией их сознания, обеспечивающей общность этого сознания у коммуникантов;

- знаковое общение возможно только при общности знаний у коммуникантов об образах индивидуального неязыкового сознания, отображающего предметы реальной действительности; о телах языковых знаков их этнического языка и об образах общественного языкового сознания, ассоциированных с этими телами языковых знаков.

Психолингвистический подход к МКО позволяет очертить его объектную область: это процесс речевого общения коммуникантов, сотрудничающих в структуре СД и пользующихся услугами переводчика, т.е. каждый использует свой этнический язык. Следует специально подчеркнуть, что в объектную область психолингвистической теории МКО непременно входят коммуниканты, которые присутствуют в модели МКО своими телами, снабженными рецепторами, позволившими им при деятельностном овладении этнической культурой сформировать сознание, обусловленное специфической для каждого этноса общественной практикой.

За языком каждого человека стоит мир, в котором действует человек, но мир, отображаемый сознанием говорящего человека.

Именно сознание, отображающее мир, позволяет человеку как носителю определенной этнической культуры ориентироваться в реальной действительности, и именно это отображение обуславливает речевую и неречевую активность человека.

Необходимость введения представления о теле человека в модель МКО вытекает из того, что знание, несовпадение которого в сознании коммуникантов в рамках МКО является причиной непонимания, нуждается в теле человека как носителе этих знаний, с неидентичными характеристиками неязыкового сознания и неидентичными вербальными моделями этого сознания, что делает модель МКО отличной от модели внутрикультурного общения.

Необходимость введения человека в объектную область как носителя определенной истины следует из представления, сформированного в философии в рамках постклассического типа научной рациональности, который, цитируя В.С. Степина, «учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций (познавательной — *E.T.*) деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При чем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [15. С. 634].

С достаточным основанием можно утверждать, что истина пристрастна, она очевидным образом зависит не только от познавательных средств и от знаний, привносимых в процесс познания, но и от ценностно-целевых установок, носителем которых является сам субъект познания.

Неклассическая психология аналогичным образом пытается сформировать познавательные постулаты, содержащие принципиальную слиянность субъекта и объекта познания. А.Г. Асмолов пишет по этому поводу: *«Наблюдаемое и наблюдатель — две вещи неразрывные, неклассическая пси-*

хология осознанное вмешательство в жизнь делает своим принципом. Для неклассической психологии мало заявить принцип неразрывности субъекта и объекта. Она превращает принцип конструирования жизни в исходный пункт своего исследования, а само исследование неизбежно рассматривает как проектирование феноменов» [16. С. 238].

Если принцип неразрывности субъекта и объекта познания внести в психолингвистическую теорию МКО, то она обернется утверждением о неидентичности образов одного и того же носителя конкретной этнической культуры в сознании носителей других этнических культур. Очевидно, что, если учитывать исторические связи, например, немцев и сербов (болгар) с Россией за последние 150 лет, то немецкий образ русского, с одной стороны, и тот же образ русского в сознании сербов и болгар, с другой стороны, будет неидентичным.

Нужно признать, что этот феномен давно привлекает внимание исследователей и уже закреплен в терминах «этнические авто- и гетеростереотипы».

Неидентичность этнического гетеростереотипа в сознании носителей разных этнических культур освоена и исследована в художественном дискурсе. В европейском культурном регионе в XX столетии наибольшую известность приобрели работы П. Даниноса «Записки майора Томпсона» и «Лексикон прописных истин» Г. Флобера, хотя эту традицию описания чужих культур, вероятно, нужно возводить к Марко Поло и Геродоту.

В современной лингвистике этнические стереотипы изучаются в рамках лингвистической имагологии, представителем которой является Е. Бартминьский [17].

Достаточно длительную традицию исследования проблем культурного опосредования психики человека имеет культурно-историческая психология и социальная психология, достаточно назвать работы Л.С. Выготского [18], И.С. Кона [19], М. Коула [20], А.Н. Леонтьева [21].

Таким образом, введение человека в объектную область психолингвистической теории МКО вынуждает исследователя рефлексировать проблему неидентичности знаний коммуникантов в акте МКО, используемых для конструирования образа партнера по общению и образа его РО и деятельности.

Что необходимо знать коммуникантам о своем партнере? Важнейшими характеристиками партнеров по общению можно считать *познавательные возможности* партнера, его *потребностно-мотивационную* сферу (потребности и предметы, их удовлетворяющие) и соотношение социальных статусов партнеров в той социальной системе, в которой они планируют свое взаимодействие, обслуживаемое МКО: конкретный акт МКО может осуществляться по правилам этнической культуры одного из участников МКО (торговая сделка на территории конкретной этнической культуры и т.п.) или по некоторым международным правилам (на международной торговой выставке или в ООН).

Познавательные возможности собеседника в его этнической культуре определяются путем проецирования на него своих собственных знаний о себе как члене этноса с естественным учетом поправок на пол, возраст, профессию собеседника и прочие качества, прогнозируемые с опорой на знаки, расположенные на теле собеседника: так называемая «социальная кожа» (одежда, качество и цвет ткани, покрой, прическа, цвет кожи, украшения, знаки отличия на униформе и т.п.) или расположенные в интерьере, где проходит общение.

Все эти знаки относятся к так называемым языкам культуры, которые изучаются культурной семантикой, например, в работах Р. Барта [22] и Ж. Делёза [23].

Таким образом, специфику психолингвистического подхода можно усмотреть в попытках ввести в объектную область теории МКО *внутренние звенья построения речевого высказывания*, из которых самыми важными звеньями являются два звена: во-первых, это звено формирования содержания будущего высказывания при помощи образов индивидуального сознания, которое, как уже упоминалось, состоит из образов, сформированных действительно в индивидуальных актах восприятия говорящего, а также из образов, значения которых сформированы, по словам А.Н. Леонтьева [21. С. 106] «совокупной общественной практикой» и ассоциированы с телами знаков этнического языка; во-вторых, это перевод содержания высказывания из образов индивидуального сознания в образы общественного сознания, существующие в форме значений слов внешней речи, предназначенной для смыслового восприятия другими людьми, носителями идентичной этнической культуры и языка, которые для понимания речевых высказываний переводят, в конечном итоге, их содержание в образы своего индивидуального сознания.

Можно полагать, что именно в образах индивидуального сознания участников МКО и в их вербальных моделях содержатся причины непонимания ими друг друга.

Специфика образов сознания носителей конкретной этнической культуры обусловлена уникальностью культурных предметов, изготавливаемых из наличных природных материалов и с помощью технологий, имеющих в распоряжении членов этноса.

После того, как мы эскизно показали деятельностьную онтологию процесса РО в поле одной этнической культуры, мы попытаемся показать, чем отличается сознание носителей одной этнической культуры от сознания носителей иной этнической культуры, полагая, что именно это отличие является причиной непонимания в МКО и, следовательно, является основанием перманентного когнитивного конфликта, в котором находятся носители разных этнических культур.

Для объяснения воспользуемся уровневой моделью сознания А.Н. Леонтьева — В.П. Зинченко, которая, по нашему мнению, является

наиболее адекватной в наше время. В.П. Зинченко квалифицирует эту модель как уровневую, состоящую из слоев и частей этих слоев, называемых образующими [24. С. 249–279]. Первый, низший слой сознания — это бытийный уровень сознания с двумя образующими — биодинамической тканью живого движения и действия и чувственной тканью образа сознания. Рефлексивный слой сознания образуют значение и смысл познаваемого объекта реальной действительности. образующие бытийного уровня — чувственная ткань и рефлексивного уровня — значение и смысл были предложены А.Н. Леонтьевым [21. С. 93–118], а образующие бытийного уровня — биодинамическая ткань живого движения и действия были предложены В.П. Зинченко [24. С. 257]. Кроме того, он, полагая, что двуслойная структура сознания не является адекватной моделью, добавляет третий слой сознания, назвав его духовным [24. С. 265].

Биодинамическая ткань, по В.П. Зинченко, «это обобщенное наименование для различных внешних характеристик живого движения и предметного действия: траектории, амплитуды, скорости, ускорения и т.п.» [24. С. 257]. В широком смысле биодинамическая ткань — это познавательные действия человека, направленные на обследуемый объект реальной действительности, от динамических характеристик которых зависит результат познания, чувственная ткань образа.

Процесс восприятия конкретного объекта ведет к формированию сенсорного (чувственного) образа определенной психической модальности (зрительной, слуховой и т.п.), который находится постоянно в процессе становления, хотя и выполняет функцию узнавания опознаваемого явления: «живое движение участвует в порождении образа, живой образ, в свою очередь, может быть вибрирующим, напряженным, мучительным и зыбким, т.е. таким же подвижным, как смысл и движение. Он подвержен оперированию, манипуляциям и трансформациям» [24. С. 238].

Процессуальная форма сознания, незавершенность его в каждый конкретный момент не мешает ему быть эффективным средством ориентировки в текущей деятельности индивида. Эта постоянная готовность нашего сознания быть средством ориентировки в реальной жизни обозначается В.П. Зинченко как чудо перехода от сукцессивности к симультанности восприятия мира. «Таким же чудом является поразительная готовность нашей памяти, практически мгновенно выбирающей из ее не имеющего отчетливых границ объема то, что нужно в данный момент» [24. С. 239].

Если тезис о возможности перехода сознания, памяти, мышления человека от сукцессивности к симультанности восприятия мира соотносится с проблемой этнокультурной специфики любого человеческого сознания, то мы можем сделать вывод о том, формируется ли сознание носителей конкретной этнической культуры в процессе их обитания в определенном природном ландшафте, лимитирующим естественным образом

способы сознания культурных предметов, потребляя которые, этнос обеспечивает свое существование. Имея дело с определенными элементами природного ландшафта этнос создает предпосылки для его симультанного восприятия, что приводит к созданию образа родного ландшафта, к созданию устойчивого образа родной страны, который транслируется из поколения в поколение.

Почти каждый современный этнос имеет устойчивый образ родного ландшафта, жилищ, сельских и городских поселений, людей своего этноса, культурных предметов, эти образы служат средством ориентировки в родной культуре. Как это ни звучит парадоксально, но эти же средства позволяют ориентироваться в чужой культуре, так как у любого человека, познающего чужую культуру, нет других средств. Из этой мысли можно сделать вполне нетривиальный, хотя и очевидный вывод о том, что чужую культуру обычный человек может познать только при помощи знаний своей культуры и, следовательно, чужая культура для познающего будет существовать только «в редакции» культуры последнего.

В функционировании неязыкового сознания решающую роль играют перцептивные образы в форме образов воспоминания, служащих перцептивными эталонами в познавательных процессах.

Второй уровень сознания в модели А.Н. Леонтьева — В.П. Зинченко — это рефлексивный уровень, содержащий две составляющие: значение и смысл. По А.Н. Леонтьеву, значение — это «общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность, ... идеальная форма предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [21. С. 105–106]. В онтогенезе значение есть «результат процесса присвоения “готовых” исторически выработанных значений ... , и этот процесс проходит в деятельности ребенка, в условиях общения с окружающими людьми. Обучаясь выполнению тех или иных действий, он овладевает соответствующими операциями, которые в их сжатой, идеализированной форме представлены в значении» [21. С. 107]. Но значение имеет две формы существования: объективное значение для общества и значение для субъекта. Для последней формы значения А.Н. Леонтьев предложил обозначение «личностный смысл», который существует в форме значения, актуального в какой-либо конкретной деятельности (здесь и сейчас) или имеет форму длительного существования в жизни конкретного человека.

В связи со значением целесообразно упомянуть предложенное А.Н. Леонтьевым понятие образа мира как совокупности знаний, выработанных конкретным этносом и данных каждому члену общества в качестве знания о мире, которое есть средство его постижения, т.е. образ мира — это достояние конкретного этноса, то, что отличает его от других этносов [25. С. 251–261].

Третий слой сознания, духовный слой, предложен В.П. Зинченко в качестве ведущего. В своих попытках построить представление о духовном слое сознания он опирается на Г. Гегеля, М. Бубера и М.М. Бахтина, различая в качестве образующих субъективное *Я* и объективного *Другого (Ты)*. Характеристики духовного слоя в качестве ведущего, по В.П. Зинченко, основываются на том, «что формированию человеческих отношений к миру, в соответствии с их взглядами, предшествует вращивание человеческого отношения к человеку, в чем, видимо, и заключается подлинная духовность, подлинная со-бытийность жизни и истоки сознания» [24. С. 268].

Речь неразрывно связана с сознанием, выступая в двух функциях: с одной стороны, она является вербальной моделью неязыкового сознания, отображая сознание конкретного субъекта во внешней форме для иных наблюдателей, а, с другой стороны, она играет роль перцептивного эталона во внутренней речи субъекта сознания, категоризируя образ познаваемого объекта и относя его к уже известным классам предметов.

Неязыковое сознание конкретного этноса, отображающее в первую очередь ландшафт среды обитания, ставит определенные ограничения для познания неязыкового сознания этноса, проживающего в другом природном ландшафте. А.И. Бочкарев, разделяющий взгляды Л.Н. Гумилева на теорию этногенеза, цитирует его: «Этнос не социальное, небιологическое явление, по мнению Л.Н. Гумилева, скорее, его следует “...считать явлением географическим, всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы”» [26. С. 27].

Возможности естественных языков отображать содержание неязыкового сознания носителей любой этнической культуры практически безграничны. В процессе общения коммуниканты в МКО, так и во внутрикультурном общении, опираясь на имеющиеся знания, могут сформировать речевое сообщение, содержание которого отображает любой фрагмент реальной действительности. Для этого носители языка используют в речевых сообщениях языковые единицы с прямыми, переносными значениями или со значениями, формируемыми *ad hoc*, как это делается при создании терминов.

При помощи вербального моделирования образов неязыкового сознания участники МКО, используя различные технологии, могут составлять, например, международные договоры, в которых каждый участник этих соглашений пытается соблюсти собственные интересы в условиях постоянного противодействия. В качестве примера таких вербальных технологий приведем «Венскую конвенцию о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 г.» Статья 2 называется «Употребление терминов» и содержит пункт 1 «Для целей настоящей Конвенции: а) „Договор“ означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, ...; б) „Ратификация“, „принятие“, „утверждение“ и „при-

соединение“ означают, ...; с) „Полномочия“ означают ...; d) „Оговорка“ означает ...» [27]. Следующие статьи Венской конвенции регулируют манипуляции с текстом любого договора, дающие возможность добиться однозначного понимания текста договора, составленного, по крайней мере на двух разных государственных языках: «Статья 9. Принятие текста»; «Статья 10. Установление аутентичности текста»; «Статья 19. Формулирование оговорок»; «Статья 20. Принятие оговорок и возражения против них»; «Статья 31. Общее правило толкования»; «Статья 33. Толкование договоров, аутентичность текста которых была установлена на двух или нескольких языках» [27]. Таким образом, в МКО взаимопонимание коммуникантов может быть осуществлено при помощи переводчика на национальном языке каждого из коммуникантов; в случае международных договоров — посредством аутентичных текстов на разных национальных языках, в которых ключевые слова имеют заранее согласованное значение, а кроме того, каждый коммуникант, ориентируясь на цели своей деятельности придает им свой *смысл*.

Вероятно, не будет неожиданным вывод, что различие в образах сознания участников МКО следует искать в различиях культурных предметов и технологий их изготовления и потребления. Эти различия становятся достоянием сознания в ходе интериоризации, осуществляющейся в СД взрослого и ребенка, по А.Н. Леонтьеву, погруженной в речь [28].

Это значит, что любой культурный предмет, воспринимаемый человеком, существует не только объективно в своих связях с другими предметами, но и субъективно как предмет, обладающий значением, сформированным в конкретной этнической культуре. А.Н. Леонтьев пишет, что «...всякая вещь первично положена объективно — в объективных связях предметного мира, что она — вторично — полагает себя также и в субъективности, чувственности человека, и в человеческом сознании (в своих идеальных формах)» [25. С. 251].

Если единицами первого звена в модели производства речи являются образы сознания, то единицами последнего звена являются тела языковых знаков, продуцированные во внешней форме в виде звуков или графем, вместе с ассоциированными с этими телами знаков языковыми значениями. Из концепции образа мира А.Н. Леонтьева для психолингвистической теории МКО следует, что каждый носитель конкретной этнической культуры может познавать свой и чужой мир только при помощи *своего образа мира* и не может увидеть мир глазами носителя чужой культуры.

Заключение

Психолингвистическая теория МКО для создания теоретических предпосылок решения проблемы понимания в процессе МКО должна ввести в свой понятийный аппарат представления о внутренних звеньях речевых сообщений.

Содержание речевых сообщений формируется при помощи образов индивидуального сознания говорящего и через этап внутренней речи переводится в образы общественного сознания с опорой на средства вербального моделирования одной из разновидностей общенационального языка.

Предметная и деятельностная форма конкретной этнической культуры индуцируют возникновение этнокультурной специфики индивидуального и общественного сознания, что является первичной причиной непонимания (когнитивного конфликта) в МКО.

Библиографический список

1. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen, P.R.* Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
2. *Мацумото Д.* Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2008.
3. *Флиер А.Я.* Современная культурология: Объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 124–145.
4. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. М.: Прогресс, Универс, 1993.
5. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960. С. 135–168.
6. *Прохоров А.О.* Ментальные репрезентации психических состояний. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2021.
7. *Чертов Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о языковом способе информационной связи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993.
8. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон +, 2002.
9. *Дубровский Д.И.* Гносеология субъективной реальности. К постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 35–55.
10. *Дубровский Д.И.* Проблема «другого сознания» // Проблема сознания в философии и науке / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: Канон + РООИ „Реабилитация“, 2009.
11. *Смирнова Н.М.* Трансцендентальная интересубактивность, проблема «чужих сознаний» и искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М.: Интелл, 2006.
12. *Филатов В.П.* Методология социально-гуманитарных наук и проблема «другого сознания» // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. V. № 3. С. 72–82.
13. *Wisdom J.* Other Minds. Oxford: Blackwell, 1968.
14. *Hyslop A.* Other Minds. Dordrecht: Kluwer, 1995.
15. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
16. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: НПФ «Смысл», 2007.
17. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / сост. и отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005.
18. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.
19. *Кон И.С.* Социологическая психология: Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во РПО «Модек», 1999.
20. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр, Институт психологии РАН, 1997.
21. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012.
22. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994.
23. *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Издательский центр «Академия», 1995.
24. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.

25. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
26. Бочкарев А.И. Фундаментальные основы этногенеза. М.: Флинта: МПСИ, 2008.
27. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 22.07.2022).
28. Леонтьев А.Н. Материалы о сознании // Вестник МГУ. Серия: Психология. 1988. № 3. С. 6–25.

References

1. Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H. & Dasen, P.R. (2002). *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Matsumoto, D. (2008). *Man, culture, psychology. Amazing mysteries, research and discoveries*. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK publ. (In Russ.).
3. Flier, A.Ya. (1997). Modern culturology: object, subject, structure. *Social sciences and contemporary world*, 2, 124–145. (In Russ.).
4. Sapir, E. (1993). *Selected works in linguistics and culturology*. Moscow: Progress, Univers. publ. (In Russ.).
5. Whorf, B.L. (1960). The relations between behavioral norms and the language. In: *New in Linguistics*. Vol. I. Moscow: Inostrannaya Literatura publ. pp. 135–168. (In Russ.).
6. Prokhorov, A.O. (2021). *Mental representations of mental states*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
7. Chertov, L.F. (1993). *Significance: the experience of theoretical synthesis of ideas about the language method of information communication*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russ.).
8. Dubrovsky, D.I. (2002). *The problem of the ideal; subjective reality*. Moscow: Kanon + publ. (In Russ.).
9. Dubrovsky, D.I. (2004). Gnoseology of subjective reality. To the formulation of the problem. *Epistemology and Philosophy of Science*, II (2), 35–55. (In Russ.).
10. Dubrovsky, D.I. (2009). The problem of “another consciousness”. In: *The problem of consciousness in philosophy and science*, D.I. Dubrovsky (Ed.). Moscow: Kanon + ROOI Rehabilitation publ. (In Russ.).
11. Smirnova, N.M. (2006). *Transcendental intersubjectivity, the problem of “the other minds” and artificial intelligence: an interdisciplinary approach*. Moscow: Intell publ. (In Russ.).
12. Filatov, V.P. (2005). Methodology of social sciences and the humanities and the problem of “other consciousness”. *Epistemology and Philosophy of Science*, V (3), 72–82. (In Russ.).
13. Wisdom, J. (1968). *Other Minds*. Oxford: Blackwell.
14. Hyslop, A. (1995). *Other Minds*. Dordrecht: Kluwer.
15. Stepin, V.S. (2000). *Theoretical knowledge*. Moscow: Progress-Tradition publ. (In Russ.).
16. Asmolov, A.G. (2007). *Psychology of Personality. Cultural-historical understanding of human development*. Moscow: Smysl publ. (In Russ.).
17. Bartminski, Je. (2005). *Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
18. Vygotsky, L.S. (1982–1984). *Collected works*: In 6 vols. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.).
19. Kon, I.S. (1999). *Sociological psychology: Selected psychological works*. Moscow: MPSI; Voronezh: Modek publ. (In Russ.).
20. Cole, M. (1997). *Cultural-historical psychology: the science of the future*. Moscow: Cogito-Center publ., Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
21. Leontiev, A.N. (2012). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Kniga publ. (In Russ.).
22. Bart, R. (1994). *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress Publishing Group, Univers. (In Russ.).

23. Deleuze, G. (1995). *Logique de sens [Logic of Meaning]*. Moscow: Academia publ. (In Russ.).
24. Zinchenko, V.P. (2010). *Consciousness and creative act*. Moscow: Languages of Slavic cultures publ. (In Russ.).
25. Leontiev, A.N. (1983). World image. In: *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika publ. (In Russ.).
26. Bochkarev, A.I. (2008). *Fundamentals of ethnogenesis: Textbook*. Moscow: Flinta — MPSI publ. (In Russ.).
27. Vienna Convention on the Law of the Treaties. Done at Vienna on 23 May 1969. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 22.07.2022).
28. Leontiev, A.N. (1988). Material on Consciousness. *MSU Vestnik, Series Psychology*, 3, 6–25. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Тарасов Евгений Федорович, доктор филол. наук, профессор, профессор Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета, *сфера научных интересов*: психолингвистика, теория речевого общения, теория языкового сознания, речевое воздействие; *e-mail*: eft35@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2062-0824; eLibrary SPIN-код: 3606-3220.

Information about the author:

Evgeny F. Tarasov, Doctor in Philology, Professor, Professor of Directorate of Educational Programs, Moscow City University (MGPU). Research interests: psycholinguistics, theory of communication, theory of verbal consciousness, speech impact; *e-mail*: eft35@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2062-0824; eLibrary SPIN-code: 3606-3220.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897

UDC 811.112.2'23:316.28

Research article / Научная статья

Collective Memory as a Social Construct in German Discourse

Larisa N. Rebrina¹ , Marina I. Solnyshkina² ,
Tatyana A. Soldatkina^{2,3}

¹Volgograd State University,
100, Prospect Universitetskij, 100, Volgograd, Russian Federation, 400062

²Kazan Federal University,
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Russian Federation, 420021

³Mari State University,
1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, Russian Federation, 424000

 fia.vr.solta@gmail.com

Abstract. The authors address the needs of academicians in different fields of knowledge investigating collective memory and its discursive practices, its various manifestations in language subsystems, and the principles and mechanisms of social communication. Based on the significant potential of cognitive linguistics in this area due to the links between memory and language, the authors present this study as to how social and cultural institutions regulate collective memory and apply different strategies, tactics, and linguistic means to create positive, negative, and neutralized images of the past in German mass media discourse. This study reveals the most relevant text-producer policies used to manipulate text-recipients and focuses on the most relevant argumentative and compositional tactics used in German mass media to re-actualize and form images of the collective past. The authors view re-actualization of collective memory in mass media in terms of social communication and media priming theories wherein collective memory is a phenomenon socially constructed in discursive practices, which perform selective, interpretive, and reversible functions. Managing the delivery of transformed images of the past to the addressee is aimed at cognitive and axiological changes in the communicative space of the addressee and forming the value judgment of the past. It is considered be possible due to the agent-object relationship of the addresser and addressee. The tactics applied by the addresser contribute not only to distributing and emphasizing some pieces of information but reducing criticism of the mass recipient perception.

Keywords: mass media, manipulative influence, collective memory, strategies, argumentative tactics, compositional tactics

Financing. Acknowledgement:

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (“PRIORITY-2030”), Strategic Project № 4.

© Rebrina L.N., Solnyshkina M.I., Soldatkina T.A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.08.2022

For citation:

Rebrina, L.N., Solhyshkina, M.I. & Soldatkina, T.A. (2022). Collective Memory as a Social Construct in German Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 876–897. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897>

Коллективная память как социальный конструкт в немецком дискурсе

Л.Н. Ребрина¹ , М.И. Солнышкина² , Т.А. Солдаткина^{2,3}

¹Волгоградский государственный университет,
400062, Россия, Волгоград, пр-т Университетский, д. 100

²Казанский федеральный университет,
420021, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

³Марийский государственный университет,
424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1

 fia.vr.solta@gmail.com

Аннотация. Результаты исследования адресованы лингвистам, занимающимся проблемами коллективной памяти и ее дискурсивных практик, особое внимание уделено специфике принципов и механизмов социальной коммуникации в различных языковых подсистемах. Основываясь на значительном потенциале когнитивной лингвистики в этой области, авторы описывают, как социальные и культурные институты регулируют коллективную память и применяют различные стратегии, тактики и языковые средства для создания положительных, отрицательных и нейтрализованных образов прошлого в дискурсе немецких СМИ. Исследование нацелено на выявление наиболее релевантных стратегий текстопроизводителей, используемых для манипулирования реципиентом, а его фокус сосредоточен на наиболее релевантных аргументативных и композиционных тактиках, используемых в немецких СМИ для повторной актуализации и формирования образов коллективного прошлого. Также предложен авторский взгляд на реактуализацию коллективной памяти в СМИ с точки зрения теорий социальной коммуникации и медиапрайминга, согласно которым коллективная память представляет собой явление, социально конструируемое в дискурсивных практиках, выполняющих селективную, интерпретативную и реверсивную функции. Управление системой доставки до адресата трансформированных образов прошлого направлено на когнитивно-ценностные изменения в коммуникативном пространстве адресата и формирование ценностных суждений о прошлом. Их реализация осуществляется благодаря агентно-объектным отношениям адресанта и адресата. Тактика, применяемая адресантом, способствует не только распространению и акцентированию отдельных сведений, но и снижению критики массового восприятия адресата.

Ключевые слова: СМИ, манипулятивное воздействие, коллективная память, стратегии, аргументативные тактики, композиционные тактики

Финансирование. Благодарности:

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета («ПРИОРИТЕТ-2030»), Стратегический проект № 4.

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема в печать: 15.08.2022

Для цитирования:

Rebrina L.N., Solnyshkina M.I., Soldatkina T.A. Collective Memory as a Social Construct in German Discourse//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 876–897. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897>

Introduction

Memory as a separate social phenomenon mediated by language [1] has been studied in the fields of semantics, morphology and the theory of nomination. As memory is described as a fragment of a language picture of the world, researchers addressed implementations of the concept “memory”, semiotic foundations and communicative nature of memory; genre analysis of discursive practices (Yu.D. Apresyan, L.G. Babenko, N.G. Bragina, T.V. Bulygina, L.M. Vasilyev, A. Vezbitska, M.A. Dmitrovskaya, A.A. Zaliznyak, B.L. Iomdin, E.S. Kubryakova, M.V. Milovanova, A.S. Molchanova, L.N. Rebrina, O.G. Revzina, M.G. Sabadashova, T.I. Skorobogatova, N.V. Skoromyslova, V.V. Turovsky, E.V. Uryson, E.G. Homyakova, O.V. Shatalova, A.D. Cherenkova, O.V. Schilenko, U. Figge, A. Keppler, A. Linke, G. Velzer). Studies of the linguistic manifestation of memory functioning present descriptions of discursive practices aimed at understanding the nature of memory, its content, mechanisms of social reconstruction of the past as well as space and time translation of its reinterpretation [2–5].

Modern culture is marked by an explosive growth of documented memory which in the context of rapid development of information and communication technologies exists as a conflicting variety of competing and cooperating, often fragmentary, senses manifested in the interaction mediated by public communicative systems. This study focuses on one memory subsystem, i.e. collective memory (CM) as implemented in discourse. The main function of CM is moral reflection on the collective past, shaping an image of the past and its value judgments, supporting group and national identities as well as legitimization of power in the modern state. All those imply using mass channels of public communication systems. For Germany, the phenomenon of CM and national identity are especially significant. The existing studies of the CM phenomenon conducted by historians, cultural experts, sociologists and psychologists testify to its significance, complexity, and multidimensionality.

The current growth of CM publicity reflected in the increasing number of “places of memory” and mass media growing attention to the ancient and recent past is politically oriented and has negative implications for history including the following: the trivialization of important historic events, the “inflation” of perpetuation, the

fetishization, politicization and commercialization of memory [6]. The processes named above are caused by fragmentation, high dynamics and variability of modern society resulting in a permanent search and reconstruction of identities. Modern social and cultural institutions are involved in a “new mythogenesis” creating an image of the past in its discursive practices. Meeting present-day requirements the phenomenon is a result of transformation, development, argumentation, completion, presentation and reproduction of new senses.

Mass media has a high manipulative potential as it is in mass media discourse and social reality and social chronotope (social space and time of a community) are constructed, where variable representations of media events are subjected to space and time translation. Mass media’s influence is dynamic, broad and standard-setting. Thus, media manipulative strategies result in multivariability of media reality [7].

The image of the past reconstructed and transmitted in mass media could have a different semantic potential, which does not necessarily conform to reality, it contains a subjective component, it is refracted through numerous prisms (modern political and social situation, social needs; the leading social group policies and editorial board policies; specific features of communication channels; social values and current social concepts; personal qualities, set of values, ideology and creativity of the message producer). As a sign, the image of the past is interpreted by both the addresser and addressee [7–10].

A variable retrospective presentation of an event in mass media may have various purposes. For example, confirmation and support of national or group identity may be achieved by recreating a positive picture of a common uniting past; the existing social order may be supported by creating a negative image of the past and contrasting the positive image of the present with many “changes for the best”; the negatively evaluated present may be presented in a contrastive way as an argument for confronting authorities; reconciliation of the opposing parties, reduction of tension of the conflict situation, managing the contradictory variety of the reality simulated by mass media with the help of desensitization of the mass addressee and neutral non-discussed presentation of events [6; 11].

This study addresses the needs and interests of academicians concerned with the problem of memory, memory discursive practices, language manifestation of individual memory subsystems, the principles and mechanisms of social communication as well as the significant cognitive potential of linguistics.

Methodology of Study

We proceed from an interpretation of collective memory as a manifestation in the social construct of language, shared by a collective subject; communicative and intentional by nature. The authors view language as an important systemic factor of CM functioning. All of these predetermine the significant cognitive potential

of linguistic studies in this field, as well as applications of social communication theory in studies of CM manifestation [9; 12–14]. Constructed around the state and nation, collective memory performs selective, interpretive, reversible, identifying and other functions [15–20]. We view the presentation of the past in media texts as a movement of social meaning in social time realized in the form of communicative action “management” based on the subject-object relationships of communicants. A text-producer intervenes in the communicative space of the addressee to change cognitive and axiological components of this space. This includes manipulative influence within midi- or macro-communication in which sense is put in the content sent to the text-recipient and perceived by the latter unconsciously, assigned together with the content as one’s own knowledge.

Based on the theory of media priming we proceed from the fact that while re-actualizing collective memory content, a message-producer manipulates public opinion to form and reevaluate a new image of the past. Activated images, stereotypes, applied and absorbed by the addressee meanings which are associated with other mental objects stored in his memory, are the basis for further inferred knowledge, they contribute to further conclusions and judgments. Viewed from the cognitive psychology perspective these processes are artificial stimulations of certain reactions of the recipient to the message when mass media selectively act is not only to control some topical issues and mark the content to be acquired but set criteria as well as spectrum of evaluation, and define the perception itself [21–25]. The sociological concept of media priming enables them to reveal mechanisms of hidden, unconscious influence on the addressee’s psychic structures and to understand how the presentation of certain content leads to the formation and “assignment” of inferred meanings associated with the initial content.

Influence, implemented as suggestion or persuasion, appeals to the subconsciousness or consciousness of an individual or a group, i.e., to their psychological or logical spheres [9; 26]. An individual addressee becomes an accessible subject of hidden influence, which primarily aims to decrease awareness and criticism, weakening the logical analysis of the relationship of the content with the addressee’s past and present [27]. This influence is based on the pragmatic function of the linguistic means, their emotive potential, relevant strategies of the presentation and translation of the image of the past and correlated tactics used by a text-producer. The strategies and tactics used by the addresser provide an emotional involvement of the mass addressee in the collective past or, on the contrary, could be aimed at desensitization of the message-recipient towards the re-actualized fragments of the past. The communicative action is interpreted as a completed operation of semantic interaction by one of the participants of communication. We consider manipulation as an active but not interactive type of communication (i.e. abstracting from any reverse reaction) assuming the certain type of speech behavior of the addresser (communicative

aggression), and also the addressee's own concept and corresponding communicative tactics and linguistic means [26; 28].

Present study data consist of DWDS texts, i.e., mass media publications from 1906 to the present (DWDS), wherein different strategic and tactical message organization types transform images of the past to the mass addressee. The description of strategies and tactics used in mass media illustrates the mechanism of public opinion manipulation and the priming-effect in social communication.

The preliminary analysis shows that the strategies used in presenting the image of the past are the strategies of positive, negative and re-actualized presentation of images of the past. The communicative tactics implementing the strategies chosen by the addresser differ in argumentation bases engaged for persuasion or suggestion, which can be based on actual data, logical conclusions or psychological aspects (emotional and ethical arguments). Thus, the selected by the authors argumentative tactics of the presentation strategies could be divided into the following groups: 1) tactics of formal and logical argumentation; 2) tactics of psychological argumentation. We also proceed from the view that a person's attention as a mechanism participating in perceiving information cannot remain unchanged for a long time. From this perspective and based on the theory of nomination taking into account the neuro-linguistic and theoretical and informational aspects, the information structure of any message is a certain hierarchy of pieces of information in which the main points in the content are separated from the secondary. Certain compositional and elocutionary means of a produced message organize the structure of the nomination a number of compositional tactics of mass media are also significant in presenting images of the past [29; 30]. The subject of the study presented is a strategic and tactical organization of CM content re-actualization aimed at formation of a desired image of the over-individual past. Table 1 "Strategic and Tactical Organization of Presenting the Past in German mass media" (in Appendix) shows the range of argumentative and compositional tactics implementing three basic strategies of presenting the past in German mass media (1) negative; 2) positive; 3) alienating, desensitizing) and their relevance.

Analysis of the Study Results

The strategies of positive and negative presentation of the past are based on common mental mechanisms and characterized by similar sets of divergent tactics. The most productive strategy is the strategy of negative presentation of the past applied to a positive picture of the present, legitimation of power or supporting innovations. Under the circumstances, psychological argumentation rather than formal and logical argumentation is more relevant as it corresponds to the nature of manipulative influence and decreases criticism of perception.

Below we exemplify the most (A) and least (B) relevant tactics within the aforementioned communicative strategies.

A. 1.1. Argumentative tactics of negative qualification of the past is implemented by appeal to authority within the strategy of negative presentation of the past. The purpose of the tactic is to increase validity and effectiveness of influence, confirm arguments and initiate separation of the negative axiological attitude to the past by appeal to authority, i.e., experts, eyewitnesses or participants. Appeal to authority is used as a proof and a productive method of psychological influence implying some kind of voluntary subordination of the individual. This combination of intellectual and psychological influence contributes to the effectiveness and frequency of this tactic. Authority acts as an ally of the addresser (a third party), he (she, they) can be specified (e.g., a well-known person's opinion) or not (anyone/many/everyone meeting the criteria). Formal argumentation implies involvement of an expert as the authority, while psychological argumentation (appeal to emotional memory) presupposes attracting a person with similar experiences. Thus, the most relevant linguistic means used for these purposes are anthroponyms, nouns denoting professions, occupations, or nationalities, or lexical units (LU) with negatively indicative semantics, verbs denoting speech activity. The example below contains appeal to a specified authority (*SPD-Vize Wolfgang Thlertse, der ostdeutsche SPD-Politiker*), who expresses negative assessment of E. Honecker's activities thus initiating the applied position. The relevant means of elocution used by the message-producer are LU with negative semantics (*blutrünstig, kleinbürgerlich, blind, Diktator*):

1. *SPD-Vize Wolfgang Thlertse erklärte, wirkliche Trauer um Honecker stelle sich nicht ein, statt dessen erinnere er sich deutlich an dessen Ausspruch an die Zehntausende, die 1989 die DDR verließen: «Wir weinen ihnen keine Träne nach». Nach Auffassung des ostdeutschen SPD-Politikers werde Honecker nicht als blutrünstiger sondern als kleinbürgerlicher, fast blinder Diktator in die Geschichte eingehen [31].*

'Vice Chairman of the SPD, Wolfgang Thlertse, stated that instead of mourning for Mr. Honecker, he remembered Honecker's statement about thousands of people who left East Germany in 1989: "We're not weeping for them." According to the East German politician, Mr. Honecker will go down in history not as a bloodthirsty but petty bourgeoisie, but as an almost insensate dictator'.

The tactics of "appeal to negative images and stereotypes" and "appeal to ethnic ethical arguments" are less frequently used. The argumentative tactics of negative qualification of the past implies appeal to negative images and stereotypes, i.e., the text-producer addresses some values of an individual or group and demonstrates recognizable and meaningful images to the addressee. In this case, the most relevant linguistic means are lexical units with negative semantics, figurative linguistic means, vocabulary explicating emotions of the addresser and launching mechanisms of "emotional infection". In some cases, the addresser resorts to axiological chrononyms. In the example below, the author of the text, while constructing a negative image of the past, appeals to "Mietskaserne" (barracks), which when used

as a frame are filled by the addressee with psychologically meaningful elements. Built during industrialization, the barracks are today associated with hopelessness and widespread poverty:

2. *In unserem kollektiven Gedächtnis ist mit der Industrialisierung im 19. Jahrhundert das Bild der "Mietskaserne" aufs engste verbunden. Wir assoziieren damit eine hoffnungslose Überbelegung und das Massenelend des "Proletariats". Diesem Stereotyp entsprechend, wurde der großflächige Bau von Sozialwohnungen in den fünfziger und sechziger Jahren als sichtbare Lösung der "sozialen Frage" bewertet [31].*

‘In our collective memory the image of barracks housing is closely connected with the industrialization of the 19th. We associate this image with the desperate overcrowding and widespread poverty of the “proletariat.” According to this stereotype, the large-scale social housing construction of the fifties and sixties was viewed as an effective solution to the “social question”’.

Using the tactics of negative qualification of some fragment of the past by appealing to ethnic ethical arguments, a text-producer relies on the moral principles shared by all representatives of the ethnic group, thus taking a certain ethical position. Criticism and non-acceptance of the vices rejected by the community (in the example below — cruel treatment of the weak and defenseless, greed, ruthlessness) often become such ethical arguments. Direct accusation is perceived with suspicion and is not effective, so the above tactics are often accompanied by moralization. The relevant linguistic means are abstract nouns, which typically describe the psychic sphere of the phenomena as well as vocabulary with negative semantics:

3. *Die Produzenten — vornehmlich preußische Landjunker — halten das Erzeugnis künstlich knapp, um die Preise in die Höhe zu treiben. "Das Druckmittel ist der Hunger der Bevölkerung", erinnern sich emzett-Chronisten. Die Konkurrenz zu Lasten von Kindern und Alten läßt den Ruf nach einer Verstaatlichung der Milchwirtschaft laut werden [32].*

‘Manufacturers, especially Prussian farmers, held the products’ supply artificially low in order to inflate prices. Chroniclers remembered, “Starvation was used as a means of enforcement”. Such competition at the expense of children and elderly people helped to satisfy the claim to nationalize the dairy industry’.

A. 1.2. The compositional tactics of amplified argumentation implementing the strategy of negative presentation of the past is relied on to expand consistent argumentation that ensures introduction of new details complementing the content selected for presentation. This tactic is effective if the addresser is unknown and therefore does not have addresser’s credibility, but his position is close to the latter. It is implemented with the use of evaluative vocabulary, adjectivation (e.g. *gegen den demokratisch gewählten, von vielen ungunen Stichworten, die im Westen beinah vergessen sind*), LU with negative semantics (e.g. *Putsch, ungut, destabilisieren*),

verbal units denoting speech, intellectual, psychical activities (e.g. *vergessen, ins Spiel bringen*, etc.). The significance of compositional tactics is determined by the frequency of relevant communicative situations.

4. *Bis heute wirkt vor allem der Putsch nach, den die CIA 1953 gegen den demokratisch gewählten Ministerpräsidenten Irans, Mohammed Mossadegh, unternahm. Die Unterstützung des Schahs und die Billigung des Angriffskriegs, den Saddam Hussein gegen Iran führte, sind nur zwei von vielen ungunstigen Stichworten der amerikanischen Iranpolitik, die im Westen beinahe vergessen sind, in Teheran jedoch täglich ins Spiel gebracht werden. Zuletzt soll die Bush-Regierung 400 Millionen Dollar ausgegeben haben, um Iran zu destabilisieren [32].*

‘The consequences of the 1953 Iranian coup d’état organized by the CIA against the democratically elected prime minister of Iran, Mohammed Mossadegh, are still felt today. Advocating for the Shah and support of Saddam Hussein’s aggression against Iran are just two of the many key moments of obscure US policy towards Iran, which are almost forgotten in the West, but every day used in Teheran’s political games. Eventually the Bush administration, as they say, spent \$ 400 million to destabilize Iran’.

Also productive is the compositional tactic of negative qualification of the past violating readers’ expectations and thus contributing to the expressiveness of argumentation and manipulation of the addressee’s perception. The text-producer uses the effect of unexpectedness opposing perceptive inertia when one message is followed by another logically disconnected message. The impact of the tactic is based on the balance between meeting and violating addressees’ expectations, thus providing intensity and novelty to the generated text. The relevant linguistic means here are the verbs denoting speech, memory, intellectual activities, and lexical units with negative and positive semantics:

5. *Damit ist mitnichten gesagt, daß es auf den Kriegsschauplätzen der Welt keine Verbrechen gäbe, die sofortige Intervention auf den Plan rufen könnten. Die hierzulande neu gewonnene Erkenntnis über die mögliche moralische Dimension militärischen Handelns sollte indes nicht vergessen machen, daß die Lüge schon immer eine treue Begleiterin des Krieges war. Wenn jeder Krieg verbrecherisch ist, dann gibt es keine Kriegsverbrechen [31].*

‘This does not mean that crimes are not committed in combat operations worldwide, which require immediate actions. Our ingrained new understanding of possible moral dimensions of battlefield engagement should not prevent us from remembering that lies have always been a companion to war. And if every war is criminal, then there are no separate war crimes at all.’

A. 2.1. The argumentative tactic of positive qualifying of the past through approval of its values implements the strategy of positive presentation. The emphases used by the addresser (the importance of perpetuation, careful attitude toward the

past, the role of the past, experience in solving modern problems) appeal to the addressee's psychological mechanisms:

6. *Verankert ist, auch in meinem Kopf, eine Erfolgsgeschichte der Roten Armee. Ich will das Gute und das Schöne an meinem Russland natürlich nicht vergessen. Aber es müsste eine ehrlichere, zeitgemäße Auseinandersetzung mit der Vergangenheit geschehen* (Zeit 08.05.2009).

'The story of the Red Army's success has stuck in my head. Of course, I do not want to forget all the good and beautiful that was in my Russia. But honest and well-timed confrontation with the past is a must'.

The choice of linguistic means (LU with positive semantics (*Erfolgsgeschichte, das Gute, das Schöne*), the modal verb *wollen*, LU of the semantic field "memory" (*im Kopf verankert sein, vergessen, Auseinandersetzung mit der Vergangenheit*)), as well as the method of experience presentation (as deeply personal ones) are determined by the principles and attitudes of the message-producer. These principles and attitudes include initiation of sharing values of the past, building trusted relationships, and increasing the impact and reliability of presentation.

Also frequently used are the tactics of initiation of sharing positive identification. The text-producer presents his position to the reader as the one shared by representatives of this nation, i.e., he presents his subjective opinion as an objective one thus reducing the distance between communicants and inviting the text recipient as a witness. The identification can be directed to the mass addressee or a certain type of addressee specified by the text-producer. The relevant linguistic means include inclusive pronouns, indefinite and personal pronouns, negative and demonstrative pronouns, infinitive constructions, verbs denoting psychical activities and lexical units with positive semantics:

7. *Man erinnere sich nur an die Zeit vor dem Zweiten Weltkrieg, als wir hier die deutsche Kulturmetropole hatten. Da hat es in den Regionen doch auch ein reiches Kulturleben gegeben* [32].

'I remember only the time before World War II, when here was the capital of Germans' cultural life. The cultural life in the region was indeed very busy then'.

A. 2.2. The compositional tactic of negative contrast of contextual framing also implements the strategy of positive presentation. The addresser contrasts the negatively valued present or the earlier past in order to form a positive image and decrease the addressee's negative perception. Thus, the content "nowadays it is not as good as before" is packed with the idea that "it used to be good". The relevant linguistic means within this tactic are indicative LU with negative and positive semantics. In the example below the words of negative semantics qualify the present negatively (*daniederliegen, Fehler, verelendet*), thus implying the opposite evaluation of the contrasted past. The argumentation implemented is based on the logical rule, whereby a is "bad", b is the opposite of a, thus, b is "good":

8. *Bei der Rekonstruktion der südkoreanischen Wirtschaft sind einige Fehler gemacht worden; es wäre vor allem darauf angekommen, die Landwirtschaft so schnell wie möglich wieder aktionsfähig zu machen. Es hat in der Vergangenheit Jahre gegeben, in denen die Hälfte der koreanischen Reisernte nach Japan ausgeführt werden konnte, ohne daß in Korea jemand zu hungern brauchte (wenn er seinen Hunger vielleicht auch nicht gerade mit Reis stillen konnte). Heute liegt die südkoreanische Landwirtschaft so danieder, daß aus Amerika Brotgetreide eingeführt werden muß, da sich das verelendete Land nicht aus der eigenen Scholle zu ernähren vermag [31].*

‘There were some mistakes made during the process of economic recovery in South Korea; first of all it was necessary to revive the agricultural sector as soon as possible. In the past, there were years when half of the Korean rice harvest was exported to Japan, but nobody in Korea starved (those were the times when rice was far from being the only food). Today, when South Korea is experiencing agricultural distress, even food grain is imported from America, because the impoverished country isn’t able to feed itself’.

Another highly relevant tactic in positive presentation of the past is the tactic of consistently expanded argumentation. The text-producer uses a consistently amplified argumentation the proofs of which are equally distributed, thus deepening and supporting the main message. This tactic is effective if the addresser’s position is shared by the addressee and, as a rule, is combined with other tactics. The relevant linguistic means are evaluative vocabulary, adjectivation, dialogization, lexical units denoting speech, intellectual activities, emotional sphere of the person and lexemes with positive semantics:

9. *Der deutsche Aktienmarkt hat sich in der ersten Handelswoche des neuen Jahres in Top-Stimmung präsentiert. Der Deutsche Aktienindex Dax legte auch gestern ... noch einmal zu. Das wichtigste deutsche Börsenbarometer hatte in der Woche ... die Marke von 5 500 Zählern überschritten. Infineon-Aktien gewannen fast drei Prozent. Händler verwiesen auf positive Vorgaben der US-Halbleiterwerte. ... Die Anteilsscheine der Deutschen Post verteuerten sich um zweieinhalb Prozent. Die Post-Aktie ist ... der bevorzugte Wert der Branche. Nach Aussagen von Händlern hofft der Markt auf positive Äußerungen zur Umsatzentwicklung am Montag [38].*

‘The first trading week of the new year opened with surge of optimism in the German stock market. Yesterday, the German DAX stock market index rose again. This week, this important stock market index has risen to 5500. ‘Infineon’ shares climbed to almost 3 percent. Dealers all note a rise in US semiconductor shares. The shares of German Post rose 2.5 %. These shares ... are key industrial figures. Traders expect positive dynamics from the market turnover on Monday’.

А. 3. In order to make obsolete some fragments of the past, mass media as a “clichéd means of social control” [33] imposes some common opinion, value and normative cliché [34; 35], thus implementing the informative suppression of the recipient by the social institution. In this approach, a media event is viewed as a set of continually reinterpreted texts lacking connection with reality and integrity. Media events are reduced to the points of some classifications, categories, manifestations/illustrations of common laws, general historical processes, trends in the development of society, nature of man and society, source of experience, historic knowledge, traditions; they lose the status of a particular event and their own significance. Thus, they are subjected to trivialization and fetishization (corporeal mediation, reification, exchange/replacement by a thing in the addressee’s consciousness, which becomes an object of emotional experience/axiological attitude, or ritualization leading to depersonalization of perception. The tactics of ‘neutralization’ of some fragment of the past by transferring the accent from the event to its commemoration, realizes the strategy of desensitizing presentation. While mentioning a historic event, the message-producer avoids its categorization stating only the tradition connected with the event. In this case, the past is interpreted as a base to form commemorative practices of the corresponding events in the past. The sign replacing an event reproduces only the external form of the latter (fetishization not accompanied by interiorization of the content and personal experiences). It leads to the situation when memory stops functioning if not connected to the place and image. Commemoration is a contextual phenomenon, political instrument with a high manipulative potential strengthening stereotypes of collective consciousness and initiating the process of sharing the idea of national historical unity. It is used for selective “management” of the past when historical reality is substituted with artificial objects, when a historic event and access to it are mediated by the practiced tradition [36]. This tactic is realized with the help of chrononyms, LU of the semantic field “memory”, toponymic vocabulary, and LU denoting objects and phenomena of psychical sphere, space and time parameters of communicative practices:

10. *Allein in Brandenburg und Berlin kamen Tausende Menschen zu insgesamt zehn Ehrenfriedhöfen oder Gedenkstätten, um im Rahmen der «Tage des Gedenkens und des Sieges» mit Militärparaden und Festveranstaltungen an Deutschlands Kapitulation am 8. Mai 1945 zu erinnern* [32].

‘On the Victory Day in Brandenburg and Berlin a total of thousands of people came with military parades and festivities to 10 military cemeteries and memorials in order to call to memory the capitulation of Germany in May 8, 1945’.

Another tactic used to de-actualize some fragment of the past is the tactic of moralistic interpretation of the past. This tactic presupposes that the significance of a particular historical event is reduced to interpreting the

past as some lesson and warnings for future generations; the text-producer presents the main function of the past and historical knowledge as some historic experience only. Moralization implies appeal to socially shared ethical standards and moral principles; it is the main instrument of mass media. While presenting the past mass media as channels of a social communication system are supposed to provide comprehension and generalization of particular facts, present and support models, provide educational lessons, political instruction, and acquire social and political experience. “Moralistically” described, the past loses its brightness, acuteness, and its importance is reduced to its training function. The relevant linguistic means are chrononyms, lexical units denoting the objects and processes of memory, verbs of intellectual activity. In the text below, the past events (the fall of Weimar democracy, the period of Nazism in Germany) are represented to the addressee as some historical horizon, a source of experience and knowledge, as for the addresser he distances, abstracts himself from the events. A text-producer mentions that the German people derived the right lessons from the events mentioned, some of which remain in the memory as long as Babylonian captivity in the days of Nebuchadnezzar (as a common example of the persecutions against Jews). For implementing the tactics of moralistic interpretation of the past, the addresser uses chrononyms of the described events (*die Weimarer Demokratie*) and historical parallels (*die babylonische Gefangenschaft*), as well as the lexical units of the semantic field of memory (*im Gedächtnis absinken, eingebrannt sein, im Gedächtnis bleiben*), verbs and verbal phrases denoting intellectual processes (*das Notwendige lernen, aus der Geschichte lernen*), and proper nouns (*Nebukadnezar, Auschwitz*).

11. *Ich denke, aus der Geschichte des Fehlschlags der Weimarer Demokratie und aus der Geschichte der Nazis und ihrer zerstörerischen Verbrechen hat fast unser ganzes Volk tatsächlich das Notwendige gelernt. Und wenngleich manches im Gedächtnis absinkt, so sind doch der uns belastende Genozid und Auschwitz so eingebrannt, dass sie ähnlich lang im Gedächtnis bleiben werden wie die babylonische Gefangenschaft zu Zeiten Nebukadnezars. Die Historiker hatten in den fünfziger und sechziger Jahren einen erheblichen Anteil daran, dass unser Volk aus der Geschichte gelernt hat [31].*

‘I think that from the history of the Weimar Republic democracy failure and from the history of the Nazis and their devastating crimes almost all of our people, in fact, learned the necessary lessons. And even if some memories weaken, the bloodcurdling genocide and the Auschwitz concentration are engraved on our memory so firmly that we will remember them as long as humanity keeps the memory of the Babylonian captivity during the time of Nebuchadnezzar. Historians in the fifties and sixties contributed considerably to the fact so that our people would have learned the lessons of history’.

B. 1.1. The least effective of all argumentative tactics are the tactics causing destructive emotions of the addressee (aggression directed

to oneself), it is the tactic of negative qualification of the past by admission of guilt. The admission of guilt for some action implies negative evaluation of the latter. If the message contains information that someone identifying himself as the recipient of the message or sharing public opinion considers himself guilty, then, while decoding the message, the receiver qualifies the event as negative (the content: “I/we/all/everyone/is guilty”; the sense: “what happened deserves censure”). The relevant linguistic means within this tactic are verbal units describing the phenomena and processes of the psychical sphere of a man (e.g. in the text below *einräumen, sich auseinander leben, wissen, vergessen*), LU with negative semantics (e.g. *auseinandergedriftet* — a metaphor to denote unfriendly relations, literally “drifting apart in different directions”). In this context the described tactic is combined with the tactics of argumentation of negative qualification the past by identification. The message-producer identifies himself with a particular type of addressee (Americans and Europeans desiring to be honest and not intimidated by facing the truth). The group admits that they forgot about the common fate of the two continents on both sides of the Atlantic and the mistake is to be corrected. Thus, the past event receives negative evaluation.

12. *Er räumte ein, dass sich Amerika und Europa in der Vergangenheit auseinander gelebt hätten. Wenn wir ehrlich zueinander sind, wissen wir, dass wir manchmal auf beiden Seiten des Atlantik auseinandergedriftet sind und unser gemeinsames Schicksal vergessen haben. Es gelte nun, diese Beziehungen zu erneuern* [31].

‘He admitted that the United States and Europe lived in the past as strangers to each other. To be honest with each other, we have to realize that we, on both sides of the Atlantic, drifted apart, and forgot our shared destiny. And today it is necessary to revive our relations’.

B. 1.2. The less frequent argumentative tactic of implementation of the strategy of positive presentation of the past is the tactic of positive presentation of the past via nostalgic mythology. The text-producer creates a “sentimental”, “rainbow” image of the past thus turning history into some mythological space in which the past is idealized, aestheticized, harmonized and interpreted as the source of stability, which the present lacks. Nostalgia is used as a social therapy of compensational and adaptational types. The relevant linguistic means are lexemes denoting the emotional sphere, vocabulary of positive semantics, and verbs denoting memory, the meanings of which contain semantic primitives “revive”, “enliven”, and “miss” thus indicating a corresponding emotional response. E.g.

13. *Mehr Geld würde auch in den kommenden Jahren nicht zur Verfügung stehen, teilt die Senatsfinanzverwaltung mit. Hampel ... kann sich an Vorwende-Zeiten erinnern, als diese Summe allein für den Westteil zur Verfügung stand. Den hervorragenden Standard, den einst die West-Berliner Straßen hatten, werden wir nie wieder erreichen* [32].

‘According to the financial management of the Senate we won’t have more money in the coming years. Mr. Gampel ... still remembers the time before the merger, when the entire amount of money was at the disposal of Western Germany. We will never achieve the exceptional standard that once characterized the streets of West Berlin’.

B. 2.1., B. 2.2. The less relevant tactic for positive (1) and negative (2) presentations of the past in German mass media is the compositional tactic of recurrent argumentation. While applying the tactic, the message-producer repeatedly addresses the theme elaborating it with the use of lexical repetition, synonyms and derivatives, constituents of one semantic field. In the given text the recurrent theme is the theme of “crime” constructed with the help of the following LU manifesting the conceptual sphere of crime: 1) *verbrecherisch* «auf der schiefen Bahn (umgangssprachlich), delinquent, kriminell, straffällig, illegal, rechtswidrig, ungesetzlich» (DWDS); 2) *Täter* «jmd., der eine Straftat begangen hat» [37]; 3) *Opfer* «jmd., der eine Missetat, etw. Schlimmes erdulden musste» [37]; 4) *Unrecht* «etw., was dem Recht, Rechtsempfinden widerspricht» [37]. This tactic is less frequent as it is associated with additional efforts of both sides aimed at elocution and decoding the dominant image and recurrent theme.

14. *Heute sei vielen der verbrecherische Charakter der DDR-Macht nicht bewusst. „Es wird verklärt und verharmlost, nicht nur im Osten, nicht nur von Tätern. Das Unrecht des SED-Staates hervorzuheben, heiße nicht, in der DDR gelebtes Leben zu entwerten“, erklärte Wulff. Es ist gut, dass es im Rechtsstaat möglich bleibt, auch den Täter als Opfer zu begreifen* [32].

‘Today many people are not aware of the criminal nature of the GDR authorities. “It is idealized and trivializes not only in the East, and not only by those who are to blame. To reveal the injustice of the state under the SED dictatorship does not mean the depreciation of life in East Germany,” Wulff pointed. It is good that in the legal state it is still possible to see offenders as victims’.

B. 3. The less frequent tactic implied in desensitizing presentation of the past is the tactic of the de-realizing anonymization. The tactic is aimed at the addressee’s interpreting the past as a concept at a long distance thus depriving it its “individual specific features” and details. The tactic is implemented by manipulating abstract concepts (e.g. ‘fate’, ‘destiny’) thus forming a fatalistic position (the past is an imperative, it is beyond a man’s control, eliminating value judgement) and distracting the addressee from characteristics, reasons and consequences of the event itself. The addresser uses abstract vocabulary, LU denoting objects and phenomena of psychological sphere of a man (e.g. *Neigung, Schicksalsverhängnis, Persönlichkeit, Erörterung*):

15. *Die im ganzen hervortretende Neigung, in der Entfesselung des Weltkrieges ein Schicksalsverhängnis zu erblicken, das über die Köpfe der beteiligten*

Persönlichkeit hinweg auf tiefere Ursachenreihen zurückging, hat gewiss einen Fortschritt gegen die ältere, zu stark formale Erörterung der Kriegsschuldfrage ... [31].

‘In general, the tendency to see in the outbreak of a world war only the bad luck that has nothing to do with what is in the minds of participants involved in the surrounding events is determined by a number of serious reasons and definitely has some advantages over the old, too formal comprehension of the war guilt...’

The tactics of decreasing the importance of the past via its classification is not typical for German mass media either. While implementing the tactics, a text-producer includes some periods of the past into different classifications, refers them to particular categories thus qualifying the periods of the past as elements of generic concepts. In this case a particular event loses its urgency and importance; it is presented and perceived by the addressee as one of a type or class. The relevant linguistic means are abstract vocabulary, lexical units describing objects and processes of intellectual activity. The text below presents contemplation on the past in which the text-producer emphasizes prejudices, experience and knowledge/scientific conclusions. The political and historical events in Europe before 1939 are categorized under the concept of “European concert” and contrasted with the concept “European balance”. The difference between the two, in the author’s opinion, is either presence or absence of balance of forces, pressure, threats, compulsion from the more powerful partner. Thus, the situation in the past is presented to the addressee as one of the types of relationship between participants:

16. *Vielleicht sind es Vorurteile, vielleicht Erfahrungen und Erkenntnisse, zu denen wir uns mühsam durchgerungen haben. Immer stammen sie aus der Vergangenheit, aus der Geschichte, aus einer Zeit, die einmal war. Die europäische Geschichte und die europäische Politik wurden bis zum Jahre 1939 bestimmt durch den Begriff des “europäischen Konzerts”, des Zusammenwirkens der europäischen Großmächte, wobei das “europäische Gleichgewicht” nur eine besondere harmonische Kräfteanlage ausdrücken sollte, die das Zusammenarbeiten des “Konzerts” ohne einseitigen Druck, ohne dauernde Drohung eines übermächtigen und übermütigen Gewalthabers sicherte [31].*

‘Perhaps this is prejudice; perhaps it is experience and knowledge that we have acquired with great effort. They always come from the past, from history, from the time it had once been. Until 1939 European history and European policy had been defined by the concept of the concert of Europe and by cooperation of the great powers of Europe, and upon that the concept of European balance had been used to denote particular harmonious arrangement of forces enabling collaboration of the Concert without unilateral pressures, without prolonged threats from the party having the upper hand’.

Strategic and Tactical Organization of Presenting the Past in German Mass Media

Strategy of Negative Presentation Of The Past 44,1 %	%	Strategy of positive presenting of the past 26,2 %	%
1	2	3	4
<i>ARGUMENTATIVE TACTICS</i>			
<i>PSYCHOLOGICAL ARGUMENTATION</i>			
tactics of appealing to negative images and stereotypes	15.24 %	tactics of argumentation by confirmation of value of the past	16.2 %
tactics of appealing to ethnic ethical arguments	15.24 %	tactics of initiation of sharing positive qualifying by identification	13.5 %
tactics of appealing to negative individual addressee's experience	12.38 %	tactics of appealing to ethnic ethical arguments	12.6 %
tactics of initiation of sharing negative qualification by identification	10.48 %	tactics of appealing to positive individual addressee's experience	8.1 %
tactics of confirmation of necessity of replacement of the past	5.72 %	tactics of appealing to positive images and stereotypes	7.2 %
tactics of argumentation by description of unpleasant consequences	4.76 %	tactics of argumentation by the description of positive consequences	7.2 %
tactics of argumentation by admission of guilt	1.9 %	tactics of nostalgic mythology	6.3 %
<i>FORMAL AND LOGICAL ARGUMENTATION</i>			
tactics of appealing to the authority	17.14 %	tactics of formal argumentation	10.8 %
tactics of formal argumentation	12.38 %	tactics of appealing to the authority	10 %
tactics of logical argumentation	4.76 %	tactics of logical argumentation	8.1 %
<i>total</i>	100 %	<i>total</i>	100 %
<i>COMPOSITIONAL TACTICS</i>			
tactics of expanding consistent argumentation	28.26 %	tactics of negative contrasting of contextual framing	32.61 %
tactics of violation of the reader's expectations	19.57 %	tactics of expanding consistent argumentation	19.57 %
tactics of concentrated accenting	15.22 %	tactics of concentrated accenting	15.22 %
tactics of positive contrasting contextual framing	13.04 %	tactics of violation of the reader's expectations	13.04 %
tactics of reverse argumentation	13.04 %	tactics of reverse argumentation	13.04 %
tactics of recurrent argumentation	10.87 %	tactics of recurrent argumentation	6.52 %
<i>total</i>	100 %	<i>total</i>	100 %

1	2	3	4
<i>STRATEGY OF ALIENATING NEUTRALIZED PRESENTING OF THE PAST</i>			
tactics of transference of accent from event to its commemoration			32.19 %
tactics of moralistic interpretation			20.69 %
tactics of summarizing illustrative theoretization			18.39 %
tactics of metahistorical reflection			13.79 %
tactics of qualifying fragments of the past			11.49 %
tactics of de-realizing anonymization			3.45 %
<i>Total</i>			100 %

Conclusion

In mass media, re-actualization of collective memory content implies presentation and transmission of the transformed image of the past to mass addressees. Thus, social communication as performed by mass media presupposes manipulation of social consciousness achieved by artificial stimulation of particular reactions from the message recipient and the use of priming-effects provided by selective and interpretive functions of mass media. Message construction is based on tactics and strategy selected, while ‘managing’ communicative action is dependent on the subject-object relationship of the addresser and addressee and the message-producer changes the cognitive and axiological components of the communicative space of the addressee.

The strategy of negative presentation of the past is more typical indicating that German mass media predominantly appeal to the past to create a positive picture of the present, legitimize the power and support innovations. The strategies of positive and negative presentations of the past are based on common mental mechanisms and implemented with the help of the same set of tactics. The research shows that psychological argumentation prevails upon the formality and logic, thus signifying the manipulative nature of the impact. The negative picture of the past is typically presented and translated via argumentative tactics of appealing to authority and the compositional tactics of expanding consistent argumentation. The positive image of the past is created with the use of the argumentative tactics of confirmation of the value of the past and compositional tactics of negative contrasting of contextual framing. Re-actualization of the past is mostly performed via transferring the emphasis from the event to its commemoration. The least relevant is the tactics of de-realizing anonymization as it hampers educational and propagandist functions of mass media. The authors of the article view memory as a cognitive structure with an emotional index. Emotions are important operators to estimate one’s experience, and serve as the foundation for qualifying an event,

that is why value judgment of the past implies appeal to the emotional sphere of the addressee. Discourse manifests re-actualization of the collective memory content and significance of re-interpretation of the past. Application of the socially important memorized information implies selection, combination and evaluation of past events. Collective memory re-actualization also presupposes partner influence, both real or illusive, creation of some “common reality”, or a communicative space. The addressee participating in producing a message is involved in a dialogue, identifying himself and thus separating and confirming his national and group identities. The interpretive, intentional and communicative nature of collective memory is manifested in language.

References

1. Hobi, V. (1988). Kurze Einführung in die Grundlagen der Gedächtnispsychologie [Brief Introduction to the Basics of the Psychology of Memory]. *Vergangenheit in mündlicher Überlieferung*, 1, 20–34.
2. Felder, E. (1991). Nachhaltiges Erinnern durch sprachliches Handeln am Beispiel von Gedenkreden [Sustainable remember by speech acts using the example of eulogies]. *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache*, 17, 254–277.
3. Petrova, A. & Rebrina, L. (2016). Autobiographical memory: Genesis, functioning, discursive implementation. *XLinguae Journal*, 9(2), 11–36.
4. Rebrina, L., Petrova, A., Shamne, N., Ladonina, E. & Milovanova, M. (2015). Functioning of Autobiographical Memory as a Discursive Phenomenon. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(5), 122–129.
5. Shamne, N.L. & Rebrina, L.N. (2013). Linguistic projection of memory. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 6(7), 104–113. (In Russ.).
Шамне Н.Л., Ребрина Л.Н. Лингвистическая проекция категории памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 104–113
6. Кемеров, В.Е. (1998). Memory. *The modern philosophical dictionary*. Moscow: Panprint.
Кемеров В.Е. Современный философский словарь. М.: Панпринт, 1998.
7. Vitinchuk, V.V. (2013). The construction of a media event: specific features of the social chronotope. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2(22), 104–110. (In Russ.).
Витвинчук В.В. Конструирование медиасобытия: специфика социального хронотопа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 104–110.
8. Mansurova, V.D. (2002). *The Journalistic Picture of the World as a Factor of Social Determination*. Barnaul: The Publishing House of Altai State University.
Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации: монография. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002.
9. Sokolov, A.V. (2002). The general theory of the social communication. St. Petersburg: The Publishing House of Mikhailov V.A. (In Russ.).
Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.
10. Billig, M. (1990). Collective Memory, Ideology and the British Royal Family. In: *Collective remembering*. London: SAGE Publ. pp. 60–80.
11. Adorno, T. (2005). What Does ‘the Cramming of the Past’ Mean? *Inviolable reserve*, 2(3), 36–45.
12. Le Goff, J. (1992). *History and Memory*. New York.

13. Paez, D., Basabe, N. & Gonzalez, J. (1997). Social processes and collective memory: a cross-cultural approach to remembering political events. In: *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. New York: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 147–174.
14. Rimé, B. & Christophe, V. (1997). How Individual Emotional Episodes Feed Collective Memory. In: *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. New York: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 131–146.
15. Althaus, C. (2005). Geschichte, Erinnerung und Person. Zum Wechselverhältnis von Erinnerungsresiduen und Offizialkultur. *Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung*, 26, 589–611.
16. Gergen, K. (1985). The Social Constructionist Movement in Modern Social Psychology. *American psychologist*, 40(3), 266–275.
17. Karitzki, O. (2004). Nation heißt sich erinnern [Nation that Means Remember]. In: *Erinnerung. Philosophische Perspektiven*. München: Wilhelm Fink Verlag. pp. 199–228.
18. Welzer, H. (2001). Das gemeinsame Verfertigen von Vergangenheit im Gespräch [Construction of the Past in Conversation]. In: *Das soziale Gedächtnis. Geschichte, Erinnerung, Tradierung*, Hamburg: Hamburger Edition. Institut für Sozialforschung. pp. 160–178.
19. Dias, M. (2010). Erinnernte Geschichten: individuelle Identität und kollektives Gedächtnis in ‘Am Beispiel meines Bruders’ und ‘Der Freund und der Fremde’ von Uwe Timm. In: *Rahmenwechsel. Kulturwissenschaften*. Würzburg: Königshausen & Neimahn. pp. 265–275.
20. Müller-Funk, W. (2004). Zur Narrologie des kulturellen und kollektiven Gedächtnisses [About a Narrologie of cultural and collective memory]. In: *Geschichtsdarstellung. Medien — Methoden — Strategien*. Köln: Böhlau Verlag. pp. 145–167.
21. Pan, Z. & Kosicki, G.M. (1997). Priming and Media Impact on the Evaluations of the President’s Performance, *Communication Research*, 24, 13–30.
22. Ferguson, C.J. & Dyck, D. (2012). Paradigm Change in Aggression Research: The Time Has Come to Retire the General Aggression Model. *Aggression and Violent Behavior*, 17, 220–228.
23. Alger, D.E. (1989). *The Media and Politics*. New Jersey: Prentice Hall.
24. Bushman, B.J. (1998). Priming Effects of Media Violence on the Accessibility of Aggressive Constructs in Memory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 24, 537–546.
25. Domke, D., Shah, D.V. & Wackman, D.B. (1998). Media priming effects: Accessibility, association, and activation. *International Journal of Public Opinion Research*, 10, 51–75.
26. Datsuk, S. (2006). The Communicative Strategies. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (accessed: 25.01.2022). (In Russ.).
Датюк С. Коммуникативные стратегии. Режим доступа: http://xyz.org.ua/russian/win/discussion/comпшшшсative_strategy.html (дата обращения: 25.01.2022).
27. Khasuyeva, M.Kh. (2011). The Model of Political Communication and the Role of Suggestion as a Phenomenon in the Model. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 3, 176–181. (In Russ.).
Хасуева М.Х. Модель политической коммуникации и роль феномена суггестии в этой модели // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 176–181.
28. Vorontsova, T.A. (2009). The communicative space in the linguistic and pragmatic paradigm. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 1, 11–160. (In Russ.).
Воронцова Т.А. Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 1. С. 11–16.
29. Khazagerov, G.G. (2005). *Political Rhetoric*. Moscow. (In Russ.).
Хазазеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2005.
30. Demyankov, V.Z. (1982). The Conventions, Rules and Strategies of Communication. *The News of Academy of Sciences of the USSR. Literature and language*, 41(4), 327–337.
Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. № 41 (4). С. 327–337.
31. Die Zeit. URL: <http://www.zeit.de/index> — Zeit (accessed: 23.02.2022).

32. Berliner Zeitung. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/home/10808950,10808950.html>. BZ (accessed: 23.02.2022).
33. Pigalev, A.I. (1991). *The philosophical nihilism and crisis of culture*. Saratov: The Publishing House of Saratov State University. (In Russ.).
Пигалев А.И. Философский нигилизм и кризис культуры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991.
34. Kalnoi, I.I. (1990). *Alienation: History and Modern Times*. Simferopol: Tavria. (In Russ.).
Кальной И.И. Отчуждение: истоки и современность. Симферополь: Таврия, 1990.
35. Marcuse, H. (1994). *Eros and Civilization; One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Moscow. (In Russ.).
Маркузе Г. Эрос и цивилизация; Одномерный человек: Исслед. идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.
36. Nora, P. (1999). The age of commemoration. France — memory. In: *Realms of Memory: The construction of the French Past 3*. New York: Columbia University Press. pp. 609–647.
37. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. URL: <http://www.dwds.de> — DWDS (accessed: 23.02.2022).
38. *Rhein-Zeitung*. URL: <http://www.rhein-zeitung.de>. RZ (accessed: 23.02.2022).

Information about the authors:

Larisa N. Rebrina, Doctor Habil. of Philology, Leading Researcher, Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University. *Research interests*: lexical semantics, lexical syntagmatics, pragmatics, dialectology, etymology, variantology, discursive linguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics; *e-mail*: lnrebrina@volsu.ru
ORCID: 0000-0003-0512-980X; eLIBRARY SPIN code: 3971-1615.

Marina I. Solnyshkina, Doctor Habil. of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Head and Chief Researcher of Research Lab “Text Analytics”, Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University. *Research interests*: discursive complexology, lexicology, pragmatics, professional languages, sociolinguistics, cognitive linguistics; *e-mail*: mesoln@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1885-3039>; eLIBRARY SPIN code: 6480-1830.

Tatyana A. Soldatkina, Candidate of Philology, Chief Researcher of Research Lab Laboratory “Expert Systems for Processing Language Structures and Vibroacoustics”, State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Kazan (Volga Region) Federal University”, Associate Professor of the Department of English Philology, Mari State University. *Research interests*: contrastive linguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics, axiology, political metaphorology; *e-mail*: fia.vr.solta@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8198-6550; eLIBRARY SPIN code: 2077-4528.

Сведения об авторах:

Ребрина Лариса Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики Волгоградского государственного университета; *сфера научных интересов*: лексическая семантика, лексическая синтагматика, прагматика, диалектология, этимология, вариантология, дискурсивная лингвистика, культурная лингвистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: lnrebrina@volsu.ru
ORCID: 0000-0003-0512-980X; eLIBRARY SPIN code: 3971-1615.

Солнышкина Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, руководитель и главный научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика» Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета; *сфера научных интересов*: дискурсивная комплексология, лексикология, прагматика, профессиональные языки, социолингвистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: mesoln@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8198-6550; eLIBRARY SPIN code: 6480-1830.

Солдаткина Татьяна Альбертовна, кандидат филологических наук, ст. науч. сотрудник, НИЛ «Экспертные системы обработки языковых конструкций и виброакустика, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доцент кафедры английской филологии Марийского государственного университета; *сфера научных интересов*: контрастивная лингвистика, культурная лингвистика, когнитивная лингвистика, аксиология, политическая метафорология; *e-mail*: fia.vr.solta@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1885-3039; eLIBRARY SPIN code: 2077-4528.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924

УДК 82-84:81'37'42

Научная статья / Research article

Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах

Е.Е. Иванов

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова,
212022, Республика Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1

 ivanov_ee@msu.by

Аннотация. Афоризм, несмотря на свою древность и универсальность как речевого жанра, до сих пор не имеет общепринятого понимания собственных свойств как малой текстовой формы и характеристики своего места в кругу иных видов минимальных текстов. Цель исследования — определить характер соотношения афоризма и малых текстовых форм, функционирующих в существующих видах дискурса, устном, письменном, электронном. Методы исследования — эвристический, описательный, лингвистический анализ текста, структурно-семантическое моделирование, дискурс-анализ. Материалом для исследования послужили афористические единицы как отдельные тексты и как структурные элементы неафористических текстов — всего около 100 000 афоризмов из более чем 300 справочных, литературных и иных источников. В результате исследования установлено, что афоризм не является специфическим видом текста, поскольку может одинаково успешно порождаться и функционировать в качестве различных текстовых форм в разных видах дискурса, устном, письменном, электронном. Афоризмами могут быть и литературные изречения (классические и современные разновидности), и литературные произведения-миниатюры (включая их национальные разновидности), и однофразовые тексты в большинстве их дискурсивных и жанровых форм, и паремии (пословицы, народные приметы, прибаутки и др.). По отношению ко всем существующим разновидностям малых текстовых форм понятие афоризма целесообразно рассматривать либо как категориальное, если речь идет о минимальных текстах, обладающих дифференциальным признаком афористичности — обобщенно-универсальным содержанием, либо как классификационное, если речь идет обо всем корпусе минимальных текстов в смысле их дифференциации на две категории единиц — «афоризмы» и «не афоризмы». С афоризмами не могут вступать в парадигматические отношения те малые текстовые формы (апофегмы, хрии, веллеризмы и под.), которые имеют сверхфразовую структуру и способны включать в себя афоризмы в качестве композиционных элементов.

© Иванов Е.Е., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: афоризм, малая текстовая форма, однофразовый текст, литературное изречение, художественное произведение-миниатюра, паремия, национальная разновидность малого текста, дискурс

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН (Российская Федерация). Исследование частично выполнено в рамках Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., проект ГР № 20211335 (Республика Беларусь).

История статьи:

Дата поступления: 30.08.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Иванов Е.Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses

Eugene E. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198

Mogilev State A. Kuleshov University,
1, Kosmonavtov Str, Mogilev, Belarus, 212022

 ivanov_ee@msu.by

Abstract. Aphorism, despite its antiquity and universality as a speech genre, still does not have a generally accepted understanding of its properties as a small text form and characteristics of its place among other types of miniature texts. The object of the study is to determine the nature of the relationship between aphorism and small text forms that function in existing types of discourse (oral, written, electronic). Research methods — heuristic, descriptive, linguistic text analysis, structural-semantic modeling and discourse analysis. The material for the study covers both aphoristic units as separate texts and as structural elements of non-aphoristic texts — a total of about 100,000 aphorisms from more than 300 reference, literary and other sources. As a result of the study, it was found that aphorism is not a specific type of text, since it can be equally successfully generated and function as different text forms in different types of discourse (oral, written, electronic). Aphorisms can be literary sayings (classical and modern varieties), and literary works-miniatures (including their national varieties), and one-phrase texts (in most of their discursive and genre forms), and paremiological units (proverbs, folk signs, jokes, etc.). In relation to all existing varieties of small text forms, it is advisable to consider the concept of aphorism either as a categorical one (if we are talking about miniature texts that have a differential sign of aphorism — a generalized universal content), or as a classificatory one (if we are talking about the entire corpus of miniature texts in the sense of their differentiation into two categories of units —

“aphorisms” and “non-aphorisms”). Aphorisms cannot be involved into paradigmatic relations with those small text forms (apophegms, chryas, wellerisms, etc.) that have a superphrasal structure and are capable of including aphorisms as compositional elements.

Keywords: aphorism, small text form, one-phrase text, literary saying, miniature work of art, paremiological unit, national variety of small text, discourse

Financing. Acknowledgement:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project no. D.2-F/S2022 (Russian Federation). The study was carried out of the State Program of Scientific Research 2021–2025, project SR no. 20211335 (Republic of Belarus).

Article history:

Received: 30.08.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Ivanov, E.E. (2022). Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 898–924. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Введение

Одной из актуальных проблем лингвистики текста и в целом языкознания остается собственно лингвистическая квалификация и дифференциация текстов, отличающихся минимальным объемом в плане своей формы (синтаксической организации и лексического состава). Выделение таких текстов в отдельный объект лингвистического исследования произошло сравнительно недавно [1], поэтому на определение их языковых особенностей оказывает значительное методологическое влияние давняя традиция изучения сверхкратких текстов в рамках риторики, поэтики и фольклористики (в том числе и афоризмов [2]). Построение лингвистической теории минимальных текстов осложняется еще и их заметными отличиями в устном и письменном дискурсах, а также их спецификацией в стремительно развивающихся видах и жанрах электронного дискурса.

На фоне структурно-семантического разнообразия минитекстов в разных языках и шире — в различных этнических и национальных лингвокультурах разработка общей лингвистической теории минимального текста предполагает в настоящее время обращение прежде всего к его универсальным разновидностям (как в синхронии, так и в диахронии). Одной из таких разновидностей минимального текста можно считать афоризм, который в своем классическом понимании как краткое обобщенное по содержанию обособленное высказывание широко встречается в философском, дидактическом, религиозном дискурсах древних лингвокультур (Египта, Китая, Греции, Индии и др.) [2. С. 382], а первым известным письменным памятником афоризмов является древнейшее собрание правовых формул — старовавилонский «Кодекс Хаммурапи» (около 1750 до н.э.), состоящий из 282 обособленных изречений [2. С. 390].

Несмотря на всю свою древность и универсальность как речевого жанра афоризм не имеет до сих пор не только общепринятого, но и верифицированного теоретического понимания своих свойств как разновидности текста и своего места в кругу иных видов минимальных текстов. Наиболее показательными в этом плане являются многочисленные разноречивые мнения о тождестве vs. различии, с одной стороны, афоризмов и пословиц [3], а с другой — афоризмов и малых литературных жанров [4]. В последнее время появилось множество не менее противоречивых попыток идентификации vs. размежевания афоризмов и разнообразных «малоформатных текстов» [1] в различных видах дискурса: письменном [5], устном [6], электронном [7; 8]. Апофеозом неопределенности в понимании текстовой природы афоризма можно считать его отождествление с любым семиотическим текстом, в том числе с невербальным (?!), например, с произведением живописи, как это делают авторы статьи «Натюрморт как визуальный афоризм» (2010) в одном из серьезных научных журналов [9].

Исследования языковой природы и разновидностей афоризма как текста преимущественно ограничивается одним из возможных его пониманий или как «литературного жанра» [10], или как «речевого жанра» [11], или как «целостного текста» [12], или как «интертекста» [13] и др. В свою очередь, единичные попытки синтезировать все возможные понимания афоризма как типа текста приводят либо к абсолютизации одного из его дифференциальных признаков, например, идиоматичности [14], либо к вынужденной квалификации его в качестве гетерогенного объекта, при описании которого необходимо строго дифференцировать каждую его ипостась, признавая, например, «триединую сущность афоризма», рассматриваемого и как «жанр», и как «малоформатный текст», и как «универсальное высказывание» [15. С. 123].

Цель исследования — определить характер соотношения афоризма и малых текстовых форм, функционирующих в существующих видах дискурса (устном, письменном, электронном).

Материалом для исследования послужили афористические единицы как отдельные тексты и как структурные элементы неафористических текстов — всего около 100 000 афоризмов из более чем 300 справочных, литературных и иных источников на русском языке, в переводе на русский язык с различных языков мира, а также на основных европейских языках и языках коренных народов России. Материал исследования уже использовался ранее при описании аспектов эмпирического понимания афоризма [2], его основных признаков [16], а также структурных особенностей [17] и функций [18].

Методы исследования — эвристический, описательный, лингвистический анализ текста, структурно-семантическое моделирование, дискурс-анализ.

Проблема языковой природы афоризма как самостоятельного текста и как текста в тексте рассматривалась в разное время в ряде наших предыдущих работ [19; 20. С. 81–91; 21], что позволило не только сформировать и апроби-

ровать концепцию данного исследования, но и диагностировать его основные задачи, а также сформулировать ряд наиболее актуальных проблем, решение которых предлагается далее.

О понятиях «малая текстовая форма» и «афоризм»

К малым текстовым формам относятся малые жанры художественной литературы, малые фольклорные жанры, широкий ряд минимальных текстов самых разных речевых жанров в рамках как различных функциональных стилей литературного языка, так и живой разговорной речи и видов электронной коммуникации.

Понятие малой текстовой формы является в известной степени условным, поскольку основано, с одной стороны, прежде всего на линейном объеме текста, а с другой — на его жанровых свойствах (форме, содержании, языковых и/или стилистических особенностях). Однако можно выделить ряд общих свойств у всех текстов малой формы: содержательная гомогенность (сообщение об одном факте, одном событии, одном явлении и т.д.), крайняя степень компрессии сообщения (которое передается максимально кратко, сжато, лаконично за счет нарочитого умолчания, пропуска второстепенной информации, использования прономинальных средств, синтаксической неполноты, эллипсиса и др.), стандартная форма (однообразная, часто клишированная структура сообщения, ограниченный, нередко заданный набор языковых и стилистических средств).

Линейный размер малых текстовых форм не имеет на сегодняшний день общепринятого определения. Так, минимальный текст может состоять всего из одного слова, исходя из чего М.Н. Эпштейн выделяет «слово как произведение» и признает существование в литературе «однословного жанра» [22], а может, по мнению М.Л. Пратт, содержать от нескольких до 1500 слов, если речь идет о максимальной длине сверхкраткого рассказа как литературного жанра (*short short story* или *flash fiction*) [23]. По своему графическому (полиграфическому) формату линейный размер минимальных текстов не может превышать одной рукописной (печатной) страницы [24], а в рамках электронной коммуникации графический размер минимального текста сжался до размеров экрана монитора или гаджета, когда при чтении текста не требуется вертикальная прокрутка [25]. Столь разительные отличия в понимании линейного объема минимального текста отразились и на содержательной неопределенности его новейших терминологических обозначений как «сверхкраткие тексты», «микротексты», «малоформатные тексты» и т.п. [1. С. 50], которые трудно признать более удачными, чем традиционные составные термины «минимальный текст» и «малая текстовая форма».

Различные подходы к пониманию линейного размера минимального текста, в свою очередь, не позволяют исследователям однозначно определить его

жанровое разнообразие. Наиболее рациональный и конструктивный подход в данном случае принадлежит Э.М. Береговской, которая предложила ограничить минимальный текст линейными размерами одной фразы и на этом основании выделила 70 типов (жанровых разновидностей) так называемых «однофразовых текстов» [26. С. 23–24]. В качестве одного из их типов был определен также и афоризм, что еще более усложнило (теперь уже в количественном аспекте на фоне многочисленных тождественных по синтаксической форме минимальных текстов) его и без того весьма противоречивое понимание как специфического объекта в кругу изоморфных текстовых форм.

Одной из проблем лингвистического определения понятия «афоризм», как отмечал еще в начале 1980-х гг. А.Я. Михневич, всегда было «отграничение собственно афоризмов от других малых форм — пословиц и поговорок, пересказов и сравнений, анекдотов и притч, иносказательных диалогов и тостов, зачинов и концовок, обращений и пожеланий и т.д.» [27. С. 61]. Сложность решения этой проблемы заключается в том, что афоризм весьма часто рассматривается в отрыве от тех признаков, которые его дифференцируют как специфический объект, а свойство афористичности нередко понимается чрезвычайно широко и неопределенно, причем не только в отношении к самому афоризму (?!): «афористичность как определенное качество или совокупность качеств выразительности свойственна не только афоризмам, но и другим малым жанрам» [27. С. 62].

Такой подход, когда свойство «афористичности» объединяет, а не разграничивает афоризмы и другие малые текстовые формы, объясняется, на наш взгляд, пониманием данного свойства как вторичного, не определяющего (т.е. не уникального для афоризмов), что делает бессмысленным само по себе его выделение и определение (как в теоретическом, так и в металингвистическом аспектах). Вместе с тем вполне логично полагать, что свойство афористичности является определяющим (уникальным, конститутивным) только для афоризма (как свойство лексичности для лексем, фразеологичности для фразеологизмов, паремичности для паремий и т.п.). Именно на основании того, что афоризм обладает свойством (качеством) афористичности как совокупности некоторых дифференциальных признаков, его следует квалифицировать и описывать как специфический продукт речемыслительной деятельности и отграничивать от иных явлений языка и речи, литературы и фольклора, медиа- и электронной коммуникации.

«Выделение лингвистически релевантных признаков афоризма позволило определить его в терминах лингвистики как однофразовую, номинативную, дискурсивно автономную, преимущественно сверхсловную, воспроизводимую, устойчивую единицу, которая отличается от всех иных сверхсловных единиц (фразовых текстов и устойчивых фраз) одним специфическим признаком — обобщенностью значения (универсальным обобщением действительности). Этот признак характеризует афоризмы как разновидность

лингвистических единиц (фразовых текстов или устойчивых фраз), детерминирует такие их облигаторные свойства, как дискурсивная автономность и номинативность, манифестирует собственно лингвистическое качество их плана содержания — афористичность» [16. С. 700]. В зависимости от продуктивности проявления факультативных признаков — сверхсловности, идиоматичности, текстовой формы, устойчивости, воспроизводимости афоризмы дифференцируются на ряд разновидностей и по-разному соотносятся с иными единицами языка и речи [20. С. 93–126; 28. С. 41–83]. В этом смысле афоризмы следует рассматривать как самостоятельную группу (тип) фразовых единиц, которые имеют отдельные общие свойства с другими сверхсловными единицами, а также фразовыми и сверхфразовыми текстами, но существенно отличаются от них комплексом трех облигаторных признаков — однофразовостью, обобщенностью (универсальностью) значения, дискурсивной автономностью, которые в совокупности составляют собственно лингвистическую специфику афоризма.

Афоризмы соотносятся разными исследователями с разнообразными малыми текстовыми формами, среди которых можно выделить шесть основных групп минимальных текстов, неравновесных по качественным и количественным параметрам: 1) паремии (половицы, народные приметы и суеверия, изречения «здравого смысла» и др.); 2) литературные изречения (сентенции, максимы, грегории, парадоксы и др., а также крылатые цитаты); 3) художественные произведения-миниатюры (эпиграммы, басни, стихотворные миниатюрные формы, сверхкраткие эссе и др.); 4) однофразовые тексты (слоганы, призывы, девизы и др.); 5) классические разновидности изречений (гномы, апофегмы, хрии и др.); 6) национальные разновидности малых текстов (фрашки, рубаи, хайку и др.). Афоризмы в рамках разных классификационных схем либо полностью отождествляются с теми или иными видами минимальных текстов, либо противопоставляются им, либо вступают с ними в родовидовые отношения по основанию различных структурных, смысловых, функциональных критериев.

При этом на определение общего и различного у афоризмов и малых текстовых форм оказывают заметное влияние национальные традиции, которые формировались в разное время под влиянием преимущественно случайных (экстралингвистических) факторов. Так, в русской филологической традиции сложилось представление о градуальных отношениях между афоризмами и малыми жанрами литературы на основании различных критериев, что не позволяет однозначно отграничить афоризм от других малых текстовых форм [29. С. 34–63]. В белорусской — афоризмы противопоставляются «пословицам и поговоркам» [30. С. 60–61] и определяются как одна из разновидностей жанра «изречений» наряду с «сентенцией», «максимой», «апофегмой» [30. С. 115–116]. В английской филологической традиции к произведениям афористического жанра часто причисляют «эпиграммы», «басни» и даже

«эссе» [31. С. 161], в немецкой — афоризмы понимаются как отдельный «новый» литературный жанр, который противопоставляются традиционному литературному жанру «изречений» [31. С. 167–174], в польской — афоризмы рассматриваются как самостоятельный малый жанр в ряду «литературных изречений» («сентенций», «максим», «золотых мыслей» и др.) [21. С. 126].

Афоризмы в классификациях малых текстовых форм

В своей классической интерпретации характер отношения афоризма к малым текстовым формам в основном сформировался в рамках их наиболее общих систематизаций, которые отражают наиболее типичные противоречия в понимании афоризма как разновидности минимального текста.

Так, согласно широко известной классификации М.Л. Гаспарова [32. С. 43] все афоризмы с точки зрения отсутствия vs. наличия у них автора делятся на два типа: «фольклорные» (пословицы и поговорки) и «литературные». Первым свойственна принципиальная невозможность определения их автора как той или иной конкретной личности. Второй тип характеризуется наличием реального или потенциального (resp. предполагаемого) автора, что является, в свою очередь, основанием для последующей дифференциации «литературных афоризмов» еще на три типа: гномы (сентенции), апофегмы и хрии. «Гномы», или «сентенции», могут как иметь, так и не иметь реального автора, «занимают промежуточное положение между безымянной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом», напр.: *Никто не обнимет необъятного* [32. С. 43]. «Апофегмы» («апофтегмы») могут как принадлежать, так и приписываться реальному автору, однако, как правило, «вложены в уста конкретного лица» [33. С. 559] преимущественно из числа широко известных реальных или легендарных особ, напр.: *Мудрец Картезий сказал: «Никто не обнимет необъятного»* [32. С. 43]. «Хрии» — «афоризмы определенного лица в определенных обстоятельствах» [32. С. 43], которые оформлены как рассказ-миниатюра о некоем событии, которое послужило поводом для остроумного или поучительного высказывания известного автора, напр.: *Мудрец Картезий, спрошенный прохожим, сколько звезд на небе, с пылом отвечивал: «Мерзавец! Никто не обнимет необъятного!»* [33. С. 559].

В рамках не менее известной классификации М.Н. Эпштейна внутри афористики как жанра словесного творчества выделяется четыре типа единиц: сентенции, максимы, гномы и хрии. «Сентенции» представляют собой изречения декларативного содержания, в которых выражается «теоретический» результат обобщения действительности, напр.: *Статую украшает вид, а человека украшают его поступки (Пифагор)*. «Максимы» — изречения директивного содержания как результат «эмпирического» обобщения действительности, обычно, в форме наставления, напр.: *Чего не следует делать, того не делай даже в мыслях (Этикет)*. «Гномы» —

это изречения поучительного содержания, в которых действительность обобщается, как правило, в стихотворной форме и анонимно, но иногда от имени своего автора, напр.: *Вот Фокилида слова: что за польза от знатного рода // Тем, у кого ни в словах обаяния нет, ни в совете? (Фокилид).* «Хрии» представляют собой такие изречения, в которых обобщение действительности не может быть отделено от той жизненной ситуации, которая его «спровоцировала», напр.: *Когда он [Диоген] грелся на солнце в Крании, Александр [Македонский], остановившись над ним, сказал: «Проси у меня, чего хочешь»; Диоген отвечал: «Не заслоняй мне солнца»* [32. С. 43–44]. Афоризм противопоставляется пословице на основании того, его «смысл является более отвлеченно-нравственным, чем житейски-практическим, и чужд конкретно-вещественной образности» [32. С. 43].

Уже при беглом взгляде на обе классификации можно смело утверждать, что существующие взгляды на соотношение афоризма и иных малых текстовых форм основаны преимущественно на традиции, а вовсе не на объективных критериях, которые хоть и выдвигаются исследователями, но не всегда ими же самими используются. В зависимости от того, какая именно традиция берется за основу для определения места афоризма в кругу малых жанров литературы или фольклора, и выстраиваются его взаимоотношения с ними. Иначе весьма трудно объяснить столь очевидные теоретические и метаязыковые расхождения в классификации афоризмов у М.Л. Гаспарова и М.Н. Эпштейна в рамках одной отрасли знания с использованием одних и тех же терминов.

Так, у М.Н. Эпштейна отсутствует такая разновидность афоризма, как «пословица». В свою очередь, у М.Л. Гаспарова не нашлось места для такой разновидности литературных афоризмов, как «максимы» (за исключением глухого упоминания термина только в отношении «афоризмов нравственного содержания», которые «называются также максимами» [32. С. 43]), хотя в отдельной статье максима определяется им же именно как «вид афоризма» (?) [31. С. 206]. Вместе с тем «апофегмы» и «пословицы», которые М.Л. Гаспаров квалифицирует как виды афоризма, в посвященных им отдельных статьях уже не определяются как «афоризмы» (?) [32. С. 32, 291]. Симптоматично, что в другом исследовании при разграничении «античных» изречений М.Л. Гаспаров вообще не употребляет термин «афоризм», а «гному», «апофегму» и «хрию» квалифицирует как разновидности «сентенции» (?) [33. С. 559].

Признаки некоторых разновидностей афоризма выделяются *ad hoc*, поэтому объективно не могут рассматриваться как дифференцирующие. Так, «максима» квалифицируется М.Л. Гаспаровым одновременно и как «афоризм морального содержания», и как «моралистическая по содержанию разновидность сентенции», что неизбежно приводит к нейтрализации установленных самим исследователем родовидовых отношений между

«афоризмом» и «сентенцией», хотя в отдельной статье сентенция определяется им же именно как «вид афоризма» [32. С. 375].

Показательным примером противоречивого подхода в определении вида афоризма является «сентенция», которую М.Л. Гаспаров квалифицирует и как «афоризм без авторского имени» [32. С. 43], и как нечто «промежуточное между безымянной народной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом», при этом сентенция «при усилении философского содержания сближается с гномой, дидактического — с максимой, а будучи вписана в конкретную ситуацию, становится апофегмой или хрией» [32. С. 375]. Вместе с тем все это не принимается во внимание и, соответственно, не указывается в его же определениях «гномы» [32. С. 78], «максимы» [32. С. 206], «хрии» [32. С. 487]. Однако в таком случае «сентенция» одновременно (!) то выступает в качестве разновидности «литературного афоризма», то замещает его (при определенных условиях, «будучи вписана в конкретную ситуацию, становится апофегмой или хрией»), то противопоставляется сама себе по отношению к другим видам литературных афоризмов (полностью отождествляется с «гномой» или при определенных условиях «сближается» с ней), то определяется как «афоризм без имени автора», то квалифицируется как нечто среднее «между безымянной фольклорной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом»). Весьма трудно однозначно понять, как именно при всех указанных условиях и факторах соотносятся между собой «афоризм» и такие малые текстовые формы, как «сентенция», «максима», «гнома», «апофегма», «хрия».

Наиболее очевидным недостатком обеих классификаций можно считать неоправданное расширение объема афоризма как текста за счет причисления к афоризмам текстов более сложных по своей содержательной, структурной и композиционной организации.

Так, весьма трудно согласиться с М.Л. Гаспаровым и М.Н. Эпштейном в их квалификации хрии как разновидности литературного афоризма, поскольку по своему содержанию и структуре она представляет собой нарративный текст [34. С. 98], где повествуется о каком-либо знаменательном событии в жизни мудреца или героя, который высказывает свою оценку происходящего в форме реплики-изречения. Показательно при этом, что подавляющее большинство таких реплик в тексте хрии не имеет обобщенного содержания, т.е. не является афоризмами в строгом смысле. Например, в широко известном еще с античных времен сборнике Плутарха «Изречения царей и полководцев» (начало II в. н.э.) из 392 текстов, которые можно квалифицировать как хрии, обобщенные (афористические) реплики-изречения встречаются только в 73 случаях (менее 19%). Чаще всего такие реплики-изречения употребляются в тексте хрии в контекстно-зависимой позиции (в форме косвенной речи и/или в структурно не обособленном виде), напр.: *Страдавшему от того, что умирает на чужбине, он [Анаксагор] сказал ему: «Спуск в Аид отовсюду*

одинаков» (Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», II, 11); *Другой раз его снова спросили об укреплениях города, и Ликург ответил, что нельзя считать город неукрепленным, если его оборона зиждется на мужах, а не на кирпичах* (Плутарх, «Изречения спартанцев», 53, 28) и т.п. Такого рода изречения в составе хрии можно квалифицировать как «вводные афоризмы» (согласно терминологии Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской), которые являются частью текстов больших по форме литературных и фольклорных жанров [31. С. 86]. Симптоматично, что «вводный» характер реплики-афоризма в тексте хрии более чем очевиден и в иллюстративных примерах М.Л. Гаспарова к выделяемым им разновидностям афоризма (см. выше), отношения между которыми нельзя рассматривать как произвольную зависимость, они строятся по принципу иерархии, поскольку «гнома» входит («вводится») в «хрию», ср.: *Никто не обнимет необъятного* («гнома», или «сентенция»). *Мудрец Картезий, спрошенный прохожим, сколько звезд на небе, с пылом ответил: “Мерзавец! Никто не обнимет необъятного!”* («хрия»). Это означает, что «гномы» (или «сентенции») могут вводиться в «хрию» и, соответственно, из нее извлекаться. На этом основании хрию нельзя квалифицировать как разновидность афоризма, ее следует относить к большему по объему малому тексту, близкому к басне в литературе и анекдоту в фольклоре.

То же самое можно сказать и о выделении М.Л. Гаспаровым такого вида афоризма, как «апофегма», которая структурно представляет собой сочетание изречения с указанием на его автора (либо источник) и/или на характер того знания, на основании которого формулируется данное умозаключение. При этом отношение строгой иерархии (существующие между «гномой» и «хрией») также действует и между «гномой» («сентенцией») и «апофегмой», ср.: *Никто не обнимет необъятного* («гнома», или «сентенция»). *Мудрец Картезий сказал: “Никто не обнимет необъятного”* («апофегма»). На наш взгляд, «апофегма» (в понимании М.Л. Гаспарова) близка такой малой текстовой форме (большей по объему, чем афоризм), как «веллеризм» (англ. *wellerism*), имеющей структурную модель «Нечто сказал некто, когда он делал что-то» [20. С. 85 — 86] и часто включающей в себя устойчивые выражения и афоризмы, напр.: *«Много визгу и мало шерсти», — сказал черт, когда стриг свинью; «Хочешь жить, умей вертеться», — приговаривал Бог, создавая Землю; англ. «Everyone to his own taste», the old woman said when she kissed her cow; бел. «Усялякая справа памрабуе іскры божаі», — сказаў Герастрат, падпальваючы храм Артэміды* и т.п. При этом трехчастная структурная модель веллеризма не является обязательной, он может иметь и две части «Нечто сказал некто», что делает возможным переход некоторых веллеризмов в разряд пословиц, напр.: *Ной: «Спасайся, кто может»; «Хуже не будет», — сказал оптимист; Увидим, — сказал слепой, услышим, — поправил глухой* (пословица); польск. *Powiedziały krety: “Ludzie*

sq ciemni, potrzebne im światło” (S.E. Lec); бел. *Пабачым, сказаў сляпы, як бязногі паскача* (поговорка) и т.п.

Как можно видеть, соотношение афоризма, с одной стороны, и хрии, апофегмы, веллеризма, с другой, тождественно соотношению афоризма и таких сверхфразовых малых текстовых форм, как анекдот, басня, притча, сверхкраткое эссе, поэтические произведения-миниатюры (лирические, комические и др.). Афоризмы употребляются в таких текстах (как и в любых других небольших по объему произведениях — стихотворениях, рассказах и т.д.), поэтому не могут с ними отождествляться даже в тех случаях, когда выступают их главными (ключевыми) содержательными и/или структурными компонентами. Афоризм в сверхфразовых малых текстовых формах всегда занимает акцентированную (центральную) позицию вне зависимости от своего расположения в контексте, напр.: «поэтическая миниатюра» — *Молчи, прошу, не смей меня будить. // О, в этот век преступный и постыдный // Не жить, не чувствовать — удел завидный... // Отраднo спать, отрадней камнем быть* (Ф.И. Тютчев, «Из Микеланджело»); «сверхкраткое эссе» — бел. *“Пісаць для вечнасці” — гэта не з думкай пра вечнасць твайго слова, а з належнай настройкай на тое, што на-сапраўднаму жывое і застаецца жьжыццём* (Я. Брыль, «З людзьмі і сам-насам»); «веллеризм» — польск. *I ja tam chwile filozoficznej zadumy. Staję sobie na moście nad Wisłą, od czasu do czasu spluwam na fale i myślę przy tym: «Panta rei»* (S.E. Lec, «Myśli nieuczesane») и т.п.

Текстовая форма афоризма квалифицируется как один из его собственно лингвистических признаков [16. С. 683 — 689], поэтому разграничение афоризма как отдельного текста и как части (компонента) иного текста, пусть даже самого малого, имеет в данном случае принципиальное значение. Свойство афоризма порождаться и функционировать в разных видах дискурса в качестве отдельного текста обусловлено еще одним его признаком — дискурсивной автономностью [16. С. 681 — 683], которая присуща всем без исключения афоризмам (как текстам, так и элементам других текстов).

Следует отметить, что употребление афоризма в художественных или фольклорных текстах не лишает его дискурсивной автономности даже в тех случаях, когда афоризм используется в тексте в структурно неоформленном или в трансформированном виде [35]. Традиция такого использования афоризма в тексте восходит еще к античности, а в европейской литературе распространилась во времена У. Шекспира, в большинстве произведений которого, особенно в сонетах, содержится значительное количество афоризмов в видоизмененной в контексте форме, напр.: *This thought is as a death which cannot choose but weep to have that which it fears to lose* (Sonnet 64) — *Death cannot choose* (the aphorism); *...despite thy wrong, my love shall in my verse ever live young* (Sonnet 19) — *Love shall in verse ever live young* (the aphorism); *Your name from hence immortal life shall have, though I...* (Sonnet 81) — *Name immortal life shall have* (the aphorism); *Not marble, nor the gilded monuments*

shall outlive this powerful rhyme; but you shall shine... (Sonnet 55) — *Not marble, nor the gilded monuments shall outlive powerful rhyme* (the aphorism); *To me, fair friend, you never can be old...* (Sonnet 104) — *A fair friend can never be old* (the aphorism); *...sunset fadeth in the west, which by and by black night doth take away, death's second self, that seals up all in rest* (Sonnet 73) — *Death seals up all in rest* (the aphorism); *My spirit is thine, the better part of me...* (Sonnet 74) — *Spirit is the better part* (the aphorism); *Poor soul, the centre of my sinful earth...* (Sonnet 146) — *Soul is the centre of sinful earth* (the aphorism); *...you pace forth; your praise shall still find room even in the eyes of all posterity that wear this world...* (Sonnet 55) — *Praise shall still find room in the eyes of posterity* (the aphorism) и т.д. [36].

Афоризмы, которые были порождены как структурно-содержательные компоненты различных текстов, в том числе и минимальных, как правило, не составляет большого труда выделить в виде отдельных текстов, что широко используется при составлении многочисленных афористических справочников. Симптоматичным в этой связи является тот факт, что подавляющее большинство словарей и сборников афоризмов более чем на 90% состоят именно из единиц, извлеченных из литературных текстов разных жанров [37 — 39].

Афоризм и основные классы малых текстовых форм

Наибольшую теоретическую и прикладную значимость имеет характер соотношения афоризма и четырех основных классов малых текстовых форм, в число которых входят литературные изречения, однофразовые тексты, паремии, а также национальные разновидности минимальных текстов.

Афоризмы и литературные изречения

Исследование показало, что афоризмы могут употребляться не только в заметно больших, чем он по линейным размерам малых текстовых формах, но и в таких минимальных текстах, как «литературные изречения», синтаксическая форма которых варьируются от одной фразы до нескольких фраз, объединенных выражением одной сложной мысли, напр.: *В основании всех человеческих добродетелей лежит глубокий эгоизм. И чем добродетельнее дело — тем более тут эгоизма. Люби самого себя — вот одно правило, которое я признаю. Жизнь — коммерческая сделка...* (Ф.М. Достоевский) [37], где употребляется целых три афоризма (выделены полужирным шрифтом), из которых два первых по порядку содержательно связаны между собой, а третий соотносится с ними только в контексте данного литературного изречения, вне которого воспринимается как самостоятельное обобщение. Несмотря на это жанр «литературные изречения» необоснованно

отождествляется с афоризмами. Такое отождествление не имеет объективных оснований, поскольку фактическая возможность и фиксируемая регулярность включения одного текста в другой текст является достаточным условием для их разграничения как тестовых форм разного типа.

Есть и еще один критерий дифференциации литературных изречений и афоризмов как минимальных текстов разных типов — это, соответственно, отсутствие vs. наличие универсальной обобщенности содержания. Именно это свойство детерминирует как невозможность использования литературного изречения в качестве компонента афоризма, так и возможность использования афоризма в качестве структурной части литературного изречения, что является обычным и весьма распространенным в различных языках и национальных литературах, напр.: *Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный делается притеснителем и платит сторицею — и тогда горе побежденным* (М.Ю. Лермонтов, «Вадим»); англ. *Hang sorrow! Care will kill a cat, // And therefore let's be merry* (G. Wither, «Verses for Christmas»); *І зямля — у жыцця, і ў жыцця — людзі. Дык адкуль адхіленне ўзялося, нібы свае свайго не пазнала і разышлося бязрадасна? (А. Разанаў, «Паэма сланечніка»); польск. *Nie zabijaj — rzekł — gdy masz się kim wyręczyć — dodał* (S.E. Lec, «Myśli nieuczesane») и т.п.*

Литературные изречения, которые не имеют обобщенно-универсального содержания, довольно часто включаются в различные сборники афоризмов, однако не могут рассматриваться как афористические, поскольку отражают частные, конкретные ситуации, содержат фактологическую информацию, не претендуют на типичность, используются в речи не в качестве элемента рассуждения, а для образной характеристики кого- или чего-либо в структуре описания или повествования, напр.: *Нельзя ли для прогулок // Подальше выбрать закоулков* (А.С. Грибоедов); англ. *Hell is empty and all the devils are here* (W. Shakespeare); польск. *Jestem człowiekiem i nic, co ludzkie, nie jest mi obce* (Terencjusz); бел. *Была вясна, было імкненне, // І сэрца ведала тамленне* (Я. Колас, «Новая зямля») и т.д.

Как видим, литературные изречения и афоризмы — это два весьма близких, но разных типа малых текстовых форм, отношения между которыми можно квалифицировать как «взаимное пересечение», т.е. все без исключения «литературные афоризмы» как класс афоризмов включаются в объем понятия «литературное изречение», но не все литературные изречения являются по своей семантике афоризмами. В свою очередь, отношения между афоризмом и такими видами литературных изречений, как «сентенция», «максима», «грегерия», «парадокс» могут либо быть родовидовыми, если они имеют обобщенно-универсальное содержание, либо носить метаязыковой характер, если такого содержания у них нет (сентенции, максимы, грегерии, парадоксы, в которых действительность не обобщается, нет никаких иных оснований

называть афоризмами). Метаязыковые отношения возникают в случае использования понятий и терминов «сентенция», «максима», «грегерия», «парадокс» для обозначения семантических или иных видов афоризма [20. С. 115 — 126].

Аналогичные отношения имеют место между афоризмами и теми из литературных изречений, которые приобрели широкую известность, массовую воспроизводимость в речи и перешли в разряд «крылатых слов» (или «крылатых цитат»). Крылатые слова и цитаты в современной коммуникации, особенно в электронном дискурсе, все чаще употребляются в виде самостоятельных текстов, широко используются в качестве интертекстуальных и метатекстовых элементов [40; 41]. Пародийные и шуточные трансформации крылатых слов и цитат как отдельных текстов стали в последнее время массовым явлением и породили (по аналогии с известными «антипословицами») новый тип малой текстовой формы — «антицитаты» [20. С. 42 — 45], которые в некоторых национальных литературах и лингвокультурах развились в самостоятельный речевой жанр (например, в белорусской [42; 43]).

Афоризмы и однофразовые тексты

Неоднозначным в современной лингвистике остается квалификация отношения афоризма к такой гетерогенной группе малых текстовых форм, как «однофразовые (или фразовые) тексты», которые состоят всего из одной фразы (формально из одного простого или сложного предложения безотносительно количества входящих в них слов), однако при этом имеют самое разнообразное содержание, многочисленные жанровые формы и широко функционируют в различных сферах коммуникации во всех существующих видах дискурса (в устном, письменном и электронном).

Однофразовые тексты являются специфическим типом как минимального текста, так и текста вообще, поскольку они имеют сверхкраткую синтаксическую форму, в них нет границы между отдельным предложением и целым текстом. Отсутствие такой границы делает, в свою очередь, весьма условной границу между письменной и устной речью, благодаря чему порожденные в письменной речи однофразовые тексты быстро проникают в устную речь, где приобретают широкое распространение как устойчивые фразы, а массово воспроизводимые в устной речи устойчивые фразы легко фиксируются на письме и обретают в письменной речи текстовую форму (как текст либо как интертекст), становятся фразами-текстами.

Происхождение однофразовых текстов восходит к глубокой древности — это и древнейшие монументальные надписи, и изречения старых мудрецов (Древней Греции, Древнего Китая и др.), и классические эпиграммы (ритуальные и иные надписи на предметах), и эпитафии, и паремии (пословицы, хозяйственные изречения, устойчивые юридические формулы,

календарные и суеверные приметы и др.). Данные и многие другие типы минимальных текстов (девизы, рекламные слоганы, моностихи, надписи под рисунком и т.д.) могут иметь только однофразовую форму и на этом основании образуют множество гомогенных единиц, что позволяет выделить их в самостоятельный объект языкознания.

В фундаментальной работе Э.М. Береговской «Стилистика однофразового текста» (2015) афоризм рассматривается в качестве одного из основных видов однофразовых текстов (наряду с половицей, лозунгом, девизом, сентенцией и др.). Вместе с тем в работе не дается ни собственных определений, ни отсылок к существующим дефинициям понятий «афоризм» и «афористичность», хотя однофразовому тексту приписываются качества, присущие также и афоризму, например, «монофрастичность» («первый и главный признак», который «отличает однофразовый текст от любого другого»), «преобладание автосемантии», «тенденция к клишированию», «способность к разнообразным трансформациям» и др. [26. С. 309 — 311]. В связи с этим возникают проблемы соотношения, во-первых, понятий афоризма и однофразового текста, а во-вторых, соответственно, афористичности и монофрастичности. Решение этих проблем является значимым как для таксономии малых текстовых форм, так и для лингвистической теории афоризма как текста.

Так, вопреки Э.М. Береговской афоризм нецелесообразно в рамках языкознания, во-первых, квалифицировать как некий «канонический текст» (в понимании исследователя, как текст, имеющий некую каноническую форму, данную изначально, а потому не требующий специального определения), а во-вторых, рассматривать как специфический в кругу однофразовых текстов [26. С. 22]. Афоризм как лингвистический объект по своим характеристикам является сложным (может образовывать с другими лингвистическими объектами более одного множества), однако обладает собственными признаками (понимаемыми лингвистами по-разному, но всегда определяемыми), главным из которых является признак афористичности (также понимаемый весьма по-разному, но всегда выделяемый) [16]. Если обратиться к традиционному (зафиксированному в толковых словарях и энциклопедических справочниках) пониманию термина «афористичности» как краткости, лаконичности и т.д. (что характеризует форму афоризма), то в этом случае понятия афористичности и монофрастичности полностью совпадают, так как в самом широком смысле афоризм определяется как краткая лаконичная фраза с синтаксической структурой предложения (соответственно, понятия афоризма и однофразового текста также оказываются тождественными). Такое тождество (когда каждый афоризм — это однофразовый текст, а каждый однофразовый текст — это афоризм) является парадоксальным, поскольку на самом деле понятия однофразового текста и афоризма находятся в отношениях гиперонимии (всякий афоризм является однофразовым текстом, но не всякий однофразовый текст является афоризмом). Указанный парадокс нейтрализуется, если обратиться к семантическому аспекту афористичности —

обобщенности содержания. В таком случае понятия афористичности и монофрастичности (равно как и понятия афоризма и однофразового текста) образуют непротиворечивую гиперонимическую пару, что соответствует действительности (каждый афоризм — это, несомненно, однофразовый текст, но только тот однофразовый текст является афоризмом, который имеет обобщенно-универсальное содержание).

На этом основании афоризм нельзя рассматривать в качестве типа однофразового текста, как это делает Э.М. Береговская [26. С. 23 — 24], поскольку качество афористичности в его семантическом аспекте (как отражение действительности в обобщенно-универсальном плане) может быть характерно для большинства из 70-ти известных дискурсивных и жанровых разновидностей текста, состоящего из одной фразы. Так, афоризмом (афористической фразой) может быть и «пословица», и «календарная примета», и «монотих», и «лирическая миниатюра», и «эпиграмма», и «девиз», и «рекламный слоган», и «плакатный текст», и «надпись под рисунком или фотографией», и «запись в альбоме», и «автограф на книге», и «граффити», и «тост», и «ходячая шутка», и «пародия», и «футбольная кричалка», и «крик уличного торговца», и «приписка к чужому тексту», и «надпись на памятнике, на значке, на майке, на часах, на спортивном кубке» и т.д., но только в том случае, если они имеют обобщенно-универсальное содержание (являются афористичными в семантическом плане).

Афоризмы и паремии

Исследование показало, что объем понятия «фольклорные афоризмы» ни качественно, ни количественно не соответствуют объему понятия «паремия», хотя в последнее время во многих национальных филологических традициях (в том числе при описании языка и фольклора коренных народов России) принято выделять «афористические жанры фольклора», подразумевая под ними именно однофразовые паремии (все без исключения пословицы, поговорки, присказки, прибаутки, а также во многих случаях весьма близкие им загадки, народные приметы и т.д.).

Из всех существующих однофразовых разновидностей паремий только пословицы характеризуются обобщенно-универсальным содержанием, поэтому фольклорные афоризмы обычно отождествляют с пословицами. Однако около 15% единиц, которые обычно включают в разряд пословиц, не имеют такого содержания (ничего не обобщают, а только характеризуют типичные ситуации, в которых действуют определенные лица в конкретных обстоятельствах). Такие единицы встречаются в современных словарях пословиц, попадая туда из паремиографических и иных справочников XIX века, когда разграничение пословиц (народных афоризмов) и поговорок (фразеологических выражений) было еще условным. Симптоматично при

этом, что не имеющие обобщенно-универсального значения единицы семантизируются и иллюстрируются в паремиологических словарях, как правило, по образцу фразеологизмов, а не пословиц (с обязательным указанием на субъекта, который характеризуется при помощи данной единицы в речи), напр.: *Вор у вора дубинку украл*. Мошенник мошенника перехитрил. — *А кто же, по-вашему, виноват? — А по-моему — оба виноваты...* *Вор у вора дубинку украл, вот и завели суд* (Д.Н. Мамин-Сибиряк, «В горах») [44. С. 73]; бел. *Ад бяды ўцёк, а ў гора трапіў*. Пра таго, хто з адной бяды трапіў у яшчэ большую. *Каб не выгналі яго, ён павінен сам штодня выганяць людзей на панскія палаткі, стаяць над імі груганом...* *Вось так, Яўхім, Міхайлаў сын, ад бяды ўцёк, а ў гора трапіў* (У. Ліпскі, «Невядомы») [21. С. 133].

Не имеющие обобщенно-универсального значения однофразовые паремии целесообразно рассматривать в терминах лингвистики не в качестве пословиц (или паремиологических единиц как класса афористических единиц), а в качестве фразеологических единиц и обозначать либо как непословичные «устойчивые фразы» (согласно широко распространенной терминологии), либо как разновидность «фразеологизмов со структурой предложения» [45. С. 69], либо как «речевые формулы» [45. С. 78 — 81], напр.: *Вместе тесно, а врозь скучно* (кому); англ. *Care killed a cat* ‘Забота убила кошку (чья)’; *Do as I say, not as I do* ‘Делай, как я скажу, а не как я делаю (кто кому)’; польск. *Handluje jak diabeł o dusze* (кто); ***Rozumu aż nadto, ale statku brakuje*** (у кого); бел. *Пашкадаваў воўк кабылу, пакінуў хвост ды грыву* (кто каму); *Развязаўся мех не на смех* (у каго) и т.п.

Разграничение пословиц (как разновидности афористических единиц) и фразеологизмов (как не афористических единиц) является принципиальным для их лингвистического описания, поскольку первые являются одной из малых текстовых форм (однофразовыми текстами) и обладают соответствующими признаками и функциональными свойствами, а вторые текстами не являются, хотя и могут при определенных условиях употребляться в функции того или иного минимального текста (девиза, надписи на предмете, рекламного слогана, плакатного текста и др.).

Особенную значимость такое разграничение приобретает при изучении пословиц в языках народов с архаичной или традиционной культурой, в том числе в языках коренных и/или малых народов России как в теоретическом плане, так и в прикладном аспекте (вопросов перевода, лексикографирования, обработки для электронных баз данных и др.). Пословицы таких народов часто имеют специфическую форму, детерминированную этнокультурным своеобразием их языка и фольклора.

Так, большинство тувинских пословиц имеет двухчастную структуру, основанную на параллелизме, при этом для одной части характерны природные образы, а для другой — социальные. Каждая часть такой тувинской пословицы представляет собой фразу (часто афористическую), имеющую само-

стоятельный смысл и вызывающую собственные ассоциации, когда «под воздействием пословичной образности в сознании носителей языка возникают две параллельные картинки-миниатюры, причем обобщенное значение пословица приобретает в результате объединения обоих образных представлений действительности» [46. С. 23], напр.: *Аксың-биле аал көжүрбе, // Дылың-биле дым ужурба* ‘Разговором (речами, на словах) аал не переселяй, Языком лиственницу не руби (не вали)’; *Кижги кижиден каралыг, // Киши киштен каралыг* ‘Человек человека чернее (злее), Соболь соболя чернее’ и т.п. Вместе с тем в тувинском языке функционирует заметное количество пословиц, имеющих только одну структурную часть и поэтому весьма близких фразеологическим единицам, не образующим отдельные тексты и имеющим совсем иную семантику и условия ее реализации в речи, что порождает проблему их соответствующей квалификации в каждом конкретном случае.

Как показывают новейшие исследования, от того насколько правильно будет определена и описана текстовая форма пословиц, зависит правильность их перевода на другие языки [46], лексикографической репрезентации [47], описания как минимальных текстов в аспекте их внутренней организации [48], а также сопоставления с пословицами других языков как в диахроническом плане [49], так и в рамках языковой типологии [50], что приобретает особую значимость при дифференциации в пословичных фондах конкретных языков общего с другими языками и национально специфического [51].

Афоризмы и национальные разновидности малых текстов

Отдельные национальные разновидности литературных текстов малых жанров («бейт» и «рубай» в литературах Ближнего и Среднего Востока, японские «хайку» и «танка», малайский «гуриндам», тагальская «танага», древнегреческая «гнома (в форме дистиха)», польская «фрашка» и др.) весьма часто имеют обобщенно-универсальное содержание и поэтому являются афористическими. Однако их нельзя выделить в общую гомогенную группу афоризмов в силу ограничения их в содержательном и/или структурном плане определенными свойствами, детерминирующими стандартность («твердость») данных малых текстовых форм.

Как известно, «рубай» — это всегда четырехстишия со сложной ритмикой на лирическую тему с философским размышлением; «хайку (хокку)» — строфа из трех строк без рифмовки с неизменным количеством слогов в каждой строке (5+7+5) и лиричным содержанием, не лишенным медитативности; «танка» — пятистрочная строфа, в которой 31 слог, имеющая глубоко интимно-лирическое и часто рефлексивного содержание, «корни которого — в человеческом сердце», по выражению древнего японского поэта Цураюки (IX — начало X века); «гнома» — это всегда дистих философско-

морализаторского содержания; «фрашка» — это в основном двух- или четырехстрочная строфа юмористического или пикантного содержания и др., напр.: «рубаи» — *Благородство и подвиг, отвага и страх — // Все с рожденья заложено в наших телах, // Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже — // Мы такие, какими нас создал аллах!* (О. Хайям, «Рубаи»); «хайку (хокку)» — *Благороден, кто // Не скажет в блеске молний: // «Вот она наша жизнь!»* (Мацуо Басё, из «Хокку»); «танка» — *Когда бы в жизни // Ни с кем мы не сходились, // Тогда бы, верно, // Мы ненависти к людям // Как и к себе, не знали* (Асатада, из «Танки»); «гнома» — *Старость желанна, пока ее нет, а придет, порицают, // Каждому лучше всего, что не настало еще* (Менекрат, «Старость»); «фрашка» — польск. *Wdowę żonę pojmujesz, jakoby też stary // Żupan lubo schodzone kupił szarawary, // Choćby nie wiem jak siłę wdowy chwalby miały, // Przecię z poczętej becзки trunek jest zwierzały* (fraszka «Wdowożeniowi») и т.д. [21. С. 135]

Этнолингвокультурная специфика национальных разновидностей малых текстов не ограничивает их использование как жанровых форм в различных национальных литературах, в том числе весьма далеких от оригинальных и не всегда широко развитых в плане жанрового разнообразия. Так, достаточно многие национальные разновидности малых текстов и «твердые» поэтические формы представлены в русской литературе, есть они и в белорусской литературе, напр.: «хайку (хокку)» — *Кто назвал Любовь? // Имя ей он мог бы дать // И другое: Смерть* (В. Брюсов, «Танки и хай-кай»); «танка» — бел. *Усе знікае // І следу нат не кіне, // Як шэры попел // Ад чорнага агнішча, // Развеены вятрыскам* (М. Багдановіч, з цыкла «Японскія песні») и др. Однако наибольший интерес они представляют в национальных литературах коренных и малых народов России, где в отличие от русской литературы нередко приобретают «местный» колорит, ассимилируют и трансформируются под влиянием традиционных у этих народов литературных и фольклорных жанровых форм. Так, в современной татарской поэзии получили широкое распространение и гномические дистихи, и рубаи, и танки, которые получили в ней «вторую жизнь» в творчестве многих поэтов. Дистихи «искони присущи татарской поэзии, в этом жанре продуктивно работал Адхат Синугыл-Куганаклы», а в творчестве М. Мирзы они, как и подобает классическим гномам, «требуют от читателя напряженной работы ума, напр.: *Весы поэзии, они точней иных, // Любую ценность можно взвешивать на них*» [52. С. 133]. У татар есть и «свои Омары Хайямы», например, «классические образцы восточной поэзии можно встретить у Радифа Гаташа, прекрасные образцы рубаи представлены в творчестве Т. Миннуллина, Д. Гарифуллина, Г. Мухамметшина» [52. С. 133]. Более чем показательны то, что «в татарской литературе возникла «татарская танка», являющаяся образцом медитативной лирики, возродившая жанр хикмета в новой форме миниатюры» [52. С. 134]. Своим возникновением «татарская

танка» обязана творчеству М. Мирзы, который усовершенствовал и широко использовал эту малую текстовую форму в своей книге пятистиший «Сын Адама», напр.: *Хвала и хворого поднимет, // хула же с ног собьет быка... // Таков от века сын Адама: // всегда готова ложка дегтя // с его сорваться языка...* [52. С. 134].

Как можно видеть, ни стандартная форма, ни заданный тип содержания национальных разновидностей литературных текстов малых жанров не является препятствием для выражения в них обобщенно-универсального взгляда на действительность, что делает их в этом случае афористическими. Соотношение афоризма и национальных разновидностей литературных текстов малых жанров можно определить как «взаимное пересечение» (по аналогии с отношением афоризма и литературного изречения), т.е. некоторые афоризмы создаются по образцу национальных разновидностей малых текстов, но афористическими (квалифицируемыми как афоризмы) являются только те из национальных разновидностей малых текстов, которые имеют обобщенно-универсальное содержание.

Следует отметить, что не все национальные разновидности малых текстов могут в силу своей специфики иметь обобщенно-универсальное содержание и, следовательно, вступать с афоризмами в те или иные парадигматические отношения (например, «лимерик», «триолет» и др.). С такими национальными разновидностями малых текстовых форм у афоризмов образуются только синтагматические отношения (афоризмы могут включаться в них в качестве структурных компонентов).

Заключение

Исследование показало, что понятие афоризма не следует отождествлять с представлением о какой-то своеобразной разновидности малых текстовых форм, будь то однофразовый текст, литературное изречение, паремия и т.д., поскольку такой признак афоризма, как текстовая форма, не является для него обязательным (значительное количество афоризмов образуется и массово воспроизводятся как речевые формулы или как единицы языка). Это означает, что у афоризма нет и не может быть какой-либо специфической текстовой формы, позволяющей выделить его как тип текста в кругу малых текстовых форм. В то же время афоризм благодаря таким своим обязательным признакам, как однофразовость и дискурсивная автономность, может порождаться и функционировать в качестве отдельного текста, который в разных видах дискурса (устном, письменном, электронном) может реализовываться в различных текстовых формах. С афоризмами не вступают в парадигматические отношения такие малые текстовые формы, которые имеют сверхфразовый объем и способны включать в себя афоризмы как структурные элементы.

Дифференциальным признаком афоризмов, на основании которых они противопоставляются как всем иным фразовым единицам языка / речи, так и всем иным малым текстовым формам, является обобщенно-универсальное содержание, которое манифестирует афористичность как уникальное свойство афоризма. Все однофразовые тексты, литературные изречения, паремии и иные малые текстовые формы могут быть либо афористичными (характеризоваться обобщенно-универсальным содержанием), либо не афористичными (не иметь обобщенно-универсального содержания). По отношению к афористичным однофразовым текстам, литературным изречениям, паремиям и т.д. понятие афоризма целесообразно квалифицировать как категориальное. В этом смысле афоризм может быть и однофразовым текстом, и литературным изречением, и паремией, и любой иной малой текстовой формой (если это не противоречит ее структурно-семантическим параметрам). По отношению ко всему корпусу однофразовых текстов, литературных изречений, паремий или иных малых текстовых форм устного, письменного или электронного дискурса понятие афоризма следует определять как классификационное в плане дифференциации их всех на «афоризмы» и «не афоризмы».

Библиографический список

1. Трунова Е.А. Малоформатный текст как объект лингвистического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 1. С. 49–53.
2. Иванов Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 10 (2). С. 381–401. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
3. Дмитриева О.А. Пословицы и афоризмы как лингвокультурные тексты. Саратов: Вузовское образование, 2015.
4. Королькова А.В. Афористика и жанры художественной литературы // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 51–60.
5. Иванова Ю.С. Слоган, пословица и афоризм // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 5. С. 130–133.
6. Харченко В.К. Сентенции в речевом жанре бытового разговора: сопряжение акустической и книжной культуры // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 68–75.
7. Зражевская Н.И. Коммуникация в интернете. Статусы как средство популяризации афоризмов в молодежной аудитории // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 67–69.
8. Степанов В.Н., Зарина Е.Н. Речевой жанр сентенции в социальных сетях: от изречения к мему // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 109–118.
9. Петренко В.Ф., Коротченко Е.А., Супрун А.П. Натюрморт как визуальный афоризм // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 7 (2). С. 26–44.
10. Мечковская Н.Б. Афористика: судьба жанра в семиотическом освещении // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich: opis, konfrontacja, przekład / red. I. Łuczaków, J. Sokołowski. Wrocław: UwW, 2002. S. 183–189.
11. Туманова Е.О. Афоризм как речевой жанр: этапы становления и развития (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1/1(43). С. 175–179.

12. *Горячева Е.Д.* Афоризм как целостный текст: механизмы структурно-семантической организации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 129–138.
13. *Ваганова Е.Ю.* Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности (на материале немецкого языка). Калининград: Аксиос, 2010.
14. *Мечковская Н.Б.* Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // Жанры речи. 2009. Вып. 6. С. 79–111.
15. *Наличникова И.А.* Афоризм как жанр, малоформатный текст и универсальное высказывание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4/3(58). С. 121–123.
16. *Иванов Е.Е.* Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. № 11 (4). С. 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
17. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
18. *Иванов Е.Е.* Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. № 20 (2). С. 167–185. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>
19. *Иванов Е.Е.* Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 88–91.
20. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилёв: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016.
21. *Glukhanko L., Ivanov E.* Aphorisms and small text forms: comparability and generality (in Belarusian, Russian, Polish, English) // *Językoznawstwo*. 2021. № (1) 15. S. 123–146.
22. *Эпштейн М.Н.* Однословие как литературный жанр // *Континент*. 2000. № 104. С. 279–313.
23. *Pratt M.L.* The Short Story: the Long and the Short of It // *Poetics*. 1981. № 10 (2/3). P. 175–194.
24. *Панченко К.І.* Лінгвістичні особливості текстів малої форми // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія філологічна. 2013. № 38. С. 213–214.
25. *Плотникова А.А.* Объем текста лирической интернет-миниатюры как ключевой признак жанра // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 23–26.
26. *Береговская Э.М.* Стилистика однофразового текста (на материале русского, французского, английского и немецкого языков). М.: URSS: Ленанд, 2015.
27. *Міхневіч А.А.* Афарыстыка Якуба Коласа (да пастаноўкі праблемы) // *Беларуская лінгвістыка*. 1983. № 22. С. 59–65.
28. *Іваноў Я.Я.* Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма. Магілёў: Брама, 2004.
29. *Королькова А.В.* Русская афористика. М.: Флинта: Наука, 2005.
30. *Беларуская мова: энцыклапедыя*. Мінск: БелЭн, 1994.
31. *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. М.: Наука, 1990.
32. *Литературный энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1987.
33. *Гаспаров М.Л.* Примечания к «Изречениям царей и полководцев» Плутарха // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград: Наука, 1990. С. 558–566.
34. *Москвин В.П.* Речевой жанр хрии: история изучения и типология // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 96–104.
35. *Ivanov E., Teslenko E.* Autonomous aphorisms (aphorism in the non-aphoristic text) // *West — East*. 2021. № 5 (1). P. 26–36.
36. *Глуханько Л.В.* Афористические единицы в сонетах Уильяма Шекспира // *Філологічні студії*. 2017. Вып. 16. С. 311–317.
37. *Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н.* Словарь афоризмов русских писателей. 2-е изд. М.: Русский язык-Медиа, 2005.
38. *Гаўрош Н.В., Нямяковіч Н.М.* Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў. Мінск: Вышэйшая школа, 2012.

39. Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku / под ред. Е.Е. Иванова. Могилёв: МГУ, 2005.
40. Ломакина О.В. Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления // Русский язык за рубежом. 2019. № 1 (272). С. 37–41.
41. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 10 (2). С. 256–272.
42. Иванова С., Иваноў Я. Антыцытаты ў сучаснай беларускай мове // *Phraseologische Studien: Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2010. S. 174–183.
43. Иванова С.Ф., Иваноў Я.Я., Шпакоўская В.А. Парадыйныя, іранічныя і жартоўныя трансфармацыі крылатых выразаў (да складання слоўніка беларускіх антыпрыказак) // *Acta Germano-Slavica*. 2010. Т. 4. С. 52–61.
44. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991.
45. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
46. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
47. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кузугет Ш.Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
48. Иванов Е.Е., Марфина Ж.В., Шкуран О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
49. Ivanov E., Petrushevskaja Ju. Etymology of English proverbs // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. № 8 (5). P. 864–872.
50. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. № 11 (4). С. 607–615. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
51. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 12 (4). С. 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
52. Хасанова Ф.Ф. Новый жанр в татарской литературе: «татарская танка» // Вопросы филологии. 2014. № 3–4(48). С. 131–135.

References

1. Trunova, E.A. (2010). Small text as an object of linguistic research. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 1, 49–53. (In Russ.).
2. Ivanov, E.E. (2019). Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 381–401. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
3. Dmitrieva, O.A. (2015). *Proverbs and aphorisms as linguocultural texts*. Saratov: University education. (In Russ.).
4. Korolkova, A.V. (2012). Aphorism studies and fiction genres. *Izvestia of Smolensk State University*, 2(18), 51–60. (In Russ.).
5. Ivanova, Y.S. (2011). The slogan, the proverb and the aphorism. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 5, 130–133. (In Russ.).

6. Kharchenko, V.K. (2015). Reasonings in speech genre of life-talk: combination of acusmatics and literary cultur. *Speech genres*, 1(11), 68–75. (In Russ.).
7. Zrazhevskaya, N.I. (2012). Internet communication. Statuses as a means of popularizing aphorisms in the youth audience. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity*, 2, 67–69. (In Russ.).
8. Stepanov, V.N. & Zarina, E.N. (2020). Maxim as a speech genre in social media: from saying to meme. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 1(20), 109–118. (In Russ.).
9. Petrenko, V.F., Korotchenko, E.A. & Suprun, A.P. (2010). Still life as a visual aphorism. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7, 2, 26–44. (In Russ.).
10. Mechkovskaya, N.B. (2002). Aphoristics: the fate of the genre in semiotic coverage. *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich: opis, konfrontacja, przekład*. Wrocław: UwW. pp. 183–189. (In Russ.).
11. Tumanova, E.O. (2015). Aphorism as speech genre: stages of formation and development (by the material of the german language). *Philology. Theory & Practice*, 1/1(43), 175–179. (In Russ.).
12. Goryacheva, E.D. (2020). Aphorism as a holistic text: Mechanisms of Structural and Semantic Organization. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 129–138. (In Russ.).
13. Vaganova, E.Yu. (2010). *Aphorism as a type of text in the aspect of intertextuality (on the material of the German language)*. Kaliningrad: Axios. (In Russ.).
14. Mechkovskaya, N.B. (2009). Genres of aphoristics and gradation of statements according to the degree of idiomaticity. *Speech genres*, 6, 79–111. (In Russ.).
15. Nalichnikova, I.A. (2016). Aphorism as a genre, compact text and universal statement. *Philology. Theory & Practice*, 4/3(58), 121–123. (In Russ.).
16. Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an object of linguistics: the main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
17. Ivanov, E.E. (2019). Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157–170. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170> (In Russ.).
18. Ivanov, E.E. (2022). Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, 20(2), 167–185. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185> (In Russ.).
19. Ivanov, E.E. (2009). Criteria for systematization of aphoristic material as an object of lexicographic description. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2(24), 88–91. (In Russ.).
20. Ivanov, E.E. (2016). *Linguistic aphorism*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Russ.).
21. Glukhanko, L. & Ivanov, E. (2021). Aphorisms and small text forms: comparability and generality (in Belarusian, Russian, Polish, English). *Linguistics*, (1) 15, 123–146.
22. Epshtein, M.N. (2000). One word as a literary genre. *Continent*, 104, 279–313. (In Russ.).
23. Pratt, M.L. (1981). The short story: the long and the short of it. *Poetics*, 10, 2/3, 175–194.
24. Panchenko, K.I. (2013). Linguistic features of short-form texts. *Scientific Notes of the National University "Ostroh Academy". Philological series*, 38, 213–214. (In Ukrainian).
25. Plotnikova, A.A. (2012). Text volume of lyrical internet miniature as the key genre indicator. *Tomsk State University Journal*, 354, 23–26. (In Russ.).
26. Beregovskaya, E.M. (2015). *Stylistics of a one-phrase text (based on Russian, French, English and German languages)*. Moscow: URSS: Lenand. (In Russ.).
27. Mikhnevich, A.Ya. (1983). Yakub Kolas aphorisms's (before setting the problem). *Belarusian Linguistics*, 22, 59–65. (In Belarusian).
28. Ivanov, Ya.Ya. (2004). *Differential signs of aphorism*. Mogilev: Brama. (In Belarusian).
29. Korolkova, A.V. (2005). *Russian aphoristics*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
30. Belarusian language: encyclopedia (1994). Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. (In Belarusian).
31. Fedorenko, N.T. & Sokolskaya, L.I. (1990). *Aphoristic*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

32. Literary encyclopedic dictionary (1987). Moscow: Soviet Encyclopedia Publ. (In Russ.).
33. Gasparov, M.L. (1990). Notes to Plutarch's Sayings of Kings and Generals. *Plutarch. Table talks*. Leningrad: Nauka. pp. 558–566. (In Russ.).
34. Moskvina, V.P. (2015). The speech genre of chreia: historical background and typology. *Speech genres*, 2(12), 96–104. (In Russ.).
35. Ivanov, E. & Teslenko, E. (2021). Autonomous aphorisms (aphorism in the non-aphoristic text). *West — East*, 5, 1, 26–36.
36. Glukhanko, L.V. (2017). The Aphoristic units in the sonnets of William Shakespeare. *Philological Studies*, 16, 311–317. (In Russ.).
37. Korolkova, A.V., Lomov, A.G. & Tikhonov, A.N. (2005). *Dictionary of aphorisms of Russian writers*. Moscow: Russian Language-Media. (In Russ.).
38. Gaurosh, N.V. & Nyamkovich, N.M. (2012). *Aphorisms of Belarusian writers*. Minsk: Higher School Publ. (In Belarusian).
39. *Dictionary of aphorisms and quotations from Polish literature XVI — XX century* (2005). E.E. Ivanov (Ed.). Mogilev: Mogilev University Press. (In Polish).
40. Lomakina, O.V. (2019). Catchwords (winged words) in the role of a modern newspaper headline: composition, usage trends. *Russian Language Abroad*, 1, 37–41. (In Russ.).
41. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Winged words in a modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 256–272. (In Russ.).
42. Ivanova, S. & Ivanou, Ya. (2010). Anti-Quotes in the Modern Belarusian. *Phrasologische Studien: Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Greifswald: E.M.A.-Universität. pp. 174–183. (In Belarusian).
43. Ivanova, S.F., Ivanou, Y.Ya. & Shpakouskaya, V.A. (2010). Parodic, ironic and humorous transformations of winged expressions (before the compilation of the dictionary of Belarusian anti-proverbs). *Acta Germano-Slavica*, 4, 52–61. (In Belarusian).
44. Zhukov, V.P. (1991). *Dictionary of Russian proverbs and sayings*. Moscow: Russian Language Publ. (In Russ.).
45. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (2008). *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow: Znak. (In Russ.).
46. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, 1, 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2> (In Russ.).
47. Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Nelyubova, N.Yu. & Kuzhuget Sh.Yu. (2021). A lexicographical description of Tuvan proverbs: principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *New Research of Tuva*, 4, 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> (In Russ.).
48. Ivanov, E.E., Marfina, Zh.V. & Shkuran, O.V. (2022). Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, 1, 47–68. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4> (In Russ.).
49. Ivanov, E. & Petrushevskaya, Ju. (2015). Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8, 5, 864–872.
50. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2021). Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, 11(4), 607–615. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615> (In Russ.).
51. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The national specificity of the proverbial fund: basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032> (In Russ.).
52. Khasanova, F.F. (2014). New genre in Tatar literature: «Tatar tanka». *Journal of Philology*, 3–4(48), 131–135.

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Республика Беларусь); *e-mail*: ivanov_ee@msu.by
ORCID: 0000-0002-6451-8111; Scopus Author ID: 57222386652.

Information about the author:

Eugene E. Ivanov, Doctor of Philology, Leading Research Fellow of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Language, Mogilev State A. Kuleshov University (Republic of Belarus); *e-mail*: ivanov_ee@msu.by
ORCID: 0000-0002-6451-8111; Scopus Author ID: 57222386652.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-925-936

УДК 81'373

Научная статья / Research article

Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с позиций бесконфликтного общения

Н.Н. Болдырев , И.В. Беляева

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

 boldyrev@tsutmb.ru

Аннотация. Интерпретирующие значения фразеологических единиц рассматриваются в контексте теоретико-методологических установок когнитивного подхода и основных положений теории языковой интерпретации с целью изучения в перспективе их роли в обеспечении бесконфликтного общения. Исследование проводится на материале фразеологизмов русского, английского и французского языков, что позволяет выявить общие тенденции и закономерности, присущие языку в целом. По мнению авторов, интерпретирующая природа фразеологизмов обусловлена тем, что их значения передают определенную интерпретацию уже существующих и ранее вербализованных знаний об объектах и событиях на основе устанавливаемого сходства с другими объектами и событиями той же или другой концептуально-тематической области и знаниями о них. Применяемый авторами метод когнитивного моделирования позволяет определить тип устанавливаемых отношений между разными сущностями, которые выступают в качестве концептуальной основы для формирования фразеологического значения. Предотвращение конфликтных ситуаций в процессе вербального общения, которые могут быть обусловлены не только несовпадением мнений и оценок, но и конфликтом имеющихся у участников коммуникации знаний в определенной области и их индивидуальной интерпретацией, непосредственно связано с выбором когнитивных механизмов формирования и понимания значений и смыслов, передаваемых в данном случае фразеологизмами. Анализ языкового материала показывает, что к когнитивным механизмам формирования интерпретирующих значений фразеологизмов относятся: профилирование, концептуальная метафора, концептуальное сравнение (аналогия), концептуальная метонимия и концептуальная метафтонимия. Профилирование при этом является универсальным когнитивным механизмом, предшествующим всем другим когнитивным операциям, которые связаны с порождением смысла.

Ключевые слова: фразеологическая единица, языковая интерпретация, интерпретирующее значение, когнитивный механизм, когнитивная модель, бесконфликтное общение

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00067) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

© Болдырев Н.Н., Беляева И.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 30.08.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Болдырев Н.Н., Беляева И.В. Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с позиций бесконфликтного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 925–936. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-925-936>

Cognitive Mechanisms of Phraseological Units Interpretive Meaning Construction in Relation to Conflict-Free Communication

Nikolay N. Boldyrev , **Irina V. Beliaeva**

Derzhavin Tambov State University,
33, *Internatsionalnaya Str., Tambov, Russian Federation, 392000*
 boldyrev@tsutmb.ru

Abstract. The authors examine the interpretive meanings of phraseological units from the perspective of a cognitive approach and within the framework of the linguistic interpretation theory in order to study their role in ensuring conflict-free communication in future research. The undertaken study covers the material from the Russian, English and French languages. The authors argue that the interpretive nature of phraseological units is due to the fact that their meanings convey a certain interpretation of already existing and earlier verbalized knowledge about objects and events. This interpretation takes as a basis the postulated similarity with other objects and events from the same or another conceptual domain and knowledge about them. The method of cognitive modeling applied by the authors makes it possible to determine the type of relationships between different entities, that make up a conceptual basis for phraseological meaning construction. In authors' opinion, conflict-free verbal communication is directly related to the choice of cognitive mechanisms for the construction of meaning, transmitted by phraseological units, that prevent its misunderstanding or misinterpretation. The analysis of the language material shows that the process of phraseological interpretive meaning construction employs cognitive mechanisms of profiling, conceptual metaphor, conceptual comparison (analogy), conceptual metonymy and conceptual metaphonymy, profiling being a universal cognitive mechanism that precedes all other cognitive operations.

Key words: phraseological unit, linguistic interpretation, interpreting meaning, cognitive mechanism, cognitive model, conflict-free communication

Financing. Acknowledgement:

The research was supported by RSF (project No 22-18-00067), Derzhavin Tambov State University.

Article history:

Received: 30.08.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Boldyrev, N.N. & Beliaeva, I.V. (2022). Cognitive Mechanisms of Phraseological Units Interpretive Meaning Construction in Relation to Conflict-Free Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 925–936. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-925-936>

Введение

Фразеологические единицы (далее — ФЕ) являются объектом пристального внимания исследователей на протяжении уже многих десятилетий. Им посвящены фундаментальные труды многих известных отечественных и зарубежных ученых (см., например: [1–6] и др.). К настоящему моменту предложены многочисленные трактовки, определения и классификации ФЕ, выделены различные их характеристики и функции. Многие из них широко обсуждались и обсуждаются в научной лингвистической литературе по сей день. Это избавляет нас от необходимости их детального рассмотрения в рамках предлагаемой, ограниченной по объему и целевой направленности, публикации. Подчеркнем лишь, что в своем исследовании мы исходим из широкого понимания ФЕ, охватывающего как идиоматические, так и неидиоматические сочетания слов. При этом с учетом поставленной задачи для настоящего исследования также особенно важно, помимо множества ранее выделенных специфических характеристик ФЕ, акцентировать внимание именно на интерпретирующем характере семантики ФЕ, обусловленном их интерпретирующей природой как единиц вторичной номинации.

Проблема заключается в том, что ФЕ представляют собой особый тип словосочетаний, значение которых одновременно предполагает знание о нескольких сущностях, принадлежащих к разным категориям или концептуально-тематическим областям. Именно эта их особенность и обеспечивает их использование в качестве средства языковой интерпретации знаний о мире, или вторичной языковой интерпретации мира, см. подробнее: [7], что, в свою очередь, дает основание говорить об интерпретирующем характере значений ФЕ в целом. При этом под языковой интерпретацией будем понимать процесс получения нового знания на базе уже существующего и ранее вербализованного знания, т.е. языковую познавательную активность, раскрывающую в своих результатах субъективное понимание человеком объекта интерпретации или его отдельных характеристик, см.: [8. С. 253].

Формирование ФЕ связано с переосмыслением уже представленного в языке знания в проекции преимущественно на другую концептуально-тематическую область, вследствие чего они выполняют функцию вторичной номинации, а их значения приобретают интерпретирующий характер. Например, значение фразеологизма *переполнить чашу (терпения)* сформировалось при интерпретации знания о том, что любая емкость имеет свой предельный объем, превышение которого приводит к тому, что ее содержимое выливается наружу. Данная характеристика названного объекта концептуально-тематической области АРТЕФАКТ ('емкость для хранения') проецируется на область АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ ('способность держаться в определенных рамках, терпеть, выдерживать'). В результате данной проекции формируется новое, интерпретирующее, значение, реализуемое фразеологизмом, 'выйти за рамки, превысить предел терпения, выдержки'.

Поскольку значения языковых единиц интерпретируются в рамках всей концептуальной системы человека, а каждая такая система индивидуальна по своей структуре и содержанию, то одни и те же значения ФЕ могут по-разному восприниматься участниками вербального общения, адресантом и адресатом. Соответственно, содержащаяся в них интерпретация конкретных объектов и событий может, в силу многих факторов, быть причиной недопонимания и разного рода конфликтов, связанных с разной трактовкой данной интерпретации. К числу таких факторов относятся различия возрастного, гендерного, социального (статусного), образовательного, культурного плана, а также использование конкретных механизмов, моделей и языковых средств структурирования передаваемой информации и формирования смыслов.

Понимание интерпретирующего значения ФЕ подразумевает взаимное адекватное (с точки зрения эффективности и бесконфликтности общения) распознавание участниками коммуникации заключенной в нем информации языкового и экстралингвистического характера. Это требует знания коллективной (с точки зрения определенного социума и культуры) и индивидуальной (конкретного человека) специфики процессов формирования значений и смыслов на концептуальном и языковом уровнях. Во многом эта специфика обусловлена также согласованным использованием одних и тех же когнитивных и языковых механизмов, как при формировании, так и при понимании передаваемых смыслов. Последнее определяет необходимость в первую очередь детального анализа данных механизмов на уровне фразеологии как одного из ведущих средств интерпретации знаний о мире, что и является основной целью исследования. При этом связь когнитивных механизмов с процессами бесконфликтного общения в рамках предлагаемой статьи рассматривается на уровне постановки проблемы и необходимости ее решения в перспективе.

Результаты

Анализ фактического материала русского, английского и французского языков дает основание предполагать, что к основным когнитивным механизмам формирования значений и смыслов ФЕ относятся механизмы профилирования, концептуальной метафоры, концептуального сравнения (аналогии), концептуальной метонимии и концептуальной метафтонимии. При этом универсальным когнитивным механизмом образования значений ФЕ является профилирование. Вслед за Р. Лэнкером, будем понимать под профилированием выделение одной или нескольких характеристик концепта в качестве определенного профиля на том или ином когнитивном основании [9. С. 3].

Применительно к теме исследования профилирование означает выявление концептуальной основы как модели формирования интерпретирующе-

го значения ФЕ. Например, в качестве конкретного профиля интерпретации концепта ВОЛК возможно выделение таких характеристик, как ‘опытность’ (*бывалый волк*), ‘специфика издаваемых звуков’ (*хоть волком вой*), ‘постоянное чувство голода’ (*волчий аппетит*), ‘специфика существования вне стаи’ (*одинокый волк*), ‘способность представлять опасность для человека’ (*волчье логово*), ‘агрессивность’ (*смотреть волком*) и др.

По утверждению Дж. Тейлора, профилирование влечет за собой структурирование концептуальной области посредством определенных образных схем или моделей [10. С. 85]. С помощью профилирования выделяются наиболее актуальные в конкретной ситуации характеристики того или иного фрагмента мира с целью интерпретации другой концептуально-тематической области. В частности, при формировании интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом, обозначающим, например, головной убор, у передаваемых концептов ШАПКА / ШЛЯПА, САР / НАТ, BONNET / CHAPEAU выделяются следующие профили, сопоставимые с действиями человека, которые позволяют интерпретировать действия и отношения человека соответствующим образом: 1) ‘использование для приветствия’ (рус. *шапочное знакомство*, англ. *touch one’s cap to smb.*, фр. *rester le bonnet à la main*), 2) ‘использование в качестве емкости’ (рус. *пустить шапку по кругу*, англ. *to go cap in hand*, фр. *mettre au chapeau*), 3) ‘головной убор’ (рус. *дать по шапке*, англ. *to put on one’s thinking cap*, фр. *parler à son bonnet*).

Выявленные путем профилирования характеристики фрагмента мира вовлекаются в последующие когнитивные преобразования для дальнейшей обработки и формирования значения ФЕ. Это обеспечивается сочетанием профилирования с другими когнитивными механизмами. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, «образная мотивация большинства идиом основана не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением соответствующей идиомы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в терминах других, т.е. на метафорах» [11. С. 102]. Интерпретирующие значения фразеологизмов образуются в результате взаимодействия разных концептуально-тематических областей, что соответствует пониманию концептуальной метафоры как механизма, позволяющего представить некоторую абстрактную область с помощью ее сопоставления с другой областью, обычно более конкретной и доступной эмпирическому наблюдению [12. С. 68], см. также: [13].

Реализация концептуальной метафоры как когнитивного механизма формирования значения осуществляется посредством переноса характеристик объекта одной концептуально-тематической области на объект, относящийся к другой области, по общей модели: ОБЛАСТЬ-ИСТОЧНИК → ОБЛАСТЬ-МИШЕНЬ, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [14]. Например, применимо к фразеологизмам с компонентом-зоонимом областью-источником служит концептуальная область ЖИВОТНЫЙ

МИР, а в качестве областей-мишеней могут выступать концептуальные области ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР и АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ.

Фразеологизмы, построенные по метафорическому принципу, могут основываться на интерпретации той или иной объективной (дескриптивной) или субъективной (ассоциативной, оценочной) характеристики. Объективная характеристика выявляется опытным путем при зрительном, слуховом, тактильном, обонятельном или осязательном контакте интерпретатора с фрагментом мира или опосредованно в процессе наблюдения. При этом устанавливаемые концептуальные связи между объектами имеют логическое обоснование, не вызывающее сомнения в реальном сходстве интерпретируемого и интерпретирующего объектов. Например: рус. *два сапога пара, больное место, далеко пойти, разливатьсья соловьем, комариный писк, на всех парах, с гулькин нос, глазом не моргнуть*; англ. *to be at home with smth., monkey see, monkey do, by a nose, trouble coming to a head, to pay home, wet blanket, a fat cat, right under smb.'s very nose*; фр. *servir de cobaye, une fine fleur, jeter l'argent à l'eau, sucer avec le lait, avoir un caractère de chien, un mangeur de livres, un avenir chargé de nuages, des mouches blanches* и т.д.

Субъективная характеристика связана с ассоциативно-чувственным восприятием окружающего мира. Интерпретирующие значения фразеологизмов, основанные на субъективном мнении интерпретатора, отражают его впечатления, а не реальное сходство интерпретируемой и интерпретирующей сущностей. Сравните: рус. *птичьего молока захотел, сердце в пятки упало, не от мира сего, губа не дура, кровь с молоком, шевелить мозгами, расшибаться в лепешку, для очистки совести*; англ. *to have a bee in one's bonnet, things look black, to have one's star in the ascendant, to send kisses, to know black from white, a sea of troubles, to be at sea, a bad apple*; фр. *un lait de poule, des papillons noirs, être dans le soleil, un déjeuner de soleil, avoir une chienne de tête, terre découlante de lait et de miel, une colère noire, son étoile pâlit* и др.

Наиболее широко интерпретируемой посредством фразеологии областью является концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК, что обусловлено антропоцентрической природой языка. Человек интерпретирует, прежде всего, знания о самом себе и своем окружении, основываясь на опыте взаимодействия с другими представителями общества, живой и неживой природой, естественными и искусственно созданными объектами. Анализ фразеологизмов, характеризующих человека, показал, что в рамках соответствующей концептуально-тематической области фразеологической интерпретации подвергаются следующие группы характеристик человека:

- внешний вид (общее впечатление о внешности, части тела, строение тела, черты лица, манера одеваться, мимика, прическа, походка, умение следить за своей внешностью);

- физические и физиолого-анатомические характеристики (рост, вес, голос, кинетика, возраст, сила, состояние здоровья);
- психические характеристики (уровень интеллекта, характер, поведение, моральный облик, психическое, эмоциональное состояние);
- социальные отношения (семья, работа, опыт, взаимоотношения с окружающими, социальный и профессиональный статусы, материальное положение);
- жизненно важные процессы и их составляющие (сон, прием пищи, гигиена);
- происходящие события (инициатором, исполнителем, участником, наблюдателем которых является сам человек или в которые он вовлечен тем или иным образом).

Многоплановость интерпретируемых характеристик определяет разнообразие метафорических моделей, составляющие которых, в свою очередь, зависят от сравнения человека с объектами живой или неживой природы. Так, интерпретирующие значения фразеологизмов, основанные на сопоставлении человека с другим живым существом, например, с животным, реализуются по следующим метафорическим моделям:

- ФИЗИЧЕСКОЕ (человек) ← ФИЗИЧЕСКОЕ (животное) (рус. *осиная талия*, англ. *a swan's neck*, фр. *un chat coiffé*),
- ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (человек) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (животное) (рус. *волчий аппетит*, англ. *an eager beaver*, фр. *dormir en lièvre*);
- СОЦИАЛЬНОЕ (человек) ← ОТНОШЕНИЯ (животное) (рус. *одинокий волк*, англ. *dog eat dog*, фр. *le mariage de la carpe et du lapin*);
- ПСИХИЧЕСКОЕ (человек) ← ПСИХИЧЕСКОЕ (животное) (рус. *заячья душа*, англ. *to play the bear*, фр. *faire l'autruche*);
- ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ (человек) ← ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ (животное) (рус. *щенячий восторг*, англ. *a jolly dog*, фр. *être d'une humeur de dogue*).

К основным характеристикам неодушевленных объектов относятся внешний вид (форма, размер, длина, цвет и т.д.) и выполняемые ими функции. Поэтому интерпретирующие значения ФЕ, основанные на аналогии между человеком и неживыми объектами, формируются преимущественно на базе двух моделей концептуальной метафоры:

- ФИЗИЧЕСКОЕ (человек) ← ВНЕШНИЙ ВИД (неодушевленный объект) (рус. *кровь с молоком*, англ. *in the flower of youth and beauty*, фр. *c'est une belle statue*);
- ПСИХИЧЕСКОЕ (человек) ← ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (неодушевленный объект) (рус. *ходячая энциклопедия*, англ. *a big pot*, фр. *avoir la régularité de l'horloge*)

К когнитивным механизмам формирования интерпретирующих значений фразеологизмов также относится концептуальное сравнение (аналогия). В отличие от концептуальной метафоры, основанной на отношениях смежно-

сти, концептуальное сравнение (аналогия) подразумевает перенос характеристики одного объекта на другой на основе отношений тождества [15. С. 26–27]. Рассмотрим некоторые примеры компаративных фразеологических моделей: рус. *как за каменной стеной* ‘под надежной защитой’ — АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ (состояние защищенности) = АРТЕФАКТ (качественная характеристика объекта (прочность)); *как рукой сняло* ‘устранило, свело на нет очень быстро и сразу, как будто и не было’ — АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ (образ действия и результат) = ЧЕЛОВЕК (использование человеком руки для совершения определенного типа действий и получения результата); *биться как рыба об лед* ‘тщетно, без результата’ — ЧЕЛОВЕК (безрезультатность действия) = ЖИВОТНЫЙ МИР (безрезультатное действие, совершаемое рыбой в определенной ситуации); *как сыр в масле* ‘жить в изобилии, легко и беззаботно’ — АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ (образ жизни) = АРТЕФАКТ (нахождение объекта в комфортной среде).

Перечисленные выше примеры объединяет то, что их интерпретирующие значения характеризуют действия, их результат, результирующие и общие состояния. В то же время компаративные модели могут интерпретировать не только действие или состояние, но и сам интерпретируемый объект посредством переноса на него качественной характеристики интерпретирующего объекта. Например, рус. *куда конь с копытом, туда и рак с клешней* ‘о том, кто пытается сравняться в каком-либо деле с тем, кто умнее, сильнее или важнее его’ — ЧЕЛОВЕК (разные способности) = ЖИВОТНЫЙ МИР (разные физические возможности представителей животного мира); англ. *hail with stones as big as peas* ‘град величиной с горошину’ — НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (размер осадков) = РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР (размер плодов растения); *(as) solid as a rock* ‘о непреклонном человеке’ — ЧЕЛОВЕК (психическая характеристика (стойкость)) = НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (качественная характеристика); фр. *dur comme du diamant* ‘очень твердый’ — АРТЕФАКТ (качественная характеристика) = НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (качественная характеристика (твердость)); *mince comme une pelure d’oignon* ‘тонкий, очень легкий (о ткани)’ — АРТЕФАКТ (качественная характеристика) = РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР (качественная характеристика (толщина луковой шелухи)).

Интерпретирующие значения ФЕ формируются также на основе механизма концептуальной метонимии, отличительной особенностью которого является ограниченность рамками одной концептуально-тематической области. В процессе метонимического переноса характеристик одна сущность используется для отсылки к другим, которые с ней связаны [14. С. 61–67]. При формировании ФЕ с помощью концептуальной метонимии реализуется прежде всего общая когнитивная модель ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ или ЦЕЛОЕ — ЧАСТЬ. Рассмотрим примеры реализации первого типа такой модели, в основе которой лежат гипо-гиперонимические отношения: рус. *под градусом* ‘о подвыпившем человеке’ — ЧАСТЬ (единица измерения крепости алко-

гольного напитка) — ЦЕЛОЕ (алкоголь); англ. *under warmer skies* ‘в более теплом климате’ — ЧАСТЬ (теплая погода) — ЦЕЛОЕ (теплый климат); фр. *un livre de chevet* ‘любимая книга’ — ЧАСТЬ (книга, лежащая у изголовья кровати) — ЦЕЛОЕ (книга, всегда находящаяся «под рукой»). Во втором типе той же модели реализуются гипер-гипонимические отношения: рус. *стереть с лица земли* ‘уничтожить’ — ЦЕЛОЕ (Земля) — ЧАСТЬ (обитатели Земли, природные объекты и артефакты Земли); англ. *for (the) table* ‘предназначенный в пищу’ — ЦЕЛОЕ (стол) — ЧАСТЬ (еда, которая подается на стол); фр. *ami de la maison* ‘друг семьи’ (букв.: друг дома) — ЦЕЛОЕ (место обитания) — ЧАСТЬ (обитатели).

Интерпретирующие значения фразеологизмов основываются на разного рода метонимических отношениях, соответственно существуют и более конкретные модели: ПРОЦЕСС — РЕЗУЛЬТАТ, ДЕЙСТВИЕ — ЦЕЛЬ, ПРИЧИНА — СЛЕДСТВИЕ, ОРГАН — ФУНКЦИЯ, ПРИЗНАК — ОБЪЕКТ и др. Обратимся к следующим примерам. Русский фразеологизм *Сфинксова загадка* ‘что-то непонятное, загадочное, неразрешимое’ основан на метонимической модели ОБЪЕКТ (статуя мифического существа) — ПРИЗНАК (загадочное происхождение и внешний вид); английский фразеологизм *to pick smb.'s brains* ‘использовать чужие мысли’ соответствует когнитивной модели ОРГАН (мозг) — ФУНКЦИЯ (мыслить); французская ФЕ *aller sous les fleurs* (букв.: ехать под цветами) ‘умереть’ образовалась по метонимической модели ПРИЧИНА (смерть) — СЛЕДСТВИЕ (тело умершего украшается цветами).

К когнитивным механизмам формирования интерпретирующих значений ФЕ относится и концептуальная метафтонимия, представляющая собой одновременное, комплексное сочетание метафорической и метонимической моделей. Так, русская ФЕ *золотые руки* ‘профессионал высокого уровня’ основана на метафтонимической модели ЧАСТЬ (рука) — ЦЕЛОЕ (человек), ЧЕЛОВЕК (способности человека) ← АРТЕФАКТ (ценность металла). Английский фразеологизм *to have a good nose* ‘иметь хорошее чутье’ реализует метафтонимическую модель ОРГАН (нос) — ФУНКЦИЯ (обоняние), АБСТРАКТНОЕ (чутье) ← ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ (способность различать запахи). Французская ФЕ *langue de bois* ‘язык грубой политической пропаганды’ образовалось по когнитивной модели ОРГАН (язык) — ФУНКЦИЯ (речь), АБСТРАКТНОЕ (низкое качество языкового оформления) ← МАТЕРИАЛЬНОЕ (низкое качество обработки материала).

Заключение

Обобщая вышеизложенное, необходимо констатировать, что анализ интерпретирующих значений ФЕ на материале трех языков свидетельствует о том, что высокая степень фразеологической образности обусловлена когнитивными механизмами формирования этих значений. Описанные когни-

тивные механизмы основываются на содержательных связях, которые могут устанавливаться как между объектами разных концептуально-тематических областей (концептуальная метафора, концептуальное сравнение (аналогия), концептуальная метафтонимия), так и в рамках одной области (концептуальная метонимия), за счет сходства их характеристик. Знание данных связей представляется существенным для понимания конкретного значения фразеологизма, так как они уточняют актуальный в конкретной речевой ситуации модус осмысления и интерпретации тех или иных характеристик соответствующих объектов и событий.

Концептуальная метафора, в частности, предполагает перенос характеристик одного объекта на другой на основании реальной или мнимой аналогии (объективного или субъективного выделения этих характеристик). Механизм концептуального сравнения реализуется при установлении тождества или аналогии характеристик интерпретируемого и интерпретирующего объекта. Метонимические модели основываются на смежности понятий, позволяющей одной сущности представлять или замещать другую, в то время как концептуальная метафтонимия одновременно сочетает в рамках единой модели метафорические и метонимические связи. Особая роль в процессе вторичной интерпретации объектов отводится профилированию, которое выступает в качестве универсального когнитивного механизма формирования семантики ФЕ, определяющего ее концептуальную основу и интерпретирующий характер.

Результаты анализа когнитивных механизмов формирования интерпретирующих значений ФЕ создают конкретную базу для уже детального исследования в перспективе их роли в обеспечении бесконфликтной языковой коммуникации за счет выявления возможных импликаций и инференций, которые могут появляться в конкретном контексте общения между представителями тех или иных социальных и культурных сообществ, а также за счет определения способов и языковых средств их нейтрализации, что может стать предметом отдельного обсуждения на следующем этапе изучения ФЕ в рамках поставленной проблемы.

Библиографический список

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
4. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
6. Guiraud P. Les locutions françaises. Paris: Presses Universitaires de France, 1962.
7. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20–28.

8. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
9. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin — N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
10. Taylor J.R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1995.
11. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак, 2008.
12. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1987.
13. Болдырев Н.Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVIII. С. 42–47.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. Арутюнова Н.Д. *Метафора и дискурс // Теория метафоры / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной*. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

References

1. Amosova, N.N. (1963). *Fundamentals of English Phraseology*. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University. (In Russ.).
2. Bally, Ch. (2001). *French style*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
3. Vinogradov, V.V. (1977). *Selected works. Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
4. Kunin, A.V. (1972). *Phraseology of Modern English*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russ.).
5. Telia, V.N. (1996). *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguo-cultural Aspects*. Moscow: School «Languages of Russian Culture». (In Russ.).
6. Guiraud, P. (1962). *Les locutions françaises*. Paris: Presses Universitaires de France.
7. Boldyrev, N.N. (2014). Interpretation of the World and Knowledge about the World in Language. *Cognitive Studies of Language*, 19, 20–28. (In Russ.).
8. Boldyrev, N.N. (2019). *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Moscow: Publishing House of YASK. (In Russ.).
9. Langacker, R.W. (1991). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin — N.Y.: Mouton de Gruyter.
10. Taylor, J.R. (1995). *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press.
11. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (2008). *Aspects of Phraseology Theory*. Moscow: Znak publ. (In Russ.).
12. Lakoff, G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago — London: University of Chicago Press.
13. Boldyrev, N.N. (2014). Metaphorical Interpretation of Human Relations with the Surrounding World. *Cognitive Studies of Language*, 18, 20–28. (In Russ.).
14. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
15. Arutiunova, N.D. (1990). Metaphor and Discourse. In: *Theory of Metaphor*. Moscow: Progress publ. pp. 5–32. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; e-mail: boldyrev@tsutmb.ru
ORCID: 0000-0001-6864-9859; Scopus Author ID: 56285294400; ResearcherID: I-9854-2017.

Беляева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессионального перевода Медицинского института, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; *e-mail*: rin_1901@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4897-4969; ResearcherID: GXZ-6217-2022.

Information about the authors:

Nikolay N. Boldyrev, Dr. in Philology, professor, honored science worker of RF, Director of the Center For Cognitive Research, Derzhavin Tambov State University; *e-mail*: boldyrev@tsutmb.ru

ORCID: 0000-0001-6864-9859; Scopus Author ID: 56285294400; ResearcherID: I-9854-2017.

Irina V. Beliaeva, PhD in Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Professional Translation, Derzhavin Tambov State University; *e-mail*: rin_1901@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4897-4969; ResearcherID: GXZ-6217-2022.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-937-955

УДК 811.161.1'23'37:316.752

Научная статья / Research article

Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y

Л.О. Бутакова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр. Мира, д. 55А

 larisabut@rambler.ru

Аннотация. Исследованы ассоциативный состав и смысловые области, стоящие за знаками, передающими ценности в языковом сознании носителей русского языка, принадлежащих к поколению Y (30–40-летних). Выявлены типы речевого действия в ситуации свободного и направленного ассоциативного эксперимента при реагировании на стимулы *ценности, семья, работа, работа какая* и т.п. Установлено отсутствие сложности когнитивной структуры ассоциативных полей, превалирование смысловых областей, представляющих социально и лично значимые нематериальные объекты, — семья, любовь, мораль, этика, человек, которые следует хранить, развивать, передавать. Установлен однозначный характер реагирования, четкие границы области стереотипа, низкий уровень проявления эмоции и оценки, частотность реакций-комплексов (рядов перечислений, например, ценности → безопасность, комфорт, стабильность, семья, свое дело, страна) в большинстве случаев направленного ассоциирования. Концентрация стереотипных смыслов (область частотных реакций ядра ассоциативных полей) выше при реагировании на стимулы *Работа какая..., Работа требует чего..., Семья какая...* Остальные стимулы вызывают примерное равенство стереотипных и индивидуальных способов реагирования. При выборе реакций значима опора на жизненный опыт респондентов.

Ключевые слова: языковое сознание, поколение Y, речевое действие, свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Бутакова Л.О. Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 937–955. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-937-955>

© Бутакова Л.О., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Words with Value Semantics in the Language Consciousness of Generation «Y» Representatives

Larisa O. Butakova

Dostoevsky Omsk State University,
55 A, Av. Mira, Omsk, Russian Federation, 644077

 larisabut@rambler.ru

Abstract. The author analyzes the composition of the associative content and the semantic areas behind the signs that convey values in the linguistic consciousness of native 30-40 years old speakers of the Russian language. Responding to incentives of family, work, money etc. revealed the types of speech action in the situation of a free and directed associative experiment. The actualization of meanings in the process of responding to value-significant stimuli established the uniformity of cognitive mechanisms, the absence of complexity in the cognitive structure of associative fields, the prevalence of semantic areas representing socially and personally significant intangible objects — family, love, morality, ethics, a person that should be stored, developed, transmit. Most of the cases of directed association are associated with the unambiguous nature of the response, clear boundaries of the stereotype area, a low level of emotion and evaluation, the frequency of complex reactions (series of enumerations, for example, values — security, comfort, stability, family, one’s job, country). The concentration of stereotypical meanings (the area of frequency reactions of the core of associative fields) is higher when responding to stimuli What kind of work ..., Work requires what ..., What kind of family The remaining stimuli cause an approximate equality of stereotyped and individual ways of responding. The life experience of the respondents had a significant impact on the choice of the type of speech action and the method of response.

Keywords: language consciousness, generation Y, speech action, free associative experiment, directed associative experiment

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Butakova, L.O. (2022). Words with Value Semantics in the Language Consciousness of Generation «Y» Representatives. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 937–955. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-937-955>

Введение

Проблема ценностей в аспекте культурной, этнической, социальной обусловленности чрезвычайно актуальна [1–11]. Семантическая направленность исследований слов-наименований ценностей вписывается в лингвистическую и психолингвистическую парадигмы описания качественных и количественных изменений, возрастной и социальной дифференциации смыслового состава слова, субъективной семантики, психологического значения единиц языка, характера речевого действия в разных ситуациях общения (ситуация эксперимента может быть интерпретирована так) [11–24]. Выбор аудитории реципиентов обусловлен малым количеством работ социолингвистическо-

го и психолингвистического профиля, в которых анализируются процессы субъективизации семантики единиц русского языка, выявляются тенденции формирования ценностных компонентов ментального лексикона представителей поколения Y (30–40-летних). Психолингвистическая направленность исследования, внимание к ценностным фрагментам сознания определяет его актуальность.

Методология, материалы, методы

Общая методология исследования основана на подходе к семантике слова как субъективно заданном психологическом феномене [12–14; 17], связанном с образом мира, формированием смысловых областей, стоящих «за знаком» и отражающих впечатления, мнения, представления, понятия о мире в той мере, в какой это зависит от личностных качеств и свойств носителей языка как представителей своего возраста, социального слоя, поколения и пр. Наблюдения социологов о личностных свойствах «игреков» (индивидуализм, стремление к смене деятельности, неуважение к иерархии, расчет на немедленное вознаграждение и др.); коммуникативных привычках (высокая контактность в виртуальной среде, ценность живого общения и т.д.); ценностях (удовольствия, успех, впечатления, опыт и др.) должны найти подтверждение / опровержение в процессах актуализации смысловых областей, связанных со знаками — наименованиями указанных феноменов, в ходе неподготовленного (свободного) и ограниченного (направленного) реагирования.

Свободный (САЭ) и направленный (НАЭ) ассоциативный эксперименты, проведенные в 2020–2021 гг. с реципиентами среднего возраста (30–40 лет, поколения Y, около 200 участников), анкеты предъявлялись письменно, ответы давались в ограниченном режиме времени. Ассоциативные поля составлялись от наиболее частотных реакций (ядро поля) к единичным (периферия), на базе каждого поля моделировалась когнитивная структура по методике Н.И. Кургановой [15; 16]. Реакции, образующие ассоциативные поля направленного эксперимента, классифицировались по принципу отнесения к когнитивному кластеру. Для всех реакций оценивались способы речевого действия респондентов [18–20; 22; 24]. При описании состава полей сохранена орфография и пунктуация респондентов. В статье анализируются ассоциативные поля стимулов *ценности, ценности — это..., ценности какие, семья, семья — это..., семья какая, работа, работа — это..., работа дает что..., работа нужна для чего... и пр.* и пр. Стимульный список определялся в ходе доэкспериментального опроса представителей данной возрастной группы, корректировался в пилотных АЭ и НАЭ с помощью стимулов *ценности, ценности — это..., ценности какие..., с ценностями что нужно делать... и пр.*

Результаты исследования

Когнитивная структура АП «ценности» имеет выраженное ядро, образованное 18-ю лексемами с частотностью от 15 до 2 (54,5%), периферию, включающую единичные реакции (45,5%) (см. таблицу 1).

Классификация реакций поля по когнитивному принципу (на основе выделения пропозиций, связывающих стимул и реакции) имеет следующий вид (см. схему 1 ниже).

Схема 1 / Scheme 1

Когнитивная структура ассоциативного поля «ценности» по данным свободного ассоциативного эксперимента / The Cognitive Structure of the Associative Field “Values” according to the free associative experiment

Ценности / Values:

Объекты [материальные и нематериальные] / Objects [tangible and intangible]: семья (15); любовь (9); мораль (4); честность (4); порядочность (2); отношения (2); безопасность, комфорт, стабильность, семья, своё дело, страна; верность; воспитание; воспитанность; добро; духовность; жизнь; здоровье, достаток, свобода действий и передвижений; искренность, честность, свобода; интерес; истина; качества; любовь и забота; надёжность; они; открытость, доброта, благодарности; память; понимание; православие; приоритет; приоритеты; правда; путешествия; путешествия, книги, развитие, музыка; свет; семья, здоровье; семья, стабильность, любовь; семья, чтение, саморазвитие; семья, заниматься любимым делом; целомудрие (68 г 48%) / цветы (3); бусики; драгоценности; камни; деньги (3); квартира; книги; финансы (9 г 6%) (77 г 54%)

Идентификация [это что] / Identification [what is it]: быть человеком; внутренний компас; не потерять себя, оставаться человеком не смотря ни на что; нематериальные качества; основа; приоритет; приоритеты; самое прекрасное; свет; свободна; синхронизация; то, что всегда со мной; цель (13 г 9%)

Какие [качества] / What [qualities]: семейные (10); вечные (6); духовные (4); меняются (3); мои (3); важны (2); должны быть (2); вечны; либеральные; любимые; маленькие; нематериальные качества; непреходящие; общечеловеческие; отличные; правильные; православие; разные; религиозные, семейные; спрятаны (44 г 31%)

Оценка / Valuation: важность; важно; да; значимость; самое прекрасное; хорошо; в садике (7 г 5%)

Состав поля вывил стабильность связей представлений о ценностях у «игреков» с семьей, любовью, духовными и моральными феноменами. Об этом свидетельствуют наиболее частотные реакции на этот стимул (*семья* (15 г, 12%); *семейные* (10 г, 8%); *любовь* (9 г, 7%); *вечные* (6 г, 5%) и др., а также единичные и малочастотные реакции. Качественно-количественный анализ свободных ассоциаций на этот стимул (моделирование когнитивной структуры поля) показал преобладание сектора нематериальных объектов (*семья* (15 г); *любовь* (9 г); *мораль* (4 г); *честность* (4 г); *порядочность* (2 г); *отношения* (2 г); *безопасность, комфорт, стабильность, семья, свое дело, страна; верность; воспитание; воспитанность; добро; духовность; жизнь; здоровье, достаток, свобода действий и передвижений* и др. 68 г, 48%) в 8 раз (названия материальных объектов — *цветы* (3 г); *деньги* (3 г); *драгоценности; камни; квартира; книги* и др. 9 г, 6%). Аналогичная картина наблюдается в секторе качеств, в со-

ставе которого — только реакции-наименования нематериальных признаков (*семейные* (10 r); *вечные* (6 r); *духовные* (4 r); *меняются* (3 r); *важны* (2 r); *вечны; либеральные; любимые; нематериальные качества* и др. 44 r, 31 %).

Направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ) подтвердил тенденции, выявленные в свободном ассоциативном эксперименте (см. схему 2 ниже). Ядро данного поля образуют 18 единиц (58 реакций), что составило 41 % от общего состава реакций, 85 реакций являются единичными (59 %) (см. таблицу 1).

Схема 2 / Scheme 2

**Когнитивная структура ассоциативного поля «ценности — это ...»
по данным направленного ассоциативного эксперимента /
The Cognitive Structure of the Associative Field “Values are...”
according to the data of the directed associative experiment**

Ценности это ... / Values are...

Объекты / Objects: семья (8); жизнь, здоровье (4); жизнь (3); правда (3); драгоценности (2); любовь (2); мораль (2); бриллианты; вера; воспитанность, здравомыслие; деньги; дети; душа; занятие; здоровье; камни; любовь, семья, уважение; любовь, дети, семья, то, что имеет смысл для тебя; нервы; отношения; память, культура; родители; родные, близкие, друзья; свобода; секс, жизнь, удовольствие; семья, любовь; семья, дети, любовь, искусство, благородство; страсть; счастье; ты; уважение и любовь; эмоции (**49 r 34 %**).

Идентификация [что это] / Identification [what is it]: ориентиры (4); основа (4); воспитание (3); внутренний стержень (2); жизненные ориентиры (2); качества (2); удовольствие (2); установки (2); без чего нет смысла жить важное в жизни; вера; внутренние установки; внутренний мир; воспитанность, здравомыслие; духовность; духовность человека; духовные составляющие; жизненные принципы; жизненные приоритеты; значимые понятия; инстинкт; исторические корни; костяк личности; личность. такой какой ты; лишняя трата времени; моральные и важные для человека установки; моральные ориентиры; нравственные ориентиры; общие убеждения; опора по жизни; ориентиры деятельности; основа человека; правила, нормы; принципы жизни; работа над собой; путь; самое важное для тебя; смысл жизни; сущность; устои; физические проявления любви;

то что важно в жизни; то что внутри; то что мы ценим; то что ценится человеком выше всего; то, во что веришь; то, из его складывается внутренний взгляд и мировоззрение человека; то, что дорого; то, на что ты опираешься при принятии каждого решения и совершения каждого действия; то, что важно; то, что для тебя важно; то, что нам важно; то, что прививают родители (12 r 8,4 %); что то важное для человека; это внутри нас; это не вещи; это основа жизни; это то, что у каждого разное (5r 3,5 %) (**73 r 51 %**)

Оценка / Valuation: важно (7); приятно (3); ?; важно и гордость; важное; важное в жизни; важность, значимость; смотря для кого; хорошо, когда есть; клево (**18 r 12 %**)

Пространство / Space: внутри меня; это внутри нас; семейные (**3 r 2 %**)

Продолжая высказывание ‘Ценности это...’, респонденты в большинстве случаев актуализировали смысловые области общей и частной идентификации (*ориентиры* (4 r); *основа* (4 r); *воспитание* (3 r); *внутренний стержень* (2 r); *жизненные ориентиры* (2 r); *качества* (2 r); *удовольствие* (2 r); *установки* (2 r); *без чего нет смысла жить важное в жизни; вера; внутренние установки; воспитанность, здравомыслие; духовность; духовность человека; духовные составляющие* и др. 73 r 51 %), а также область объектов, среди которых лидирует наименования нематериальных феноменов (*семья* (8 r); *жизнь, здоровье* (4 r); *жизнь* (3 r);

правда (3 г); *драгоценности* (2 г); *любовь* (2 г); *мораль* (2 г); *вера*; *воспитанность*, *здоровыймыслие*; *деньги*; *дети*; *душа*; *здоровье*; *любовь*, *семья*, *уважение*; *любовь*, *дети*, *семья*, *то, что имеет смысл для тебя* и др. (49 г 34 %) (см. схему 2).

При достраивании высказывания, направленного на качественную характеристику, ‘Ценности какие...’ респонденты чаще всего актуализировали области этических, социальных оценок (не случайно, этот кластер самый большой), приводя в качестве реакций прилагательные, словосочетания, предложения из сфер культуры, морали, духовности, нравственности (см. схему ниже). Для респондентов было важно подчеркнуть личностную сферу при определении стимула с помощью реакций *семейные* (12); *мои* (5); *личные* (2); *внутренние* и пр., а также акцентировать смысловой аспект стабильности и изменчивости — *вечные* (5); *разные* (4); *у каждого свои* (3); *меняются* (2); *разные* (2); *вечные*, *материальные*, *духовные*; *гибкие*; *меняющиеся*; *многовековые* и пр. Заметно, что при такой формулировке стимула реагирование из области объектом менее актуально (см. схему 3). Данное поле включает ядро, состоящее из 22-х единиц (86 реакций), охватывающее 60 % общего состава, и периферию, образованную 57-ю реакциями (40 %) (см. таблицу 1).

Схема 3 / Scheme 3

**Когнитивная структура ассоциативного поля «ценности какие ...»
по данным направленного ассоциативного эксперимента /
The Cognitive Structure of the Associative Field “Value is what ...”
according to the data of the directed associative experiment**

Ценности какие ... / What are the values...:

Объекты / Objects: семья (4); верность, дружба, поддержка; дети, развитие; дружба, любовь, уважение к ближнему; уважение, преданность, порядочность, любовь, милосердие; честность, порядочность, забота о близких, духовность, вера. (9 г 6 %)

Этические, социальные оценки / оценки / Ethical, social assessments / assessments: высшее (12); важные (7); духовные (4); духовные и материальные (4); значимые (3); моральные (3); главные (2); материальные и нематериальные (2); не материальные (2); непреложные (2); непреходящие (2); человеческие (2); духовные (2); будь счастлив сам, помоги быть счастливым близким и не мешай быть счастливыми другим; важные, значащие; вечные, материальные, духовные; возвышенные; высшее, дорогое, хорошее; духовные, социальные; жизненные; житейские; качественное; культурные; моральные, духовные, человеческие, семейные; моральные, этические, материальные; моральные и материальные; не только материальные; недооценённые; незыблительные; нормальные; нравственные; нравственные, моральные, материальные; определённые; определяющие; очень важны в жизни; прогрессивные; разные: семейные, личностные, деловые; редкие; самые дорогие; семейные, нравственные; справедливые; те, что вложили в человека и сформировались на протяжении жизни; уважительные (78 г 54 %)

Личная сфера / Personal sphere: семейные (12); мои (5); личные (2); внутренние; личностные; личные и общественные; свои; семейные, нравственные; твои (25 г 17 %)

Динамика / статика / Dynamic / static: вечные (5); разные (4); у каждого свои (3); меняются (2); разные (2); вечные, материальные, духовные; гибкие; каждому свои; любые; меняются; меняющиеся; многовековые; незыблительные; разные: семейные, личностные, деловые; устойчивые но под-вижные; устоявшиеся (27 г 18 %)

Ассоциации / Associations: аккуратные; блестящие; затрудняюсь ответить; зеленые; какие; много канатные (6 г 4 %)

Ассоциативное портретирование семьи имеет сходный вид с точки зрения выбора стереотипных и индивидуальных речевых действий. Ядро АП «семья» образовали 22 единицы (89 реакций), что составило 62 % от общего состава. Периферия включает 54 реакции (38 %) (см. таблицу 1). Можно говорить о наличии в сознании респондентов определенного набора «предпочтительного реагирования».

Свободное реагирование на стимул ‘семья’ выявило перевес комплекса, состоящего из когнитивных областей идентификации и оценки (см. схему 4 ниже) (*любовь* (16 г); *дом* (6 г); *вместе* (3 г); *взрыв* (3 г); *счастье* (3 г); *тепло* (3 г); *опора* (2 г); *поддержка* (2 г); *покой* (2г); *удовольствие* (2 г); *вкус*; *гармония*; *дружба*; *душа*; *защита*; *крепость*; *мир*; *поддержка и интерес* и др. (57 г 40 %), субъектов (*дети* (16 г); *дочь* (2 г); *мама* (2 г); *муж* (2 г); *папа* (2 г); *родители* (2 г); *двое детей*, *разведена*; *друзья*; *жена*; *люди*; *мама папа я и моя сестра* и др. 41 г 29 %), качеств (*моя* (7 г); *полная* (4 г); *любимая* (3 г); *большая*; *главное*; *многодетная*; *лучшая*; *крепкая*; *самое главное* и др. 26 г 18 %). Можно предположить, исходя из количественного соотношения полученных кластеров, что в первую очередь стимул связан в сознании представителей поколения Y с чувствами, эмоциями, перцептивными качествами, состояниями, возрастными ощущениями, которые переживаются в «первой» (родительской) и второй (собственной) семье. Не случайно несколько второй по объему кластер — субъектов, среди реакций которого находятся наименования разных поколений (см. схему 4 ниже).

Схема 4 / Scheme 4

**Когнитивная структура ассоциативного поля «семья»
по данным свободного ассоциативного эксперимента /
The Cognitive Structure of the Associative Field “Family”
According to the Data of a Free Associative Experiment**

Семья / A family:

Субъекты / Subjects,: дети (16); дочь (2); мама (2); муж (2); папа (2); родители (2); двое детей, разведена; друзья; жена; люди; мама папа я и моя сестра; Лена; любимая. муж, 2 сына; отец; муж ребёнок; сын, родители, предки; четыре человека; близкие и родные; любимые; родители; с любимым (41 г 29 %)

Качества / Qualities: моя (7); полная (4); любимая (3); большая; в разводе; в разводе, есть дочь; главное; отличный; приватный; многодетная; счастливый (2); лучшая; крепкая; самое главное (26 г 18 %)

Идентификация + оценка / Identification + assessment: любовь (16); дом (6); вместе (3); взрыв (3); счастье (3); тепло (3); опора (2); поддержка (2); покой (2); удовольствие (2); вкус; гармония; далеко; дело; детство; дружба; душа; защита; крепость; мир; поле; ; поддержка и интерес; разочарование; рай; церковь (57 г 40 %)

Ассоциации и оценки / Associations + assessment: есть (3); холост (2); да; нет; нету; регулярно; хорошо (10 г 7 %)

Что дает / требует / What gives/requires: ласки; любовь и дружба; много сил; поддерживает; спокойствие; страсть; традиции; физиология; забота (9 г 6 %)

Завершая высказывания ‘Семья какая...’ в процессе направленного реагирования, респонденты чаще всего следовали стереотипным маршрутом, поэтому в ядре поля оказались 13 единиц (112 реакций), что составило 78 % от общего объема поля. Только 31 реакция была единичной (22 %).

Направленная речевая деятельность, требовавшая качественной характеристики стимула, чаще всего провоцировала выбор речевых действий, связанных с актуализацией человеческих качеств, свойств, отношений (*дружная* (19 г); *счастливая* (11 г); *любимая* (6 г); *родная* (3 г); *моя* (2 г); *своя* (2 г); *абсолютная, без претензий на будущее близких; гармоничная; дружная, большая* и др. 58 г 40,6 %), смыслов прочности (*крепкая* (33 г) *на века* (3 г); *прочная; хорошая, крепкая; верная* и др. 42 г 29 %), величины (*большая* (17 г); *полная* (8 г); *полноценная* (2 г); *большая, дружная, веселая* и др. 29 г 20 %) (см. схему 5).

Схема 5 / Scheme 5

**Когнитивная структура ассоциативного поля «семья какая ...»
по данным направленного ассоциативного эксперимента /
The Cognitive Structure of the Associative Field “What kind of family ...”
according to the directed associative experiment**

Семья какая ... / What is the family ...

Объем, величина / Volume, size: большая (17); полная (8); полноценная (2); большая, дружная, веселая; большая и дружная, благополучная/неблагополучная (**29 г 20 %**)

Прочность / Strength: крепкая (33); на века (3); прочная; хорошая, крепкая; верная; крепкая, веселая; надёжная; надежная, счастливая (**42 г 29 %**)

Перцептивные ощущения / Perceptual sensations: теплая (4); тёплая любимая большая (**5 г 3 %**)

Оценка / Assesment: честная (2); лучшая; ценная; настоящая; отличная; редкая; хорошая; хорошая, крепкая; ценная (**10 г 7 %**)

Человеческие качества и отношения / Human qualities and relationships: дружная (19); счастливая (11); любимая (6); родная (3); моя (2); своя (2); абсолютная, без претензий на будущее близких; гармоничная; где родился; дружная, большая; любящая; понимающая; принимающая; равноправная; радостная; разная; родная и близкая; своя, любимая; спокойная; счастливая, здоровая; такая, что царит любовь, уважение и понимание (**58 г 40,6 %**)

Несколько ниже соотношение стереотипных и индивидуальных способов реагирования обнаружилось в ходе завершения высказывания ‘Семья дает что...’. Ядро поля образовано 21 единицей (98 реакций), составивших 67 % общего состава. Единичными были 45 реакций (33 %). Направленное реагирование чаще всего оформлялось с помощью репрезентации двух смысловых областей — опоры, защиты (*поддержку* (11 г); *защиту* (6 г); *уверенность* (6 г); *опору* (5 г); *стабильность* (4 г); *заботу* (3 г); *поддержку каждому участнику* (3 г); *безопасность* (2 г); *защищенность* (2); *поддержку*

всем членам семьи (2 г); защиту всем в нее входящим; защиту и спокойствие и др. 63 г 44 %), чувств, состояний (любовь (18 г); счастье (11 г); тепло (4 г); спокойствие (3 г); тепло и никто ничего не должен (3 г); силы (2 г); радость (2 г); любовь всем; любовь и тепло людям; покой, радость; тепло и любовь и др. 64 г 45 %) (см. таблицу 1). Причем в качестве реакций использовались отдельные существительные (адъективные и процессуальные), словосочетания и предложения. Эти результаты точно соотносятся с результатами свободного реагирования на стимул ‘семья’. Подобное сходство речевых действий при акцентировании разных качеств стимулов не случайно, может быть объяснено стабильными связями в указанных секторах ментального лексикона респондентов (см. схему 6).

Схема 6 / Scheme 6

**Когнитивная структура ассоциативного поля «семья дает что ...»
по данным направленного ассоциативного эксперимента /
The Cognitive Structure of the Associative Field “Family gives that ...”
according to the data of the directed associative experiment**

Семья дает что ... / The family gives...

Опора, защита / Support, protection: поддержку (11); защиту (6); уверенность (6); опору (5); стабильность (4); заботу (3); поддержку каждому участнику (3); безопасность (2); защищённость (2); поддержку всем членам семьи (2); дом (2); защиту всем в нее входящим; защиту и спокойствие; защищенность, чувство локтя; людям уверенность, безопасность; надежность; надёжность всем; надежность и счастье; надёжность, поддержка, взаимопомощь, любовь; опору в жизни; опору, тепло, любовь; ощущения поддержки; поддержку и заботу; поддержку, понимание, счастье, радость; поддержку, принятие; тыл; тылы; энергии и поддержку (**63 г 44 %**)

Чувства, состояния / Feelings, emotional states: любовь (18); счастье (11); тепло (4); спокойствие (3); тепло и никто ничего не должен (3); силы (2); радость (2); уют (2); для счастья (2); для души (2); веру; любовь всем; любовь и тепло людям; надежность; надёжность всем; ответственность; покой, радость; принятие; просто; радость жизни; счастье, всем; тепло и любовь; уверенность и счастье, всем; энергии и поддержку; энергию, любовь (**64 г 45 %**)

Единство, полнота, общение, отношения / Unity, completeness, communion, relationship: всё (3); большая; возможность поговорить; детей; детство и характер; для дружбы; для друзей; для общения; для помощи, интересных бесед и комфортного молчания; единство; наполнение; общение; общность; полноценность; развитие; самосовершенствование (**18 г 12 %**)

Направленное ассоциирование на стимул ‘Семью создают когда...’ обнаружило примерно равное стремление применить типовые и индивидуальные способы речевых действий, что сказалось на составе ядра (18 единиц, 78 реакций, 54 %) и периферии (65 реакций, 46 %) (см. таблицу 1). Респондентам было одинаково важно подчеркнуть фактор времени (неопределенного, постоянного, по ощущению необходимости и пр.), наличия зрелости, чувств, чуть меньше значимо было актуализировать желания или потребности. Актуальность общекультурного параметра возраста оказалась незначительной (см. схему 7 ниже).

**Когнитивная структура ассоциативного поля «Семью создают когда ...»
по данным направленного ассоциативного эксперимента /
The Cognitive Structure of the Associative Field “When they create a family...”
according to the data of the directed associative experiment**

Семью создают когда ... / When they create a family

Неопределенность / длительность / время / Uncertainty / duration / time: всегда (13); навсегда (7); вовремя (3); одновременно (2); без разницы (2); в своё время (2); как получится (2); бывает разное; в любое время, когда захочется; вечером; вечно; всю жизнь; когда приходит время; как можно дольше; когда получится; когда приходит время; когда чувствуют, что это должно произойти; когда удобно; пришло время; с детства; с рождения; сейчас; у интуиции и чувств нет определённого периода или даты; хоть когда (**48 r 34 %**)

Желания / потребности / Wants / Needs: хотят (8); когда хотят (3); когда есть желание (2); хочется (2); в любое время, когда захочется; есть потребность; захотят; захочешь; когда в ней нуждаются; когда захотят; когда надо; когда нужно; когда получится; надо; хоть когда; хотят детей (**27 r 18 %**)

Готовность / зрелость / Readiness / maturity: когда готовы (7); готовы (5); когда готов (4); в зрелости; вырастут; выросли; готовы к взрослой жизни; готовы нести ответственность; к этому готовы во всех аспектах; когда готовы и есть потребность; когда готовы к ответственности; когда готовы, когда хотят продолжение рода, или хотят уйти из другой семьи; когда есть готовность к взятию ответственности помимо себя самого; когда созрел; когда созрели морально и эмоционально; когда созреют, готовы; когда вырастут; когда чувствуют готовность; люди готовы брать ответственность, осознают совместное будущее (**32 r 23 %**)

Чувства / состояния, любовь, встреча / партнер / Feelings / states, love, meeting / partner: когда любят (6); любят (6); любовь (2); влюбляются; всё совпало; встречаются подходящего человека; есть чувства; когда встречаются того, с кем хотят создать семью; когда любят, в любом возрасте; когда люди хотят одного и того же, смотрят в одну сторону и сильно друг друга любят; когда находят вторую половинку; когда нашел нужного партнёра; когда появляется желание поделиться с кем-то любовью; любят и уважают; мы рождаемся будучи в семье! продолжаем семью когда готовы, находим достойного себе партнера!; радостно; разумные; родственные души; счастливы (**30 r 20 %**)

Ассоциации / оценка / Associations / evaluation: не важно (2); брак; когда выпивают (**4 r 2 %**)

возраст / age: будучи взрослыми; в 20; в молодости; в среднем возрасте; после 18 лет; после 30; свою после 35 (**7 r 5 %**)

При свободном ассоциировании на стимул ‘работа’ выбор стереотипных и индивидуальных способов реагирования был примерно одинаков. Ядро АП включает 20 единиц (82 реакции), что составило 57 % от общего состава. Периферия образована 61 реакцией (43 %) (см. таблицу 1). Речевые действия респондентов чаще всего были связаны с актуализацией областей объектов результативного типа, представляющих материальные и нематериальные феномены (*деньги* (19 r); *зарплата* (5 r); *заработок* (2 r); *творчество* (4 r); *интерес* (3 r); *удовольствие* (3 r); *общение* (2 r); *профессионализм* (2 r); *успех* (2 r); *профессия*; *радость*; *развитие*; *рутина*; *усталость*; *самореализация*; *свобода*; *занятость*; *счастье* и др. 53 r 37 %); профессий (*врач* (6 r); *стилист* (4 r); *инженер* (3 r); *юрист*; *хореограф*; *дизайнер-декоратор* и др. 28 r 20 %);

мест / сфер деятельности (*офис* (3 г); *ИП* (2 г); *аудит*; *больница*; *маркетинг*; *университет*; *ин. яз*; *логистика*; *социальная служба*; *школа* и др. 19 г 13 %) (см. схему 8 ниже).

Схема 8 / Scheme 8

**Когнитивная структура ассоциативного поля «работа»
по данным свободного ассоциативного эксперимента /
The Cognitive Structure of the Associative Field “Work”
according to the to the data of the free association experiment**

Работа / work

Результаты-объекты / Results — objects: деньги (19); зарплата (5); творчество (4); интерес (3); удовольствие (3); заработок (2); общение (2); профессионализм (2); успех (2); студенты; профессия; радость; развитие; рутина; усталость; устала; самореализация; свобода; занятость; счастье (**53 г 37 %**) **материальные:** деньги (19); зарплата (5); заработок (2); — **26 г 18 %**

Какая (качества / оценка) / What (qualities / grade): интересная; любимая; полезная; сложно; со свободным графиком; творческая; тяжелая; хорошая (**8 г 5,6 %**)

Идентификация / Identification: Ад (2); долг (2); жизнь (2); головоломка; забота; задача (9 г 6,2 %)

Что требует / Requires what: труд (9); ответственность (4); характер; рано вставать; время; график; команда (**18 г 12 %**)

Профессия / Profession: врач (6); стилист (4); инженер (3); юрист; хореограф; дизайнер-декоратор; домохозяйка; менеджер; предприниматель; преподаватель; преподаватель английского языка; педагог; спортивный тренер; созидатель; бухгалтер; генеральный директор; коммерческий директор; самозанятый (**28 г 20 %**)

Место / сфера деятельности / Place, field of activity: офис (3); ИП (2); аудит; больница; в отпуске по уходу за ребёнком; Омск; маркетинг; московское наследие; университет; ин.яз; логистика; социальная служба; школа; государственные закупки; колледж; инжиниринг (**19 г 13 %**)

Ассоциации /Associations: волк; есть; не волк; нет; перейди на Федота (3) (**7 г 5 %**)

Завершение высказывания ‘Работа дает что...’ было связано с преобладающим выбором типового речевого действия, направленного на актуализацию области объектов. Поэтому в ядре поля оказалось 15 единиц (90 реакций, 63 %), а на периферии — 53 реакции (37 %) (см. таблицу 1). При этом материальные феномены воспроизводились реже, составили сектор, сориентированный на деньги и доход (*деньги* (36 г); *доход* (3 г); *заработок* (3 г); *прибыль* (2 г); *средства*; *зарплату*; *достаток* и др. (51 г 36 %)). Нематериальные объекты актуализировались чаще, сосредоточены вокруг моральных, эмоциональных, личностных результатов (*удовлетворение* (9 г); *опыт* (8 г); *возможности* (5 г); *удовольствие* (5 г); *энергию* (3 г); *развитие* (2 г); *самореализацию* (2 г); *возможность проявить творчество, самоуважение; карьерный рост; новые идеи; общение; опыт, возможность, реализацию; пользу; профессионализм; ресурс; рост, развитие; саморазвитие, творческий рост; учит работающего* и др. 75 г 52 %) (см. схему 9 ниже).

**Когнитивная структура ассоциативного поля «работа дает что ...»
по данным направленного ассоциативного эксперимента /
The Cognitive Structure of the Associative Field “Work gives that ...”
according to the data of the directed associative experiment**

Работа дает что ... / « Work gives that ... »

Материальные результаты / Material results: деньги (36); доход (3); заработок (3); прибыль (2); средства; зарплату; достаток; **(51 r 36 %)** приносит деньги тому, кто работает (3); есть дача **(4 3 %)**

Моральные, эмоциональные, личностные результаты / Moral, emotional, personal results: удовлетворение (9); опыт (8); возможности (5); удовольствие (5); энергию (3); развитие (2); само-реализацию (2); возможность проявить творчество, самоуважение; занятие; здоровье; карьерный рост; любовь, делает человека счастливым; ничего ни с кем; новые идеи; общение; опыт, возможность, реализацию; пользу; понимание; профессионализм; радость; радуется, всех; реализацию; ресурс; рост; рост, развитие; саморазвитие, творческий рост; свободу; счастье; счастливым кого любишь; убивает, всех; учит работающего; уважение и развитие; человека свободным; удовлетворённость **(75 r 52 %)** окрыляет тебя (3); воспитывает всех, кто любит; даёт эмоции и силы с близкими; облагораживает человека; обогащает, с человеком; окрыляет любящих; окрыляет меня; поддерживает людей; приносит радость человеку; развивает работника; развивает человека; раскрепощает (14 глагольных **10 %**)

Комплекс материальных и моральных результатов / Complex of material and moral results: материальное и моральное удовольствие (4); внутренние удовлетворение, радость, финансы; развитие и доход; реализацию, деньги; самореализацию и деньги; вдохновение и деньги; возможность себя проявить и заработать на своих талантах; заработать деньги на приятности, кому-то реализацию; время и блага; деньги и опыт; деньги и социальный статус; информацию, деньги, творческий рост; новый опыт и зарплату **(16 r 11 %)**

Ассоциации / Associations: человек делает работу ; из обезьяны человека (2); обезьяну человеком **(4 r 3 %)**

При направленном ассоциировании на стимул ‘Работа нужна для чего...’ проявились сходные тенденции. И в этом АП ядро (18 единиц, 74 реакции, 52 %) значительно превышает периферию (69 реакций, 48 %) (см. таблицу 1). Актуализация смысловой области экзистенции составила 21 % (для жизни (10 r); жизни (9 r); чтобы жить (6 r); жизнь (2 r); данность; для выживания; для существования — всего 30 r). Область материальных результатов была актуализирована 23 % респондентов (деньги (8 r); для денег (4 r); денег (2 r); для заработка (3 r); для получения денег; для стабильного дохода; для уровня жизни определенно-го; жрать; заработать деньги; зарплату и занятости; обеспечивать семью; чтобы кормить семью; финансовой свободы; хорошо жить и др. — всего 33 r). Реакции из области личностных результатов воспроизводились несколько чаще (самореализации (6 r); развития (4 r); самореализация (3 r); семья и дети (3 r); для развития (2 r); реализация (2 r); радости (2 r); для проявления творчества, для отвлечения от домашней суеты; для независимости; для жизни и реализации своего таланта; для развития и помощи другим; для чувства полноценности; развиваться; самоутверждение и др. 39 r 27 %). Не менее важной оказалось область эмоциональных и моральных результатов (удовлетворения (4 r); удовольствия (2 r); счастье (2 r); для счастья; для удовольствия от жизни; мужчинам реализоваться, женщинам общаться, получать удовольствие, найти выражение; наполнения жизни; свобода и др. 18 r 20 %) (см. схему 10).

Когнитивная структура ассоциативного поля «работа нужна для чего ...» по данным направленного ассоциативного эксперимента / The Cognitive Structure of the Associative Field “What is the Job For...” according to the data of the directed associative experiment

Работа нужна для чего ... / What is the job for...

Жизнь / A life: для жизни (10); жизни (9); чтобы жить (6); жизнь (2); данность; для выживания; для существования (30 r 21 %)

Материальные результаты / Material results: деньги (8); для денег (4); денег (2); для заработка (3); благополучие; для получения денег; для стабильного дохода; для уровня жизни определенного; жрать; зарабатывать деньги; заработка; заработок средств; зарплаты и занятости; обеспечивать семью; прибыль; чтобы кормить семью; финансовой свободы; финансы; хорошо жить; что бы заработать (33 r 23 %)

Комплекс материальных и моральных результатов / Complex of material and moral results: денег и досуга; для опыта, для роста, для денег; для денег и общения; для развития и зарабатывания денег; для социализации, для жизни, для денег; для реализации и денег; для удовлетворения и з/п; зп и для общения; извлечения прибыли и самореализации; любимое дело плюс деньги; развиваться, зарабатывать; удовольствия и заработка; чтобы получать удовольствие, делать что-то полезное и получать деньги (13 r 9 %)

Личностные результаты / Personal results: самореализации (6); развития (4); самореализация (3); семья и дети (3); для развития (2); реализация (2); радости (2); для проявления творчества, для отвлечения от домашней суеты; для независимости; для жизни и реализации своего таланта; для развития и комфорта; для развития и помощи другим; для чувства полноценности; занятость; карьера; развиваться; развитие; разнообразия; рост; самооценки; самоутверждение; семьи; чтобы путешествовать; чтобы учиться (39 r 27 %)

Эмоциональные и моральные результаты / Emotional and moral results: удовлетворения (4); удовольствия (2); счастье (2); вера; груз; для души; для себя; для счастья; для удовольствия от жизни; душевная сила; кайфа; мужчинам реализоваться, женщинам общаться, получать удовольствие, найти выражение; наполнения жизни; свобода; создавать, творить; сильное чувство привязанности; счастье, радость, тепло; счастья; что бы была; чтоб не скучать; чтобы не сидеть на месте; прекрасно; чувства (18 r 20 %)

Таблица 1 / Table 1

Когнитивные структуры ассоциативных полей по результатам свободного и направленного ассоциативных экспериментов в сопоставлении / The Cognitive Structures of Associative Fields based on the Results of Free and Directed Associative Experiments in Comparison

СТИМУЛ STIMULUS	Состав АП поля в r / % The composition of the AF in r / %		Когнитивная структура АП Cognitive Structure of the AF	Объем в r / % composition in r / %
	Ядро Centre (more than 2)	Periphery Периферия		
1	2	3	4	5
ЦЕННОСТИ / VALUES				
Ценности Values	78 (18 единиц) 54,5 %	65 45,5 %	Объекты / Objects нематериальные материальные	77 r 54 % 68 r 48 % 9 r 6 %
			Идентификация (духовная сфера человека) / Identification (the spiritual realm of man)	13 r 9 %
			Качества / Quality	44 r 31 %
			Оценка / Valuation	7 r 5 %

Continuation of the table 1 / Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Ценности это... Values are...	58 (18 единиц) 41 %	85 59 %	Объекты / Objects:	49 r 34 %
			Идентификация / Identification	73 r 51 %
			Оценка / Valuation:	18 r 12 %
			Пространство / Space	3 r 2 %
Ценности какие ... What are the values...	86 (22 единицы) 60 %	57 40 %	Объекты / Objects	9 r 6 %
			Этические, социальные оценки / оценки / Ethical, social assessments / assessments	78 r 54 %
			Личная сфера / Personal sphere	25 r 17 %
			Динамика / статика / Dynamic / static	27 r 18 %
			Ассоциации / Associations	6 r 4 %
С ценностями что нужно делать ... What to do with values...	80 (17 единиц) 56 %	63 46 %	Сохранность / Preservation	46 r 32 %
			Жить / Live	14 r 10 %
			Обладать, применять, развивать, передавать / Own, apply, develop, transfer	51 r 36 %
			Восприятие, оценка / Perception, evaluation	12 r 8 %
			Время / Time	14 r 10 %
			Ассоциации / Associations	3 r 2 %
РАБОТА / WORK, JOB				
Работа Work, Job	82 (20 единиц) 57 %	61 43 %	Результаты / объекты / Results / objects	53 r 37 %
			Качества / оценка / Qualities / evaluation	17 r 12 %
			Необходимость / объекты / Necessity / objects	18 r 12 %
			Профессия / Profession	28 r 20 %
			Локус / Locus	19 r 13 %
			Ассоциации / Associations	7 r 5 %

Continuation of the table 1 / Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Работа какая ... What is the work...	100 (14 единиц) 70 %	43 30 %	Оценочные качества / Evaluative qualities	119 r 83 %
			Эмоциональная оценка / Emotional evaluation	102 r 71 %
			Социальная оценка / Social assessment	17 r 12 %
			Материальные качества / Material qualities	6 r 4 %
			Сфера / Sphere	4 r 3 %
			Субъекты / Subjects	12 r 8 %
Работа дает что ... Work gives...	90 (15 единиц) 63 %	53 37 %	Объекты / Objects	
			Материальны результаты / Material results	51 r 36 %
			Моральные, эмоциональные, личностные результаты / Moral, emotional, personal results	75 r 52 %
			Комплексные результаты / Comprehensive results	16 r 11 %
Работа требует чего... The job requires...	94 (20 единиц) 73 %	35 27 %	Ассоциации / Associations	4 r 3 %
			Время / Time	41 r 32 %
			Эмоциональные затраты, энергия / Emotional costs, energy	52 r 40 %
			Моральные, профессиональные качества / Moral, professional qualities	37 r 29 %
			Жизнь / Life	30 r 21 %
Работа нужна для чего ... What is the job for ...	74 (18 единиц) 52 %	69 48 %	Материальные результаты / Material results	33 r 23 %
			Комплексные результаты / Comprehensive results	13 r 9 %
			Личностные результаты / Personal results	39 r 27 %
			Моральные и эмоциональные результаты / Moral and emotional results	18 r 20 %
СЕМЬЯ / FAMILY				
Семья Family	89 (22 единицы) 62 %	54 38 %	Субъекты / Subjects	41 r 29 %
			Качества (характеристика) / Qualities (characteristic)	26 r 18 %
			Идентификация / Identification	57 r 40 %
			Ассоциации и оценки / Associations and ratings	10 r 7 %
			Что требует / Requires what (costs)	9 r 6 %
Семья какая ... What family is ...	112 (13 единиц) 78 %	31 22 %	Объем, величина / Volume, size	29 r 20 %
			Прочность / Strength	42 r 29 %
			Человеческие качества и отношения / Human qualities and relationships	58 r 40,6 %
			Оценка / Grade	10 r 7 %

Continuation of the table 1 / Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Семья дает что ... What the family gives...	98 (21 единица) 67 %	45 33 %	Опора, защита / Support, protection	63 r 44 %
			Чувства, состояния / Feelings, states	64 r 45 %
			Единство, полнота, отношение / Unity, completeness, relation	18 r 12 %
В семью входят ... The family includes...	73 (19 единиц) 56 %	56 44 %	Субъекты (конкретные члены семьи и животные) / Subjects (specific family members and animals)	70 r 54 %
			Субъекты (Люди, родные) / Subjects (People, relatives)	39 r 30 %
			Орудия-объекты (люди, чувства) / Tools-objects (people, feelings)	19 r 16 %
Семью создают когда ... When a family is created ...	78 (18 единиц) 54 %	65 46 %	Неопределенность, время / Uncertainty, time	48 r 34 %
			Желание, потребность / Desire, need	27 r 18 %
			Готовность, зрелость / Readiness, maturity	32 r 23 %
			Чувства, состояния, встреча / Feelings, states, meeting	30 r 20 %
			Возраст / Age	7 r 5 %
			Ассоциации / Associations	4 r 2 %

Заключение

Ценностная смысловая (и когнитивная) сфера носителей русского языка среднего возраста (поколения Y) сформирована четко. На это указывает наличие у слов с ценностной семантикой в языковом сознании представителей данной возрастной группы выраженных смысловых областей, обладающих определенными когнитивными свойствами. Выбор речевого действия, характер реагирования респондентов показывают преимущество опоры на жизненный опыт. Именно с ним связана актуализация смысловых областей, представляющих социально и лично значимые объекты (чаще всего нематериальные), — *семья, любовь, мораль, этика, человек*.

Сформированность субъективной семантики, концентрация определенных смысловых компонентов обусловили типовой способ реагирования, представление разных сторон стереотипа. Концентрация стереотипных смыслов (область частотных реакций ядра ассоциативных полей) выше при реагировании на стимулы ‘Работа какая...’, ‘Работа требует чего...’, ‘Семья какая ...’. Остальные стимулы вызывают примерное равенство стереотипных и индивидуальных способов реагирования. Типично для данной категории

респондентов на стимул ‘работа’ реагировать с помощью называния конкретной профессии, сферы деятельности, занятия.

Комплексный тип речевого действия, совмещающий проявление эмоционального отношения, идентификации и оценки, применялся при реагировании на стимулы ‘семья’, ‘семья дает что...’. Комплекс, актуализирующий смыслы моральных и материальных результатов, встретился в ходе реагирования на стимул ‘работа нужна для чего...’.

Высокий уровень эмоционально-оценочного реагирования зафиксирован на стимул ‘семья’: данный феномен переживается как эмоциональная ценность.

Библиографический список

1. Базовые ценности носителей русской культуры: Словарь / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН, 2019.
2. Бубнова И.А., Казаченко О.В. Динамика смыслового содержания значения слова свобода // Психолингвистика. Psycholinguistics / Психолингвистика. 2018. № 23 (2). Р. 11–24. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1199099>
3. Казаченко О.В. Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
4. Комнатная С.Р. Субъективная семантика слов, представляющих социально-нормативные отношения в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2022.
5. Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 8–17.
6. Schwartz S.H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey / R. Jowell et al. (eds.). London: Sage, 2007. P. 169–203.
7. Schwartz S.H. Cultural value orientations: Nature and implications of national differences. М.: State University Higher School of Economics Press, 2008.
8. Walter R. Human values: A lexical perspective // Personality and Individual Differences. 2003. № 34 (1). Р. 127–141. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(02\)00037-5](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(02)00037-5)
9. Tyler S. Human Behavior and the Social Environment. Fayetteville: University of Arkansas, 2020. Режим доступа: <https://uark.pressbooks.pub/hbse1/> (дата обращения: 21.01.2022).
10. Чжу Жуйшунан. Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2017.
11. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021.
12. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Модель ассоциативного реагирования, сферы референции стимулов и картина мира // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 112–119.
13. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской гос. университет, 2011.
14. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Тверь: Тверской гос. университет, 2014.
15. Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова. // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24–38. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37>
16. Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012.

17. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: УРСС, 2003.
18. Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.И., Хлопова А.И., Шевченко С.Н. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2019.
19. Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 110–126.
20. Степыкин Н.И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
21. Aitchison J. *Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. Hoboken: Blackwell Publishing, 2003.
22. Pranoto B.E., Afrilita L.K. (2019). The Organization of Words in Mental Lexicon: Evidence from Word Association Test // *Teknosastik*. 2019. № 16 (1). P. 26. <https://doi.org/10.33365/ts.v16i1.130>
23. Elman J.L. Lexical knowledge without a lexicon? // *Methodological and Analytic Frontiers in Lexical Research (Part II)*. Special Issue of “The Mental Lexicon”. 2011. № 6 (1). P. 1–33.
24. McLaren IPL, McAndrew A., Angerer K., McLaren R., Forrest Ch., Bowditch W., Monsell St., Verbruggen F. Association and cognition: Two processes, one system // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2018. № 72 (20). P. 98–117. <https://doi.org/10.1177/1747021818766287>

References

1. Basic values of the bearers of Russian culture. Dictionary (2019). Tarasov, E.F. (Ed.). Moscow: RAN Institute of Linguistics. (In Russ.).
2. Bubnova, I.A. & Kazachenko, O.V. (2018). The dynamics of the semantic content of the meaning of the word freedom. *Psycholinguistics*, 23(2), 11–24. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1199099> (In Russ.).
3. Kazachenko, O.V. (2021). *The structure and content of the axiological sphere of the Russian image of the world in the XXI century* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
4. Komnatnaya, S.R. (2022). *Subjective semantics of words representing social and normative relations in the modern Russian language* [dissertation]. Omsk.
5. Tarasov, E.F. (2012). The problem of analyzing the content of universal values. *Journal of Psycholinguistic*, 1(15), 8–17. (In Russ.).
6. Schwartz, S.H. (2007). Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations. In: *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey*, R. Jowell et al. (eds.). London: Sage. pp. 169–203.
7. Schwartz, S.H. (2008). *Cultural value orientations: Nature and implications of national*. Moscow: State University Higher School of Economics Press.
8. Renner, W. (2003). Human values: A lexical perspective. *Personality and Individual Differences*, 34(1), 127–141. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(02\)00037-5](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(02)00037-5)
9. Tyler, S. (2020). *Human Behavior and the Social Environment*. Fayetteville: University of Arkansas. URL: <https://uark.pressbooks.pub/hbse1/> (accessed: 21.01.2022).
10. Zhu, Zhuysuan (2017). *The content of moral values in the language picture of the world (on the material of Chinese and Russian languages)* [dissertation]. Diss ... Cand. Philol. Sciences. Moscow: RAN Institute of Linguistics. (In Russ.).
11. Pishchalnikova, V.A. (2021). *History and theory of Psycholinguistics*. Moscow: R. Valent. (In Russ.).
12. Goldin, V.E. & Sdobnova, A.P. (2016). Model of associative response, spheres of reference of stimuli and picture of the world. *Journal of Psycholinguistic*, 2(28), 112–119.

13. Zalevskaya, A.A. (2011). *The meaning of the word through the prism of experiment*. Tver: Tver state university. (In Russ.).
14. Zalevskaya, A.A. (2014). *Interface Theory of Word Meaning: psycholinguistic approach*. Tver: Tver state. university. (In Russ.).
15. Kurganova, N.I. (2019). An associative experiment as a method for studying the meaning of a living word. *Journal of Psycholinguistic*, 3(41), 24–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37>
16. Kurganova, N.I. (2012). *The Role and Place of the Semantic Field in Modeling the Structural and Operational Parameters of the Meaning of a Word* [dissertation]. Tver: Tver state university. (In Russ.).
17. Leontiev, A.A. (2003). *Word in speech activity. Some problems of the general theory of speech activity*. Moscow: URSS. (In Russ.).
18. Pishchalnikova, V.A., Kardanova-Biryukova, K.S., Panarina, N.S., Stepykin, N.I., Khlopova, A.I. & Shevchenko, S.N. (2019). *Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics*. V.A. Pishchalnikova (Ed.). Moscow: R. Valent. (In Russ.).
19. Sternin, I.A. (2020). Problems of interpretation of the results of associative experiments. *Journal of Psycholinguistic*, 3(45), 110–126. (In Russ.).
20. Stepykin, N.I. (2021). *Speech action as a psycholinguistic mechanism for the generation and actualization of meaning* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
21. Aitchison, J. (2003). *Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. Hoboken: Blackwell Publ.
22. Pranoto, B.E. & Afrilita, L.K. (2019). The Organization of Words in Mental Lexicon: Evidence from Word Association Test. *Teknosastik*, 16(1), 26. <https://doi.org/10.33365/ts.v16i1.130>
23. Elman, J.L. (2011). Lexical knowledge without a lexicon? *Methodological and Analytic Frontiers in Lexical Research* (Part II). Special Issue of “The Mental Lexicon”, 6(1), 1–33.
24. McLaren, I.P.L., McAndrew, A., Angerer, K., McLaren, R., Forrest, Ch., Bowditch, W., Monsell, St. & Verbruggen, F. (2018). Association and cognition: Two processes, one system. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 72(2), 98–117. <https://doi.org/https://doi.org/10.1177/1747021818766287>

Сведения об авторе:

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; *сфера научных интересов*: психолингвистика, теория текста, лингвокультурология; *e-mail*: larisabut@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3210-2311; eLIBRARY SPIN-код 2096-2520.

Information about the author:

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Dostoevsky Omsk State University; *Research interests*: psycholinguistics, text theory, linguoculturology; *e-mail*: larisabut@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3210-2311; eLIBRARY SPIN-код 2096-2520.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-956-971

УДК 811.161.1'37:17:070

Научная статья / Research article

Семантические особенности функционирования доминантных вербализаторов этического концепта БЛАГО в средствах массовой информации

Н.М. Дмитриева¹ , В.М. Шаклеин²

¹Оренбургский государственный университет,
460018, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, д. 13

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-маклая, д. 6
 dmitrieva1977@yandex.ru

Аннотация. Исследованы особенности функционирования доминантных вербализаторов этических концептов в СМИ, рассматриваемые на примере слов *благодать* и *благодарность*. Цель исследования — проследить особенности семантических изменений слов в современном употреблении в сравнении с их основным этическим значением. Проанализированы данные толковых словарей церковнославянского и русского языков, установлены этически нагруженные семы, объединяющие вербализаторы и свидетельствующие об их исключительной ценности в русской ментальности. Актуальность исследования определяет анализ семантики около 2000 употреблений слов *благодать* и *благодарность* в СМИ, что позволило установить общую стилевую направленность — иронично-саркастическую — и выхолащивание этической нагрузки при сохранении основного денотативного значения. Доказано, что преобладание материального в понимании благодати сложилось в XX веке и обусловлено отрицанием религиозной картины мира, что, однако, не исключает сохранения этической семантики во внутреннем поле вербализаторов этического концепта. Выявлено, что ироничное, иногда антиэтическое включение слов в тексты о злободневном нивелирует их этическую значимость и способствует распространению искаженной семантики, влияя на ценностную шкалу носителей языка, что подтверждается социолингвистическим опросом.

Ключевые слова: этический концепт, доминанта, вербализатор, семантика, ментальность, языковая картина мира, благодать, благодарность

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

© Дмитриева Н.М., Шаклеин В.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Дмитриева Н.М., Шаклеин В.М. Семантические особенности функционирования доминантных вербализаторов этического концепта БЛАГО в средствах массовой информации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 956–971. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-956-971>

Semantic Features of the Functioning of Dominant Verbalizers of the Ethical Concept BOON in the Mass Media

Natalya M. Dmitrieva¹ , Victor M. Shaklein²

¹Orenburg State University,
13, Pobedy av., Orenburg, Russian Federation, 460018

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maclay Str., Moscow, Russian Federation, 117198

 mitrieva1977@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the features of the functioning of the dominant verbalizers of ethical concepts in mass media, considered on the example of the words *grace* and *gratitude*. The purpose of the study is to trace the features of the semantic changes of words in modern use in comparison with their main ethical meaning. The article analyzes the data of the explanatory dictionaries of the Church Slavonic and Russian languages, establishes ethically loaded semes that unite verbalizers and testify to their exceptional value in the Russian mentality. The relevance of the study is determined by the analysis of the semantics of about 2000 uses of the words *grace* and *gratitude* in mass media, which made it possible to establish a common stylistic orientation — ironic and sarcastic — and the emasculation of the ethical load while maintaining the main denotative meaning. It is proved that the predominance of the material in the understanding of *grace* developed in the 20th century and is due to the denial of the religious picture of the world, which, however, does not exclude the preservation of ethical semantics in the internal field of ethical concept verbalizers. It was revealed that the ironic, sometimes anti-ethical inclusion of words in texts about topical issues levels their ethical significance and contributes to the spread of distorted semantics, influencing the value scale of native speakers, which is confirmed by a sociolinguistic survey.

Key words: ethical concept, dominant, verbalizer, semantics, mentality, language picture of the world, grace, gratitude

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Dmitrieva, N.M. & Shaklein, V.M. (2022). Semantic Features of the Functioning of Dominant Verbalizers of the Ethical Concept BOON in the Mass Media. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 956–971. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-956-971>

Введение

В настоящее время СМИ — основное средство формирования взгляда на мир представителей разных поколений. Активно обсуждается в науке и публицистике коммуникативный статус профессиональной журналистской речи, журналистский дискурс, культура речи журналистов, речевые жанры медиапространства и концепты медианауки [1 — 3] и др. Однако этический аспект речи журналистов является, на наш взгляд, самым главным [4. С. 214]. Текстам современной журналистики свойственна ироничность, создание которой часто требует смешения разностилевой лексики, провоцирует употребление высокой лексики (почти всегда вербализующей базисные концепты русской ментальности) в этически сниженном, порой и антиэтическом смысле. Исторический процесс сопровождается семантическими сдвигами в понимании концептов ментальности. Зафиксированные же в словарях изменения в значениях вербализаторов концептов в настоящее время распространяются СМИ и тем самым закрепляют измененное, подчас искаженное значение вербализаторов этических концептов также, как вследствие тиражирования в СМИ закрепляются ошибки в сознании читателей и происходит «изменение структуры познавательных моделей» [5. С. 14].

Игра со словом — отличительная особенность публицистики, но использование этически значимых слов не всегда обосновано в СМИ. Журналисты активно включают в свои тексты слова с высоким значением, так как они несут положительную оценку, содержат ассоциации и вызывают большее доверие читателей.

При этом следует помнить, что «...феномен «русского духа» неотделим от русского языка — своеобразного генофонда национальной культуры и консолидирующей силы народа — и православия — основы духовно-нравственного и патриотического воспитания нации» [6. С. 542], а значит, от того, как каждый из нас хранит этот «генофонд», зависит то, каким мы передадим его будущим поколениям, поэтому проблема ценностных предпочтений является на сегодняшний день одной из самых значимых [7. С. 280].

Макроконцепт БЛАГО представляет собой совокупность всех этических концептов положительного полюса русской этической концептосферы. Кроме того, концепты, микроконцепты и конкретные лексемы, их вербализующие, отражают регулятивные нормы трех главных сфер человеческой жизнедеятельности: нормы, регулирующие отношения человека и Бога (этические смыслы лексем-вербализаторов этой сферы мы отнесли к группе «божественное», или «экклесиологическое»); отношения человек — человек мы назвали собственно этическими; третья сфера отношений (человек и окружающий его мир, в том числе мир вещей) нами определена как «материальная». Особенностью макроконцепта БЛАГО

является то, что в вербализаторах концепта с корнем «благ-», как правило, многозначных, встречаются этические смыслы, касающиеся всех трех сфер отношений человека. Таких слов особенно много в древнерусском языке, что обусловлено христианизацией, стремлением воплотить в реальности евангельские заветы. Поэтому в одной лексеме объединяются высокие представления о бытии с обыденными представлениями о земном существовании.

Из истории вопроса

Этические концепты в целом и макроконцепт БЛАГО, в частности, а также его вербализаторы активно исследуются в современной лингвистике: рассуждения о концептуальности благодати встречаются в работах И.Б. Левонтиной, В.И. Карасика, Н.М. Дмитриевой, И.И. Просвиркиной, Т.И. Вендиной, В.М. Шаклеина и др. [8. С. 353; 9; 10; 11. С. 187; 12]. О благодати как одном из вербализаторов концепта «Благо» пишет И.М. Попова [13], теоретико-прагматические аспекты структурирования данного концепта исследованы Н.В. Сафоновой [14]. И.В. Гостева [15], изучая концепт, делает вывод, что первосмыслы евангельских слов «благодать», «благословенный», «благостный» и др. сохранились только в среде священнослужителей. Вывод о значимости концепта БЛАГО для русской ментальности и об изменениях его смысловой наполненности в настоящее время объединяет перечисленные и другие научные работы по рассматриваемой нами проблеме.

Настоящая статья посвящена исследованию семантических особенностей функционирования лексем «благодать» и «благодарность» как доминантных вербализаторов концепта «Благо» в современных средствах массовой информации. Однако анализ семантики, тем более семантики слов, вербализующих одноименные концепты, входящие в поле главного концепта этической концептосферы русской ментальности, необходимо начать с установления исконных смыслов. Для этого необходимо обратиться к церковнославянскому языку, канонично сохраняющему на протяжении тысячелетия «первосмыслы» христианских идей, ставших основой русской культуры. О религиозности русской национальной личности и христианских корнях русской ментальности пишут многие исследователи, в том числе А.А. Буевич, Т.И. Вендина, В.В. Воробьев, В.В. Колесов, В.А. Маслова и др. [16. С. 120; 17. С. 15–17; 18; 19. С. 83–87; 20. С. 126–128]. Пришедшие через церковнославянскую письменность идеи активно развивались в древнерусский период, наиболее полно функционировали в XIX веке и, безусловно, подверглись изменениям в XX столетии. Диахронический анализ позволяет установить исконные этически нагруженные смыслы слов «благодать» и «благодарность», выявить актуальные в настоящее время и искаженные семантические доли.

Семантика лексем *благодать* и *благодарность* в церковнославянском и древнерусском языках

В церковнославянском языке слово *благодать* многозначно и, как говорилось выше, включает в свое поле значения, регулирующие отношения человека с Богом, с другим человеком и с окружающим миром. Основное значение слова в этот период — ‘милость, милосердие’, которое равно относится и к отношениям с Богом, милостивым и долготерпеливым, и к отношениям к другим людям, в которых каждый должен возлюбить ближнего и быть к нему в подражание Богу милостивым. Вторым в словаре отмечено значение ‘обилие и многообразие даров Св. Духа’, под которыми понимались и понимаются до сих пор в религиозном дискурсе прежде всего добродетели, приближающие человека к святости, то есть к Богу. Именно это значение наделено наибольшей степенью этической значимости. В церковнославянском языке *благодать* понималась и «материально», например «приятность», «грация в речи», «привлекательность», «хорошая погода», «красота», «превосходство в мастерстве» [21. С. 41]. Отметим, что перечисленные значения, несмотря на свою «материальность», тем не менее имеют и этическую нагрузку, так как напоминают о божественном происхождении всего сущего. И погода, и красота дарованы Богом человеку.

Обратим внимание, что в древнерусский период основным значением слова «*благодать*» становится перифраз этически нагруженного смысла ‘истина, ниспосланная человеку свыше’. При этом И.И. Срезневский отмечает такое значение как единственное [22. С. 97]. Однако, по данным другого словаря, сочетание *воздати благодать* означает не что иное, как *возблагодарить*, и относится, прежде всего, к сфере отношений человека и Бога [23].

Лексемы *благодарение* и *благодарити*, основная сема которых ‘делание добра’, или ‘благодаяние’, а также ‘доброе даяние’, ‘дарение’, обладают такой же высокой этической нагрузкой в языке Древней Руси, как и в церковнославянском. При этом в языках существовало еще одно слово, демонстрирующее глубинные связи *благодати* и *благодарности*, это слово *благодарование*, означающее ‘ниспосланный свыше дар, *благодать*’ [22. С. 40]. Обратим внимание, что старославянский суффикс *-ниј* передает значение процесса, а суффикс *-ость* имеет сему ‘свойство, качество’. Таким образом, *благодарование*, *благодаяние* — это процесс одаривания добром, милостью Богом человека и, в подражание Богу, человеком человека, а *благодарность* — это свойство, качество или способность одаривать добром, благими делами, а в современном понимании — чувство, желание одарить или отдарить за благое деяние. Психологи считают умение быть благодарным, то есть хотеть отплатить добром за добро, важнейшим условием социализации человека. В христианском понимании этическая ценность *благодарности* значительно выше, так как в ней нет семы ‘отплатить, рассчитаться’. *Благодарность* должна стать главным качеством христианина, который из любви к Богу, одаривающему

благодатью, всегда желает дарить добро и тем, кто его облагодетельствовал, и тем, кто сотворил человеку зло, которое Бог непременно превратит во благо.

Еще одной особенностью слов *благодать* и *благодарность* в старославянском, а затем и в его русском изводе, и в древнерусском языках можно считать включенность в семантическое поле концепта БЛАГО, покрывающее значительное семантическое пространство языка и, соответственно, культуры.

Изменения в семантике лексем *благодать* и *благодарность* в XIX и XX столетиях

В русском языке XIX века значение большинства сложных слов с корнем «благ-» перемещается в сферу материального. При этом удивительным образом доминантный вербализатор *благодать* по-прежнему отражает отнесенность ко всем трем сферам человеческой жизни. Особенно заметно это в словаре В.И. Даля. *Благодать* в этот период означает, прежде всего, высокое, религиозное: ‘дары Духа Святого’, ‘помощь свыше для исполнения воли Божьей’. Следующие значения слова ‘любовь, милость, благодеяние, благотворение’ точно совпадают с предыдущими эпохами и соотносятся с этической сферой взаимоотношений людей. Значительно расширяется у слова круг материальных сем: ‘преимущество’, ‘польза’, ‘выгода’, ‘обилие’, ‘избыток’, ‘довольство’ [24. С. 92]. Отметим, что в прямом значении слово ассоциируется, в первую очередь, с ниспосланным божественным даром, хотя помета «церковное» и ограничивает сферу такого понимания. Однако XX век меняет этическую значимость слова кардинально. Уже в словаре Д.Н. Ушакова встречаем *благодать* как ‘полноту благ’ и ‘довольство’, а этически нагруженная сема ‘свыше ниспосланная помощь’ перемещается на второе место. Количество дериватов с корнем *благ* в словаре достаточно высокое, но высокую этическую нагрузку имеют далеко не все. Среди них *благодарность*, понимаемая как (обратим внимание!) чувство признательности за оказанное добро; выражение этого чувства [25]. Чувство благодарности может проявляться как к Богу, так и к человеку. При этом у слова *благодарность* появляется новое, лишённое этической значимости, циничное по отношению к основной когда-то семантической доле значение — ‘взятка’.

В словаре середины XX столетия (словарь С.И. Ожегова) *благодать* вновь означает, в первую очередь, силу, ниспосланную человеку свыше, а во втором значении — полное благополучие, спокойствие, причем последнее может относиться и к духовному, и к материальному миру. Однако в данном словаре фиксируется значительное снижение этической нагрузки у слова *благодарность* в связи с переходом семантики слова в сферу материального. Сравним значения: ‘будучи внутренне обязанным кому-нибудь, испытывать или выражать чувство благодарности’, или ‘вежливыми словами, жестами выразить

свою признательность за что-нибудь’, или ‘официальное выражение одобрения чьего-нибудь труда, действий’ [26. С. 49].

В Большом академическом словаре *благодать* — это прежде всего счастье, успех, удача, что можно отнести к материальной сфере отношений. Затем указываются этически нагруженное, хотя и в значительно меньшей степени, чем в предыдущую эпоху, значение ‘счастливое состояние внутреннего покоя’ (сфера этического). За словом *благодатный* закрепляется этически значимый смысл ‘отрадный, плодотворный’ [27. С. 479]. В отличие от церковнославянского языка и языка древнерусского периода материальная сема совершенно теряет этическую нагрузку: ‘изобилие чего-либо нужного, полезного, особенных продуктов питания’ [27. С. 479]. Однако в Малом академическом словаре встречаем значения, близкие по своей этической нагрузке древнерусским и церковнославянским, кроме того, в этом словаре лексема *благодать* в своих значениях наглядно представляет единство духовного и материального. Сравним: ‘милость, благоволение, дар, исходящий от Бога’ (сфера отношений человек — Бог), ‘благо, изобилие природных благ, доставляющих радость’ (человеческое, земное), ‘изобилие материальных благ’ (материальное) [28. С. 93].

В конце прошлого столетия, после политических и культурных изменений (прежде всего возвращение ранее запрещенной литературы, возрождение религиозной жизни и мировоззрения) *благодать* вновь трактуется прежде всего ‘божественно’ как ‘благоволение, добро, помощь, исходящие по религиозным представлениям от Бога’ [29. С. 112]. Интересно, что материальное значение ‘благо, добро, благополучие’ имеет в словаре помету «устаревшее». Обратим внимание, что авторы «Словаря русской ментальности», описывая концепт БЛАГОДАТЬ, подчеркивают, что это важнейшая категория русского сознания и что, проходя эволюцию, *благодать* перестает быть связанной с материальными атрибутами, переходит в ‘возвышенное чувство, невыразимое в слове’ [30. С. 46]. Вероятно, поэтому этически нагруженными оказываются и такие, указанные в словаре Т.Ф. Ефремовой, значения, как ‘состояние удовлетворенности, душевного покоя’ и ‘состояние окружающего мира, вызывающее у человека чувство умиротворенности, блаженства’, как сугубо материальные можно определить семы ‘изобилие каких-либо материальных благ’ и ‘исключительно благоприятные условия жизни, деятельности’ [29. С. 112].

Таким образом, анализ словарей XX века продемонстрировал значительное снижение этической нагрузки двух взаимосвязанных вербализаторов макроконцепта БЛАГО — слов *благодать* и *благодарность*, что связано, как нам представляется, прежде всего с атеистической, богоборческой направленностью эпохи. Разрушение церкви как института привело к материалистическому переосмыслению ценностей, перевесу представлений об удовлетворении материальными благами перед исконными «дарами Духа Святаго». Несмотря на это, сила кумулятивной функции языка сохранила в сознании носителей

такие этически значимые семы, как ‘милость, благоволение, дар, исходящие от Бога’. Еще более значительные потери этического наполнения характерны вербализатору *благодарность*, всегда остававшемуся в активном словарном составе и, возможно, именно поэтому почти разменявшему этическое ‘дарение блага, деятельное добро’ на этикетное ‘слова благодарности’.

Особенности функционирования лексемы *благодать* в современных СМИ

Принадлежность к пассивному и активному запасу слов *благодать* и *благодарность* в течение XX столетия сказалась на частотности их использования в средствах массовой информации. Для изучения нами взята общественная электронная газета «Ведомости.ру» за период с 2000 по 2021 годы. Было выявлено 58 употреблений слова «благодать» и 1854 случая использования слова *благодарность*, включая однокоренные слова *благодатный*, *благодарить*.

При столь разительном количественном отличии мы отметили стилевую близость употреблений, а именно иронично-саркастический характер.

Рассмотрим случаи ироничного употребления слова «благодать», большая часть которых не просто иронична, но и цинична, что подчеркивается либо сниженной лексикой, либо, наоборот, высокой или церковной, использованной в сниженном значении. Например, *Казенные религии, получающие благодать по адресу «Москва, Кремль»*. *Бесстыдное воровство вершушки; После трагического школьного инцидента на 18-летнего негодяя вдруг снисходит благодать божья. Он начинает перевоспитываться, и вот уж наши голубки, быстренько спешившиеся, вместе лицедействуют в любительском спектакле; Счастье там, благодать и яичница с трюфелями на завтрак*. Соседство благодати и негодяя, благодати и яичницы и пр. у человека, знакомого с русской культурной традицией, вызывает, по меньшей мере, недоумение.

Однако в современных СМИ и более нейтральная лексика контекста, чем перечисленная выше, не исключает этически сниженного, ироничного употребления вербализатора центрального этического концепта: *Значит, жили в Киевской Руси равноправные, говорящие на разных языках народы. Ну, благодать просто; Понимаете шутку? Божья благодать; Grace of God, — бородатый У.Г. Грейс. — Смотрится отлично; Кроме того, вступление в партию — это не ахти какая благодать, никаких преимуществ не дает, это больше обязанность; И наступит всеобщая благодать; в салоне по-прежнему тишина и благодать, но трясет и раскачивает; Нефть, чувствуем мы сердцем, — это благодать, которую мы заслуживали всегда, но дождались только теперь; На «Газпром» обильно пролилась правительственная благодать*.

Желание подчеркнуть ироничность высказывания порой приводит к кощунственному употреблению слова *благодать*: *от 53-летнего Арнольда*

Шварценеггера исходит какая-то особая благодать; это старец Зосима голливудского масскульта. Странно и неуважительно, как сейчас бы сказали, интолерантно выглядит имя патриарха в следующем контексте: *Русских детей американцы пилят на органы (реинкарнация «крови христианских младенцев»), утверждает депутат от ЛДПР. Патриарх Кирилл предположил, что благодать Божья может изменить законы физики и остановить энтропию.* В данных примерах автор статьи газеты «Ведомости.ру» перечисляет заголовки ленты новостей в Интернете, что само по себе показательно.

Кощунственно используется слово в статье «В российский прокат выходит кино об исцелении», трижды ироничное употребление вербализатора концепта в конце статьи звучит саркастически: *«Как обставляется коммерческой и бюрократической рутинной гигантского конвейера сертифицированной благодати».*

В статье «Зафрендить Зеленый Куб» пуфики на выставке рассуждают об искусстве: «Люди бывают добрыми и злыми. Я раньше думала, что произведения искусства делятся по такому же принципу. Бриллиантовый череп по внешности — злюка, а «Подсолнухи» — сама благодать! Но тут я ошиблась! Бриллиантовый череп сделал Дэмиена Херста миллионером, а «Подсолнухи» принесли Ван Гогу одни страдания». Иронично уже само название статьи, а пример как нельзя лучше иллюстрирует проблему сохранения языка как генофонда нации.

При этом, несмотря на все сказанное, можно утверждать, что слово «благодать» хранит ассоциативную связь с чем-то прекрасным, положительно высоко оцениваемым носителями языка. Эту особенность русской лексики, вербализующей этические концепты, активно используют в рекламных целях во всех видах текстов [10. С. 216]. Однако благодать как название сорта «урожайной многоколосной пшеницы» в аграрной стране XIX века, когда от урожайности зависело, переживут ли зиму целые районы и области, этически более оправдано, чем название водки, например. О водке с названием «Благодать» в газете говорится в нескольких статьях: *доля компании росла в том числе за счет брендов Medoff, «Мерная» и «Благодать»* (речь идет о водке); *менеджер по продажам у дистрибуторов запустила водку «Благодать»; продвижение первого своего российского водочного бренда «Благодать».*

Активно слово *благодать* используется и в других названиях, например, фильмов («*Божью благодать*» Франсуа Озона *по праву можно назвать событием Берлинале-2019*; «*Любовь и благодать под присмотром машин*»), спектаклей («*Благодать и стойкость*»), пекарен и даже «КЭС-холдинга» («*Тарифная благодать*»). В таких случаях претензии к недобросовестному использованию «генофонда нации» следует, конечно, предъявлять вовсе не к журналистам. Однако для данного исследования важна сама тенденция активного снижения этической значимости в современном употреблении.

Актуальны в газете этически сниженные значения «покоя, удовлетворения обстоятельствами» и «материальные блага»: *в дни нашего пребывания на Байкале была тишь и благодать; Почему, когда вы можете использовать одно из величайших изобретений, которое принесет благодать человечеству, вы воротите нос?; Внутри лимузина, как положено, благодать — кожа, дерево, цветные мониторы, кресла с массажем; Вдруг поняли, что теперь вся эта благодать уже недоступна* (об участии в ипотеке).

В ежедневной деловой газете «Ведомости.ру» лексема «благодать» используется всего 58 раз. Закономерно, что единственное концептуально наполненное употребление характерно религиозному контексту. В сообщении о поздравительной речи Патриарха Кирилла перед началом рождественского богослужения слово используется в прямой речи священнослужителя: *«Пусть благодать родившегося Спасителя прикоснется к нам не только в эту замечательную рождественскую ночь, но и во все дни жизни нашей»*. Среди всех случаев мы встретили одно употребление, актуализирующее этическое значение слова: *«У русских тоже любовь, но не плотская, человеческая, как у Кана, а возвышенная, как некая растворенная в воздухе благодать, от которой и зачатие должно быть непорочным»*.

Особенности функционирования вербализатора благодарности в современных СМИ

Среди 1854 употреблений слова *благодарность* подавляющее большинство составляют устойчивые сочетания: *выразить благодарность, слова благодарности, объявить благодарность, вынести благодарность, заслужить благодарность*. Например, *Ким Чен Ын выразил российскому президенту благодарность за «теплое послание»; «Нельзя не сказать слова благодарности нашим гостям, иностранным туристам, иностранным болельщикам»; Глава государства объявил благодарность первому вице-президенту «Ростелекома» Владимиру Кириенко; Ахметову за многолетний добросовестный труд объявлена благодарность* и т.д.

Следующими по частотности встречаются употребления слова *благодарность* в различных сочетаниях, где актуализируются не отмеченные словарями семы ‘я хочу, чтобы вы сделали так’ или близкое к одобрению ‘хорошо, что вы сделали так’. Сравним: *Это абсолютно необходимое изменение, я была бы благодарна Думе, если бы вы эту инициативу могли поддержать* (я хочу, чтобы Дума поддержала эту инициативу); *Мы благодарны президенту за поддержку инициатив наших избирателей* (хорошо, что президент поддержал инициативы); *Я благодарна Ирине Анатольевне за то, что она смогла принять объективное решение* (хорошо, что Ирина Анатольевна приняла это решение); *инвесторы удостоились особой благодарности Касьянова за дружную поддержку*

новации ГКО-ОФЗ (Касьянов положительно отметил то, что инвесторы поддержали новации).

Примечательно, что благодарности не удалось избежать распространенного ироничного стиля, однако среди более чем в 30 раз большего количества употреблений слова по сравнению с лексемой «благодать» количество ироничных ничтожно. Например, *Как следствие, тогдашние идеи путчистов находят сегодня благодарный отклик у населения и охотно воплощаются новой номенклатурой; Зловещие признаки можно было заметить, уже когда послание президента Федеральному собранию показалось респондентам избыточно внешнеполитическим, — почему-то считалось, что гражданам так нравятся мультики с ракетами, что в благодарность они готовы забыть обо всем остальном; Сейчас 2018 год, и мы, «благодарные» потомки, теперь должны принимать какие-то решения.*

Однако следует отметить, что и этически значимые значения слова встречаются для такого количества случаев крайне редко: *могу сказать, что учить других — это невероятно благодарный труд; он сделал настолько много, что заслужил покой и благодарную память.* Самой активной этически значимой семьей слова *благодарность* в газете «Ведомости.ру» является ‘чувство признательности за что-то хорошее’: *И в то же время с благодарностью принимаем хорошо прожитую жизнь; беженцы говорят, что они благодарны за возможность отдохнуть; Я очень рада присоединиться к команде НМГ и благодарна Ольге Паскиной за приглашение в компанию и оказанное доверие.* Многие из таких употреблений касаются деловой сферы и воспринимаются как этикетные формулы: *Мы благодарны Арсению Оганесяну за проделанную работу в должности главного директора; Экспертам будут благодарны за рекомендации по выявлению процедурных нарушений и др.*

Влияние семантических изменений, распространенных в СМИ, на современных носителей языка

Опрос, проведенный нами среди студентов разных специальностей первого курса, подтвердил существование взаимонаправленных процессов в лингвокультурном сознании современных носителей языка. С одной стороны, этически значимая лексика и содержащийся в ней потенциал доступен носителям языка, с другой — повышенная ироничность современного коммуникативного пространства вообще и средств массовой информации в частности порождают циничность в восприятии ценностных смыслов русской ментальности. Так, среди ответов 100 респондентов большинству определений характерна различная степень этической нагрузки, но все же они близки исконным значениям. Например, *благодать* — это, по мнению студентов, *термин, связанный с Богом, скорее всего, это получение его поддержки; да-*

рование неких благ людям (божья благодать); благодать связана со спокойствием на душе; Божья благодать — синоним милосердию; свыше кто-то дал что-то хорошее людям или человеку; обретение смысла жизни, спокойствие (значения, связанные с представлением о божественности благодати); ощущение человеком спокойствия, защиты; спокойное чувство; чувство умиротворения; когда все хорошо: душевно, физически, вокруг, и ты понимаешь, что тебе очень приятно от происходящего; доброе слово, применяемое в хороших ситуациях (семы с небольшой степенью этической нагрузки); хороший урожай или как дождь в жаркий день; погода благодать; когда находятся в очень уютном месте и комфортной обстановке (семы с низкой степенью этической нагрузки). С другой стороны, встречаем такие трудно определяемые с точки зрения их этической ценности толкования, как действие передачи блага за что-то; период ощущения приятного; когда кто-то чем-то делится. Подобные значения трудно назвать антиэтическими, но доля цинизма в них прослеживается отчетливо. Немногочисленность таких толкований среди респондентов связана, по нашему мнению, с пассивностью лексемы «благодать», отчего студенты были вынуждены прибегнуть к так называемой народной этимологии, то есть самостоятельно установить значение, а следовательно, связать его прежде всего с понятием «благо», в любом значении имеющем шлейф положительных коннотаций.

В восприятии слова *благодарность* есть некоторые особенности.

Среди ответов респондентов значительное место занимают этические толкования. Среди них почти не встречаются относящиеся к сфере «божественное», большую часть ответов можно отнести к сфере отношений «человек — человек», на втором месте материальные значения.

Среди толкований первой группы стоит отметить несколько раз повторяющееся значение ‘дарование блага кому-либо’.

Следующая группа этических ответов при всем их многообразии характеризуется активностью таких семантических долей, как ‘чувство’, ‘обязательность чувства благодарности’ и этически высокое ‘доброта, помощь’. Примеры первых двух случаев мы объединили. Так, среди ответов частотны следующие: *чувства, которыми человек наделяет другого за его доброту, помощь, поддержку; чувство, которое может испытывать человек, если ему помогли; чувство долга перед человеком, к которому выражается благодарность; чувство, проявляемое человеком, если человеку сделали то-то хорошее. Не важно какое, физическое или моральное; отдача, возвращение долга, равноценный обмен; ее высказывают человеку, который помог духовно или материально, она может быть выражена как словами, жестами, так и подарками и др.*

Большая степень этической нагрузки связана с семой «доброта, помощь», однако такие примеры немногочисленны: *безвозмездное благо, дар; помощь, хорошие слова, действия; чувства, которые вызваны благим действием другого человека, щедрость, доверие.*

Толкование благодарности в категориях материального, хотя такие ответы редки, снижает степень этической нагрузки до циничной: *когда кто-то получает от кого-то другого то, что ему нужно или необходимо; это то самое чувство получателя при закрытии нужд; некое поощрение словом или ценным предметом за оказанную помощь; отдача, возвращение долга, равноценный обмен; умение делать что-то хорошее взамен такого же хорошего, сделанного для тебя.*

Заключение

Слова *благодать* и *благодарность* выступают прежде всего как вербализаторы этического концепта БЛАГО, семантическое поле которого покрывает главные этические ценности русской ментальности, такие как добро, любовь, милость, щедрость и т.д. Этическое означает включенность в систему ценностей, оно позволяет отличать добро от зла прежде всего в отношениях «человек — человек». При этом такие отношения ориентируются на идеальные представления взаимоотношений Бога и человека, которые были унаследованы от церковнославянского и древнерусского языков. Несмотря на значительное снижение их этической значимости в XX веке, слова «благодать» и «благодарность» ассоциируются в русском лингвокультурном сознании с добром в духовном и материальном смыслах и имеют стойкую положительную коннотацию. Вербализаторы этического концепта, по сути, обладают информацией, названной нами этической нагрузкой, актуализирующей ментальные нормы русского общества. Частотность ироничного либо этически пустого употребления слов приводит к искажению их исконного значения и, соответственно, разрушает ментальную систему ценностей носителей языка. Накопительная функция языка, благодаря которой сохраняется ядро этической концептосферы, действует, к сожалению, и в отношении антиэтических и кощунственных смыслов, а значит и опасность разрушения национальных духовно-нравственных ориентиров и норм слишком велика, чтобы позволять себе легкомысленную игру со словом. Привлечение внимания, хотя и является основной целью в публицистике, тем не менее не может оправдать снижение этической значимости и искажение основных смыслов вербализаторов этических концептов.

Библиографический список

1. *Вовк Е.В.* Проблема жанрового подхода в системе анализа журналистских текстов // *Universum: филология и искусствоведение*. 2018. № 4 (50). С. 19–20.
2. *Кириллова Н.Б.* Новые концепты медианауки в социокультурной системе информационной цивилизации // *Перспективы науки и образования*. 2021. № 6 (54). С. 10–22. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.6.1>
3. *Коньков В.И., Соломкина Т.А.* Коммуникативный статус профессиональной журналистской речи в русскоязычной медийной среде // *Русистика*. 2021. № 19 (4). С. 419–435. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-419-435>

4. Дмитриева Н.М., Завадская А.В. Этическое наполнение концептов «жизнь», «чудо», «счастье» и их использование в рекламе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 2 (177). С. 213–217.
5. Широкова Е.Н. Новостные интернет-заголовки: онтологический и ортологический аспекты // Научный диалог. 2021. № 110 (2). С. 122–138. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-122-138>
6. Музычук Т.Л. «Спасибо, что живой»: этнокультурный потенциал русской языковой личности как фактор национальной безопасности // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 6 (4). С. 541–554. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017\(4\).541-554](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017(4).541-554)
7. Васильева Г.М., Харченкова Л.И. Смена ценностных предпочтений россиян и ее отражение в языковом сознании // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации. XIII Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2013. С. 279–280.
8. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев Н.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
9. Карасик В.И. Благодарность: концепт и жанр // Жанры речи. 2011. № 7. С. 235–253.
10. Дмитриева Н.М., Просвиркина И.И. Семантические сдвиги в вербализации этического концепта «благо» // Русистика. 2019. № 17 (4). С. 502–514. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-4-502-514>
11. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
12. Шаклеин В.М. Историческая лингвокультурология текста: монография. М.: РУДН, 2012.
13. Попова И.М. Деформация смысла концепта благо как показатель уровня духовности (по роману Захара Прилепина «Обитель») // Филологические науки, вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78), часть 3. С. 44–49.
14. Сафонова Н.В. Ментальная и языковая репрезентация концепта БЛАГО/ДОБРО в русском языковом сознании: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тамбов, 2004
15. Гостева И.В. Концепты духовности как воплощение традиций русской цивилизации // Челябинский гуманитарий. 2012. № 2 (19). С. 42–48.
16. Бувечич А.А. Взаимоотношения языка и религии сквозь призму духовно-религиозного кода русской лингвокультуры // Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 111–122.
17. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2007.
18. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: Изд-во РУДН, 1997.
19. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
20. Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их исследования. 2018. № 16 (2). С. 172–190. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190>
21. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2001.
22. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 4 т. Т. 1. СПб, 1893.
23. Словарь русского языка XI — XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1.
24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1 А — 3. М., 2011.
25. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Дом XXI век, 2010.
26. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.
27. Чернышев В.И. (ред.) Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
28. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985.
29. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. Т. 1. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005.

30. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Златоуст, 2014.

References

1. Vovk, E.V. (2018). The problem of genre approach in the system of analysis of journalistic texts. *Universum: philology and art history*, 4(50), 19–20. (In Russ.).
2. Kirillova, N.B. (2021). New concepts of media science in the sociocultural system of information civilization. *Perspectives of Science and Education*, 6(54), 10–22. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.6.1>
3. Konkov, V.I. & Solomkina, T.A. (2021). Professional journalistic speech in the media environment. *Russian Language Studies*, 4(19), 419–435. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-419-435> (In Russ.).
4. Dmitrieva, N.M. & Zavadskaya, A.V. (2015). The ethical content of the concepts of “life”, “miracle”, “happiness” and their use in advertising. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(177), 213–217. (In Russ.).
5. Shirokova, E.N. (2021). Internet news headlines: ontological and orthological aspects. *Nauchnyi dialog*, 10(12), 122–138. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-122-138> (In Russ.).
6. Muzychuk, T.L. (2017). “Thank you for being alive”: ethnocultural potential of the Russian linguistic persona as a factor of national security. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4(6), 541–554. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017\(4\).541-554](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017(4).541-554) (In Russ.).
7. Vasilyeva, G.M. & Kharchenkova, L.I. (2013). Change of value preferences of Russians and its reflection in linguistic consciousness. In: *Dialogue of cultures: values, meanings, communications. XIII International Likhachev scientific readings*. St. Peterbourg. pp. 279–280. (In Russ.).
8. Zaliznyak, A.A. Levontina, I.B. & Shmelev, D.N. (2005). *Key ideas of the Russian language picture of the world. Series Language. Semiotics. Culture*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
9. Karasik, V.I. (2011). Gratitude: concept and genre. *Speech genres*, 7, 235–253. (In Russ.).
10. Dmitriyeva, N.M. & Prosvirkina, I.I. (2019). Semantic shifts in verbalization of the ethical concept “boon” in electronic mass-media. *Russian language studies*, 17(4), 502–514. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-4-502-514> (In Russ.).
11. Vendina, T.I. (2002). *Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
12. Shaklein, V.M. (2012). *Historical linguoculturology of the text* [monography]. Moscow: RUDN. (In Russ.).
13. Popova, I.M. (2017). Deforming the meaning of the concept “good” as an indicator of spirituality level (by the example of Zakhar Prilepin’s novel “Abode”). *Philology. Theory & Practice*, 12(78–3), 44–49. (In Russ.).
14. Safonova, N.V. (2004). *Mental and Linguistic Representation of the BLAGO/GOOD Concept in the Russian Linguistic Consciousness* [dissertation]. Tambov. (In Russ.).
15. Gosteva, I.V. (2012). Concepts of spirituality as the embodiment of the traditions of Russian civilization. *Chelyabinsk humanitarian*, 2(19), 42–48. (In Russ.).
16. Buyevich, A.A. (2016). Mutual relation between language and religion through the prism of the spiritual-religious code of russian linguoculture. *Metaphysics*, 4(22), 111–122. (In Russ.).
17. Vendina, T.I. (2007). *From the Cyril and Methodius heritage in the language of Russian culture*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
18. Vorobyov, V.V. (1997). *Linguoculturology (theory and methods)* [monography]. Moscow: RUDN. (In Russ.).
19. Kolesov, V.V. (2006). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Petersburg Orientalism. (In Russ.).

20. Maslova, V.A. (2018). The main tendencies and principles of modern linguistics. *RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching lingvoculturology: theoretical and applied aspects*, 16(2), 172–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190>
21. Dyachenko, G. (2001). *Complete Church Slavonic dictionary*. Moscow: Otchij dom. (In Russ.).
22. Sreznevsky, I.I. (1893). *Materials for the dictionary of the Old Russian language according to written monuments*: in 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg. (In Russ.).
23. *Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries*. (1975). Moscow: Nauka. (In Russ.).
24. Dal', V.I. (2011). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: in 4 vol. Vol. 1. Moscow. (In Russ.).
25. Ushakov, D.N. (2010). *Explanatory dictionary of the modern Russian language*. Moscow: Dom. XXI century. (In Russ.).
26. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2003). *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
27. Chernyshev, V.I. (1950). *Dictionary of the modern Russian literary language*: in 17 vols. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
28. Evgen'eva, A.P. (1985). *Dictionary of the Russian language*: in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Russian language. (In Russ.).
29. Efremova, T.F. (2005). *Modern explanatory dictionary of the Russian language*: in 3 volumes. Vol. 1. Moscow: AST, Astrel, Harvest, Lingua. (In Russ.).
30. Kolesov, V.V. Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014). *Dictionary of Russian mentality*: in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).

Информация об авторах:

Дмитриева Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка факультета филологии Оренбургского государственного университета; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, лингвоконцептология. Автор около 70 работ, из них 7 монографий и учебных пособий; *e-mail*: dmitrieva1977@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5860-5374.

Шаклеин Виктор Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, методика преподавания русского языка; лингводидактика; *e-mail*: shaklein-vm@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6429-8430; eLIBRARY SPIN-код: 8321-1225.

Information about authors:

Natalya M. Dmitriyeva, Candidate of Philological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Russian philology and methods of teaching Russian language at the Faculty of Philology in Orenburg State University; *Research interests*: linguistic culturology, linguoconceptology. Author of about 70 works, including 7 monographs and textbooks; *e-mail*: dmitrieva1977@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5860-5374.

Victor M. Shakhlein, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Teaching Methodology, Peoples' Friendship University of Russia; *Research interests*: linguoculturology, Russian language teaching methodology; linguodidactics; *e-mail*: shaklein-vm@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-3576-3828; eLIBRARY SPIN-code: 9313-8322.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988

УДК 811.161.1'374:001.4

Научная статья / Research article

Русскоязычные когнитивные термины как результат интеграционных процессов в научном дискурсе

Т.В. Романова , О.Н. Колчина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
603014, Российская Федерация, Нижний Новгород, Сормовское шоссе, д. 30

 tvromanova@mail.ru

Аннотация. Терминосистема когнитивной лингвистики формируется из разных областей знания и дискурсивных практик. По происхождению эти термины, как правило, англоязычные. В систему попадают и русскоязычные слова общеупотребительного характера, которые в результате системно-тезаурусных связей с другими терминами в научной коммуникации приобретают статус когнитивного термина. Рассмотрены методологические основания понимания этих интеграционных процессов, что возможно только при рассмотрении системы терминов как формы экспликации знаний на мыслительном и языковом уровнях. Анализу подвергается общенародное бытование русскоязычных слов, возможные оттенки смысла, которые позволили подобным лексемам перейти в группу терминов и пополнить когнитивную терминосистему. Объектом анализа являются исконно русские лексем *знание* и *сознание*. Предмет анализа — компоненты семантики, ставшие базой терминологического значения указанных лексем; новые системные связи, которые возникли у слов *знание* и *сознание* уже как русскоязычных терминов при вхождении в когнитивную терминологическую систему: синонимические, антонимические, гипер- и гипонимические, деривационно-эпидигматические. Наблюдение над функционированием лексем *знание* и *сознание* в общенародном и научном дискурсах, а также анализ интерпретации данных терминов в научном дискурсе позволили прояснить процесс терминологизации общеупотребительной лексики русского языка. Представлены результаты использования корпусных и программных инструментов для моделирования функционала данного формата знаний. Собранные сведения подкреплены результатами ассоциативного эксперимента для верификации полученных при помощи автоматической обработки источников данных. Особенности употребления терминов когнитивной лингвистики позволит выявить изменения в когнитивной терминосистеме.

Ключевые слова: дискурс, когнитивная лингвистика, когниция, словарная статья, термин, терминосистема

Вклад авторов.

Вклад авторов в работу равнозначен на всех этапах.

© Романова Т.В., Колчина О.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Публикация подготовлена в рамках исследования (№ 22-00-008) Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

История статьи:

Дата поступления: 30.08.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Романова Т.В., Колчина О.Н. Русскоязычные когнитивные термины как результат интеграционных процессов в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988>

Russian Cognitive Terms as a Result of Integration Processes in Scientific Discourse

Tatiana V. Romanova , Olga N. Kolchina

National Research University Higher School of Economics,
30, Sormovskoe highway, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603014

 tvromanova@mail.ru

Abstract. The term system of cognitive linguistics is formed from different areas of knowledge and discursive practices. These terms are usually of English origin. But this system also includes Russian-language words of a commonly used nature, which, as a result of system-thesaurus connections with other terms in scientific communication, acquire the status of a cognitive term. The paper discusses the methodological foundations for understanding these integration processes, which is possible only when considering a system of terms as a form of explication of knowledge at the mental and linguistic levels. The nationwide existence of Russian-language words, possible shades of meaning, which allowed such lexemes to move into a group of terms and replenish the cognitive terminological system, are analyzed. The object of analysis is the original Russian lexemes knowledge and consciousness. The subject of analysis is the components of semantics that have become the basis of the terminological meaning of the indicated lexemes; new systemic connections that arose in the words knowledge and consciousness already as in terms of Russian origin when entering the cognitive terminological system: synonymous, antonymic, hyper- and hyponymic, derivational-epidigmatic. Observation of the functioning of the lexemes knowledge and consciousness in popular and scientific discourses, as well as analysis of the interpretation of these terms in scientific discourse, made it possible to clarify the process of terminology of the commonly used vocabulary of the Russian language. The paper presents the results of using corpus and software tools for modeling the functionality of this knowledge format. The collected information is supported by the results of an associative experiment to verify the data sources obtained through automatic processing. The revealed frequency and specificity of the use of cognitive terms on modern material will allow us to draw meaningful conclusions about a qualitatively new state of cognitive terminology.

Keywords: discourse, cognitive linguistics, cognition, dictionary entry, term, term system

Authors' contribution:

All authors have contributed equally

Financing, Acknowledgement:

The publication was prepared in the course of a study (No. 22-00-008) as part of the Program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics” (NRU HSE) in 2022.

Article history:

Received: 30.08.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Romanova, T.V. & Kolchina, O.N. (2022). Russian Cognitive Terms as a Result of Integration Processes in Scientific Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988>

Введение

Когнитивная наука, по причине своей междисциплинарности, интегрирует сведения из разных дискурсивных сфер: психологии, логики, философии, гносеологии, лингвистики, психолингвистики, нейролингвистики, математики, программирования, теории информации, кибернетики и др. Это обуславливает необходимость создания общего терминологического аппарата, что объясняет потребность в словаре-справочнике когнитивных терминов нового типа.

В области отечественной лингвистики самой полной лексикографической работой по терминам когнитивной лингвистики считается «Краткий словарь когнитивных терминов» под общей редакцией Е.С. Кубряковой, опубликованный в 1996–1997 гг.¹, являющийся, скорее, справочником энциклопедического типа. В данном словаре содержится около 100 терминов, соответствующих ключевым понятиям когнитивизма и чаще всего используемых в отечественных когнитивных исследованиях.

В зарубежной лингвистике основными лексикографическими работами, содержащими когнитивные термины, признаны следующие: V. Evans “A Glossary of cognitive linguistics”; L.R. Trask “Key concepts in language and linguistics”². В работе Л. Траска представлено около 300 лингвистических терминов, однако в их число попали не только ключевые термины когнитивной лингвистики, но и термины классической лингвистики, например, *affix*, *Black English* и др. В словаре В. Эванса содержится около 500 терминов именно когнитивной лингвистики с указанием на статьи, в которых впервые появился данный термин, синонимы, иллюстративные контексты, но во многих случаях словарь отсылает к другим работам В. Эванса.

¹ Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

² Trask, R.L. (2007). *Language and linguistics: the key concepts*, P. Stockwell (Ed.). London: Routledge. Evans, V. (2007). *A Glossary of Cognitive Linguistics (Glossaries in Linguistics)*, Edinburgh: Edinburgh University Press.

На сегодняшнем этапе развития когнитивистики необходим справочник, представляющий термины в единстве онтологических отношений и системных словарных связей: в отношениях синонимии, квазисинонимии, класс — подкласс, класс — экземпляр, часть — целое, отношение происхождения; многозначность, род — вид. Это позволит оценить степень системной связанности когнитивных терминов, формирующихся в разных дискурсивных областях. Именно такой подход выбран нами в проекте подготовки учебного словаря-справочника когнитивных терминов. Некоторые наблюдения, сделанные в процессе проектирования словаря нашей исследовательской группой, легли в основу данной статьи.

В публикации анализируется процесс терминологизации русскоязычных слов и представлен прототип предполагаемой статьи для проектного словаря тезаурусно-энциклопедического характера.

Особенности сбора и обработки терминологического материала

Для сбора и анализа языкового материала нами были использованы современные технологии создания корпусов текста (парсинг электронных ресурсов научных библиотек; сплошной поиск ключевых слов и сортировка материала в соответствии с различными мерами ассоциативности: T-score, Z-score, loglikelihood) и их обработки (автоматическая морфологическая разметка с помощью стандарта Universal Dependencies).

Кроме того, проведена верификация понятийного тезауруса путем сопоставления с ассоциативным тезаурусом, составленным по результатам ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие студенты, изучающие дисциплину «Функциональные и когнитивные модели в лингвистике». Учет данных ассоциативного эксперимента, ассоциативной организации связей лексемы, позволяет выяснить, какие сведения и факты соответствуют в сознании когнитивному термину [1. С. 37]. Слово-термин при этом является центральной единицей хранения и использования информации, а система терминов (ассоциативно-вербальная сеть, связи и отношения между терминами) есть модель, объективирующая информационный тезаурус человека — вместилище всех знаний, вербальных и невербальных, база речемыслительной деятельности.

Для обработки были отобраны те термины, которые чаще всего используются в современных трудах по когнитивистике (всего 60 терминов). Употребление термина иллюстрируется примерами из научного дискурса когнитивного профиля.

Словарная статья начального вида — прототип — будет включать в себя определение понятия и первичного значения, этимологическую справку, системные связи с другими терминами когнитивной лингвистики, данные ас-

социативного эксперимента, иллюстрированную демонстрацию способов представления содержания термина в научном дискурсе.

Такая схема описания предполагает следующую последовательность действий.

1. Определение значения слова, зафиксированного в толковых словарях, словарях синонимов, антонимов, что позволяет выявить общенародное восприятие слова и динамику трансформации первичного понятия в терминологическое значение.
2. Обращение к этимологическим словарям и словарю В.И. Даля позволяет выявить концептуальную основу термина, определить важность для русского сознания данного слова. Этимологическая справка обнаруживает ядро нового сформированного в рамках когнитивной лингвистики термина. С этой целью возможно обращение и к Словарю Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры»³.
3. Обращение к словообразовательным словарям. По мнению Т.И. Вендиной, если слово/корень является центром разветвленного словообразовательного гнезда или объемной цепочки, то можно говорить о важности данного понятия в языковой национальной картине мира [2. С. 9].
4. Анализ характера функционирования термина в научном дискурсе по когнитивной лингвистике. Источником материала для наблюдения и анализа послужили тексты научных статей, опубликованных в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики»; в периодическом издании «Когнитивные исследования языка»; в журнале «Вестник МГУ, серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация», раздел «когнитивные исследования» (2004–2019 гг., 25 статей). Итоговый корпус: 752 текста, 8 062 613 словоупотреблений.

Особое внимание при анализе уделяется способам интерпретации содержания терминов, которые можно подразделить на фактологические (например, прецедентный текст, цитата), логические (ассоциация, дескрипция, дефиниция, фрейм, суждение, импликация, множество, предикат, пропозиция, сравнение) и лингвистические (внутренняя форма слова, антоним, синоним, гипоним, гипероним, метафора, перифраза, словосочетание).

Терминологизация русскоязычных слов знание и сознание

Для осмысления в этой публикации взяты слова-термины, история функционирования которых иллюстрирует трансфер элементов одной дискурсивной лексической подсистемы в другую. Например, это произошло с исконно русскими словами *память, внимание, восприятие, знание, сознание,*

³ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.

смысл. Рассмотрим процесс терминологизации русскоязычных слов *знание* и *сознание*.

В русской картине мира понятие «знание», соответствующее термину *ЗНАНИЕ*, занимает важное место. Это отражают словарные значения в толковых словарях современного русского языка. Словарь русского языка (МАС) показывает в первую очередь бытовое восприятие этого понятия: как основное дается значение обладания определенными сведениями, вторым значением является понятие о самих сведениях и познаниях и, наконец, знанием называется верный результат познания действительности; оттенок 3 значения: ‘Совокупность сведений, составляющих какую-л. науку, ее отрасль’⁴.

Все три значения лексемы связаны общей семьей ‘сведения’ и находятся в отношениях: предмет — информация (2 значение), присвоение информации (1 значение) и применение усвоенной информации на практике (3 значение). Заметим, что в Толковом словаре Д.Н. Ушакова лексема *знание* имеет помету «книжн.», а значения апеллируют к научности знаний или к знанию как философской категории⁵. Однако на протяжении второй половины XX века понимание специализированности знания снимается.

Указание на терминологический характер лексемы отсутствует и в словаре В.И. Даля. Существительное *знание* входит в группу слов с заглавным глаголом *знать*, значения которого несколько шире, чем данные в МАСе: ‘разуметь, уметь, твердо помнить, быть знакомым’⁶. В ряду значений отсутствует признак ‘научность’. Процесс получения знания также связывается с практическим применением полученной информации (значение ‘уметь’), что совпадает со значением 3, зафиксированном в МАСе. Благодаря пословицам и поговоркам, приведенным в статье Толкового словаря В.И. Даля, обнаруживается национальное восприятие понятия «знание». Глагол в этих фразеологических выражениях употреблен в форме повелительного наклонения или в инфинитиве с императивным значением, что подчеркивает их предписывающий характер. Глагол сочетается в пословицах и поговорках с существительными, называющими нравственные категории: *совесть, честь, Бог*. Например, *Знай совесть*. Следовательно, знание в русском менталитете не просто совокупность сведений, но и область нравственности, соблюдение нравственных законов жизни. Излишний объем информации воспринимается с негативной коннотацией: например, *Много знать — скоро состариться. Дедушка много знал, да помер*⁷. Знание вызывает отсутствие сна, беспокойство, старение

⁴ Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под. ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 1. С. 616.

⁵ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19593> (дата обращения: 18.03.2022).

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 18.03.2022).

⁷ Даль В.И. Указ. соч.

и, наконец, смерть. Однако большая группа пословиц утверждает преимущество знания над незнанием, например: *Когда бы все знал, так бы не погибал* и др.⁸ Таким образом, знание воспринимается амбивалентно, возможно, амбивалентность оценки присвоения знаний и обладания информацией проистекает из столкновения народного и христианского понимания *знания* как приносящего печаль (см. Екклесиаст 1:17–18).

Словообразовательное гнездо в словаре В.И. Даля достаточно обширно, включает глаголы (*знаться, знаваться, знахаться, знахарить*), отглагольные существительные, называющие людей, обладающих знанием, опытных (*знайка, знатель, знательница, знахарь, знахарка* и т.д.), и отвлеченные существительные (*знательство, знание, знаемость*) со значением ‘совокупность знаний, известность’, прилагательные (*знаткий, знамочный*), наречия (*знамо, знайком*). Обширность и распространенность однокоренных слов с ядерным значением ‘знать’ подчеркивает ценность знаний, опыта, владения информацией для носителей русского языка.

В современном русском языке словообразовательное гнездо с корнем *зна-*, данное в Новом словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова, так же объемно и включает лексемы с теми же словообразовательными значениями. В общей сложности словообразовательное гнездо современного русского языка включает 34 однокоренные лексемы⁹.

Понятие «знание» определяется как сложный концепт в Словаре русской культуры Ю.С. Степанова¹⁰. Проведенный Ю.С. Степановым анализ этимологии слов, называющих совокупность знаний в русском языке (*ведать* и *знать*), бытование синонимов, обозначающих знание, в разных языках, развитие значений у данных синонимов показывает, что семантический фон концепта ЗНАНИЕ в современном русском менталитете связан, во-первых, с чувственным знанием, полученным опытным путем; во-вторых, с божественным откровением, с информацией, данной свыше; в-третьих, с развитием науки, научных теорий¹¹. Наблюдается частичное пересечение со значениями в толковых словарях современного русского языка за исключением характеристики знания как данного свыше, вне опыта человека.

Рассмотрим терминологическое функционирование слова *знание* в дискурсе когнитивной науки.

Общее число вхождений лексемы *знание* в нашем корпусе — 21494. В специализированных словарях и энциклопедиях определение *знания*

⁸ *Даль В.И.* Указ. соч.

⁹ *Тихонов А.Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. С. 209–210.

¹⁰ *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. С. 479–480.

¹¹ Там же.

опирается на общепринятое понимание данного мыслительного процесса как познавательной деятельности человека и его предметного опыта¹², а отличается от определения в толковых словарях указанием на фиксацию знания в языковой или другой знаковой форме [3]. Анализ публикаций в периодических изданиях «Вопросы когнитивной лингвистики»; «Когнитивные исследования языка» показал, что термин *знание* имеет следующие синонимы: *информация, данные, сведения, результат познания*. Термин имеет также антонимы: *незнание, данные*. В обследованном материале гиперонимами для термина *знание* являются словосочетания терминологического характера: *когнитивный процесс, когнитивная операция*. В качестве гипонима употребляется словосочетание *блок знаний*. В языковом материале наблюдается широко представленное терминологическое сужение понятия: *социокультурные знания, селективное знание, научное, коллективное, специальное, фоновое, языковое, нелингвистическое, культурно-специфическое, процедурное, концепт*. В результате исследования установлены следующие деривационно-эпидигматические связи термина *знание*, в настоящей работе они представлены в виде словообразовательного гнезда:

знать -> знание -> незнание

знать -> сознавать -> сознательный -> сознательно

знать -> познать -> познавать

знать -> познать -> познание

знать -> узнать -> узнавать

Контексты показывают, что термин «знание» входит в разнообразные устойчивые сочетания, можно выделить частотные коллокации, в скобках указано количество коллокаций: структура знания (777), научное знание (650), формат знания (567), специальное знание (506), трансфер знания (458), область знания (433), репрезентация знания (373), фоновое знание (359), языковое знание (332), представление знания (294), система знания (288), тип знания (285), коллективное знание (240), получение знания (238); наряду с данными коллокациями нужно отметить и нечастотные, но все же встречающиеся в публикациях по когнитивной лингвистике: трансферизация знания (21), нелингвистическое знание (14), культурно-специфическое знание (2).

Термин «знание» по-разному интерпретируется в когнитивных исследованиях, среди наиболее активных способов интерпретации содержания данного когнитивного термина выделяются *дефиниция* и *свернутая предикация*. Данные способы часто сопровождаются *цитацией*; *полупредикацией*, выраженной приложением с союзом *как*; пояснением с союзом *то есть*.

¹² Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 28.

Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-слушателей дисциплины «Функциональные и когнитивные модели в лингвистике», были обработаны в соответствии с методикой Ю.Н. Караулова, предложенной в Русском ассоциативном словаре: реакции расположены в порядке убывания по частотности появления в ответах; завершается представление данных формулой, в которой первая цифра соответствует числу участников эксперимента, вторая указывает на общее число реакций, третья цифра показывает число отказов в реакции на стимул и последняя — число единичных реакций [4].

Знание по данным ассоциативного эксперимента: *сила* 48; *ум, школа* 10; *умение, книга* 8; *информация, мозг* 6; *наука, опыт* 4; *интеллект, книги, познание, свет, учебник, учеба* 3; *1 сентября, знание* — *сила, зеленый, навыки, образование, понимание, теория, мудрость, успех, knowledge* 2; *голова, незнайка, информация, которую я знаю, мне не хватает, power, ученье* — *свет, я знаю, обширно, единица, ученость, инструмент, что-то в голове, единица информации, есть, определение, шум, форма чего-то, единица познания, эмпирика, издательство, домен, обладание, мем знание это сила, обучение, взгляд, смысл, день знаний, концепт, факт, умение пользоваться, сакральное, когитоэрго сум, много, что-то, что мы знаем, понимаем, вышка, стопка книг, мел, мышление, выше среднего, университет, шапка выпускника, ответ, слова, навык, передавать, делиться, культивировать, ценность, область, ученый, человек, склад, получать, рпг, значение, массив, википедия, факты* 1; 201+84+1+59.

В эксперименте участвовал 201 студент-лингвист, только один из них дал отказ в реакции на стимул *знание*. Наибольшее количество (48) обнаруживает реакция *сила*, испытуемые руководствуются известным лозунгом: *Знание — сила!*, что соответствует общенародному восприятию знаний как преимущества. Остальные множественные реакции также показывают значимость общенародных значений (по убывающей: *ум, умения, информация, источники знаний* — *книга, мозг, учебник, учеба*), не случайно они стали ядром понятия «знание», зафиксированного как когнитивный термин. Кроме того, реакция *информация* подтверждает синонимичную связь терминов *знание* — *информация*. Вербально-ассоциативные связи показывают пересечение общенародного взгляда на знание и его когнитивного осмысления: среди реакций появляются лексемы, связанные с когнитивизмом: *информация, понимание, единица информации, единица познания, концепт, мышление*, — что иллюстрирует встроенность термина-стимула в сознании испытуемых в когнитивную теминосистему.

Однокорневой лексемой к *знанию* является *СОЗНАНИЕ*.

В первом нетерминологическом значении данная многозначная лексема связана с понятием восприятия, т.к. называет ‘процесс восприятия и понимания окружающей действительности, способность осмысленно

воспринимать окружающее¹³. Восприятие в общенародном значении является частью сознания, той его разновидностью, которая связана мыслительными операциями, оцениванием, установлением связей между объектами действительности. Следовательно, сознание как психический процесс связано со второй сигнальной системой и в конечном итоге с языком. Приведенные в словарной статье примеры для данного значения обнаруживают общенародное восприятие сознания как предмета, который может быть или не быть в наличии (*потерять сознание*); сознание может выступать в роли агенса (*возвратилось сознание*) или пациенса, испытывающего действие (*развитие сознания*).

Второе значение лексемы — терминологическое, в Словаре русского языка указывается на сознание как на функцию, присущую только человеческому мозгу, отражающую объективную действительность¹⁴. Третье и четвертое значения приравнивают сознание к процессу понимания чего-либо (например, третье значение ‘понимание общественной жизни’). Так как данные значения являются результатом сужения первого, то отдельно можно их не рассматривать. Последнее значение: ‘признание в своей вине’, образовано от глагола *сознаться*. Это значение кажется устаревшим, примеры, иллюстрирующие данное значение, относятся к литературе XIX и начала XX века.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова отсылает в первом значении слова *сознание* к значениям глагольной пары *сознать — сознавать*¹⁵. На первом месте стоит идея истинности объектов и явлений реальной действительности, процесс же осмысления и восприятия окружающего является только третьим значением, в структуру полисеманта входит также терминологическое значение, определяющее *сознание* как свойство высшей нервной деятельности человека.

В Толковом словаре В.И. Даля так же, как в словаре Д.Н. Ушакова, нет отдельной статьи для слова *сознание*, оно входит в статью глаголов *сознавать — сознать*. Первое значение связывает процесс сознания с пониманием и принятием истины (‘сознавать, сознать что, убедившись в истине, признать или понять ее, изменить прежнее мнение свое’¹⁶), второе значение — признание своей вины (*сознаться в чем-л.*) и послед-

¹³ Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С — Я. С. 184.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=72212>; *сознавать* Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=72216> (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 05.04.2022).

нее — находиться в здравом смысле, памяти, обладать свободой воли¹⁷. Сравнительный анализ значений, зафиксированных в Толковом словаре В.И. Даля, Словаре Д.Н. Ушакова и МАСе, обнаруживает общий компонент смысла ‘понимание, нахождение в здравом уме, осмысление действительности’. Возможно, это ядро понятия «сознание», остающееся неизменным до настоящего времени. Очевидна связь данного понятия с пониманием и принятием истины.

В этимологическом словаре М. Фасмера лексема «сознание» определяется как калька с латинского слова *conscientia*¹⁸. Историю слова *сознание* в русском языке подробно представляет Г.М. Прохоров в статье «Древнерусское слово совѣсть и современные русские слова *совесть* и *сознание* (Заметки историка культуры)» [5. С. 531–532]: слово *сознание* появилось в начале XIX века для обозначения философской категории, видимо, как калька с немецкого *Bewußtsein*¹⁹, одновременно бытовало редкое древнерусское слово *сознание*, которое обозначало ‘признание, сочувствие истины какой’²⁰. Обе лексемы совпали в новом значении ‘знание себя’. Таким образом, первые употребления слова *сознание* были связаны с идеей понимания истины и себя.

Фразеологический словарь русского языка фиксирует только один фразеологизм *до потери сознания* со значением ‘до полного изнеможения’²¹, что свидетельствует о позднем появлении данной лексемы в русском языке. Сознание является мерилом сильной усталости человека, которая ассоциируется с утратой восприятия действительности.

Словообразовательное гнездо, в которое входит лексема *сознание* небольшое. В.И. Даль включает в него глаголы *сознать* / *сознавать* (*сознаваться*), прилагательное *сознательный*, существительные *сознательность* (качество) и *сознаватель*, *сознатель*, *сознательница*, обозначающие сознающего себя человека. В Новом словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова данная лексема не представлена. Бедность словообразовательных связей объясняется, по-видимому, редкостью ис-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%81/%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁹ Здесь Г.М. Прохоров уточняет версию происхождения слова М. Фасмера, но признает, что немецкое слово само является калькой с латинского *conscientia*.

²⁰ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», 1822 г. Цит. по: Прохоров Г.М. Древнерусское слово *совесть* и современные русские слова *совесть* и *сознание* (Заметки историка культуры) // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Л.В. Соколова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 532.

²¹ Федорова Т.Л. Фразеологический словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2011. С. 490.

ходного древнерусского слова и ограниченным употреблением лексемы как кальки с немецкого слова.

Итак, анализ истории слова *сознание* и его бытования в словарях разного типа показал, что ядром соответствующего понятия является знание истины и познание себя, нравственный аспект мыслительного процесса.

Рассмотрим, как функционирует лексема *сознание* в терминологическом употреблении в дискурсе когнитивной науки. Результаты анализа представлены ниже в виде прототипа статьи для проектируемого словаря.

Сознание

(общее число вхождений в наш корпус — 9308)

В Кратком словаре когнитивных терминов под редакцией Е.С. Кубряковой и др. содержание понятия определяется следующим образом:

«СОЗНАНИЕ (consciousness; Bewusstsein) — особое свойство такой высокоорганизованной материи, как мозг; отличительная характеристика человека как разумного существа<...>; способность переживать и осознавать окружающую действительность, воспринимать ее, останавливать внимание на определенных объектах внешнего или внутреннего мира, возможность контролировать поступление информации и оперировать ею в ходе мыслительной и вербальной деятельности, наконец, способность знать что-то и т.п.»²².

В Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило термин повторяет почти дословно определение из Словаря когнитивных терминов Е.С. Кубряковой²³.

СИНОНИМЫ: *познавательный психический процесс, мышление, свойство (функция) мозга, способность осознавать и переживать, мышление и воля, способность чувствовать.*

Например, в следующем контексте: «При этом в науке пока **нет четкого разграничения терминов мышление и сознание**. Эти понятия трактуются по-разному, иногда противопоставляются друг другу, иногда **употребляются как синонимы**. В нашем понимании термин сознание в принципе акцентирует статический аспект явления, а мышление — динамический. Сознание — это свойство мозга, мышление — это деятельность мозга, наделенного сознанием (то есть мыслительная деятельность)» [б. С. 44–51].

АНТОНИМЫ: *бессознательное, мышление.*

Например: «То, что мышление присуще только человеку, декларируется и некоторыми когнитивными лингвистами. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин

²² Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 175.

²³ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. С. 351.

со ссылкой на В.В. Красных рассматривают мышление как „процесс сознательного отражения действительности“ в отличие от сознания, которое, по их мнению, „осуществляет бессознательное отражение действительности“» [7].

ГИПЕРОНИМЫ: *общее сознание (когнитивное сознание)*

Контекст: «Все эти виды сознания являются видовыми разновидностями «сознания вообще», или «просто сознания», рассматриваемого глобально, комплексно. Сознание «вообще» предлагается назвать когнитивным, подчеркивая его ведущую «познавательную» сторону — сознание формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта» [б. С. 44–51]

СУЖЕНИЕ: *коммуникативное сознание, языковое сознание, обыденное сознание.*

ДЕРИВАЦИОННО-ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ:

знать -> сознавать -> осознать -> осознание (осознанный)

знать -> сознавать -> сознание

сознание -> бессознательный -> бессознательно

сознание -> сознательный -> сознательно

сознание -> сознательный-> сознательность.

ЧАСТОТНЫЕ КОЛЛОКАТЫ: *языковое сознание (1141), человеческое сознание (337), наше сознание (213), общественное сознание (172), структура сознания (146), обыденное сознание (133), индивидуальное сознание (115), национальное сознание (83), коллективное сознание (83).*

НЕЧАСТОТНЫЕ КОЛЛОКАТЫ: *форма сознания (30), неструктурированное сознание (2), рефлексующее сознание (2).*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНА: дефиниция; пояснение через другие термины; дефиниция, сопровождающаяся цитированием, предикацией или дескрипцией; свернутая предикация и цитирование. Например, дефиниция: «Эта способность «заранее сообщать» о неясном раздражителе для получения о нем дополнительной информации и выбора линии поведения, проявляемая в организме как чувства ощущения, и называется сознанием» [8. С. 101].

СОЗНАНИЕ по данным ассоциативного эксперимента: *мозг 24; разум 14; мышление, человек 9; жизнь, подсознание 5; самосознание, ум 4; бессознательное, восприятие, ментальность, понимание, психология 3; абстрактность, внутри, когнитивный, личность, не существует, осознание, осознанность, познание 2; consciousness, авторитет, безгранично, бодрствование, бытие, быть, внутренне, внутренние, внутренний разум, голова, дух, зеркало, значит мы живы, инструмент, интеллект, когнитивистика, ментальный, могущество, мысли, мыслить, мысль, наше*

осознанное существование, не вечно, нейроны, неконтролируемо, область, обман, определяет бытие?, оранжевый, осмысление, осмысленность, осознаваемость, осознавать, осознать, ощущать, память, подорожник, понимаемое, потеря сознания, представление, прийти в, принятие, пространство, разумное, рациональное, речь, сверхразум, смысл, созвание, сон, соотношения с языком, состояние, спать, способность мыслить, сталкер, сфера, управление, Фрейд, человека, человеческое, эго, явь, языковая личность, ясное 1; 170 + 87 + 3 + 65.

Подведем некоторые итоги. Наблюдение над функционированием и интерпретацией терминов в научном дискурсе позволило констатировать процесс терминологизации общеупотребительной лексики русского языка. Что об этом свидетельствует и что этому способствует.

- Отмечается полисемия терминов, сформировавшихся на базе общеупотребительной лексики: *знание, сознание, внимание, память, смысл* и под.
- Данные термины оказались показательно частотными в корпусе, что связано с их общенаучным характером.
- Рассматриваемые термины вступают в предсказуемые системные связи синонимии, антонимии, гипонимии / гиперонимии, деривационные и эпидигматические.
- Наиболее развитые деривационные связи и эпидигматику демонстрируют термины, имеющие не собственно когнитивное употребление, функционирующие в других дискурсивных сферах.
- Синонимы нетрудно вычленишь, если термин широкий и не собственно когнитивный (*знание — информация, данные, сведения; восприятие — перцепция*). Отношения синонимии формируются как на базе общеупотребительной лексики (*знание — информация, данные, сведения*), так и внутри терминосистемы (например, *выводное знание — инференция, модель извлечения информации из текста*).

Чаще термины поясняются через контекстуальные синонимы (*память — воспоминание, след, отпечаток, образ, порождающий механизм, резервуар, вместительность*). Контекстуальные синонимы встречаются в конструкциях уточнения и пояснения, что приводит к формированию отношений расширения-сужения: «Само слово „память“ выступает в виде **порождающего механизма**, источника своих разнообразных „разверток“» [9. С. 90].

- Антонимия внутри терминосистемы развита слабее. Антонимы есть у тех терминов, у которых они изначально были в нетерминологическом значении: *знание: незнание; сознание: бессознательное; память: забывание; смысл: нонсенс, бессмыслица*.
- Функционирование терминов в научном когнитивном дискурсе ставит проблему необходимости разграничения гипо-/гиперонимических отношений и отношений сужения/расширения. Пример отношений рас-

ширения содержания термина: *когнитивная операция: знание, восприятие; когнитивный процесс: знание, восприятие, внимание. Пример гипо-/гиперонимических отношений: когниция: восприятие, наблюдение, категоризация; ментальные структуры: сценарий, схема, знание, мнение, оценка.*

- При интерпретации содержания в текстах научного дискурса термины демонстрируют разную степень однозначности. Например, термины, которые получили однозначную интерпретацию в научном дискурсе: как определенный вид знания (*выводное знание*) — *инференция; познание* как процесс и результат — *когниция*.

Существенные различия в интерпретациях терминов обуславливают контекстуальную синонимию: например, *концепт* определяется еще и как *квант знания; фрейм* интерпретируется как *категориальное представление знания, пакет знаний о стереотипной ситуации, культурно-обусловленное знание*.

- Актуальны следующие способы задания смысла термина и интерпретации их содержания. Из лингвистических — гипероним/гипоним, из логических — дескрипция, предикат, суждение, фактологических — цитирование, научных — термин. Чаще всего встречаются такие способы задания смысла, как дефиниция «... это», дескрипция «*тот ... , который...*» и свернутая предикация-приложение с союзом «...как». «...основным **КОГНИТИВНОМ МЕХАНИЗМОМ (ОПЕРАЦИЕЙ)** формирования терминологии является когнитивная метафора, используемая в научной речи» [10. С. 87–97]. Часто содержание термина интерпретируется сразу несколькими способами.
- Когнитивные термины подвергаются оценочной интерпретации в ходе активной научной полемики.

Заключение

Результатом исследования является констатация процесса терминологизации общеупотребительной лексики русского языка, что подтверждается полисемией терминов, сформировавшихся на базе общеупотребительной лексики; их частотностью в корпусе; наличием системных связей синонимии, антонимии, гипонимии / гиперонимии, деривационных и эпидигматических связей терминов; демонстрацией разной степени однозначности при их интерпретации.

Библиографический список

1. *Залевская А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2001. С. 36–44.

2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (микрокосм). М.: Индрик, 1998.
3. Филатов В.П. Знание // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). Режим доступа: <https://bigenc.ru/philosophy/text/1994642> (дата обращения 20.02.2022).
4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.: в 2 т. М., 2002.
5. Прохоров Г.М. Древнерусское слово совесть и современные русские слова совесть и сознание (Заметки историка культуры) // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Л.В. Соколова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 523–535.
6. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание (С любовью к языку). М. — Воронеж, 2002. С. 44–51.
7. Корниенко А.Ф. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «сознание» в психологии и когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 5–15.
8. Цаплин В.С. Гипотеза о природе сознания и разумности на основе анализа человеческого языка и биологической эволюции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 97–104.
9. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 85–91.
10. Бондаренко Е.В. ‘Холодная’ и ‘теплая’ картины мира: терминология и онтология // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 87–97.

References

1. Zalevskaya, A.A. (2001). Psycholinguistic approach to the concept problem. In: *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta. (In Russ.).
2. Vendina, T.I. (1998). *Russian language picture of the world through the prism of word formation (microcosm)*. Moscow: Indrik publ. (In Russ.).
3. Filatov, V.P. (2016). Knowledge. In: *Great Soviet Encyclopedia*. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/1994642> (accessed: 20.02.2022). (In Russ.).
4. Karaulov, Yu.N. (2002). Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Source and Tool for the Analysis of Language Ability. In: *Russian associative dictionary*. In 2 vols. Moscow. (In Russ.).
5. Prohorov, G.M. (2004). The Old Russian word conscience and modern Russian words conscience and consciousness (Notes of a cultural historian). In: *Trudy Otdela drevnerusskoj*. Vol. 55. Petersburg: Dmitrij Bulanin. pp. 523–535. (In Russ.).
6. Sternin, I.A. (2002). *Communicative and cognitive consciousness (With love for language)*. Moscow — Voronezh. (In Russ.).
7. Kornienko, A.F. (2013). Correlation between the concepts of “language”, “thinking” and “consciousness” in psychology and cognitive linguistics. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 3, 5–15. (In Russ.).
8. Caplin, V.S. (2014). Hypothesis about the nature of consciousness and intelligence based on the analysis of human language and biological evolution. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 97–104. (In Russ.).
9. Kubryakova, E.S. (1991). About one fragment of the conceptual analysis of the word memory. *Logical analysis of language. Cultural concepts*. Moscow: Nauka publ. pp. 85–91. (In Russ.).
10. Bondarenko, E.V. (2012). ‘Cold’ and ‘warm’ pictures of the world: terminology and ontology. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 87–97. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, лингвистика текста; *e-mail*: tvromanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1833-2711; ResearcherID: L-6068-2015; Scopus Author ID: 56556988800; SPIN-код: 6424-1929.

Колчина Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, департамент фундаментальной и прикладной лингвистики, факультет гуманитарных наук Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 603014, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе, д. 30,+7(831) 278-09-63, +79506123286, *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, языковая личность, языковая картина мира, русский как иностранный, *e-mail*: on-kolchina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5206-5103; ResearcherID: AAC-2133-2022; SPIN-код: 3638-1427.

Information about the authors:

Tatiana V. Romanova, DSc, Associate Professor, Head of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; *Research interests*: cognitive linguistics, discourse analysis, text linguistics; *e-mail*: tvromanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1833-2711; ResearcherID: L-6068-2015; Scopus Author ID: 56556988800; SPIN-code:6424-1929.

Olga N. Kolchina, PhD, Associate Professor, Department of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; *Research interests*: cognitive linguistics, linguistic personality, linguistic picture of the world, Russian as a foreign language; *e-mail*: on-kolchina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5206-5103; SPIN-code: 3638-1427; ResearcherID: AAC-2133-2022.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-989-1004

УДК [811.221.18:811.111]373.612.2

Научная статья / Research article

Понятийная составляющая, образно-метафорические и ценностные характеристики концептов СÆРИБАР/СÆРИБАРДЗИНАД и FREEDOM/LIBERTY

И.Д. Бекоева¹ , М.И. Баликоева² , А.В. Денисенко³ ,
Ю.М. Калинина³

¹Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова,
100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, ул. Владимира Путина, д. 8

²Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(Государственный технологический университет),
362021, Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания,
г. Владикавказ, ул. Николаева, д. 44

³Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 balikoi@yandex.ru

Аннотация. СВОБОДА — концепт с чрезвычайно сложной структурой. Большинство его составляющих сами представляют собой концепты со своей сложной иерархической структурой. Рассмотрены составляющие концепта СВОБОДА в осетинском и английском языках, устанавливаются его основные понятийные, образно-метафорические и ценностные характеристики в обоих языках и специфика значений в каждой из указанных лингвокультур по отдельности. В условиях интенсивной межкультурной коммуникации сопоставительный анализ глобальных языков и языков малых народов позволяет установить универсальные и национальные черты языковых картин мира и способствует диалогу культур. Цель исследования — выявление универсальных и уникальных компонентов концепта СВОБОДА, репрезентируемого в осетинском и англоязычном общественно-политическом дискурсе. Научная новизна работы состоит в определении сущностных признаков концепта СВОБОДА в осетинском языке на примере юго-осетинского дискурса, в котором свобода играет основополагающую роль в становлении государственности, в менталитете народа. Кроме того, впервые проводилось сопоставление данного концепта в осетинском и английском языках, что позволило подчеркнуть специфику национального самосознания носителей данных языков. Исследование выполнено на материале печатных и электронных СМИ Республики Южная Осетия, англоязычной прессы (британской и американской), а также словарей осетинского и английского языков. Значительную часть материала составили официальные сводки с сайта Министерства иностранных дел Республики Южная

© Бекоева И.Д., Баликоева М.И., Денисенко А.В., Калинина Ю.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Осетия, который ведется на русском, осетинском и английском языках. Проанализировано более 100 контекстов из каждого языка. В исследовании применены метод концептуального анализа; метод контекстуального анализа; сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки материала юго-осетинских, британских и американских СМИ. Полученные результаты свидетельствуют о сходстве ряда составляющих концепта свобода в сознании американского, британского и осетинского народов, однако подчеркивают, что в английском языке в концепте СВОБОДА прослеживается бинарный характер — противопоставление свобода — несвобода, в то время как в осетинской лингвокультуре, помимо основных общих значений, САЕРИБАРДЗИНАД ‘свобода’ имеет более широкий смысл и подразумевает право, борьбу, национальную свободу.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, лингвокультура, понятийная составляющая, образно-метафорическая характеристика, ценностная характеристика, коннотация, репрезентация

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта №21-512-07004.

История статьи:

Дата поступления: 30.08.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Бекоева И.Д., Баликоева М.И., Денисенко А.В., Калинина Ю.М. Понятийная составляющая, образно-метафорические и ценностные характеристики концептов СÆРИБАР/СÆРИБАРДЗИНАД и FREEDOM/LIBERTY // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 989–1004. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-989-1004>

Conceptual Component, Figurative-metaphorical and Value Characteristics of the Concept FREEDOM/LIBERTY in the Ossetian and English Languages

Irina D. Bekoeva¹ , Marta I. Balikoeva² ,
Anastasia V. Denisenko³ , Julia M. Kalinina³

¹South Ossetia State University named after A.A. Tibilov,
8, St Vladimir Putin, Tskhinval, Republic of South Ossetia, 100001

²North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University),
44, St Nikolaeva, Vladikavkaz Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation, 362021

³Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198

 balikoi@yandex.ru

Abstract. *Freedom* is a concept with an extremely complex structure. Most of its components are concepts themselves with their own complex hierarchical structure. The authors discuss the components of the concept of “freedom” in the Ossetian and English languages, establishes its main conceptual, figurative-metaphorical and value characteristics in both languages and the specific meanings in each of these linguistic cultures separately. In the context of intensive intercultural

communication, a comparative analysis of global languages and languages of small peoples makes it possible to establish the universal and national features of linguistic pictures of the world and contributes to the dialogue of cultures. The aim of the study is to identify the universal and unique components of the concept of *freedom*, represented in the Ossetian and English-language socio-political discourse. The scientific novelty of the work lies in the definition of the essential features of the concept of *freedom* in the Ossetian language on the example of the South Ossetian discourse, in which *freedom* plays a fundamental role in the formation of statehood, in the mentality of the people. Moreover, the given concept was for the first time compared in Ossetian and English, which allowed the authors to highlight the peculiarities of national self-identity of the speakers of both languages. The research was conducted on the basis of printed and electronic media of the Republic of South Ossetia, English press (both British and American), as well as Ossetian and English Dictionaries. A significant part of the material comes from the official bulletins and news from the website of the Ministry of Foreign Affairs of South Ossetia, which is in Russian, Ossetian and English languages. The following research methods were used in the work: the method of conceptual analysis; method of contextual analysis; comparative method, the method of continuous sampling of material from the South Ossetian, British and American media. The results obtained indicate the similarity of a number of components of the concept of freedom in the minds of the American, British and Ossetian peoples, however, they emphasize that in the English language the concept of “freedom” has a binary character — the opposition of freedom — not freedom, while in the Ossetian linguistic culture, in addition to the main general meanings, *saeribardzinad* — *freedom* has a broader meaning and implies law, struggle, national freedom.

Keywords: concept, concept structure, linguistic culture, conceptual component, figurative and metaphorical characteristics, value characteristics, connotation, representation

Financing. Acknowledgement:

The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 21-512-07004.

Article history:

Received: 30.08.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Bekoeva, I.D., Balikoeva, M.I., Denisenko, A.V. & Kalinina, Ju.M. (2022). Conceptual Component, Figurative-metaphorical and Value Characteristics of the Concept FREEDOM/LIBERTY in the Ossetian and English Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 989–1004. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-989-1004>

Введение

Концепт СВОБОДА, как один из наиболее значимых в русской и английской лингвокультурах, множество раз становился предметом лингвистических изысканий [1]. В частности, семантические компоненты значений лексемы *свобода* были выделены А. Вежбицкой в разных языках [2]. А.Г. Лисыцын рассмотрел диахронический аспект концепта СВОБОДА в русском языковом сознании [3].

Концепт СВОБОДА и парный концепт ВОЛЯ исследуются в работах ряда отечественных ученых (см. обзор в [4]). Предметом пристального интереса в ряде работ выступает выявление специфических черт, присущих менталитету американского и русского народа посредством лингвокогнитивного ана-

лиза концепта СВОБОДА, занимающего значимое место в ценностной системе русского и американского лингвокультурного сообщества (см. обзор в [5]). Особенности репрезентации концепта СВОБОДА на материале медиадискурса анализируются в ряде исследований (см. обзор в [6]). Концепт СВОБОДА как компонент персонального дискурса отражен в работах Е.К. Моховой, рассматривающей метафорические представления данного концепта в дискурсе Нельсона Манделы [7]. Представляют интерес работы, отражающие реализацию дискурсообразующих концептов [8]; лингвокультурных концептов в политическом дискурсе [9]; национально-специфических специфических концептов [10].

Однако в настоящее время глобальная интеграция повлекла за собой увеличение роли изучения универсальных и этноспецифических элементов концептов в целом, и в частности концепта СВОБОДА не только на индивидуальном уровне, но и в рамках расширения роли межнационального общения. Актуальность исследования обусловлена высокой ценностью концепта СÆРИБАР/СÆРИБАРДЗИНАД в осетинской и FREEDOM/LIBERTY английской лингвокультурах, по уникальным причинам свойственным только данному сообществу, так как Великобритания и США являются одними из наиболее влиятельных стран в мире, где идея свободы является главной индивидуальной ценностью, а Осетия, в частности Южная, проделала долгий путь к своей свободе, а само понятие свободы является ключевым в жизни осетинского сообщества и находится в процессе формирования. Целью исследования являются лингвокогнитивный анализ способов репрезентации концепта СВОБОДА на материале английского и осетинского языков.

К вопросу об этимологическом анализе лексемы свобода

Свобода — это базовая философская категория, предполагающая определение индивидом своих личных жизненных целей и приоритетов и возложение на себя личной ответственности за свою деятельность, а также способность и возможность группы, коллектива или общества действовать в направлении и соответствии со своими интересами и целями [11; 12]

В политическом смысле «свобода» понимается как отсутствие вмешательства или помех. <...> Джеральд Маккаллум высказал мнение, что все взгляды на свободу можно вести к единой формуле — А свободен от В, чтобы р (р здесь заменяет любой глагол) [13]. По мнению составителей словаря, все споры о свободе следует вести вокруг агента, помех, действия или состояния, которое необходимо достигнуть — трех обозначенных субъектов суждения.

Одно из пониманий свободы в русле науки о политике соотносится со свойством индивида, отдельной группы или общности предпринимать

действия соответствующие своим непосредственным интересам и целям и задачам, при обязательном условии осознания и соблюдения социально-обусловленных и социально-необходимых объективных ограничений данных действий [14].

В осетинском языке согласно этимологическому словарю В.И. Абаева *særibar* | *særebar* ‘вольный, свободный, свобода’; *særiбарзинад* ‘свобода’, сложено из *sær*– ‘голова’ и *бар*– ‘право, воля, власть’ с соединительным гласным *-i-* — *e* [15].

Лексикографический анализ концепта СВОБОДА в английском и осетинском языках

В соответствии с определением, данным в кратком толково-этимологическом словаре: «*særibar* — йæ бартæ йæхимæ кæмæн сты, искæмæн цагъ-ар чи нæ у ахæм» ‘свободный — тот, кто владеет своими правами, не раб для другого’ [16].

Изученные нами осетино-русские переводные словари дают идентичный перевод лексемы *sæрибардзинад* (в дигорском диалекте — *sæребардзинадæ*) ‘свобода, независимость’.

Сæрибардзинад/сæрибар ‘свобода, независимость’. *Сæрибар* — сущ. ‘свобода; независимость; приволье’ [17]. В электронном словаре появляется значение ‘приволье’.

Как становится понятно из перечисленных дефиниций, в отличие от *сæрибар* (дигорское — *sæребарæ*), являющегося более архаичной формой и являющееся как существительным, так и прилагательным, *сæрибардзинад / сæребардзинадæ* реализуется как отвлеченная категория философии и теории права (*архайды сæрибардзинад* ‘свобода действий’; *дзырды сæрибардзинад* ‘свобода слова’; *мыхуыры сæрибардзинад* ‘свобода печати’; *æмбырдта аразыны сæрибардзинад* ‘свобода собраний’; *сæрибардзинадыл тох* ‘борьба за свободу’) [18].

Поскольку лексикография осетинского языка находится на стадии развития, за неимением синонимического словаря (краткий словарь синонимов для школьников не содержит синонимические ряды для данного концепта) мы даем синонимы по переводным словарям *свобода* — *сæрибардзинад/сæрибар*, *хæдбардзинад*; *свободно* нареч. 1. *сæрибарæй*, *уаегъдибараей*, *æнæхъыгдардæй*; 2. (легко) *æнцонай*; *свободный* прил. 1. (независимый) *сæрибар*, *уæгъдибар*, *хæдбар* [18]. Вторым элементом структуры всех синонимов лексемы *свобода* в осетинском языке является *бар* ‘воля’, отличие от русского языка, в котором это два разных понятия, выраженных изолированными языковыми единицами.

Что касается концепта СВОБОДА в английском языке, он представлен двумя основными лексическими единицами *freedom* и *liberty*. Семантика

лексической единицы *freedom* (из старого английского *freedom*) эволюционировала со временем от значения *power of self — determination, state of free will* ‘силу самоопределения, состояние свободной воли’ и *emancipation from slavery, deliverance* ‘освобождение от рабства’, *exemption from arbitrary or despotic control, civil liberty* ‘освобождение от произвольного или деспотического контроля, гражданская свобода’ до *possession of particular privileges* ‘обладание конкретными привилегиями’ [19].

Согласно словарю Oxford English Dictionary современная лексема *freedom* имеет следующие значения: 1. *The right to do or say what you want without anyone stopping you* ‘право делать или говорить то, что вы хотите беспрепятственно со стороны другого человека’. 2. *The state of being able to do what you want, without anything stopping you* ‘быть в состоянии делать то, что вы хотите беспрепятственно, ничто не может вам помешать’. 3. *The state of not being a prisoner or slave* ‘нахождение не в заключении или рабстве’. 4. (from sth) *The state of not being affected by the thing mentioned* ‘от чего-то, не находящийся под воздействием упомянутого предмета’ [20]. Словарь американского издательства Random House Webster’s College Dictionary приводит следующие значения слова *freedom*: 1. *The state of being free* ‘свободное положение’. 2. *Exemption from external control* ‘освобождение от внешнего контроля’. 3. *Political or national independence* ‘политическая или национальная независимость’. 4. *Personal liberty* ‘личная свобода, воля’. 5. *Civil liberty, as opposed to subjection to an arbitrary or despotic government* ‘гражданская свобода в противопоставлении подверженности деспотическому правлению’ [21]. В словаре Longman English Language and Culture *freedom* трактуется как: 1. *The state of being free, not being under control* ‘свободное положение, не под контролем’. 2. *The power to do, say, think, or write whatever one wants to* ‘свобода делать, говорить, думать или писать то, что хочется’. 3. *Certain rights, often given as an honour* ‘определенные права, часто предоставленные в знак почета’ [22].

Как видно из приведенных выше толкований, семантика лексемы *freedom* раскрывается следующим образом: *freedom* это: 1. Состояние, противоположное заключению, рабству, которое не предполагает каких-либо внешних запретов и ограничений; 2. Права личности; 3. Возможность и способность выбора и принятия решений; 4. Процесс освобождения от рамок, границ, ограничений; 5. Действия, реализуемые в соответствии со своими желаниями; 6. Непринужденность в поведении, свобода.

А. Вежицкая также обращает внимание на то, что в зависимости от предлога после существительного *freedom* меняется суть слова: *freedom of* ‘свобода чего-либо’, *freedom to* ‘свобода делать что-то’, *freedom from* ‘свобода от чего-то, то есть отсутствие чего-то’, например, *freedom from hunger* ‘отсутствие голода’. Стоит отметить, что значение отсутствия в осетинском языке передают обе лексемы, означающие свободу: *сæрибар*, *хæдбар* и их си-

ноним *уæгъдибар* чаще всего в форме прилагательного без предлогов, например в дигорском *ихæстæй уæгъда* ‘свободный от обязательств, не имеющий долгов’.

Лексема *liberty* происходит от французского *liberté* ‘free choice’, *freedom to do as one chooses* ‘свободный выбор, свобода действовать по своему выбору’, которое в свою очередь берет начало от латинского *libertatem* (nominative *libertas*) — *civil or political freedom, condition of a free man; absence of restraint; permission* ‘гражданская или политическая свобода, состояние свободного человека, отсутствие ограничений, разрешение’. Oxford English Dictionary трактует это слово как 1. *freedom to live as you choose without too many limits from government or authority* ‘право жить по своему без ограничений со стороны государства или властей’. 2 *the state of not being a prisoner or a slave* ‘состояние не заключенного или раба’. 3 *the legal right and freedom to do something* ‘законное право и свобода делать что-либо’. 3. *an act or a statement that may offend or annoy somebody, especially because it is done without permission or does not show respect* ‘действие или заявление, которое может оскорбить или разозлить кого-либо, особенно потому, что оно сделано без разрешения или не проявляет уважения’.

Таким образом, семантика лексической единицы *liberty* сводится к свободе, которая прописана в законе, которую предоставляет государство [20].

Согласно словарю Random House Webster Dictionary *liberty* это: 1. *The condition of being free from confinement, servitude, or forced labor* ‘состояние свободы от заточения, подневольного состояния или принудительного труда’. 2. *The condition of being free from oppressive restriction or control by a government or other power* ‘состояние свободы от репрессивных ограничений или контроля со стороны правительства или другой власти’. 3. *A right to engage in certain actions without control or interference by a government or other power* ‘право участвовать в определенных действиях без контроля или вмешательства со стороны правительства или другой власти’. 4. *The right or power to act as one chooses* ‘право или власть действовать по своему выбору’ [23].

Материалы и методы

Лингвистический анализ понятийной, образной и ценностной составляющей концепта СВОБОДА в осетинском (СÆРИБАРДЗИНАД/СÆРИБАР) и английском языках (FREEDOM/LIBERTY) проводился на материале электронных и печатных СМИ. Выбор источника связан с ролью СМИ в политической коммуникации. Современная политическая коммуникация находится под активным воздействием СМИ, особенно с возникновением и развитием Интернета, возможности которого расширяют сферу реализации и воздействия политической коммуникации. Были использованы методы лингвистического описания, сопоставительного, компонентного словообразовательно-

го анализа, лексикографической разработки языковых единиц. Было проанализировано более 150 страниц электронных версий газет и журналов, а также веб-сайты министерств и ведомств Южной Осетии.

Результаты

Исследование показало, что концепт СÆРИБАРДЗИНАД/СÆРИБАР ‘свобода’ в политической картине мира расширил свою структуру, обогатившись новыми смыслами в политическом дискурсе Южной Осетии. В политической картине мира граждан Южной Осетии свобода — это не цель, это данность, воля народа реализована, национально-освободительная борьба увенчалась победой. Южная Осетия обрела политических союзников и стратегических партнеров. Свободу надо только сохранять, за нее не надо бороться. Южная Осетия делится политическим опытом.

Хуссар Ирыстоны хæдбардзинады истори райдыдта 2001 азæй ‘История независимости Южной Осетии началась в 2001 году’.

Сæрибар цард нæм уалæрвтæй не ‘рхаудта цæттæйæ ‘Свободная жизнь не свалилась на нас с неба’¹.

Знагæн нæ бантыстис Хуссар Ирыстоны цæрджыты удыхъæд басæттын, кæцытæ стыгуыр сты кæрæдзийы алыварс, цæмæй бахъахъхъæдтаиккой сæ сæрибар равæрст ‘Врагу не удалось сломить дух жителей Южной Осетии, которые сплотились для защиты своего свободного выбора’².

Æмæ уыцы стыр туджы зæйты аргъæм нæ къухы бафтыд сæрибардзинад. Абон хæдбар паддзахад стæм ‘Мы обрели свободу ценой большой крови. Сегодня мы независимое государство’³.

The recognition by the Russian Federation of the state independence of South Ossetia marked the end of the long-term stage of the struggle of our people for freedom and independence, the restoration of the statehood of Alania ‘Признание Российской Федерацией государственной независимости Южной Осетии ознаменовало завершение многолетнего этапа борьбы нашего народа за свободу и независимость, восстановление государственности Алании’⁴.

¹ Республиканская общественно-политическая газета «Южная Осетия». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/3533-20-sentyabrya-1990-goda-glazami-dvukh-pokolenij> (дата обращения: 14.04.2022).

² Портал новостей «Спутник. Южная Осетия». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sputnik-ossetia.com/20220523/tsybyrty-lyudvig-saribar-tsard-nam-ualarvtay-ne-rkhaudta-tsattaya-16820147.html> (дата обращения: 14.04.2022).

³ Министерство иностранных дел Республики Южная Осетия: сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mfa.rsogov.org/os/node/126> (дата обращения: 25.04.2022).

⁴ Республиканская общественно-политическая газета «Хурзарин». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://new.xurzarin.ru/xaedbardzinadmae-tugaejdzag-faendag/> (дата обращения: 14.04.2022).

The independence was the only right choice which let the people of South Ossetia reserves its right to life, dignity and freedom ‘Независимость была единственным правильным выбором, позволившим народу Южной Осетии сохранить за собой право на жизнь, достоинство и свободу’⁵.

В этих примерах реализуются когнитивные признаки ‘свобода как универсальная, общечеловеческая ценность’, ‘свобода как этноспецифическая ценность’, ‘свобода как возможность выбора’, ‘свобода как нечто труднодостижимое’, ‘свобода как ценность, за которую нужно сражаться, а не ждать смиренно’.

Таким образом, понятийная составляющая концепта СÆРИБАРДЗИНАД/СÆРИБАР ‘свобода’ представлена в осетинском языке следующими репрезентемами: *свобода, право, демократия, демократические права, независимость, освобождение, воля народа, самоопределение, желание быть свободным, выбор, право на свободу, неотъемлемое право на самоопределение, равенство, братья, равноправие, неравноправие*.

В лингвокультуре носителей английского языка основной смысловой компонент концепта свобода это возможность поступать по своему желанию, отсутствие ограничений, противопоставление плену, заключению, рабству. Об этом свидетельствуют примеры из британских и американских СМИ, посвященных непосредственно национальным вопросам.

Protecting individual liberty means fighting against tyranny at all levels of government ‘Защита индивидуальной свободы означает борьбу против тирании на всех уровнях государства’⁶.

While the Declaration insisted that all men are created equal and that their right to liberty is inherent at birth, Jefferson embraced the institution of slavery ‘В то время как Декларация настаивала на том, что все люди созданы равными и что их право на свободу неотъемлемо при рождении, Джефферсон принял институт рабства’⁷.

Образно-метафорическая составляющая довольно разнообразна в обоих языках и включает такие образы, как прозрачные выборы, открытость, Россия, государственное строительство, кровавая борьба, битва, цена за свободу, борьба, тернии, преграды, обескровленный народ, кровоточащая рана, вехи пути, народное сопротивление, партизанская борьба, подрывная деятельность, четвертая власть, пятая колонна, освободительная война, отече-

⁵ Министерство иностранных дел Республики Южная Осетия: сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mfa.rsogov.org/en/node/3454>. (дата обращения: 25.04.2022).

⁶ *Keith Ridler*. Idaho Gov. Brad Little faces Trump-backed candidate Janice McGeachin in GOP primary. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtontimes.com/news/2022/may/17/idaho-gov-brad-little-faces-trump-backed-candidate/> (дата обращения: 26.03.2022).

⁷ *Jake Rossen*. 25 Things You Might Not Know About Thomas Jefferson [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mentalfloss.com/article/593103/25-things-you-might-not-know-about-thomas-jefferson>. (дата обращения: 26.03.2022).

ственная война, дорога жизни, тернистый путь, трудный путь к свободе, мечта, блокада, северные братья, братья по оружию.

Хуссар Ирыстон кæддæриддæр хъуыды кæндзæнис кæмæй уа бузныг йæ фервæзыны æмæ йын сæрибармæ æмæ хæдбардзинадмæ йæ бартæ чи банымадта, уыцы Стыр Уæрæсейы ‘Южная Осетия всегда будет помнить Великую Россию, которой она обязана и благодарна за спасение и которая признала ее право на свободу и независимость’⁸.

Чысыл у нæ Чъреба, фæлæ ныфсхаст æмæ тыхджын, сæрибардзинад æмæ кадзы бындур ‘Наш городок маленький, но сильный и свободный’⁹.

Иумæйаг адæмон фæндонмæ гæсгæ арæст Республикаæ Хуссар Ирыстон сæрибардзинад æмæ хæдбардзинады сæрвæлтау стыр аргъ бафыста йæ хъахъхъæнджыты æмæ сабырадон цæрджыты бирæнымæц цардтæй ‘Республика Южная Осетия, образованная по единоголосному решению жителей, заплатила за свою свободу и независимость большую цену жизней ее защитников и множества мирных жителей’¹⁰.

However, all the ordeals passed by the sons and daughters of South Ossetia with honor and dignity, paid for in blood, confirmed the invariability of their intention to gain freedom and independence, and to be true to the choice made once ‘Однако все испытания, пройденные сынами и дочерьми Южной Осетии с честью и достоинством, оплаченные кровью, подтвердили неизменность их намерения обрести свободу и независимость, верность сделанному когда-то выбору свободу и независимость большую цену жизней ее защитников и множества мирных жителей’¹¹.

The Republic of South Ossetia paid a high price for the right to freedom and independence with many lives of defenders of the fatherland and civilians ‘За право на свободу и независимость Республика Южная Осетия заплатила высокую цену многими жизнями защитников Отечества и мирных жителей’¹².

В метафорическом значении концепт СВОБОДА связан с образом ветра, птицы. В юго-осетинском дискурсе этот образ реализуется в рекламных политических текстах на баннерах в поддержку кандидатов «19 лет свободного полета». Политическая независимость сравнивается с ситуацией свободного полета.

⁸ Министерство иностранных дел Республики Южная Осетия: сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mfa.rsogov.org/os/node/877>. (дата обращения: 25.04.2022).

⁹ Республиканская общественно-политическая газета «Хурзарин». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://new.xurzarin.ru/cxinval-dac-nomaej-max-saerystyr/> (дата обращения: 14.04.2022).

¹⁰ Министерство иностранных дел Республики Южная Осетия: сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mfa.rsogov.org/os/node/1928> (дата обращения: 25.04.2022).

¹¹ Министерство иностранных дел Республики Южная Осетия: сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mfa.rsogov.org/en/node/3459> (дата обращения: 25.04.2022).

¹² Министерство иностранных дел Республики Южная Осетия: сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mfa.rsogov.org/en/node/3530> (дата обращения: 25.04.2022).

Ценностная составляющая представлена такими репрезентемами, как *победа, жизнь, смерть, жизнь или смерть, национальное достоинство, честь предков, единство, объединение, своя история, национальное самоопределение, самоидентификация, народ, нация, язык, признание, международные отношения, международный уровень, свободные выборы, государство, братья по оружию, северный сосед, оплот достоинства и веры, баланс ветвей власти; волеизъявление народа, референдум.*

Уыдон рагаей цæттæ уыдысты ахæм æбуалгъы хъуыддаг саразынмæ, уыдон зыдтой, уыцы фæндагыл адæм кæй лидзынц цардагур, сæрибардзинад агурæг ‘Они давно знали, что люди бежали по этой дороге в поисках жизни, в поисках свободы’¹³.

Кадджын, сæрибаруарзаг, хъæбатыр æмæ куыстуарзаг адæм! ‘Порядочный, свободолобивый, отважный и трудолюбивый народ!’¹⁴.

Нæй æнæкæугæ, нæ абоны сæрибары сæрвæлтау йæ цард чи рæуæлдай кодта ‘Нельзя не оплакивать тех, кто пожертвовал своей жизнью ради свободы’¹⁵.

Those November days were a prologue to the long struggle of the people of South Ossetia for the right to life, liberty, and human dignity ‘Те ноябрьские дни стали прологом многолетней борьбы народа Южной Осетии за право на жизнь, свободу и человеческое достоинство’.

Ossetia withstood and won honor passing through incredible trials and at the cost of great self-sacrifice proved to the whole world its inalienable right to freedom and decent future. ‘Осетия выстояла и завоевала честь, пройдя через невероятные испытания и ценой великого самопожертвования доказала всему миру свое неотъемлемое право на свободу и достойное будущее’¹⁶.

He added, “... all free governments are founded on their authority, and are instituted for their equal protection.” Он добавил: ‘... все свободные правительства основаны на их авторитете и созданы для их равной защиты’¹⁷.

The Post needs to live up to its slogan of “Democracy Dies in Darkness” and fight for freedom rather than provide misinformation that spreads the darkness

¹³ Республиканская общественно-политическая газета «Хурзаерин». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://new.xurzarin.ru/nae-saeribary-bynduraevaeraeg-uaezau-bon/> (дата обращения: 14.04.2022).

¹⁴ Республиканская общественно-политическая газета «Хурзаерин». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://new.xurzarin.ru/aenuson-xar%D3%95dzhy-sombonyl-sag%D3%95s/> (дата обращения: 14.04.2022).

¹⁵ Министерство иностранных дел Республики Южная Осетия: сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mfa.rsogov.org/en/node/702> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁶ Министерство иностранных дел Республики Южная Осетия: сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mfa.rsogov.org/en/node/3201> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁷ *Michael Wines*. Kansas Supreme Court Allows Republican Voting Map to Stand [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/05/18/us/kansas-supreme-court-redistricting.html> (дата обращения: 26.03.2022).

now threatening democracy ‘The Post должна соответствовать своему лозунгу «Демократия умирает во тьме» и бороться за свободу»¹⁸.

I think generally, the Congress is very receptive to helping people fight for freedom ‘Я думаю, что в целом Конгресс очень восприимчив к помощи людям в борьбе за свободу»¹⁹.

And that was the moment of restoration of humanity, of humaneness, of dignity, of freedom,” she said later ‘И это был момент восстановления человечности, человечности, достоинства, свободы», говорила она позже²⁰.

Æмæ æмбæрстæ, дунейы æппæт дзыллæты амондæ зыбыты иунæг фæндаг кæй у алкæмæн дæр йæхи адæмы сæрибардзинадыл тох ‘И он понял, что единственный путь к вселенскому счастью, у каждого — это борьба за свою свободу»²¹.

Заключение

Таким образом, многочисленные примеры объективации концепта СÆРИБАРДЗИНАД/СÆРИБАР и FREEDOM/LIBERTY ‘свобода’ свидетельствуют о значимости данного концепта в языковой картине мира носителей английского и осетинского языков и реализации как понятийного, так и метафорического и ценностного компонентов концепта. Несмотря на свою сложную структуру, коррелирующими с фрагментами реальности своего языкового воплощения, он имеет универсальные сходства в американской, британской и осетинской картинах мира, в частности, во всех трех изученных лингвокультурах концепт СВОБОДА преимущественно выражает волю, право, выбор, противопоставляется рабству, однако в осетинском языке он включает больше компонентов значения, среди которых воля народа, самоопределение, равенство, кровавая борьба, битва, цена за свободу, честь предков. В ряде этих коннотаций в осетинском языке отражается деструктивный характер концепта СВОБОДА, так как за свободу приходится бороться, проливать кровь. В то же время это общекультурное понимание свободы как достижения, как блага. Однако в то время, как в англоязычной картине мира свобода, помимо всего прочего, акцен-

¹⁸ Readers critique The Post. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/05/20/free-for-all-abortion-hysteria-covid/> (дата обращения: 26.05.2022).

¹⁹ *Catie Edmondson*. McConnell Takes on Isolationist Wing of G.O.P. in Fight for Ukraine Aid. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/05/16/us/politics/mcconnell-republicans-ukraine-aid.html> (дата обращения: 26.05.2022).

²⁰ *Gillian Brockell*. The Holocaust survivor who fell in love with her American liberator. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/history/2022/04/23/gerda-weissmann-klein-love-holocaust/> (дата обращения: 26.05.2022).

²¹ Республиканская общественно-политическая газета «Хурзарин». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://new.xurzarin.ru/irystony-revolucion-zmæld> (дата обращения: 14.04.2022).

тируется как личное достижение, в осетинской лингвокультуре свобода часто ассоциируется с независимостью государства Южной Осетии. Национальная свобода является результатом того, что государство Алания обрело частичное политическое признание и свободу уже не надо отстаивать, ее следует сохранять. В то же время в обеих лингвокультурах во всех составляющих концепта СВОБОДА подчеркивается роль личных усилий для ее достижения. В осетинском языке значение 'свобода' представлено двумя лексемами *сæрибардзинад/сæрибар*. Полученные различия в коннотации осетинского и английского концептов объясняют и объясняются особенностями исторического развития соответствующих государств, культурными особенностями и спецификой самоидентификации носителей этих двух языков.

Библиографический список

1. Ардашева Т.Г. Языковые средства актуализации концепта 'свобода' в русском, английском и французском языках // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 56. Филология. Искусствоведение. 2011. № 9 (20(235)). С. 14–18.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки рус. культуры, 1999.
3. Лисицын А.Г. Анализ концепта свобода-воля-вольность в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
4. Солохина А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
5. Семенова Е.М. Концепт свобода в языковой картине мира американского и русского народов // Научное обеспечение развития апк в условиях реформирования: сб. науч. трудов по материалам межд. научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2014. С. 463–465
6. Егорова О.С., Кириллова О.А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. 2012. № 4. С. 161–167.
7. Рыбина В.А. Образ свободы в русском и американском языковом сознании // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2017/03/23214> (дата обращения: 04.05.2022).
8. Мохова Е.К. Метафорический образ свободы в дискурсе Нельсона Манделы // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 119–121.
9. Перевалова К.Г. Дискурсообразующие концепты политической культуры // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 6 С. 25–28.
10. Алифанова Ф.С., Сенцов А.Э. О некоторых особенностях политического дискурса // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1778–1780. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/91/20068/> (дата обращения: 25.05.2022).
11. Камышева О.С., Петров М.В. Культурные концепты в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 268–270.
12. Левенкова Е.Р. Контрастивный анализ национально-специфических концептов в институциональном политическом дискурсе Великобритании и США // Вестник Челябинского государственного университета. «Филология». «Искусствоведение». 2010. № 32 (213). С. 62–70.
13. Бекоева И.Д. Концепт «свобода» в югоосетинской политической действительности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 57–65.

14. Политика. Толковый словарь. Составители: Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем и др.; Общая редакция: И.М. Осадчая 2001 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://niv.ru/doc/dictionary/politics/index.htm> (дата обращения: 25.05.2022).
15. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3 Ленинград: Наука, 1979.
16. *Гуриев Т.А.* Краткий русско-осетинский и осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2003.
17. Иранско-русский словарь. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://iron_rus.academic.ru/15802/сæрибар (дата обращения: 09.06.19).
18. *Бигулаев Б.Б., Гагкаев К.Е., Гуриев Т.А., Кулаев Н.Х., Туаева О.Н.* Осетинско-русский словарь. Владикавказ: Алания, 2004.
19. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 10.03.2022).
20. OED — Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.oed.com/> Дата обращения: 10.03.2022
21. RHWCD — Random House Webster’s College Dictionary. Random House Reference. 1999
22. Longman — Longman English Language and Culture. Harlow (Essex): Longman, 1992
23. RHW — Random House Webster Dictionary. Random House, 2001

References

1. Ardasheva, T.G. (2011). Linguistic means for representation of the concept “freedom” in Russian, English and French. *The bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art*, 9, 14–18. (In Russ.).
2. Vezhbtskaya, A. (1999). *Semantic universals and languages description*. Moscow: Languages of the Russian culture. (In Russ.).
3. Lisysyn, A.G. (1996). *Analysis of the concept freedom-will-liberty in Russian* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
4. Solokhina, A.S. (2004). *Concept “freedom” in English and Russian cultures of languages* [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
5. Semenova, E.M. (2014). Concept “freedom” in the linguistic world view of America and Russian people. Scientific support for the development of the agro-industrial complex in the conditions of reform. St. Petersburg. pp. 463–465. (In Russ.).
6. Egorova, O.S. & Kirillova, O.A. (2012). “Freedom” and “Will” as key concepts of the Russian culture. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 4, 161–167. (In Russ.).
7. Rybina, V.A. (2017). *The image of freedom in Russian and American linguistic. Consciousness*, 3. URL: <https://human.snauka.ru/2017/03/23214> (accessed 04.05.2022).
8. Mokhova, E.K. (2010). Metaphorical image of freedom in the discourse of Nelson Mandela. *Political linguistics*, 2, 119–121. (In Russ.).
9. Perevalova, K.G. (2009). Discourse-forming concepts of political culture. *The bulletin of Chita State University*, 6, 25–28. (In Russ.).
10. Alifanova, F.S. (2015). On some features of political discourse. *Molodoi ucheny*, 11, 1778–1780. URL: <https://moluch.ru/archive/91/20068/> (accessed: 25.05.2022). (In Russ.).
11. Kamysheva, O.S. & Petrov, M.V. (2015). Cultural concepts in political discourse. *Political linguistics*, 1, 268–270. (In Russ.).
12. Levenkova, E.R. (2010). Contrastive Analysis of National-Specific Concepts in the Institutional Political Discourse of Great Britain and the USA. *The bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art*, 32, 62–70. (In Russ.).
13. Bekoeva, I.D. (2017). The concept of “freedom” in the South Ossetian political reality. *Actual problems of Philology and Pedagogical linguistics*, 2, 57–65. (In Russ.).
14. Politics. Definition dictionary. (2011). Compiled by Underhill, D., Barret, S., Bernell, P., Burnem, P. et al. Osadchaya, I.M. (Ed.). URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/politics/index.html> (accessed: 02.03.2022). (In Russ.).

15. Abaev, V.I. (1979) *Historical and etymological dictionary of the Ossetian Language*. Leningrad. (In Russ.).
16. Guriev, T.A. (2003) *Concise Russian-Ossetian and Ossetian-Russian dictionary*. Vladikavkaz. (In Russ.).
17. Iranian-Russian dictionary [Electronic resource] URL: https://iron_rus.academic.ru/15802/saribar (accessed: 06.09.19).
18. Bigulaev, B.B., Gagkaev, K.E., Guriev, T.A., Kulaev, N.Kh. & Tuaeva, O.N. (2004). *Ossetian-Russian dictionary*. Vladikavkaz. (In Russ.).
19. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 10.03.2022).
20. OED: Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (accessed: 10.03.2022).
21. RHWCD (1999). Random House Webster's College Dictionary. Random House Reference.
22. Longman (1992). Longman English Language and Culture. Harlow (Essex): Longman.
23. RHWCD (2001). Random House Webster Dictionary. Random House.

Сведения об авторах:

Бекоева Ирина Давыдовна, доцент кафедры английского языка, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова; *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика лингвоконцептология, общие вопросы терминоведения; *e-mail*: irina.beckoeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4579-1590; eLIBRARY SPIN-код: 4388-6811.

Баликоева Марта Ибрагимовна, кандидат педагогических наук, доцент, зав.кафедрой иностранных языков, Северо-кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет); *сфера научных интересов*: методы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail*: balikoi@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1244-3672; eLIBRARY SPIN-код: 1055-2577.

Денисенко Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: методы преподавания русского языка как иностранного с применением информационных технологий, дистанционное обучение, межкультурная коммуникация; *e-mail*: denisenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0222-5460; eLIBRARY SPIN-код: 9567-3407.

Калинина Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: методы преподавания русского языка как иностранного с применением информационных технологий, филологический анализ текста, межкультурная коммуникация; *e-mail*: kalinina-yum@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7185-9360; eLIBRARY SPIN-код: 5499-2670.

Information about the authors:

Irina D. Bekoeva, associate professor of the English Department, South-Ossetian State University after A.A. Tibilov; *Research interests*: cognitive linguistics, political linguistics, linguistic conceptology, general issues of terminology science; *e-mail*: irina.beckoeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4579-1590; eLIBRARY SPIN-code: 4388-6811.

Marta I. Balikoeva, PhD, associate professor, head of the Department of Foreign Languages at the North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University); *Research interests*: methods of teaching foreign languages, cross-cultural communication, linguistics and culture, comparative linguistics; *e-mail*: balikoi@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1244-3672; eLIBRARY SPIN-code: 1055-2577.

Anastasia V. Denisenko, PhD, Associate Professor of the Russian language department №4 of Russian Language Institute of the Peoples' Friendship University of Russia; *Research interests*: methods of teaching Russian as a foreign language by means of IT, e-learning, intercultural communication; *e-mail*: denisenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0222-5460; eLIBRARY SPIN-code: 9567-3407.

Julia M. Kalinina, PhD, Associate Professor of the Russian language department №4 of Russian Language Institute of the Peoples' Friendship University of Russia; *Research interests*: methods of teaching Russian as a foreign language by means of IT, philological analysis of the text, intercultural communication; *e-mail*: kalinina-yum@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7185-9360; eLIBRARY SPIN-code: 5499-2670.

МЕДИАЛИНГВИСТИКА MEDIA LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1005-1019

UDC 811.111:316.77:070

Research article / Научная статья

Urban Identity Through the Prism of Media Framing

Svetlana L. Kushneruk¹ , Maria A. Kurochkina²

¹Chelyabinsk State University,
129, Br. Kashirinykh Str., Chelyabinsk, Russian Federation, 454001

²South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
69, Lenin Av., Chelyabinsk, Russian Federation, 454080

 Svetlana_kush@mail.ru

Abstract. Urban identity is a complex phenomenon encompassing a wide range of city life aspects, which vary across cultures. In the media discourse, the urban issues are made prominent due to framing. The goal of the authors is to identify and systematize frames that generate meanings about the urban life, and explain them from the point of view of the journalistic strategies. The author focuses on exploring how topical urban issues are framed and presented to the reading audience. To gain a deeper understanding of the communicative schemata that determine interpretations of the city issues, a cognitive-discursive perspective is claimed central to the research. It proves adequate in demonstrating the synergies of two employed methods: discourse analysis and frame analysis. Applying a case-study approach, a sample of 658 texts is analyzed. 2577 contexts have been retrieved from *The Nottingham Post* between 2014 and 2017. The results show that the urban life representations rest on frame structures of different conceptual complexity. Urban identity is a rich conceptual structure (a macroframe), constituted by four frames, observable in the discourse-world of the city. Each of them has foci, which draw public attention to the social aspects of the urban living. Positive presentation of the authorities has been revealed as the leading macro-strategy aimed at supporting and approving of the initiatives taken by the local administration, which is realized through the strategies of reference, predication, and argumentation. The findings add to the framing analysis and could be beneficial for the development of urban policies.

Keywords: media frame, framing, discourse-world, urban studies, urban identity, media language, media communication, Nottinghamshire

Financing. Acknowledgement:

The research was funded by Chelyabinsk State University Research Fund, 2022.

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.08.2022

© Kushneruk S.L., Kurochkina M.A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Kushneruk, S.L. & Kurochkina, M.A. (2022). Urban Identity Through the Prism of Media Framing. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1005–1019. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1005-1019>

Городская идентичность сквозь призму медиафреймирования

С.Л. Кушнерук¹ , М.А. Курочкина²

¹Челябинский государственный университет,
454001, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129

²Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
454080, Российская Федерация, Челябинск, пр. Ленина, д. 69

 Svetlana_kush@mail.ru

Аннотация. Городская идентичность — сложное явление, охватывающее широкий спектр факторов о жителях хозяйствующих субъектов в системе общественного взаимодействия, которое все больше медиатизируется. В этой связи проблемы, предопределенные урбанистической культурой, становятся заметнее благодаря медиафреймированию. Авторы ставят цель выявить и систематизировать медиафреймы, которые генерируют смыслы о городской жизни, и объяснить их с точки зрения журналистских стратегий. Широкий когнитивно-дискурсивный подход, учитывающий социальные и когнитивные факторы, является центральным в исследовании. Он конкретизируется применением методов дискурсивного и фреймового анализа. Представлен конкретный пример (case study), в рамках которого анализируется выборка из 658 текстов, опубликованных в британском издании *The Nottingham Post* за период с 2014 по 2017 год. Результаты исследования подтверждают, что представления о городской жизни в медиадискурсивных практиках формируются на основе фреймовых структур различной степени концептуальной сложности. В пространстве дискурсивного мира как репрезентационной структуры в локальной медиакоммуникации городская идентичность выделяется как макрофрейм и представляет собой разветвленную концептуальную структуру, которая генерируется благодаря коактивации четырех фреймов. Каждый из них отличается фокусировками, которые привлекают внимание общественности к значимым социальным аспектам и проблемам городской жизни. Установлено, что позитивная презентация властей является ведущей макростратегией, направленной на поддержку и одобрение инициатив, предпринимаемых местной администрацией, которая реализуется частными стратегиями референции, предикации, аргументации. Полученные результаты вносят вклад в дискуртологию и могут быть полезными для филологической урбанистики.

Ключевые слова: медиафрейм, фреймирование, дискурсивный мир, урбанистика, городская идентичность, медиаязык, медиакоммуникация, Ноттингемшир

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.08.2022

Для цитирования:

Kushneruk S.L., Kurochkina M.A. Urban Identity Through the Prism of Media Framing // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1005–1019. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1005-1019>

Introduction

Urbanization, urban environment and social problems of big cities have been given scholarly attention in cultural studies [1; 2], history [3], sociology [4], public health studies [5], economics [6], urban management [7], to name some relatively recent publications. The surge of the Internet communication [8] and mediatization [9] have brought about noticeable changes in the speed and the quality of information about the urban life. Media framing in discourse is playing a crucial role in telegraphing meanings and ideas about big cities and the urban policy. However, the urban issues examined within the methodology combining Discourse analysis [10; 11] and Frame analysis [12] are so far scarce [13; 14], though, both have proved powerful theoretical tools of the modern research. The integration of their heuristics to delve into the urban problems is a sound research perspective for several reasons.

Firstly, frames are communicable, they systematize information by providing special patterns or structures, which can vary in their complexity [15]. Secondly, framing organizes information and invites people to think about the urban phenomena in a certain way. Thirdly, framing of the urban identity in the media results in evoking mental representations that determine the readers' opinions about the city policy. Fourthly, media framing contributes to generating in discourse a vivid urban 'panorama' that can be modelled on the basis of media texts. Finally, the process of framing makes salient those social problems, which need to be tackled by the authorities. In this paper, the objective of the authors is to explore media frames constituting meaningful fragments of the discourse-world of the city in the local press and explain what major frame structures are enacted to represent the urban identity issues.

Theoretical background

Urban identity is a multifarious issue, which encompasses a lot of properties of big cities and the feeling of belonging to the places on the part of the city dwellers. To explore this complex social phenomenon we draw on the tenets that come from Discourse studies [16–18], Text world theory [19–21], World-Modelling theory [22. P. 267–271], Framing theory [23–27]. The system of views that determine our approach to the study of the urban identity framing is based on a reasonable synthesis of the following ideas.

According to Van Dijk, the socio-cognitive approach to discourse “relates discourse structures to social structures via a complex sociocognitive interface”

[17. P. 3]. In the present paper, the analysis goes beyond the structural properties of the texts and takes heed of the contextual features that impose on the ‘picture’ of the city in the media discourse. The link between discourse studies and cognition has been much discussed in the works by Van Dijk and Wodak [17; 18. P. 180]. We also think that discourse and society can be ‘bridged’ in cognitive terms. Sharing this idea, the authors will demonstrate that mental representations, evoked in the media discourse, guide the readers’ understandings of the urban identity issues.

The notion of a *mental representation* is central to the research. *Representational structure* is a generic term we use to denote a mental construct, textualized in the discourse, relating to the urban life presentation in the media communication [22. P. 268]. Media messages about the urban issues are understood through the construction of mental representations, which are induced in the media discourse and dependent on “the linguistic cues provided by the text”, and “vitaly grounded in the context of the discourse” [19. P. 1].

With this in mind, we draw on the worlds-based approach [19–21; 28. P. 298] and introduce the notion of the *discourse-world of the city* (hereafter — *DW of the city*) as a representational structure, textualized in an aggregate of thematically united texts related to the processes and the results of the city coverage in the media. Ontologically, DWs are constructs of our mind, they are “cognitive entities simulating a reality” [28. P. 298].

DW of the city is characterized in terms of its semantic macrostructure, which is a conceptual global meaning structure revealed and modelled on the basis of media messages. According to Van Dijk, the macrostructure highlights “what is the major, more relevant, more general information out of complex information as represented at the more concrete microlevel” [29. P. 13].

Fundamentally, DWs are rich mental constructs, socially and culturally situated, which contribute to understanding of the social processes. The macrostructure of a DW is constituted by macroframes. Their function is to direct the audience’s attention to the themes within which the urban issues are discussed. Macroframes comprise a hierarchy of cognitive elements such as frames, subframes, and slots. The term *macroframe* is employed by the authors to denote an overarching (all-encompassing) frame that integrates diverse frames, which explain particular aspects of the urban identity.

Entman’s understanding of framing is taken as a methodological springboard: “To frame is to select some aspects of a perceived reality and make them more salient in a communicating text, in such a way as to promote a particular problem definition, causal interpretation, moral evaluation, and/or treatment recommendation” [23. P. 52]. In other words, frames are organizing principles activated by journalists to meaningfully construct the urban reality in the media discourse. Frames can be identified through lexical choices, selection of sources, metaphors, catchphrases, visual images, graphics, stereotypes [30].

Analyzing the urban identity in the media discourse, we particularly focus on the news frames, or media packages that elicit knowledge about the city and play a crucial role in presenting social issues. They set the parameters, in which the urban issues are discussed. Media frames are considered ‘schemata of interpretation’ that organize representations of the city life in the media [31] and link journalistic approaches of shaping the news to structures of meaning and, thus, stimulate the public to adopt the introduced frames and to view the urban reality from the perspective the journalists intend [26. P. 485; 32. P. 94; 33; 34].

In what follows, we will specify the role of frames in understanding the urban identity issues. We’ll try to reveal which communicative schemata help readers conceptualize information about the city life. It will be demonstrated that different foci of frames draw public attention to fragments of the collective urban experience that are made public.

Data and Methodology

Urban identity issues are fundamentally interdisciplinary by nature, thus, we resort to a number of co-existing methods to better understand this complex phenomenon. Within the framework of a broad cognitive-discursive approach, we take into account mental, communicative and linguistic factors, which determine the urban life representations in the media. To particularize these, the authors analyze media frames reconstructed from the British newspaper *The Nottingham Post*¹. The paper positions as a trusted local news brand, a politically independent quality paper.

In the 2011 census, the Nottingham Urban Area was the eighth largest urban area in the United Kingdom. The choice of Nottinghamshire as the object of the media coverage is not arbitrary as for almost twenty years the British county and the Russian city of Chelyabinsk (from which the authors come from) were twinned². Though in 2022, officials at Nottingham announced it has severed all ties with its twin cities in Russia, the authors hope that the coalition of cities will be a major step forward in diplomacy and twinning will be restored.

Applying a case-study approach, a sample of 658 texts was collected and analyzed with the aim to determine how a major local news outlet frames the problems of the urban identity. 2577 contexts have been retrieved from *The Post*. The majority of the data collection reflect the media coverage of the county between 2014 and 2017. The following methods have been employed to reveal the frames functioning in the local media discourse. Firstly, the corpus-assisted analysis allowed the authors to enlist the key words and phrases and reveal frames serving the cognitive ‘building blocks’ in the DW of the city. The identification of relevant

¹ The Nottingham Post. URL: <https://www.nottinghampost.com> (accessed: 15.01.2022).

² URL: <https://74.ru/text/gorod/2016/09/02/51034921/> (accessed: 15.01.2022).

contexts started by searching for keywords, such as ‘*Nottingham*’, ‘*Notts*’. In line with the conceptual framework, the media texts were searched for frames that explain identity issues: specifically frames that relate to the urban area daily activities with special focus on cultural and sports events and the work of the city council administration. In a second step, the contextual analysis, combining features of a formal procedure with the cultural and historical aspects, helped to assess the media representations transmitted to the audience and their role in constructing the discourse-world. Thirdly, the discourse analysis enabled the authors to evaluate the media representations of the urban issues relating to the social and cultural context and identify the overarching frame (macroframe) within the DW of the city. Fourthly, frame analysis made it possible to focus on major ‘interpretive schemata’, by which journalists diagnose a problem, evaluate it, and give recommendations on possible solutions. The qualitative analysis of the frames involved in the urban world-modeling was carried out. The use of these methods has proved adequate to get a deeper understanding of the discursive mechanisms of ‘portraying’ the city life, and revealing meaningful aspects of the urban identity.

Urban identity presents a macroframe (an all-encompassing frame) that is profiled in the discourse-world of the city. It is diagrammatically displayed in Fig. 1.

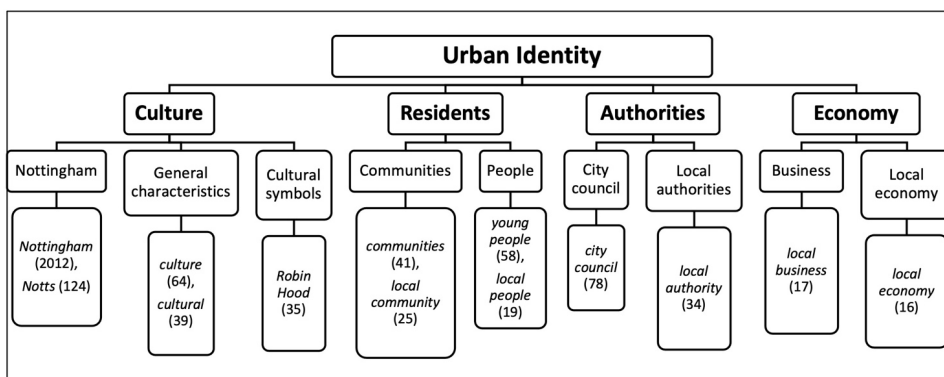

Fig. 1. Constituent frames within the URBAN IDENTITY macroframe

The URBAN IDENTITY macroframe is enacted by frames that generate meanings about Nottingham (a city and a unitary authority), the urban culture, the dominant values of the urban life, the daily routine, the local traditions and cultural symbols, the participants of the urban environment, the achievements of the city, the social problems and the social actors involved in decision-making. The macroframe is structured by four frames, such as **Culture**, **Residents**, **Authorities**, **Economy** (hereafter in bold). Each of them has its own perspective and a number of foci (in Fig. 1, the number of linguistic representations is indicated in brackets). In the next section, it will be discussed how these frames define, problematize and interpret the urban issues.

Results and discussion

The results of the analysis are structured according to four frames that were identified.

Urban identity as the issue of culture

The **Culture** frame comprises a number of slots varying from general characteristics of the urban cultural life and the city events to the cultural symbols (hereafter they are presented in italics). The slot *Nottingham* directs the readers' attention to the events and phenomena of the city in its daily activity. The life of the city is positively evaluated. The media picture of the county capital stems from the predication strategy implementation, "which appear in stereotypical, evaluative attributions of positive or negative traits and implicit or explicit predicates" [16. P. 27].

The choice of facts and representations contribute to a positive evaluation of the city. Cf.: *a great industrial tradition, the artistry of its world-famous lace industry, great writers such as Byron, Lawrence, and Sillitoe drew from this* (27.06.17). A meliorative image of the city is due to the fact that Nottingham was named *UNESCO City of Literature* (11.12.15). The city also has the status of *the City of Football* (23.10.16). Focusing on the arts and the sportive success enhances a sustainable favorable vision of the city by the residents and the potential visitors. The semantics of adjectives, such as *best, top, fastest-growing* referring to the city, contributes to its glorification, especially in the headlines. Cf.: *Nottingham has one of UK's fastest-growing economies, says new report* (21.04.17).

One more journalistic strategy that shapes the attractiveness of the city is argumentation, realized through the prioritized value given to the opinions of reputable citizens to justify positive attributions. For instance, *editor of the Nottingham Post praised the innovation and creativity of Notts' hospitality industry for helping the local economy to prosper* (15.06.17).

Nottingham's image is better visualized due to the stylistic effect created by the means of the rhetoric. In the context *vibrant city center is helping fuel job creation* (21.04.17), the metaphor *fuel* contributes to the expressive representation of the urban initiatives, which result in a rapid growth of new jobs for the population. Against the background of the city *well-being effect*, the image of the social actor that is responsible for ensuring it is profiled through the reference to the city administration. In this case the referential strategy, or strategy of nomination is used [16. P. 27].

The urban life is negatively assessed through the lens of private opinions of citizens who write posts having deprecation labelling. Cf.: *Nottingham 'one of the worst places to live in England'*. That's the case when the referential strategy (introduced by a toponym) can also be considered a predication strategy, because it involves connotatively negative evaluation.

The slot *General characteristics* encompasses ideas about the cultural life of the city and the whole county. The strategy of predication is mainly realized through epithets and metaphors *rich culture and heritage, wealth of culture* and lexico-syntactical means *commitment to culture*, which contribute to the creation of a positive assessment of the cultural background. The readers can infer that the local authorities support and develop cultural traditions. Special attention is paid to the strategic development of the cultural initiatives and connections *city's strategic cultural framework*.

The evaluative aspect of framing realizes as the formation of the urban attractiveness due to the metaphorical means. Cf.: *Nottingham is home to an enviable wealth of culture, boasting artistic gems* (27.06.17). A positive vision of the city is appreciatively expressed by metaphors. The initiative of putting Nottinghamshire *at the heart of a cultural tourism experience* (12.01.17) is given prominence and approval due to the articulation of the *heart* metaphor.

The *Cultural symbols* slot represents the image of Robin Hood, the city's favourite folklore hero. It is actively used to create the attractiveness of the county, both to introduce local residents to the medieval culture and to encourage tourists and bolster visitors' economy attraction. The medieval atmosphere is conveyed through the universally precedent widely known ballads, legends, tales and myths about the hero, and through a modern retransmission of the elements of *good old England*. For example, the urban artifacts, such as *the tower in the shape of Robin Hood, galleries dedicated to Robin Hood, Robin Hood Castle*. Special offers are designed to invite tourists on *a 25-mile Robin Hood ride, Robin Hood Bike Ride*, and events including *the Robin Hood Beer and Cider Festival*. 'Anchoring' on the image of Robin Hood allows the city marketers to recreate and exploit the British spirit of freedom, honor and nobility in order to acquire visitors and boost the city's popularity as a tourist destination.

Other precedent phenomena from the country's historical heritage are exploited within the predication strategy. They are *the Luddite protests and the Chartist movement* (27.06.2017). The semantics of the two includes knowledge of the English workers of the 19th century who destroyed machinery (the Luddite), and tried to gain political rights (the Chartists). They also contribute to a vivid representation of historical and cultural facts that convince of the uniqueness of the county and create incentives for tourists.

Urban identity as the issue of residents

The residential frame is visible due to two slots. The slot *Communities* focuses on the forms of social organization that unite people on the basis of the common territorial, administrative, political, economic, religious, racial and other features. According to "The Post", the following varieties of local communities co-exist in Nottingham: *growing communities, economically disadvantaged communities,*

black community, LGBT community. Pakistani, Indian, Bangladeshi, and Asian communities are distinguished by nationality.

The analysis of the key lexemes in their syntagmatic environment suggests that the work of the city administration as a social actor is positively assessed by the media. It is highlighted that the representatives of the administration take *responsibility to the communities, satisfy interests of the local community, address local community needs, support them, and generally strive to benefit England's communities, which stimulates positive change to the local community of Nottingham*. Investing in communities is especially important for the city council, as *funding will help build on the improvements already made, making it a great place both for visitors and the local community* (30.06.2016). Thus, the initiative is aimed at improving the city life both for the residents and the potential visitors.

Against this 'favorable' background, however, the problem of racial and ethnic minorities discrimination is diagnosed. There is an acute social issue of the infringement of the black citizens' rights. Cf. the following headline: *Black Lives Matter hold Nottingham rally* (05.08.2016). The reference to the precedent name in the headline draws attention to the social problem. This is due to the semantics of the name, associated with the social movement against racism and violence against the black. The mental representation, triggered by the name, induces knowledge of the Black movement, given rise in 2013, which reached the peak of the public outrage in 2020 after the murder of J. Floyd by an American policeman.

This social problem is often framed through the individual opinions of the citizens. The usual scheme of the journalistic argumentation is a direct quote. In the following example, a member of the Black community is quoted saying, *I am disgusted by what is happening to the black community*. He comes *be enraged that 60 percent of black young people are unemployed*", *comparing this figure for the white young people, and concludes that "black people in Britain do not have a voice* (05.08.2016). Through the lens of the citizen's opinion the problem of racial discrimination is represented as injustice, rusting the whole British society, where people with dark skin do not have the right to say a word for themselves.

Racial discrimination is also represented through the views of regular citizens in other contexts. Though the individual vision of a city dwellers who have faced the racial discrimination is telegraphed to the audience, the problem is almost never tied to the powerful organs or the city council. It is seldom discussed in terms of the administrative measures, taken to eliminate it. Attention is however paid to the development of special programmes, designed for the ethnic minorities. Suggestions relate to their involvement in sports, such as football, which *can bring together communities for the greater good* (01.12.15).

The slot *People* provides the readers with the knowledge about the local residents, especially the young, from the perspective of the initiatives taken by the city administration to ensure their well-being. The city residents are represented in need of help. The dynamic verbs denote physical and mental actions, undertaken

by the local administration, which characterize how the city management is overseen by the authorities. They *talk to local people face to face, interact with young people, protect local people, help disadvantaged young people, create jobs for local people*. Thus, the positive image of the local authorities as a social actor is profiled in the discourse-world.

Metaphors and epithets are the main rhetorical means contributing to positively assessing the local youth within the predication strategy. They are characterized as *incredible young people*. The epithet *incredible* connotes appreciative evaluation — very good, wonderful, extraordinary. The positive presentation of the city administration is implemented in the semantics of *commitment* to work with the young people and *guiding them away from crime*. It is contextually specified. There should be more *educational opportunities for children and young people, young people need to know about the history, they should get help to start their career*. The responsibility to create *jobs for young people* is assigned to the local authority.

Alongside, the problem of the increasing number of young people compared to the older people in the county is raised. Cf. the headline: *Is Nottingham just a city for young people now?* (10.01.17). The article runs about the decline of people over 65. This issue is interpreted by the *explosion* metaphor implying the expansion of the major universities of the city, which results in a dramatic increase of students.

Urban identity as the issue of authorities

The **Authorities** frame uncovers ideas on the powers and actions of the city council and the local administration as a whole, carried out in different areas (finance, economic development, urban planning, environmental management, preservation of historical and cultural monuments, transport, housing policy, education, health, social protection, etc.).

The *City Council* slot provides understanding of the socially-friendly activities of the local authorities. The work of the city council is presented through the lens of their tackling local issues and the efforts, aimed at improving the quality of the urban life, for example, residential development, or transforming an *uninspiring* city centre, which is *in need of a facelift* (03.11.17). The use of a vivid metaphor *facelift* as a rhetorical means diagnoses the problem and enhances the need to change the city infrastructure.

A meliorative image of the city council is associated with the initiatives that ensure a healthy lifestyle of the citizens, for instance, the fight against smoking as a part of the city administration campaign. Statistics, integrated into the media texts in the form of reports about the city investment in projects designed to improve the urban environment, are a regular mechanism of indirect positive evaluation of the city council. Cf.: *A city council report said it had contributed 50,000 in funding towards the project* (23.11.17).

Social problems of the city are often described from the perspective of the measures taken by the city council to eliminate them. The employed action verbs specify that the city administration is empowered to take restrictive actions against the law-brakers (e.g. *Nottingham City Council issues a Penalty Charge Notice*). Charity events coverage also increases the appeal of the image. Cf.: *The event — organized in partnership between Nottingham City Council and Wild in Art — will aim to bring together businesses, schools and the community in aid of the Nottinghamshire Hospice* (28.06.17). The mechanism of inference enables readers to get a favorable impression of the city council involved in the organization of the event for the sake of the local hospice.

The *Local authorities* slot generates ideas about the local government. The journalistic strategies are identical to those discussed in the analysis of the previous slot. Positive presentation is a key implication underlying the media discourse construction of the authority image in both cases. The strategy of positive presentation builds up a favorable image on the ideas of mutual support and cooperation between organizations dealing with the city's cultural heritage and the local authorities. They are said to work 'in liaison with the local authority'.

The strategy of negative presentation of the local authorities is realized through references to the opinions of individual city dwellers. Cf.: *The town has been allowed to decay into an urban slum, into a nowhere land, Nottingham and it's councilors should be ashamed of themselves* (21.01.17). In the above examples, the local authority is criticized for having allowed to turn part of the city into a slum.

Urban identity as the issue of economy

The economic frame comprises ideas about local businesses and production and consumption activities used to fulfill the needs of the city. The *Business* slot clarifies the role of the local commercial organizations in the urban life. The work of the local firms has got a positive evaluation (*good work that local businesses do*), this is evidenced by the creation of thousands of jobs. Local organizations work closely with other local businesses. Supporting local businesses determines the well-being of the local communities. Cf.: *If we support our smaller, local businesses we are also supporting jobs for local people and our city's economy* (03.12.16).

It should be noted that several frames are often co-activated. In the above context, the **Authorities** frame is induced along with the **Economy** and the **Residents** frames. The conceptual interaction of these frames in DW of the city is provided by the reference to three social actors — the administration, the business representatives and the townspeople. The first social actor is referred to by the personal pronoun *we*, the second and third are introduced by descriptions *local businesses* and *local people*. "The Post" often pushes forward the idea that the local authority *is committed to helping local businesses" and supports 'independent*

businesses' (02.01.16). Thus, the idea of a successful cooperation of the two sides for the benefit of the city is translated.

The *Local economy* slot focuses on the aspects of the socio-economic development of the urban environment. In the local media picture, the local economy is mostly framed in terms of businesses, which are *so important*, because they *boost the local economy*, encourage to increase or improve. One of the dominant businesses contributing to the local well-being is tourism. The importance of it to the local economy is regularly highlighted. It presents great *value* to the local economy. The idea of encouraging the development of tourism, the hotel sector, in particular, is proliferated in the local media. In this case, *Notts' hospitality industry* will help the local economy to prosper. Presentation of the urban identity issues is usually due to a simultaneous activation of several frames that may have different points of focus on particular aspects of the urban living.

Conclusion

The urban identity explored through the media framing allows us to draw the following conclusions. The media representations of the urban identity rest on frame structures of different conceptual complexity. Urban identity is a macroframe overarching conceptual structure that is observable in the discourse-world of the city due to the synergies of the constituent frames. The urban identity is predominantly framed in four major perspectives: as an issue of culture, residents, authority, economy. The frames influence the way urban issues are articulated and problematized. The case study has shown that the established frames appear in the local media to concentrate on the county capital in its everyday activity, the urban cultural events, the cultural symbols, the residents, the authorities, and the economic development.

A meliorative image of the city is foregrounded. The achievements of the city policy, carried out by the local authorities in the interests of the public, are brought to the fore. These include cultural events, their educational and economic value, as well as initiatives designed to make the city more comfortable for local communities. Against this backdrop, the areas of social concern are revealed. Negative assessment of the local authorities, as well as organizations designed to eliminate social problems, is mainly carried out through the individual opinions of the townspeople. Sharp criticism of the local administration as a social actor responsible for the well-being of the city is most often realized as an emotional reaction of regular people dissatisfied with their work. The local media legitimize the existing authorities to suit their interests. Positive presentation of the city authorities stands out as the leading discursive macro-strategy aimed at supporting and approving of the initiatives taken by the officials, regardless of whether the social problem is indicated or not in the

message. This macro-strategy is realized through the strategies of reference, predication, and argumentation.

The referential strategy is mainly articulated by proper names, deictics, and descriptions with identifying semantics. They are employed to denote the social actors, responsible for the urban living, and those participating in it. The predication strategy primarily employs attributes, predicates, rhetorical figures, literary devices (precedent names, allusions) to assess the quality and character of the social actors' actions. The argumentation strategy presents the urban life to suit the interests of the local authorities, mainly through the quotes by the city people or references to the people of authority. Framing of the urban identity is due to the activation of cognitive schemata that provide a positive presentation of the local management system and boost the appeal of the county. The further media framing analysis could be beneficial for solving the urban policy issues.

References / Библиографический список

1. Birdsall, C. & Kalkman, S. (2018). Making worlds in urban cultural studies. *Journal of Urban Cultural Studies*, 5, 113–123. https://doi.org/10.1386/jucs.5.2.113_2
2. Fraser, B. (2015). *Toward an Urban Cultural Studies*. New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137498564>
3. Yimin, H. (2020). Urban history. In: Z. Yeying (ed.). *Contemporary Studies on Modern Chinese History II*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351054003-4>
4. Monti, D., Borer, M.I., & Macgregor, L. (2014). *Urban People and Places*. SAGE Publications. URL: <https://www.perlego.com/book/2800813/urban-people-and-places-pdf> (accessed: 21.01.2022).
5. Ompad, D.C., Galea, S., & Vlahov, D. (2007). Urbanicity, Urbanization, and the Urban Environment. In: *Macrosocial Determinants of Population Health*. New York: Springer. pp. 53–69. https://doi.org/10.1007/978-0-387-70812-6_3
6. Szczepańska, A. & Senetra, A. (2012). Migrations of city dwellers to suburban areas — the example of the city of Olsztyn. In: D. Szymańska, J. Biegańska (eds.). *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 18, 117–124. <http://dx.doi.org/10.2478/v10089-012-0024-2>
7. Ultramari, C. & Firmino, R.J. (2010). Urban beings or city dwellers? The complementary concepts of 'urban' and 'city'. *City & Time*, 4(3), 3. <https://ssrn.com/abstract=2781445>
8. Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2018). Fictional Text as a Basis for the Internet Meme: based on the Study of modern Receptions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta*, 437, 36–44. <https://doi.org/10.17223/15617793/437/5> (In Russ.).
Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных рецензий // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 36–44. <https://doi.org/10.17223/15617793/437/5>
9. Makarova, A.S. (2019). Realization of Transformation and creative Potential of the Krylatika in Media Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 273–287. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-273-287> (In Russ.).
Макарова А.С. Реализация трансформационного и креативного потенциала крылатики в медиадискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 273–287. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-273-287>.

10. Ghazaie, M., Rafeian, M. & Dadashpoor, H. (2021). Celebrating diversity: A framework for urban discourses. *Local Development & Society*, 2(1), 41–60. <https://doi.org/10.1080/26883597.2021.1883993>
11. Hess-Lüttich, E. (2016). Urban discourse — City space, city language, city planning: Eco-semiotic approaches to the discourse analysis of urban renewal. *Sign Systems Studies*, 44 (1/2), 12–33. <https://doi.org/10.12697/SSS.2016.44.1-2.02>
12. Moschitz, H. (2017). Where is urban food policy in Switzerland? A frame analysis. *International Planning Studies*, 23, 180–194. <https://doi.org/10.1080/13563475.2017.1389644>
13. Mamonova, N.V. (2021). Social problems in the Chelyabinsk media discourse. In: S.L. Kushneruk & N.S. Olizko (eds.). *Media representation of social problems of twin cities*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russ.).
Мамонова Н.В. Социальные проблемы в медиадискурсе Челябинска // Медийная репрезентация социальных проблем городов-побратимов. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 77–99.
14. Solopova, O.A., Koshkarova, N.N. & Sibiriakov, I.V. (2022). The Image of Chelyabinsk in the 20th century British Media Discourse (1901–1950). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 9–26. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26>
Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В. Образ Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13 (1). С. 9–26. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26
15. Reese, S.D. (2008). Prologue — Framing Public Life: A Bridging Model for Media Research. In: S.D. Reese, O.H. Gandy & Jr.A.E. Grant (Eds.) *Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 7–32.
16. Meyer, M. (2001). Between theory, method, and politics: positioning of the approaches to CDA. In: R. Wodak, M. Meyer (eds.) *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publ. pp. 14–31
17. Van Dijk, T.A. (2017). Sociocognitive Discourse Studies. In: J. Richardson, J. Flowerdew (eds.). *Handbook of Discourse Analysis*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315739342>
18. Wodak, R. (2006). Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. *Discourse Studies*, 8(1), 179–190. <https://doi.org/10.1177/1461445606059566>
19. Gavins, J. & Lahey, E. (eds.). (2016). *World Building: Discourse in the Mind*. Bloomsbury.
20. Ogneva, E.A. & Glamazda, S.N. (2021). *The concept of contextual polarization*. Moscow. (In Russ.).
Огнева Е.А., Гламазда С.Н. Концепция контекстной поляризации. М., 2021.
21. Werth, P. (1999). *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman.
22. Kushneruk, S. (2019). World-modelling in advertising discourse: pragmatic aspects. *Calidoscópico*, 17(2), 263–281. <http://dx.doi.org/10.4013/cld.2019.172.03>
23. Entman, R. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
24. Gamson, W. & Modigliani, A. (1987). The Changing Culture of Affirmative Action. In: R. Braungart (Ed.) *Research in Political Sociology 3*. Stamford: Jai Press Inc. pp. 137–177.
25. Scheufele, D.A. (1999). Framing as a theory of media effects. *Journal of Communications*, 49(1), 103–122. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x>
26. Van Gorp, B. (2005). Where is the frame? Victims and Intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. *European Journal of Communication*, 20(4), 484–507. <https://doi.org/10.1177/0267323105058253>
27. Van Gorp, B. (2007). The constructionist approach to framing: Bringing culture back. *Journal of Communication*, 57(1), 60–78. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00329.x>

28. Tinceva, N. (2018). Discourse-world profiling expressions: contrasting data from British and Bulgarian political speeches. In: *Language Close Up*. Sofia: Sofia University Press. pp. 297–317.
29. Van Dijk, T.A. (1980). *Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.
30. Pan, Z & Kosicki, G. (1993). Framing analysis: an approach to news discourse. *Political communication*, 10(1), 55–75. <https://doi.org/10.1080/10584609.1993.9962963>
31. Goffman, E. (1974). *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper Colphon.
32. Semetko, H. & Valkenburg, P. (2000). Framing European Politics: A Content Analysis of Press and Television News. *Journal of Communication*, 50, 93–109. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x>
33. Tuchman, G. (1978). *Making news: A Study in the Construction of Reality*. New York: Free Press.
34. Kushneruk, S.L. (2021). Law and order as social problem in the discourse of city paper. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7(1), 33–48. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-1-0-4> (In Russ.).
Кушнерук С.Л. Закон и порядок как социальная проблема в дискурсе городского издания // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. № 7 (1). С. 33–48. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-1-0-4>

Сведения об авторах:

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета; *сфера научных интересов*: дискурс-анализ, медиалингвистика, миромоделирование в дискурсе; *e-mail*: Svetlana_kush@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4447-4606; Scopus Author ID: 57204431355; ResearcherID: GQA-3089-2022; eLIBRARY SPIN code: 8328-6722.

Курочкина Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета; *сфера научных интересов*: дискурс-анализ, медиалингвистика, теория прецедентных феноменов, интертекстуальность, экологический и педагогический дискурс, концептология; *e-mail*: kma1974@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0048-483X, ResearcherID: AEZ-6956-2022; eLIBRARY SPIN code: 9594-1190.

Information about the authors:

Svetlana L. Kushneruk, Dr. Sci. in Philology, Professor of the Theory and Practice of the English Language Department at Chelyabinsk State University, Russian Federation; *Research interests*: discourse analysis, media linguistics, world-modelling in discourse; *e-mail*: Svetlana_kush@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4447-4606; Scopus Author ID: 57204431355; ResearcherID: GQA-3089-2022; eLIBRARY SPIN code: 8328-6722.

Maria A. Kurochkina, Ph.D., Associate Professor of the English Philology Department at South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Russian Federation; *Research interests*: discourse analysis, media linguistics, the theory of precedent phenomena, intertextuality, environmental and pedagogical discourse, conceptology; *e-mail*: kma1974@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0048-483X, ResearcherID: AEZ-6956--2022; eLIBRARY SPIN code: 9594-1190.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043

УДК [811.161.1:811.133.1:811.512.162]’272:004.738.5

Научная статья / Research article

Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах

Л.Д. Гусейнова, Н.М. Дугалич , О.В. Ломакина ,
Н.Ю. Нелюбова , Ю.Н. Эбзеева

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 lomakina-ov@rudn.ru

Аннотация. Интернет-тексты являются самым мобильным и эклектичным видом текста, поэтому методология их анализа носит интегративный и полипарадигмальный характер, а для адекватной интерпретации требуется рассматривать подобные образования с учетом современного социокультурного контекста и пресуппозитивных знаний. Новизна исследования заключается в том, что были выделены появившиеся в разных лингвокультурах под влиянием социокультурного контекста сюжеты, нашедшие отражение в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах (на фоне белорусского сегмента), проведен анализ аутентичного материала с верификацией данных на материале сегмента синкретичного характера — байнета, испытывающего влияние западной и восточной европейских культур. Путем сплошной выборки из сетевых источников разных сегментов интернета была составлена авторская картотека, насчитывающая более 2500 единиц интернет-мемов, примеры из которой стали эмпирической базой исследования. При анализе материала использовался описательно-аналитический метод, предполагающий непосредственное наблюдение анализируемых явлений и их систематизацию, а также обобщение языкового материала, применялись элементы дискурсивного, семного и лингвопрагматического анализа. Сопоставительный анализ мемов, функционирующих в русском, французском и азербайджанском сегментах интернета, показал количественную асимметрию (преобладают русские мемы), с одной стороны, а с другой — различия в формах интернет-мемов (например, в рунете преобладают демотиваторы, во французском и азербайджанском сегментах — комиксы и карикатуры). В вербальной части интернет-мемов трех рассматриваемых лингвокультур функциональный потенциал реализуют как слова, так и фразеологические единицы разных разрядов. В ряде случаев происходит актуализация и полное переосмысление лексических, в том числе, прецедентных. Характер представления образов в визуальной части может быть связан с культурной традицией народа. В исследовании показано, что такие события-аттракторы XXI в., как миграция и угроза коронавирусной инфекции, отражаются в интернет-мемах вне зависимости от системы ценностей, вероисповедания, менталитета. При создании национальных образов и представлении артефактов

© Гусейнова Л.Д., Дугалич Н.М., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Эбзеева Ю.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

определяющую роль играют этнолингвомаркеры, воспринимаемые конкретным народом. Визуальный элемент также может актуализироваться в связи с происходящими социально-политическими событиями. Все это доказывает, что для адекватной интерпретации мемов необходимо обладать пресуппозитивными знаниями, тогда понимание такого поликодового образования, как интернет-мем, не станет коммуникативной неудачей. Мемы о трудовой миграции и коронавирусной пандемии в белорусском сегменте интернета, контент и формы которых обусловлены поликультурным своеобразием и социокультурной открытостью современной Беларуси, подтверждают и типологизируют основные положения о факторах, условиях, способах и мотивациях мемообразования в русской, французской и азербайджанской лингвокультурах.

Ключевые слова: интернет-текст, интернет-мем, современный социокультурный контекст, комикс, карикатура, демотиватор

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

История статьи:

Дата поступления: 30.08.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Гусейнова Л.Д., Дугалич, Н.М., Ломакина, О.В., Нелиубова, Н.Ю., Эбзеева Ю.Н. Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1020–1043. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043>

The Reflection of the Socio-Cultural Context in Russian, French and Azerbaijani Internet Memes

Lala D. Guseynova, Natalia M. Dugalich , Olga V. Lomakina ,
Natalia Yu. Neliubova , Yulia N. Ebzeeva

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya St, Moscow, Russian Federation, 117198

 lomakina-ov@rudn.ru

Abstract. Internet texts represent the most mobile and eclectic type of a text. Therefore, the methodology of their analysis is integrative and polyparadigmatic; and for adequate interpretation it is required to consider them taking into account modern socio-cultural context and presuppositional knowledge. The article is devoted to the description of meme-creating components associated with modern sociocultural context in various forms of Internet memes: comics, demotivators, cartoons, presented in three segments of the Internet (Runet, French and Azerbaijani segments). The novelty of the research is based on the fact that for the first time, the meme-creating plots in the Russian, French and Azerbaijani segments of the Internet were identified and correlated; the authors carried out an analysis of the authentic material formed under the influence of the socio-cultural context — the influence of various external factors and cultural background. A continuous selection of network sources from various segments of the Internet allowed compiling an author's card-file containing more than 2 500 Internet memes, the examples from which became an empirical basis for the study. The material was analysed with the use of a descriptive and analytical method that involves direct observation of the phenomena under analysis and their systematization, generalization

of language material; we also used elements of discursive, componential and linguopragmatic analysis. A comparative analysis of memes in the Russian, French and Azerbaijani segments of the Internet showed, on the one hand, a quantitative asymmetry (Russian memes prevail), and on the other hand, differences in the forms of Internet memes (for example, demotivators prevail in Runet, comics and cartoons are commonly found in the French and Azerbaijani segments). The analyzed material showed that both words and phraseological units of different categories realize the functional potential in the verbal part of Internet memes of the three linguocultures under consideration. In a number of cases, there is an actualization and complete rethinking of lexical and precedent units. The nature of the presentation of images in the visual part may be associated with the cultural tradition of the nation. The study shows that such 21st century attraction events as migration and threat of coronavirus infection are reflected in Internet memes regardless of the system of values, religion and mentality. When creating national images and presenting artefacts, the role of ethno-linguistic markers perceived by a particular nation is decisive. The visual element can also be actualized in connection with ongoing socio-political events. All this proves that adequate interpretation of memes requires presuppositional knowledge, so that understanding such a polycode formation as an Internet meme does not become a communicative failure. Memes about labour migration and the coronavirus pandemic in the Belarusian segment of the Internet, content and forms of which are conditioned by the multicultural originality and socio-cultural openness of modern Belarus, confirm and typify the main provisions about the factors, conditions, methods and motivations of meme formation in Russian, French and Azerbaijani linguocultures.

Keywords: Internet text, Internet meme, modern sociocultural context, comics, cartoon, demotivator

Financing. Acknowledgement:

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Article history:

Received: 30.08.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Guseynova, L.D., Dugalich, N.M., Lomakina, O.V., Neliubova, N.Yu. & Ebzeeva, Yu.N. (2022). The Reflection of the Socio-Cultural Context in Russian, French and Azerbaijani Internet Memes. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1020–1043. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043>

Введение. Постановка проблемы

Язык по своей природе социален: являясь средством общения, он мгновенно реагирует на изменения, происходящие в обществе. Запечатлевая действительность, язык получил характеристику *живой как жизнь* (К. Чуковский), ставшую крылатой единицей. Влияние культуры — коллективистской или индивидуальной — также оказывает большое внимание на язык [1]. Действительно, социокультурный контекст, под которым мы понимаем влияние различных внешних факторов и культурного фона, находит отражение в языке. Например, появлению нового русского ономастикона (*Нинель, Рэм, Октябрина* и др.) способствовали социально-политические события, происходящие в Советском Союзе. Крылатая единица *Je suis Charlie* (*Я — Шарли*), возникшая «через несколько часов после теракта в редакции французского сатирического еженедельника „Charlie Hebdo“», появилась во французском медиадискурсе в 2015 г. и вошла «во многие языки

в аутентичной форме» [2. С. 569], в качестве доказательства можно привести «широкий функциональный потенциал и лексикографическую фиксацию» выражения [3. С. 263].

Появление виртуальной среды как особой жанровой системы стало следствием возникновения и дальнейшего распространения интернета — «глобальной социально-коммуникационной компьютерной сети, предназначенной для удовлетворения личностных и групповых коммуникационных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий» [4. С. 208–209]. Даже в диалектной речи зафиксирована лексема *интернет* [5. С. 30], что доказывает экспансию всемирной сети. В зависимости от функций, выполняемых всемирной сетью, изучение интернет-дискурса лежит в плоскости исследователей разных областей научного знания: социологов, политологов, лингвистов, культурологов и др.

Интернет-пространство является местом появления текстов разных жанров: интернет-мемов, блогов, форумов, подкастов, чатов — и трансформации старых, давно закрепившихся в языке: проповедь преобразовалась в интернет-проповедь [6], комикс — в web-комикс [7], дневник — в интернет-дневник [8] и под. Соответственно, возникает необходимость в изучении механизмов текстопорождения и дальнейшем описании языковых особенностей текстов различных жанров, что дает основание Е.И. Горошко и Т.И. Поляковой выделить *виртуальное жанроведение* как раздел лингвистики и обозначить такие проблемные области, как «определение и описание виртуального жанра; соотношение и взаимодействие традиционных и виртуальных жанров; поиски и разработка критериев для классификации виртуальных жанров; описание специфических виртуальных жанров [9. С. 225–226].

Цель исследования — на основе анализа русских, французских и азербайджанских интернет-мемов представить, как отражается социокультурный контекст в интернет-мемах, выделить национальную специфику в интернет-мемах, относящихся к трем различным лингвокультурам: русской, французской и азербайджанской, верифицировать общие лингвокультурные особенности интернет-мемов на материале байнета. Выбор разных культур, отличающихся вероисповеданием их представителей, позволяет сравнить разные подходы к интерпретации одного и того же социокультурного явления. Белорусская лингвокультура выступает в роли объективного верификатора, поскольку исторически локализуется на разломе западного и восточного направлений развития христианской цивилизации, а также характеризуется на современном этапе взаимосвязью с азербайджанской лингвокультурой (в современной Беларуси становится более заметной социокультурная роль азербайджанской диаспоры, осуществляется лингвистическая поддержка межкультурной коммуникации [10]).

Методы и материал исследования

Ведущий принцип отбора материала — прием сплошной выборки из сетевых источников разных сегментов интернета — объясняется амбивалентностью используемого для анализа материала и сложностью его поиска. Кроме того, использовался описательно-аналитический метод, предполагающий непосредственное наблюдение анализируемых явлений и их систематизация, а также обобщение языкового материала, применялись элементы дискурсивного, семного и лингвопрагматического анализа.

Эмпирическая база исследования — авторская картотека, насчитывающая более 2500 единиц интернет-мемов. В качестве материала для статьи было отобрано более 20 наиболее репрезентативных и национально маркированных примеров из авторской картотеки.

История вопроса

Традиция изучения интернет-языка берет начало в зарубежном языкознании, что обусловлено экстралингвистически: признание интернета как информационной сети произошло в США в 1995 г. [11. С. 16]. Понятие „Internet Linguistics“ впервые предложено в одноименном докладе Д. Кристала, представленном на заседании American Association for the Advancement of Science в 2005 г., хотя теоретически обосновано было еще ранее в монографии „Language and the Internet“ [12].

Развитие цифровых технологий в России повлекло возникновение интереса к описанию языковых особенностей интернет-коммуникации (см., например, коллективные монографии: [13, 14]). Французский сегмент интернета изучался в русле дискурсологии (лингвистического, социопрагматического и дискурсивного анализа различных видов электронной коммуникации) [15]. Изучение языковой специфики белорусского интернет-дискурса [16–18] стремительно развивается в рамках такого нового научного направления, как информационная лингвистика [19]. Азербайджанское интернет-пространство с позиций лингвистики системно не изучалось.

Интернет-дискурсу как виртуальному средству общения присущи следующие признаки: «анонимность; выбор автором „маски“, максимально удобной в рамках данной коммуникативной ситуации; невозможность использования параязыковых средств и, как следствие, недостаточность информации об авторе текста» [20. С. 254–255]. «Предмет изучения интернет-дискурса — полимодальный текст, представляющий собой 2D или 3D проекцию, „текст в тексте“, поэтому следует исследовать как вербальное наполнение и визуальный / аудиовизуальный ряд, так и скрытые смыслы» [21. С. 36].

Под интернет-мемом вслед за С.В. Канашиной будем понимать «комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целост-

ную, завершённую единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке», направленный на реализацию прагматической функции [22. С. 85]

Исследователи выделяют следующие признаки мемов: «вирусность, реплицируемость, эмоциональность, серийность, мимикрию, минимализм формы, полимодальность, актуальность, юмористическую направленность, медийность, фантазийный характер» [22. С. 86], наличие аксиологической составляющей [21. С. 37]. Кроме того, интернет-мемы могут обладать воздействующей функцией, которая, прежде всего, реализуется в вербальной части посредством использования лозунговых формул, выраженных императивами.

Формы выражения мемов в каждой культуре различны. Как показывают наши наблюдения, для русской лингвокультуры более всего характерны демотиваторы, для французской — комиксы и карикатуры. В азербайджанском сегменте интернета количество мемов незначительно, однако, как и во французском сегменте, преобладают комиксы и карикатуры. Для белорусской лингвокультуры в силу ее трансграничного положения на разломе западной и восточной европейских цивилизаций, а также возрастающей социокультурной полинациональности одинаково характерны интернет-мемы как в форме демотиваторов, так и комиксов и карикатур, что позволяет использовать байнет в качестве надежного и объективного верификатора типологических лингвокультурных сходств интернет-мемов.

Представим определения разных типов мемов. Демотиватор — тип интернет-мема, включающий «1) изображение; 2) слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом; 3) пояснительную надпись, набранную мелким шрифтом» [23. С. 260], которые необходимо рассматривать целостно, а в «их соотношении чаще всего лежит эффект обманутого ожидания: демотиватор нельзя воспринимать буквально, само изображение должно переосмысливаться в соотнесенности с текстом, а не восприниматься как руководство к действию» [24. С. 436]. Демотиваторы служат «для привлечения внимания к какой-либо социально значимой проблеме и побуждения к действию» [24. С. 435]. Вербальная часть демотиватора нередко опирается на пресуппозитивные знания и носит прецедентный характер: так, крылатые единицы, «источником образования которых является художественный текст, обладают высокой способностью к образованию мемов по сравнению с другими источниками — высказываниями известных людей, античными и библейскими выражениями» [21. С. 237]. Кроме того, в качестве слоганов нередко используются имена собственные, пословицы и антипословицы (при этом последние выделились в самостоятельную часть интернет-коммуникации [25]), а также афоризмы, которые широко представлены в языке массовой коммуникации [26. С. 394] и рассматриваются в современной лингвистике не только как речевые формулы [27], но и как языковые единицы [28].

Показательно, что именно вербальная составляющая демотиватора детерминирует восприятие его визуального компонента, что выразительно

представлено в рефлексивном белорусскоязычном демотиваторе «Малевіч. Першы накід дэматыватара» (рис. 1), который состоит из репродукции знаменитой картины Казимира Малевича «Черный квадрат» (1915) с подписью «Первый опыт демотиватора».

Рис. 1. Пример демотиватора
Fig. 1. Demotivator example

С.В. Канашина называет комикс, карикатуру и плакат прообразами современных интернет-мемов, своего рода стилизацией и одновременно его типами [30. С. 135]. Web-комикс — тип интернет-мема, включающий изображение с подписями, в основе которых лежит прием языковой игры, построенной на полисемии, употреблении различных разрядов фразеологизмов (идиомах, пословицах, поговорках, крылатых единицах). В.В. Соковнина выделяет следующие признаки, характерные web-комиксу: 1) отсутствие посредника (редактора); 2) законченность истории в рамках одного комикса; 3) массовость; 4) произвольный формат; 5) интерактивность [6. С. 97]. Кроме того, исследователь отмечает созависимость вербального и визуального компонентов, следствием чего является «непроницаемость системы для каких-либо структурных дополнений» [6. С. 101].

По форме web-комиксу близка карикатура — тип интернет-мема, включающий изображение на политическую тему с подписями и/или авторскими комментариями, в основе вербальной части — «использование семиотических кодов, грамматических и лексических текстовых средств» [31. С. 128]. Н.М. Дугалич к отличительным чертам политической карикатуры относит «злободневность фактов, гиперболу и сатиру в представлении иконического и вербального компонентов» [32. С. 23]. «Каждая политическая карикатура

посвящена определенному политическому событию или служит отправной точкой общественной дискуссии, актуализирующей существующую в социуме оценку сложившейся политической (экономической, социальной и др.) ситуации» [31. С. 129]. В отличие от web-комикса, карикатура становится предметом изучения политической лингвистики, поэтому при интерпретации материала необходимо учитывать политическую составляющую, которую можно считать элементом социокультурного контекста времени.

Социальные потрясения как фактор прецедентности в интернет-тексте

Как мы отмечали выше, интернет-мемы имеют национальную и социокультурную специфику. Действительно, выбор типа мема диктуется традициями, сложившимися в сегменте интернета той или иной страны, однако тематика мема может быть обусловлена глобальными проблемами в целом, которые формируют социокультурный контекст как отдельной страны, так и мира. Событиями-аттракторами мирового масштаба последнего десятилетия можно считать изменение миграционного потока, а последних трех лет — пандемию коронавирусной инфекции. Всемирная сеть является самым оперативным способом отражения социально-политических событий, а содержание интернет-мемов продиктовано современным социокультурным контекстом. Согласимся с мнением С.Т. Нефёдова и В.Е. Чернявской, считающих «экстралингвистический контекст основой для адекватной интерпретации смыслов и языковой деятельности вообще. Именно в точке взаимодействия конвенционального значения, идущего от системы языка, с релевантными параметрами контекста происходит семантизация языковых выражений и возникает актуальный, ситуативно обусловленный смысл» [32. С. 83–84].

Миграция как важный социально-политический фактор XXI в.: анализ интернет-мемов

Толерантность как современная категория гуманитарного знания стала своего рода культурным трендом современного общества, каждый из членов которого должен обладать этим качеством. Вместе с тем данное понятие нельзя считать новым: оно лишь актуализировалось в связи с проблемами восприятия дихотомии «свое — чужое», обострившимися при появлении мигрантов, хотя всемирная история содержит многочисленные факты миграционных процессов, первые из которых зафиксированы в Библии.

Начиная с нулевых годов XXI в., тема миграции стала топовой для России: поток трудовых мигрантов увеличивался с каждым годом из-за

привлекательности российского рынка труда «для трудоспособного населения из стран СНГ» [33. С. 3]. Военные действия в странах Ближнего Востока и североафриканских странах повлекли за собой потоки беженцев в страны Евросоюза, вызвав негативное отношение европейцев к нелегальным мигрантам, отождествляемым в языковом сознании с метафорой стихии и войны [34]. Таким образом, миграция как в России, так и в Европе стала социокультурным контекстом для появления интернет-мемов.

Рассмотрим российские демотиваторы, отражающие миграционную тематику.

Символами гастарбайтерского движения в России начала XXI в. стали главные герои юмористической передачи «Наша Russia» Равшан и Джамшуд, имена которых можно считать прецедентными. Прецедентным именем будем называть имя собственное, связанное с широко известным текстом <...>, способное употребляться интенционально (денотативно)» [35. С. 23]. «Из всего множества характеристик, присущих той реалии, на которую указывает прецедентное имя, вычленяется лишь очень ограниченный набор, который заключается в инвариант восприятия прецедентного феномена» и хранится в когнитивной базе [35. С. 24]. Прецедентные имена выполняют в лингвокультуре функцию этнолингвомаркеров — единиц, запечатлевающих национальное своеобразие, «культурную память» и не имеющих «прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [36. С. 121].

Представим демотиваторы, построенные на этих прецедентных именах.

Вербальная часть демотиватора (рис. 2, а) основана на строчках из стихотворения В.В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?», в котором произошло добавление компонентов с включением прецедентного имени *мальчика зовут «Джамшут»*: «Если мальчик // любит труд, // тычет // в книжку // пальчик, // про такого // пишут тут: // он // хороший мальчик». В основе демотиватора (рис. 2, б) — языковая игра, построенная на противопоставлении двух прецедентных имен *Пётр* и *Джамшут*, а также антонимии прецедентной единицы *прорубить окно в Европу*, ассоциирующейся с именем российского императора Петра I и глагола *заложить*, значение которого визуализировано. В уста Равшана авторы телесериала вложили фразу, ставшую крылатой и положенной в основу следующего демотиватора (рис. 2, в). Этот пример наглядно доказывает, что демотиваторы, с одной стороны, строятся на прецедентных феноменах, а с другой — служат дальнейшему процессу вхождения устойчивых единиц в язык, процессу прецедентности. Если в первом случае иконический компонент не несет смысловой нагрузки, так как представляет собой изображение героев юмористической передачи «Наша Russia» Равшана и Джамшуда, то в двух других случаях дополняет вербальный компонент, благодаря чему демотиватор обретает единство визуального компонента и слогана.

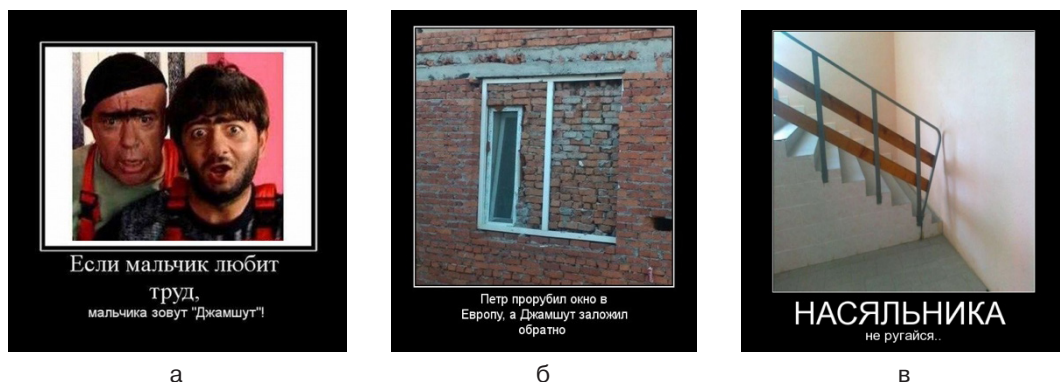

Рис. 2. Примеры демотиваторов
Fig. 2. Examples of Demotivators

Наряду с прецедентными антропонимами, в демотиваторах рассматриваемой тематической группы фигурируют топонимы. В основе вербальной части демотиватора (рис. 3, а) лежит пословица *Москва не сразу строилась*, написание которой содержит орфографические ошибки, которые в данном случае можно квалифицировать как имитацию языковой личности мигранта-гастарбайтера. Подобные ортологические трансформации используются для усиления экспрессивного потенциала слогана демотиватора. Визуальная часть, содержащая изображение Равшана на фоне портрета основателя Москвы Юрия Долгорукого, может восприниматься оскорбительно для москвичей, т.е. интолерантно по отношению к основному населению. Противопоставление Москвы и Ташкента (рис. 3, б) объясняется ассоциативно: мигранты — узбеки, а Ташкент — столица Узбекистана. Кроме того, здесь представлен образ Москвы, которая вместит всех желающих в ней жить (ср.: *Москва не резиновая*). В качестве визуального компонента используется коллективный портрет людей монголоидной расы.

Рис. 3. Примеры демотиваторов
Fig. 3. Examples of Demotivators

Как показывают примеры, в демотиваторах создается противоречивый образ мигранта: с одной стороны, это трудолюбивый человек (см. рис. 1), с другой — нерадивый работник (см. рис. 2, а, б). Приведенные примеры доказывают факт концептуализации определенного понятия (*гастарбайтер*) посредством прецедентных имен (*Равшан, Джамиуд*), отождествляемых в русском языковом сознании с трудовыми мигрантами. В рунете, несмотря на ироничное отношение к мигрантам и некоторые отрицательные характеристики, мы не обнаружили негативной оценки этого явления, выражения речевой агрессии в вербальном компоненте, что можно объяснить свойствами русского национального характера быть терпимым и терпеливым. Показательна цитата, принадлежащая Д.С. Лихачёву: «Русская культура уже по одному тому, что она включает в свой состав культуры десятки других народов и издавна была связана с соседними культурами Скандинавии, Византии, южных и западных славян, Германии, Италии, народов Востока и Кавказа, — культура универсальная и терпимая к культурам других народов» [37. С. 3].

Проблема беженцев — вынужденных мигрантов — отражается во французских интернет-мемах. Герой карикатуры — нынешний президент Франции, 25-й президент Пятой республики Э. Макрон. Иконический компонент карикатуры (рис. 4, а) построен на противопоставлении двух колоративно обозначенных политически значимых для Франции явлений — мигрантах, отождествляемых с оранжевыми жилетами (цвет спецодежды работников жилищно-коммунальной сферы, где традиционно трудятся мигранты) и желтыми жилетами (одежда представителей протестного движения, демонстрантов, выступающих против президента Франции Э. Макрона; событие способствовало появлению устойчивой единицы *les Gilets jaunes*). Н.М. Дугалич отмечает наличие проблемы «декодирования визуального семантического знака для реципиента, так как в каждом языке цвет ассоциируется с различным спектром эмоций» [31. С. 155]. В данном случае можно говорить об интернациональной символике оранжевых жилетов, отождествляемых в различных странах с трудовыми мигрантами, которые выполняют низкооплачиваемую неквалифицированную работу.

а

б

в

Рис. 4. Примеры демотиваторов

Fig. 4. Examples of Demotivators

Когнитивно с предыдущей карикатурой связана и следующая (см. рис. 4, б): понимание мигрантов как малоквалифицированных работников подтверждает реплика героев-французов (средством идентификации выступает нарисованный цветными красками французский флаг): «Требуются двое водопроводчиков и трое токарей-фрезеровщиков. Остальные приходите завтра!» (*здесь и далее перевод наш — Л.Г., Н.Д., О.Л., Н.Н., Ю.Э.*). Визуальный компонент представляет собой аллюзию на библейскую историю о спасении Ноя: мигранты могут быть спасены только при получении работы.

Французская карикатура (см. рис. 4, в) носит провокационный, интолерантный по отношению к коренному населению характер, выражающийся в реплике героини:

- Ты знаешь, что такое красно-бело-синий флаг?
- Да, это французский флаг доисламской республики.

Иконический компонент информативно наполнен: диалог происходит в библиотеке, интерьерным элементом которой являются надписи на арабском языке, а все посетители — женщины в исламском облачении. Кроме того, показано непочтительное отношение к государственной символике — флагу, цвета которого читательница на карикатуре называет справа налево аналогично чтению на арабском языке, что поясняется в нижней части картинке. Автор предупреждает об исламской экспансии, следствием которой станет исламизация страны, когда цвета флага будут восприниматься в обратном порядке.

Проанализированные карикатуры французского сегмента сети, несмотря на тематическую близость, разноплановы. Мигрант показан как низкоквалифицированный работник (см. рис. 4, а, б), представляющий опасность для республики, как и Движение желтых жилетов (см. рис. 4, а). В отличие от русского сегмента интернета, французский содержит пример, показывающий эволюционное следствие процесса миграции — изменение конституционного строя страны.

Для азербайджанского общества проблема миграции не стоит так остро, как для России и стран Евросоюза, чем и объясняется незначительный количественный состав интернет-мемов. В основе карикатуры (рис. 5) под названием «Место мигранта в обществе» лежит разоблачение иммигрантского бизнеса. Вербальный компонент полностью иллюстрирует иконический: знаменитый стадион (там проводились митинги, где желающие уехать получали рекомендации от партий), Германия как страна вербовки и обозначение партии — организатора торговли людьми.

Типологически общим лингвокультурным контентом интернет-мемов, которые посвящены миграции, является ее глубоко имплицитное неприятие, скрытое в иронии и прикрытое внешне политкорректным восприятием трудовых мигрантов. Это неприятие основано на общем для различных лингвокультур отторжении чужого (а гастарбайтеры-мигранты являются носителями чужих, часто глубоко непонятных и поэтому с трудом прини-

маемых этнокультур). В Беларуси нет трудовых мигрантов, но сами белорусы часто выезжают на заработки в Россию и европейские страны (Польшу, Германию и др.), поэтому глубоко социокультурно интегрированы в проблему негативного восприятия трудовых мигрантов, что выразительно отражено в интернет-мемах с комментариями об актуальности сегрегации по этническому признаку (рис. 6, а) и национальным различиям, выраженным в визуальном и вербальном компонентах (коннотативно окрашенная лексема *выродок* соответствует изображенной на фото банке Pepsi как главному конкуренту напитку Coca Cola) (рис. 6, б).

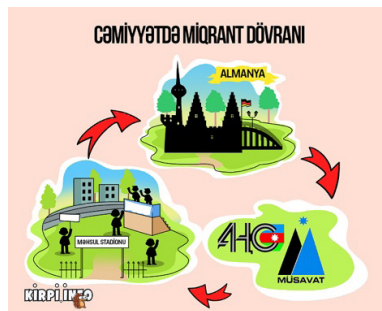

Рис. 5. Примеры демотиваторов
Fig. 5. Examples of Demotivators

Свет з роўнымі правамі і без
ніякага расізму гэта толькі

а

б

Рис. 6. Примеры демотиваторов
Fig. 6. Examples of Demotivators

Отражение COVID-19 в интернет-мемах

Главным событием-аттрактором, информационным поводом, формирующим социокультурный контекст всего мирового сообщества в 2020 г., является пандемия коронавирусной инфекции. По этой причине проблема здоровьесбережения, в том числе от инфекционных болезней, является общечеловеческой, а здоровье и жизнь в целом в различных текстах выдвигаются как абсолютные ценности.

Пандемия коронавируса повлияла не только на систему ценностей народов, но на различные сферы жизни человека: язык, традиции. Например, «пересмотру и модификации подверглись основные составляющие повседневной жизни мусульман: соблюдение строгого карантина потребовало отказа от массовых собраний, проведения семейных и общинных праздников, а также запрет совершения пятничного коллективного намаза и хаджа» [38. С. 23]. Лексемы семантического поля «коронавирус» вошли в ряд языков [подробнее: 39–41], появился «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [44].

В.Ю. Леденева и Н.А. Безвербная называют сформированные в интернет-СМИ разных стран две тенденции, негативно повлиявшие на развитие этой инфекции: 1) отрицание и дезинформация о вирусе COVID-19, которые усугубляли его распространение и замедляли ответ на пандемию; 2) киберзапугивание, приведшее «к распространению дезинформации и фейковых данных» [43. С. 96]. Действительно, ложно сформированное представление о каком-либо предмете может пагубно повлиять на дальнейший ход истории.

Здоровье относится к числу базовых ценностей человечества, это одна из ценностных констант каждого человека, что находит отражение в языке, в т.ч. в паремиологическом фонде языка (см., например [44–46]), где оно «осмыслялось как сущность, имеющая ценностную значимость» [45. С. 230].

В ситуации пандемии интернет стал самым востребованным средством информации, с одной стороны, а с другой — местом мгновенного реагирования на события, происходящие в социуме и языке.

Вербальная часть как демотиваторов, представленных в рунете, так и французских и азербайджанских комиксов включает слова и устойчивые фразы, появившиеся и актуализированные во время пандемии. Наглядным примером влияния социокультурного контекста на лексико-фразеологический состав языка является появление новых слов и лексико-семантических вариантов, антиполовиц, зафиксированных в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи», среди которых существительные *удалёнка* [42. С. 243] и *самоизоляция* [42. С. 229], включенных в слоганы демотиваторов (рис. 7, а, б). Иконический компонент (рис. 7, а) представляет собой гиперболизированную форму обозначенной в вербальной части *работы на удалёнке*. Кроме лексемы, относящейся к т.н. коронавирусной лексике, в основе вербальной части демотиватора (рис. 7, б) — прецедентная единица *Ударим велопробегом по бездорожью, разгильдяйству* из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». После замены компонентов происходит полная деформация с изменением значения: вариант прецедентной единицы *Ударим новыми знаниями по коронавирусу и самоизоляции* в вербальной части получает положительную оценку, однако возникает противоречие с визуальной частью: изображение втулки от туалетной бумаги апеллирует к обыденным проблемам чело-

века, находящегося на самоизоляции и не имеющего возможность приобрести новые товары, иллюстрирует ажиотажный спрос на туалетную бумагу, обозначенный как *феномен туалетной бумаги* [42. С. 243]. Необходимость иметь продовольственные и непродовольственные запасы — ведущая тема следующего демотиватора (рис. 7, в). В демотиваторе сохранена визуальная патетика, однако вербальная часть представляет собой вариант надписи, выраженной в виде вопроса *А ты затарился гречкой?*, где происходит полное обесценивание пресуппозитивного содержания плаката за счет актуализации высказывания (гречка была в списке продуктов, которые раскупали россияне перед надвигающейся пандемией) и выбора разговорного глагола *затариться*.

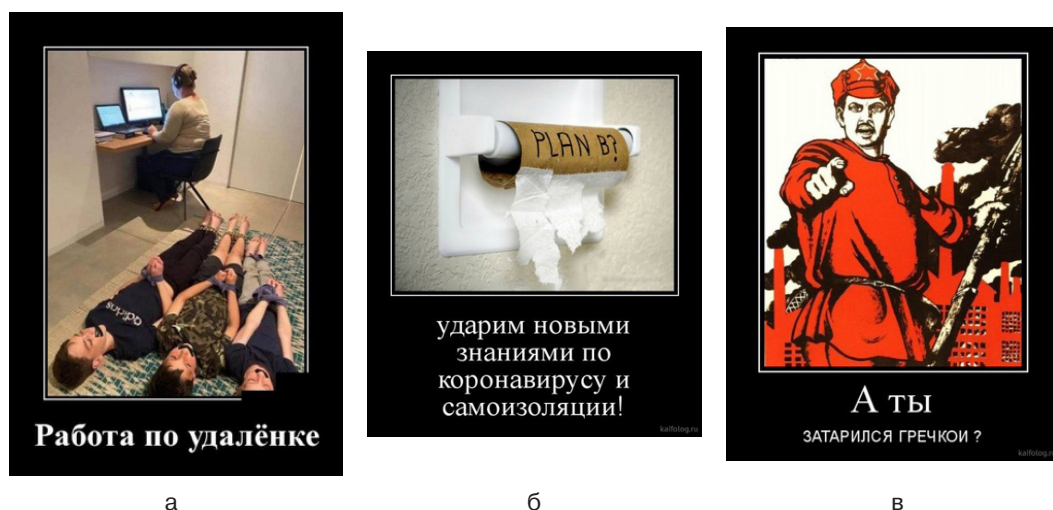

Рис. 7. Примеры демотиваторов
Fig. 7. Examples of Demotivators

В азербайджанском (рис. 8, а) и французском (рис. 8, б) комиксах употреблено актуальное для пандемийной лексики различных языков слово *карантин*. Азербайджанский комикс апеллирует к американскому анимационному фильму про Рапунцель, волосы которой наделены волшебной силой. В условиях пандемии первостепенно ношение маски, поэтому объясним диалог героев: «Он: *Волосы отпусти, Рапунцель*. Она: *Еще карантин не закончился...*». В ожидании окончания карантина живет и герой французского комикса (рис. 8, а). Вербальная часть носит констатирующий характер: французы готовятся к снятию карантина, покупая двухметровые багеты, что красноречиво доказывает реплика героя. По наблюдениям Б.Б. Нарынбаевой, «в традиционной карикатуре на француза обязательно обозначены берет на голове и багет под мышкой» [47. С. 78]. В данном примере багет выступает этнолингвомаркером.

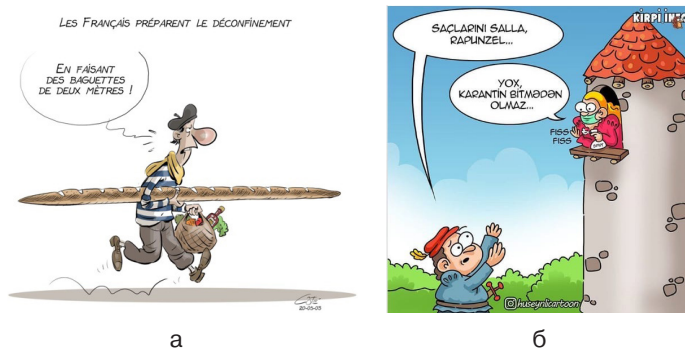

Рис. 8. Примеры демотиваторов
Fig. 8. Examples of Demotivators

В азербайджанском комиксе (рис. 9, а) этнолингвомаркером выступает кизилковое варенье, которое является проверенным средством от всех болезней. Визуальная часть показывает, что банка с вареньем одерживает победу над коронавирусом. Вербальный компонент на английском языке (*This is Azerbaijan*) указывает на локализацию.

Рис. 9. Примеры демотиваторов
Fig. 9. Examples of Demotivators

Смысловой доминантой ряда азербайджанских и французских интернет-мемов являются семейные отношения. Вне зависимости от культуры и уклада жизни героем комиксов (рис. 9) незримо выступает теща. В азербайджанском меме (рис. 9, б) реплику жены насчет источника появления коронавируса («Слышишь, говорят, вирус человеку от змеи передался») муж экстраполирует на внутрисемейные отношения: «От твоей матери никому нет пользы», а мать жены ассоциируется с пресмыкающимся животным. Французский комикс (рис. 9, в) также высвечивает внутрисемейные коллизии, муж радуется, что не увидит тещу:

- Из-за режима изоляции моя мама не сможет прийти на ужин в выходные.
- Хоть бы подольше это продолжалось.

Иконический материал двух примеров совпадает, как и смысловое наполнение вербальной части. Для азербайджанской культуры как мусульманской культуры семейные ценности являются незыблемыми (например, по Корану мусульманин должен быть щедрым по отношению к родным), ироничное отношение к теще в данном случае говорит о влиянии европейской традиции на азербайджанское общество.

В белорусской лингвокультуре проявляется типологическая общность как форм интернет-мемов, посвященных COVID-19, так и их содержания. Контент белорусских мемов COVID-19 направлен на непосредственное восприятие как самого вируса и его последствий для здоровья (рис. 10, а, б), так и его лечения и противодействия ему (вакцинации) (рис. 10, в, г), что обусловлено весьма смягченными требованиями в Беларуси (как и в Швеции) к карантину и самоизоляции, а также сравнительно небольшим распространением работы в условиях удаленности. Это выразилось в экспликации ироничного восприятия пандемии в белорусских интернет-мемах, которое в и разной степени и различной форме имплицировано в интернет-мемах русской, французской и азербайджанской лингвокультурах.

Рис. 10. Примеры демотиваторов
Fig. 10. Examples of Demotivators

В белорусских интернет-мемах широко используются прецедентные фразы как из национального фонда (рис. 10, в: *Смачна есці* как пожелание Приятного аппетита), так и (в переводе на белорусский) из русского языка (рис. 10, г: *І мы гэта вылечым* как трансформа популярной крылатой фразы *И тебя вылечат, и меня вылечат* из к/ф „Иван Васильевич меняет профессию“), что свидетельствует о преимущественно прецедентном характере слоганов в интернет-мемах.

Заключение

Интернет-пространство оперативно реагирует на события, происходящие в социуме. Интернет-тексты являются самым мобильным и эклектичным видом текста, поэтому методология их анализа носит интегративный

и полипарадигмальный характер, а для адекватной интерпретации требуется рассматривать подобные образования с учетом современного социокультурного контекста.

Сопоставительный анализ различных жанров интернет-мемов русского, французского и азербайджанского сегментов интернета и верификация на материале байнета показали, что, несмотря на жанровые различия (в рунете преобладают демотиваторы, во французском и азербайджанском сегментах — комиксы и карикатуры), выбор тематики напрямую связан с животрепещущими для данного социума событиями. Миграционная тематика, актуальная (начиная с нулевых годов XXI в.) для России и связанная с приездом трудовых мигрантов, спустя десятилетие стала частью европейской истории, что нашло отражение во французских интернет-мемах. Единичная представленность данной темы в азербайджанской сети позволяет сделать вывод о том, что для азербайджанского общества тема миграции не является значительной. Тема здоровья, ставшая необычайно важной для всего общества в связи с началом пандемии коронавируса, не просто повлияла на интернет-пространство, но и показала актуальные для человечества проблемы: обострение семейных противоречий во время самоизоляции (карантина), поиск лекарства от коронавируса, покупка товаров впрок и под.

Такие события-аттракторы XXI в., как миграция и угроза коронавирусной инфекции, отражаются в интернет-мемах вне зависимости от системы ценностей, вероисповедания, менталитета. При создании национальных образов и представлении артефактов определяющую роль играют этнолингвомаркёры, воспринимаемые конкретным народом (багет во французской культуре, кизилковое варенье — в азербайджанской). Образы мигрантов Джемшута и Равшана концептуализировались в сознании русских и стали прецедентными именами. Визуальный элемент также может актуализироваться в связи с происходящими социально-политическими событиями. Все это доказывает, что для адекватной интерпретации мемов необходимо обладать пресуппозитивными знаниями, тогда понимание такого поликодового образования, как интернет-мем, не станет коммуникативной неудачей.

Мемы о трудовой миграции и коронавирусной пандемии в белорусском сегменте интернета, контент и формы которых обусловлены поликультурным своеобразием и социокультурной открытостью современной Беларуси, подтверждают и типологизируют основные положения о факторах, условиях, способах и мотивациях мемообразования в русской, французской и азербайджанской лингвокультурах.

Перспективой исследования является многоаспектное изучение интернет-мемов. В частности, с позиции неофразеологии интересны и поэтические демотиваторы как зеркало народных умонастроений и формирования нового

типа языковой личности. Анализ новой лексики в вербальной части позволит определить место неологизмов и потенциальных слов в системе языка. Сравнительно-сопоставительные исследования подобных текстов позволяют установить факторы мемообразования, специфичность визуального и вербального компонентов.

Библиографический список

1. *Tamimy M., Setayesh Zarei L., Khaghaninejad M. S.* Collectivism and individualism in US culture: An analysis of attitudes to group work // *Training, Language and Culture*. 2022. № 6 (2). P. 20–34. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-2-20-34>
2. *Макарова А.С.* Амбивалентность функционального потенциала крылатого выражения Я — Шарли // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2017. № 6 (4). С. 566–577. <https://doi.org/10.17150/2308-6203>
3. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Крылатика в современном культурном контексте // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. № 10 (2). С. 256–272. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272>
4. *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Михайлов, 2002.
5. *Демешкина Т.А.* Трансформация диалектной коммуникации под воздействием СМИ // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 413. С. 29–33. <https://doi.org/10.17223/15617793/413/4>
6. *Макарова А.С.* Языковые особенности православной интернет-проповеди // *Славянские лингвокультуры в пространстве и временном континууме: сборник научных статей / Е.В. Ничипорчик (гл. ред.). Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины*. 2019. С. 48–62.
7. *Соковнина В.В.* Языковая игра в web-комиксах // *Филология и человек*. 2016. № 3. С. 96–102.
8. *Усачева О.Ю.* К определению понятия «жанр интернета» и построению модели жанра в среде интернет // *Мир русского слова*. 2010. № 1. С. 51–57.
9. *Горошко Е.И., Землякова Е.А.* Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. 2011. №. 24 (1(63)). С. 225–237.
10. *Белорусско-азербайджанский словарь / ред. В.Д. Старичонок, Т.Г. Шукурбейли*. Минск: Белорусская наука, 2015.
11. *Горошко Е.И.* Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // *Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. С. 9–52.
12. *Crystal D.* *Language and the Internet*. Cambridge University Press, 2001.
13. *Скворцов О.Г., Лазарева Э.А., Горина Е.В.* *Дискурс Интернета: монография*. Екатеринбург: ИМС, 2009.
14. *Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.
15. *La langue du cyberspace: de la diversité aux normes*. Paris: L'Harmattan, 2008.
16. *Баркович А.А.* *Лінгваінфармацыйная спецыфіка камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу*. Мінск: БДУ, 2015.
17. *Важнік С.А.* Тры стыхіі Байнэта, або Праява нацыянальнай моўнай самаідэнтыфікацыі. Серыя «Лекцыі па Інтэрнэт-лінгвістыцы». Вып. 1. Мінск: Права і эканоміка, 2007.
18. *Баркович А.А.* Сацыялінгвістычная спецыфіка беларускага інтэрнэт-дыскурсу // *Труды БГТУ*. 2018. № 2 (4). С. 94–99.

19. Баркович А.А. Информационная лингвистика: Метаописания современной коммуникации. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
20. Ломакина О.В. Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 254–260.
21. Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Текст художественной литературы как основа для Интернет-мема: из опыта анализа современных рецептов // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 36–44. <https://doi.org/10.17223/15617793/437/5>
22. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2017. Т. 36. № 28 (277). С. 84 — 90.
23. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Роль крылатики в Интернет-дискурсе: к постановке проблемы // Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. М.: РУДН, 2017. С. 247–254.
24. Амелина Н.В. Демотиваторы рунета: опыт лингвоэкологического анализа // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22–23 октября 2019 г. М.: РУДН, 2019. С. 435–443.
25. Иванов Е.Е. Антипословицы Рунета: типология и словарь. Серия «Лекции по Интернет-лингвистике». Вып. 3. Минск: Право и экономика, 2009.
26. Иванов Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 381–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
27. Иванов Е.Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
28. Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. № 11 (4). С. 659–706. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
29. Канашина С.В. Интертекстуальность как текстовая категория в интернет-мемах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 133–138.
30. Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М. Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 127–133. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133>
31. Дугалич Н.М. Политическая карикатура и её коды. М.: Флинта, 2021.
32. Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.
33. Рязанцев С.В. Трудовая иммиграция в Россию: старые проблемы и новые подходы к регулированию // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 5 Вып. 1. С. 3–14.
34. Новикова В.П. Миграция: метафора «стихий» и «войны» или библейская история // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 687–691.
35. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В. Теоретические положения. Принципы описания // Русское культурное пространство: Лингвокультурол. слов. Под ред. И.В. Захаренко. Вып. 1: Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания. М.: Гнозис, 2004. С. 7–54.
36. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. <https://doi.org/10.17223/18572685/45/9>

37. Лихачёв Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–7.
38. Музыкина Е.В. Сценарии будущего мусульманского мира после COVID-19 // Исламоведение. 2020. № 11 (2). С. 18–29.
39. Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2020. Т. 121. № 7 (441). С. 48–55.
40. Мишуткина И.И. Новая лексика немецкого языка как отражение новой действительности (по материалам немецких СМИ о COVID-19) // Оригинальные исследования (ОРИС). 2020. № 8. С. 103–107.
41. Al-Salman, S. & Ahmad S. Haider. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 25 (1). P. 24–42. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42>
42. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. / сост. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко и др. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.
43. Леденёва В.Ю., Безвербная Н.А. Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа Интернет изданий) // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 95–105. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-08>
44. Нелюбова Н.Ю., Семина П.С., Казлаускене В. Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>
45. Ничипорчик Е.В. Здоровье как ценность в паремиологической картине мира (на материале русских и итальянских пословиц и поговорок) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3 (37). С. 218–232.
46. Ivanov E., Petrushevskaja Ju. Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. № 8 (5). P. 864–872.
47. Нарынбаева Б.Б. Основные продукты питания во фразеологической картине французского и кыргызского языков // Новая наука: от идеи к результату. 2015. № 5 (2). С. 78–81.

References

1. Tamimy, M., Setayesh Zarei, L., & Khaghaninejad, M.S. (2022). Collectivism and individualism in US culture: An analysis of attitudes to group work. *Training, Language and Culture*, 6(2), 20–34. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-2-20-34>
2. Makarova, A.S. (2017). Ambivalence of functional potential of the winged unit Je suis Charlie. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 6(4), 566–577. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(4\).566-577](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(4).566-577) (In Russ.).
3. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Winged words in a modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 10(2), 256–272. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272> (In Russ.).
4. Sokolov, A.V. (2002) *Obshchaya teoriya social'noj kommunikacii: uch. posobie [General Theory of Social Communication: Text Edition]*. Saint-Petersburg: Mikhailov. (In Russ.).
5. Demeshkina, T.A. (2016). The transformation of dialect communication under the mass media influence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 413, 29–33. <https://doi.org/10.17223/15617793/413/4> (In Russ.).
6. Makarova, A.S. (2019). Yazykovye osobennosti pravoslavnoj internet-propovedi [Linguistic Features of the Orthodox Internet Sermon]. In: *Slavic Linguocultures in Space and Time Continuum: a Collection of Scientific Papers*. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University. pp. 48–62. (In Russ.).

7. Sokovnina, V.V. (2016). Yazykovaya igra v web-komiksakh [The Language Game in Webcomics]. *Filologiya i chelovek*, 3, 96–102. (In Russ.).
8. Usacheva, O.Yu. (2010). Towards Definition of Concept “Internet Genre” and Creation of Genre Model in the Internet Area. *World of Russian word*, 1, 51–57. (In Russ.).
9. Goroshko, E.I. & Zemlyakova, E.A. (2011). Theory of Virtual Genres: Paradigm Development. *Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philology. Social Communications*, 24(1), 225–237. (In Russ.).
10. Belarusian-Azerbaijani dictionary (2015). V.D. Starichonok, T.G. Shukurbejli (eds.). Minsk: Belorusskaja nauka.
11. Goroshko, E.I. (2018). Modern Internet Communication: Structure and Main Parameters. In: T.N. Kolokoltseva, O.V. Lutovinova (eds.) *Internet Communication as a New Speech Formation*. Moscow: FLINTA: Nauka. pp. 9–52. (In Russ.).
12. Crystal, D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Gorina, E.V., Lazareva, E.A. & Skvortsov, O.G. (2009). *Internet Discourse*. Ekaterinburg: Institute of International Relations. (In Russ.).
14. Kolokoltseva, T.N. & Lutovinova, O.V. (eds.). (2018). *Internet Communication as a New Speech Formation*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.).
15. La langue du cyberspace: de la diversité aux norms (2008). Paris: L’Harmattan. (In Franch).
16. Barkovich, A.A. (2015). *Linguo-informational specificity of computer-mediated discourse*. Minsk: BDU Publ. (In Belarus.).
17. Vazhnik, S.A. (2007). Three Elements of Bynet, or Manifestation of National Linguistic Self-Identification. Minsk: Prava i jekonomika. (In Belarus.).
18. Barkovich, A.A. (2018). Sacyjalingvistychnaja specyfika belaruskaga intjernjet-dyskursu [Sociolinguistic Specificity of Belarusian Internet Discourse]. *Trudy BGTU*, 2(4), 94–99. (In Belarus.).
19. Barkovich, A.A. (2017). *Informacionnaja lingvistika: Metaopisanija sovremennoj komunikacii [Information Linguistics: Meta Descriptions of Modern Communication]*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Belarus.).
20. Lomakina, O.V. (2018). Krylatika v internet-diskurse: funkcional’no-pragmaticeskij aspekt [Wings in the Internet Discourse: Functional and Pragmatic aspect]. In *Polyparadigmatic Contexts of Phraseology in the XXI Century: Materials of the International Scientific Conference*. Tula: TPPO. 254–260. (In Russ.).
21. Lomakina, O.V. & Nelyubova, N. Yu. (2018). Fictional text as a basis for the Internet meme: based on the study of modern receptions. *Tomsk State University Journal*, 437, 36–44. <https://doi.org/10.17223/15617793/437/5> (In Russ.).
22. Kanashina, S.V. (2017). What is an internet meme? *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki*, 36(28), 84–90. (In Russ.).
23. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2017). The Role of Krylatka in the Internet Discourse: to the Formulation of the Problem. In: Firsov’s Readings. *Linguistics in the XXI century: Interdisciplinary Paradigms: materials of reports and messages of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 14–15, 2017*. Moscow: RUDN Publ. pp. 247–254. (In Russ.).
24. Amelina, N.V. (2019). Runet Demotivators: Experience of Lingvoecological Analysis. In: *IV Firsova Readings. Language in Modern Discursive Practices: Materials of Papers and Reports of the International Scientific-practical Conference*. Moscow: RUDN publ. pp. 435–443. (In Russ.).
25. Ivanov, E.E. (2009). *Runet anti-words: typology and dictionary*. Serija: Lekcyi pa Intjernjet-lingvistycy. Iss. 3. Minsk: Pravo i jekonomika. (In Russ.).
26. Ivanov, E.E. (2019). Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 381–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401> (In Russ.).

27. Ivanov, E.E. (2019). Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157–170. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170> (In Russ.).
28. Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an object of linguistics: the main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659–706. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
29. Kanashina, S.V. (2019). Intertextuality as a text category in Internet meme. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7(140), 133–138. (In Russ.).
30. Ebzeeva, Yu.N. & Dugalich, N.M. (2018). Methodology for analyzing creolized text of political cartoon in the Arabic and French languages. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(1), 127–133. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133> (In Russ.).
31. Dugalich, N.M. (2021). *Political caricature and its codes* [monograph]. Moscow: Flinta. (In Russ.).
32. Nefedov, S.T. & Chernyavskaya, V.E. (2020). Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions. *Tomsk State University Journal of Philology*, 63, 83–97. (In Russ.).
33. Ryazantsev, S.V. (2013). Labor immigration into Russia: old problems and new approaches to regulation. *Vestnik of St. Petersburg University*, 5(1), 3–14. (In Russ.).
34. Novikova, V.P. (2016). Migration: metaphor of “elements” and “war” or a biblical story? *Cognitive Studies of Language*, 26, 687–691. (In Russ.).
35. Krasnykh, V.V., Gudkov, D.B. & Zakharenko, I.V. (2004). Theoretical Positions. Principles of Description. In: Zakharenko I.V. (ed.) *Russian Cultural Space: Linguocultural Dictionary. I.S. Brilyova, N.P. Volskaya, D.B. Gudkov [and others]; Zoomorphic images. Precedent Names. Precedent texts. Precedent statements*. Vol. 1. Moscow: Gnosis. pp.7–54 (In Russ.).
36. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*, 3, 119–128. <https://doi.org/10.17223/18572685/45/9> (In Russ.).
37. Likhachev, D.S. (1990). About the National Character of Russians. *Problems of Philosophy*, 4, 3–7. (In Russ.).
38. Muzykina, Ye.V. (2020). Futures Scenarios of Muslim World after COVID-19. *Islamovedenie*, 11(2), 18–29. (In Russ.).
39. Golovanova, E.I. & Madzhaeva, S.I. (2020). On the vocabulary of the coronavirus pandemic epoch. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences*, 121, (7(441)), 48–55. (In Russ.).
40. Mishutkina, I.I. (2020). New Vocabulary of the German Language as a Reflection of the New Reality (based on German Media Materials on COVID-19). *Journal of Original Research (O RIS)*, 8, 103–107. (In Russ.).
41. Al-Salman, S. & Ahmad S.H. (2021). COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. *Russian Journal of Linguistics*, 25(1), 24–42. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42>
42. Val'ter, H., Mokienko, V.M. et al. (eds.). (2021). *A dictionary of the Russian language of the coronavirus era*. St. Peterbourg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. (In Russ.).
43. Ledeneva, V.Yu. & Bezverbnaya, N.A. (2020) Forming the image of a migrant in the media and social networks against the background of the COVID-19 epidemic (based on the results of content analysis of online publications). *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*, 3, 95–105. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-08> (In Russ.).
44. Neljubova, N.Ju., Semina, P.S. & Kazlauskene, V. (2020). Gourmandise in the hierarchy of values: a case study of French and Belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990> (In Russ.).
45. Nichiporchik, E.V. (2012). Health as a value in a paremiological world image (based on Russian and Italian proverbs and sayings). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 3(37), 218–232. (In Russ.).

46. Ivanov, E. & Petrushevskaja, Ju. (2015). Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8(5), 864–872.
47. Narynbayeva, B.B. (2015). Basic Foodstuffs in the Phraseological View of the French and Kyrgyz Languages. *New Science: from Idea to Result*, 5–2, 78–81. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Гусейнова Лала Джанишир, лаборант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *e-mail*: guseynova-ld@rudn.ru

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Медицинского института РУДН, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-1863-2754.

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: lomakina-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5678.

Нелубова Наталия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: nelubova-nv@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6538-8267.

Эбзеева Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедрой иностранных языков филологического факультета, первый проректор — проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов; *e-mail*: ebzeeva-yun@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0043-7590.

Information about the authors:

Lala D. Guseynova, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: guseynova-ld@rudn.ru

Natalia M. Dugalich, Candidate of Philology, Head of Department of Foreign Languages, Institute of Medicine, RUDN University, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-1863-2754.

Olga V. Lomakina, Doctor of Philology, Professor, Leading Research Scientist, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: lomakina-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5678.

Natalia Yu. Neliubova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: nelubova-nv@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6538-8267.

Yulia N. Ebzeeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, First Vice Rector — Vice Rector for Education; *e-mail*: ebzeeva-yun@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0043-7590

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1044-1061

УДК 811.161.1'42:271.2:27-475.5:070:004.738.5

Научная статья / Research article

Языковые и стилистические особенности православной медиапроповеди

А.С. Макарова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
127051, Российская Федерация, г. Москва, Лихов пер., д. 6

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36

 aleste_63@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ языковых и стилистических особенностей православной медиапроповеди известного священника Димитрия Смирнова, размещенной в его мультимедийном блоге. Исходя из проблематики научной работы, исследование базируется на трудах ведущих отечественных и зарубежных медиалингвистов и специалистов в области изучения жанра проповеди. Показано, что креативная работа с лексическим и фразеологическим фондами литературного языка посредством семантических преобразований актуализируется через появление новых коннотаций, семантических неологизмов, трансформированных фразеологических единиц, что в результате приводит к обновлению и усилению языковой экспрессии и способствует достижению лингвопрагматических целей проповедника. Жанр проповеди обладает конкретными языковыми особенностями: традиционное обращение к аудитории в начале проповеди и традиционное ее завершение, большое количество именовании Иисуса Христа, упоминание библейских прецедентных имен и топонимов, имплицитная и эксплицитная цитация текстов Священного Писания и др. При работе с проповедническим медиаконтентом обнаружены два микровывода и один общий вывод, который подводит итог всей проповеди, что свидетельствует о четко выстроенной речевой стратегии, преследующей конкретные лингвопрагматические цели: донести до аудитории главные евангельские смыслы, связанные с Христовым Воскресением. Продуманная речевая стратегия и тактика проповедника целенаправленно акцентируют внимание аудитории на важных христианских вопросах, через которые реализуется миссионерская функция православного медиадискурса.

Ключевые слова: православный медиадискурс, медиапроповедь, лингвопрагматика, языковые особенности, медиатекст

История статьи:

Дата поступления: 30.06.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

© Макарова А.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Макарова А.С. Языковые и стилистические особенности православной медиапроповеди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1044–1061. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1044-1061>

Language and Stylistic Features of the Orthodox Media Sermon

Alexandra S. Makarova

St. Tikhon's Orthodox University,
6, Likhov per., Moscow, Russian Federation, 127051
Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stemyanny per., Moscow, Russian Federation, 117997
 este_63@mail.ru

Abstract. The author presents an analysis of the linguistic and stylistic features of the Orthodox media sermon of the famous priest Dimitry Smirnov, posted on his multimedia blog. Based on the problems of scientific work, the study is based on the works of leading and foreign media linguists and experts in the field of studying the genre of sermon. It is shown that creative work with the lexical and phraseological funds of the literary language through semantic transformations is updated through the emergence of new connotations, semantic neologisms, transformed phraseological units, which as a result leads to the renewal and strengthening of linguistic expression and contributes to the achievement of the linguo-pragmatic goals of the preacher. The genre of the sermon has specific linguistic features: the traditional address to the audience at the beginning of the sermon and its traditional completion, a large number of names of Jesus Christ, the mention of biblical precedent names and toponyms, implicit and explicit citation of the texts of Holy Scripture, etc. When working with preaching media content, two micro-conclusions were found and one general conclusion that sums up the entire sermon, which indicates a clearly built speech strategy that pursues specific linguo-pragmatic goals: to convey to the audience the main gospel meanings associated with Christ's Resurrection. The well-thought-out speech strategy and tactics of the preacher purposefully focus the audience's attention on important Christian issues through which the missionary function of the Orthodox media discourse is realized.

Key words: Orthodox media discourse, media sermon, linguistic pragmatics, linguistic features, media text

Article history:

Received: 30.06.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Makarova, A.S. (2023). Language and Stylistic Features of the Orthodox Media Sermon. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1044–1061. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1044-1061>

Введение

Православная проповедь, являясь результатом речетворчества, как любой другой текст, имеет характерные особенности, актуализирующиеся посредством выбора языковых и фразеологических средств, грамматических

средств и конструкций, а также стилистических приемов. Предметом нашего исследования является православная медиапроповедь, которая, помимо характеристик институциональной проповеди, приобретает дополнительные черты, свойственные медиадискурсу, так как она транслируется через современные каналы связи, что, в свою очередь, приводит к значительному расширению аудитории и требует от проповедника соблюдения определенной коммуникативной стратегии и корреляционной речевой тактики, которая, по справедливому замечанию О.С. Иссерс, представляет собой стратегический процесс, зависящий от выбора языковых ресурсов для достижения коммуникативной цели, то есть в процессе коммуникации говорящий принимает определенные решения при передаче сообщения [1].

Язык массмедиа отличает особая языковая гибкость, проявляющаяся в оперативном реагировании на экстралингвистические изменения в обществе, ценность медиатекста состоит в том, что в нем происходит процесс смещения стилистических регистров, обнаруживается авторское креативное использование лексики и фразеологии, выражающееся в семантических преобразованиях, а это приводит к появлению новых коннотаций, появлению словообразовательных и семантических неологизмов, трансформированных фразеологизмов-окказионализмов и, в итоге, к обновлению языковой экспрессии. «Именно в медиатексте, оперативно реагирующем на изменения в жизни общества, <...> намечаются изменения семантической структуры и стилистической окраски отдельных слов и выражений, обнаруживается специфика использования лингвистических единиц, относящихся к минувшим и будущим эпохам» [2. С. 180]. В связи с вышеизложенным мы определяем медиапроповедь как «тип речевой коммуникации, который является стратегическим процессом, базирующимся на выборе оптимальных языковых ресурсов <...>, это медиажанр, включающий в себя вербальный и аудиовизуальный компоненты в зависимости от медиаканала, призванный распространять христианское вероучение, отличающийся тематической амбивалентностью (Небесное vs земное), двуединством, через который реализуется миссионерская функция, одна из существенных форм многогранного пастырского служения в Христовой Церкви» [3. С. 237].

Постановка проблемы и методология исследования

Мы исходим из того, что «<...> если, согласно комплексному подходу в определении дискурса, под ним понимается сложный коммуникативный феномен, включающий все экстралингвистические факторы, которыми сопровождается общение (адресант и адресат, канал распространения и получения информации, лингвокультурологический и социальный фон и т.д.)» [4. С. 108], то медиадискурс рассматривается как речетворчество в сфере

массмедиа, а медиапроповедь соединяет в себе языковое новаторство (особенность медиадискурса) и тенденцию сохранения языковых традиций (особенность религиозного дискурса) в большей степени, чем любой другой медиатекст.

В связи с этим типы православной проповеди с точки зрения теории дискурса распределяются следующим образом:

1. проповедь, произнесенная в храме (институциональная);
2. проповедь, произнесенная в храме и затем выложенная в интернете (институциональная с использованием современных каналов связи);
3. проповедь, записанная в студии, на радио или в другом месте специально для интернет-пространства (речь проповедника, транслируемая при помощи современных каналов связи).

Таким образом можно классифицировать второй и третий тип проповеди как *медиапроповедь*, потому что главной отличительной чертой подобной проповеди становится канал ее распространения. Из выделенных типов православной проповеди только второй тип проповеднического обращения соединяет характерные черты первой и третьей, являясь *гибридной*, имеющей промежуточный характер по отношению к остальным.

Анализ православного медийного контента базируется на трудах современных медиалингвистов: Н.Ф. Алефиренко [5]; Т.Г. Добросклонская [6], Е.В. Генералова [2]; S. Gajda [7]; Т.А. van Dijk [8] и др.) и ученых, посвятивших свои исследования жанру религиозной проповеди: Т.В. Ицкович [9]; А.Ю. Малафеев [10]; И.В. Петрушко [11]; О.А. Прохватилова [12] и др.).

Анализ эмпирического материала

Рассмотрим языковые особенности обозначенного типа медиапроповеди. В качестве эмпирического материала нами взята проповедь протоиерея Димитрия Смирнова, произнесенная им в храме на Светлую Седмицу 3 мая 1989 года и представленная в печатном формате в мультимедийном блоге священника в интернет-пространстве [13]. Формат данной медиапроповеди имеет два варианта: обычный печатный текст и текст, бегущий в кадре, как если бы это была аудиозапись. В этом же кадре размещена фотография священника Димитрия Смирнова (рис. 1), относящаяся к тому времени, и представляющая собой визуальный или медийный компонент данного медиаконтента в силу того, что «структура медиатекстов неоднородна, чаще всего они состоят из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам)), где основными компонентами вербальной части являются слоган-подпись, а иконическая часть представляет собой рисунок, фотографию, таблицу и т.д.» [14. С. 74]. Мы сохранили пунктуацию текстов мультимедийного блога священника.

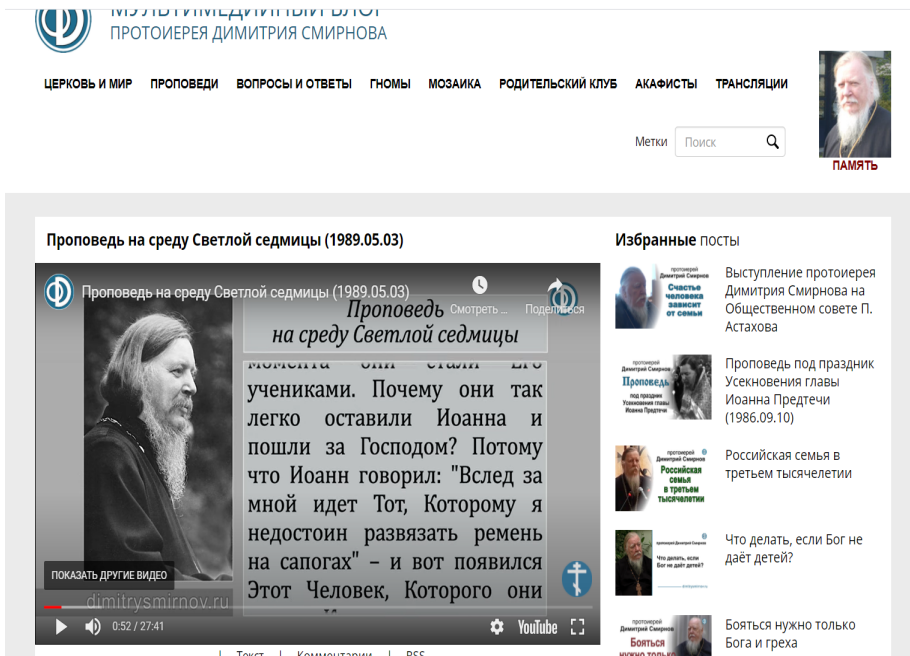

Рис. 1. Скриншот страницы мультимедийного блога Димитрия Смирнова /

Fig. 1. Screenshot of Dimitri Smirnov's multimedia blog page

Выбранная Пасхальная проповедь имеет особую тематическую доминанту, соответствующую религиозному празднику и вербализирующуюся посредством библеизма *Царствие (Царство) Небесное*, и семантизацию (авторское понимание значения) — *Царство Христа, дом Божий*. Обратимся к сайту *Азбука веры*, чтобы уточнить, что понимается под Царствием Небесным в православном христианстве:

«Царство Божие 1) — Царство Небесное, область обитания светлых ангелов и почивших о Господе святых (людей); 2) Церковь Христова; 3) действие благодати Святого Духа в уверовавшем в Иисуса Христа человеке; 4) (иногда) весь мир, как находящийся под властью Надмирного Царя, Бога» [15].

«Царствие (Царство) Небесное — кому. Устар. Высок. Выражение, употребляемое при пожелании покойному загробной жизни в раю» [15. С. 357].

«Библейский словарь» на сайте *Азбука веры* приводит подробное разъяснение понятия Царство небесное: «Это выражение встречается только у ев. Матфея и косвенно — в пророчестве Даниила о том не людьми, но «Богом небесным» созданном царстве, которое разрушит все земные и будет существовать вечно (Дан. 2, 34 и 44). Следовательно, «небесное царство» значит то же, что «Царство Божие», только это выражение обращает наше внимание в особенности на то, что центр царства в небе (где Божий престол), и что оно приходит с неба (Ис. 64, 1. Мф. 4, 17. Иоан. 18, 36)» [17].

Тематика медиапроповеди определена событийно: празднованием Пасхи Христовой, лейтмотивом которой является дарование Царствия Небесного людям через Воскресение Христово, чем можно объяснить повторение библеизма *Царствие Небесное* 30 раз, так как разъяснение празднуемого события требует от говорящего многократного повторения лексем и библеизмов, связанных с темой проповеднического обращения. Например, в следующем контексте медиапроповеди этот библеизм употреблен 6 раз с целью разъяснения и толкования смысла христианской жизни: «<...> *Потому что совсем не всем нужно Царство Небесное. <...> могу утверждать, положив руку на сердце, что многие ходят в храм не ради Царствия Небесного. Даже не задумываются о нем, не хотят познать Истину, приблизиться к Богу, стать учениками Спасителя*» или в этом: «Он однажды сказал: „Ищите прежде всего Царствия Небесного, а остальное все приложится вам“. И каждый раз мы должны задавать себе этот вопрос: а ищем ли мы Царствия Небесного, желаем ли мы войти в дом Божий? <...> А жизнь Царствия Небесного мне несвойственна, потому что я грешный. Поэтому мне надо очень многое в себе преодолеть. Если мы хотим Царствия Небесного, нам надо преодолеть инерцию нашей плоти, превозмочь свою душевность, переделать свою жизнь на духовный лад».

Как жанр проповедь отличают следующие языковые особенности: традиционное обращение к аудитории в начале проповеди и традиционное ее завершение, частотное употребление именовании Господа Иисуса Христа, упоминание библейских прецедентных имен и топонимов, имплицитная и эксплицитная цитация текстов Священного Писания и пр.

В рассматриваемой медиапроповеди обнаруживаются все перечисленные особенности. Начало проповеди «*Христос воскрес!*» на церковнославянском языке традиционно для праздника Воскресения Христова, как и ее завершение «*Аминь!*». Данная проповедь, произносимая на ночной литургии, довольно длинная, что свидетельствует в первую очередь о том, что обращена она к пастве, то есть прихожанам, посещающим храм регулярно. Большое число именовании Иисуса Христа и Бога-Отца объясняется праздничной тематикой проповеди и преследует лингвопрагматические цели: донести до аудитории главный смысл Пасхи Христовой — Воскресение Сына Божия, свидетельствующее о том, что приблизилось Царствие Небесное. Для донесения главного смысла проповеди священник использует не только лексемы *Господь* 23 раза, *Бог* — 18, *Христос* — 9, *Иисус* — 3, *Святой Дух* — 1, но и другие именовании Христа, которые являются перифразами и библейскими метафорами, представленными единичным употреблением: *Спаситель*; *Истина*; *Агнец Божий*; *Сын Божий*; *Учитель*, *Хлеб*, *сшедый/сходящий с Небес*; *Этот Человек*; *Любовь*, *Красота*.

Вторая черта, характерная для православного дискурса, — высокая частотность прецедентных библейских имен: в этой проповеди священник

упоминает несколько раз апостолов *Петра, Филиппа, Нафанаила, Андрея, Иоанна* и *Иакова*, именуя двух последних *сынами Громовыми*, как назвал их Иисус Христос; также встречаются следующие прецедентные имена: *апостол Павел, Иуда Искариот*, оба именованя последнего ветхозаветного пророка *Иоанн Креститель/Иоанн Предтеча*, ветхозаветный патриарх *Авраам*. Мы разделяем мнение Е.А. Нахимовой, что «прецедентные имена — это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [18. С. 4].

Тематика проповеди диктует священнику использовать и библейские топонимы для авторитетности и исторической правдивости излагаемого повествования, это *Галилея, Иудея, Самария* и *Назарет*. С той же целью упоминаются *Церковь* (9 раз), *Евангелие* (6 раз), *Псалтирь* и *Священное Писание* (1 раз). Помимо всего перечисленного стоит отметить употребление относительного прилагательного *Христов* в словосочетаниях, восходящих к текстам Евангелия: *ученики Христовы* (5 раз), *заповеди Христовы* и *Святые Христовы Тайны*. Такое употребление свидетельствует о том, что, помимо функций, свойственных в целом медиадискурсу, православный медиадискурс обладает особой функцией — миссионерской, «ее специфике уделяется особое внимание, что напрямую связано с духовно-нравственным состоянием современного общества. Эта важная функция наиболее успешно реализуется в православной медиапроповеди благодаря возможностям канала распространения (интернет, телевидение, радио), которые выводят ее на другой уровень религиозной коммуникации» [11. С. 130].

Для медиадискурса священника характерно смешение стилистических регистров, что проявляется на лексическом уровне языка. Так, нами обнаружены глаголы *сподобиться* (устар.) [19. Т. 4. С. 227], *сострадать* (книжн.) [19. Т. 4. С. 210], *вожделеть* (книжн.) [19. Т. 1. С. 196], *страждать* (устар., книжн.) = *страдать* [19. Т. 4. С. 280], *алкать* (устар., высок.) [19. Т. 1. С. 32], *дерзать* (высок., книжн.) *делать что-л.* [19. Т. 1. С. 390], имена существительные *матершинник* — *материцина* (разг., сниж.) [19. Т. 2. С. 237], *рознь* (разг.) [19. Т. 3. С. 727], *немоць* (разг.) [19. Т. 2. С. 455], *благодать* (высок. и разг.) [19. Т. 1. С. 93], *бренность* (книжн.) [19. Т. 1. С. 115], *погибель* (разг., разг.-сниж., нар.-разг.) [19. Т. 4. С. 280], *алчба* (устар.) [19. Т. 1. С. 33], а также восходящие к богослужебным текстам словосочетания *грядущий Иисус, благой дар, Небо отверсто, пребывать вовек*.

Смешение стилистических регистров является чертой языка современных массмедиа и влияет на лингвопрагматику медиадискурса. Особенно наглядно и ярко в анализируемой медиапроповеди она проявляется в употреблении авторского неологизма просторечного характера *укомфортить*: «*Господь весь мир хочет сделать Своими учениками, но для людей гораз-*

до важней, какая сегодня программа по телевидению, сколько они будут получать денег на работе. <...> Люди стремятся везде острые углы ваткой обложить, все **укомфортить** и вот так жить здесь, на земле, долго». Глагол-неологизм образован по узуальной модели аффиксальным способом от имени существительного *комфорт*, который, символизируя в современном мире цель человеческого существования, придает особую экспрессию медиаконтенту.

Отличительной чертой современного медиадискурса является реализация словообразовательных возможностей языка. Так, проповедник активно употребляет суффиксы субъективной оценки, как правило, для придания контексту иронического, а иногда и саркастического оттенка: «<...> любая бабушка или прабабушка жаждет, чтобы внук или правнук обязательно был крещен <...> Чтобы Господь **ребеночка** защищал <...> А до души **ребеночка** дела никакого нет»; «Поэтому очень многие родители, бабушки, дедушки впадают в панику, если ребенок сломал себе **ножку** <...>»; «Как бывает: есть **цветочки** у огурцов, а завязи нет; **цветочек** отцвел и завял»; «Картофель — **цветочек невзраченький**, а стал основной пищей для огромного, многомиллионного народа»; «И нам совершенно неважно, **розовенькие** у него **цветочки** или **синенькие**»; «Вот так и жизнь наша. Да, мы и **причесочку** хорошую сделаем, и **денежек** накопим, и кое-чего сможем купить, и нас будут уважать, и орденов нам дадут».

В проповеди употребляются фразеологические ресурсы языка, относящиеся к разным стилистическим регистрам, что, как было отмечено выше, свойственно современному медиадискурсу.

Вначале остановимся на цитации священных текстов, которая представлена как эксплицитно, так и имплицитно:

«Стоял Иоанн Предтеча с двумя учениками и, увидев грядущего Иисуса, сказал им: „**Вот Агнец Божий**“ — и они сразу пошли за Иисусом. Он обернулся и спросил: „**Что вы ищете?**“ Они ответили: „**А где Ты живешь?**“ Господь говорит: „**Пойдите посмотрите**“».

Ср.: «И, увидев идущего Иисуса, сказал: **вот Агнец Божий**» [20. 1:36];

«Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, — что значит: „учитель“, — где живешь?» [20. 1:38]. «Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живёт; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа» [20. 1:39].

«Иоанн говорил: „**Вслед за мной идет Тот, Которому я недостойн развязать ремень на сапогах**“»:

Ср.: «Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви Его» [20. 1:27].

«Потом Филипп позвал Нафанаила. Тот засомневался: **как может пророк появиться из Назарета? Из Галилеи пророк не приходит**. Филипп гово-

рит: „**Пойди и посмотри, убедись собственными глазами**“. И когда он подходил, Господь сказал: „**Вот истинный израильтянин, в котором нет лукавства**“. Нафанаил спросил: „**Откуда Ты меня знаешь?**“ Иисус ответил: „**Прежде, чем тебя позвал Филипп, Я тебя видел под смоковницей**“».

Ср.: «Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойд и посмотри» [20. 1:46].

«Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нём: **вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства**» [20. 1:47].

«Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: **прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя**» [20. 1:48].

«Господь, обратившись к апостолам, обвел их взглядом и спросил: „**Не хотите ли и вы уйти?**“ — Петр, как всегда, за всех выражая общее мнение, сказал: „**А куда нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни**“»:

Ср.: «Тогда Иисус сказал двенадцати: **не хотите ли и вы отойти?**» [20. 6:67];

«Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» [20. 6:68].

«Господь сказал им: „**Вы будете пить чашу, ту, которую Я пью, и вы будете судить двенадцать колен Израилевых, и вы будете на лоне Авраама, вы войдете в Царствие Небесное**“»

Ср.: «**да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых**» [20. 22:30].

«Господь и говорит: „**Если ты не возненавидишь отца, мать, жену, детей, ты не можешь быть Моим учеником**“»:

Ср.: «если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» [20. 14:26].

«Он однажды сказал: „**Ищите прежде всего Царствия Небесного, а остальное все приложится вам**“»:

Ср.: «**Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**» [20. 06:33].

«**Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо только они насытятся**»:

Ср.: «**Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся**» [20. 05:06].

«Петр сказал: „**Господи, и на смерть за Тобой пойду**“. Господь говорит: „**Петух пропоет, и трижды отречешься от Меня сегодня же ночью**“»:

Ср.: «**Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики**» [20. 26:35];

«Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» [20. 26:34].

«*„Со дней Иоанна Крестителя Царствие Божие нудится, — сказал Христос, — и только употребляющие усилие восхищают его“*»:

Ср.: «*От дней же Иоанна Крестителя доньне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его, ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна*» [20. 11:12].

«*А вот лицемерам фарисеям Он (Иоанн Креститель — А.М.) говорил: „Горе вам!“ И называл их „порождения ехидновы“*»:

Ср.: «*Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры*» [20. 23:13]; «*Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины!*» [20. 03:07].

«*Поэтому Господь говорит: знайте, мир вас возненавидит, но прежде возненавидел Меня. Господь говорит: радуйтесь и веселитесь, потому что, когда вы почувствуете ненависть от мира, тогда, значит, вы приблизились ко Христу*»:

Ср.: «*Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел*» [20. 15:18]; «*Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас*» [20. 05:12].

«*Как апостол Павел говорил: „Я распялся миру“*»:

Ср.: «*А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира*» [21. 06:14].

«*Поэтому Господь так и сказал: „Блудники и прелюбодейцы, мытари предваряют вас в Царствии Небесном“*»:

Ср.: «*Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие*» [20. 21:28].

«*<...> будем как прочие человецы*»:

Ср.: «*Яко несмы, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодеи*» [20. 18:11].

Священник прибегает к замене церковнославянизмов на лексемы русско-го языка, не изменяя смысла цитаты, и наоборот:

Ср.: *уйти — отойти; предваряют вас в Царствии Небесном — вперед вас идут в Царство Божие*.

Такая «игра» на лексическом уровне или трансформационные приемы цитат из Священного Писания характерны для православного религиозного дискурса и, как показывает анализ данной медиапроповеди, они присутствуют и в его медийном варианте.

В тексте медиапроповеди нами обнаружены как книжные, так и разговорно-просторечные фразеологизмы:

Бог знает (разг.) [16. Т. 1. С. 33];

положа руку на сердце (разг. экспрес.) [16. Т. 2. С. 119];

Ср.: «*Большинство людей — не могу сказать сколько, это только Бог знает, — но могу утверждать, положя руку на сердце, что многие ходят в храм не ради Царствия Небесного*»;

дела никакого нет (разг.) [16. Т. 2. С. 28]:

Ср.: «А до души ребеночка **дела никакого нет**»;

на путь истинный направит (книжн. устар.) [16. Т. 2. С. 16]:

Ср.: «Человек совершит что-то может только по благодати Божией.

Будет с тобой благодать — сможешь и мертвого воскресить, и живого на путь истинный направит, и ближнему помочь. Не будет с тобой благодати — ничего не сможешь»;

я свою жизнь приношу Богу в жертву / жизнь принесена в жертву (книж.) [16. Т. 2. С. 148];

в знак чего-л. [16. Т. 1. С. 265]:

Ср.: «Когда меня крестили, священник крестообразно постригал мне голову **в знак того, что я раб Божий, в знак того, что я свою жизнь приношу Богу в жертву. А есть ли это? Нет. Моя жизнь принесена в жертву** моим собственным помыслам, моим представлениям; моя жизнь **приносится в жертву** моей семье; я служу своему собственному телу, своему комфорту и своим удовольствиям, а Бог для меня постольку поскольку»;

день и ночь (разг. экспрес.) [16. Т. 1. С. 194]:

Ср.: «Нам надо **день и ночь** просить у Бога, чтобы Он открыл нам наши грехи, дал духовное зрение»;

На все лады [16. Т. 1. С. 342]:

Ср.: *Если мы хотим Царствия Небесного, нам надо преодолеть инерцию нашей плоти, превозмочь свою душевность, переделать свою жизнь на **духовный лад***;

палец (пальцем) о палец не ударить (разг. экспрес.) [16. Т. 2. С. 321]:

*«А если ты **палец о палец не ударяешь** ради спасения своей души, ради того, чтобы заставить свое окаянное сердце исполнять заповеди Христовы, тогда в твоей жизни нет никакого смысла, это пустоцвет*».

Паремиологический фонд русского национального языка представлен трансформом пословицы *Назвался груздем, полезай в кузов* [22. С. 227], преобразованной приемом экспликации за счет введения союза условия *если* — *Если назвался груздем, полезай в кузов*.

Перейдем к анализу стилистических приемов, которыми насыщено Пасхальное обращение. Благодаря употреблению большого количества однородных членов предложения, представляющих собой лексические градации и содержащих семантизацию или авторское объяснение, достигается усиление и обновление экспрессии медиаконтента:

*«Вот мы празднуем Пасху — переход в другой мир. Всю Светлую седмицу не закрываются Царские врата в знак того, что для каждого человека **Небо отверсто, открыто**. В знак того, что каждый человек, который **последует за Христом, захочет увидеть, где же Бог живет, что такое Бог, как Его, Бога, понять, как Его ощутить, как с Ним вообще договориться, вступить в связь***»;

«И мы можем приобщиться Ему, мы можем соединиться с Ним»; «Наследовать Царство Небесное может только тот человек, который его алчет и жаждет. <...> Поэтому если нет у нас этой алчбы и жажды, мы ничего не достигнем, даже если будем ходить в храм, исповедоваться так понуро, причащаться во что бы то ни стало»;

«Человек совершить что-то может только по благодати Божией. Будет с тобой благодать — сможешь и мертвого воскресить, и живого на путь истинный направить, и ближнему помочь»;

«Если надел на шею крест, то ты, значит, заявил о своем желании быть христианином, исполнять заповеди Божии»;

«Если человек не понимает, в чем он грешен, значит, он ослеплен собственной гордыней, пребывает в погибели»;

«Когда меня крестили, священник крестообразно постригал мне голову в знак того, что я раб Божий, в знак того, что я свою жизнь приношу Богу в жертву»;

«А почему она так жаждет крестить? Чтобы Господь ребеночка защищал, чтобы у него был ангел-хранитель, чтобы он поменьше болел, чтобы он был получше, попослушней, чтобы с ним было полегче. А до души ребеночка дела никакого нет».

Отметим, что примеры из медиапроповеди показывают доминирование синонимии с использованием глаголов: *алчет и жаждет; быть христианином, исполнять заповеди Божии; будем ходить в храм, исповедоваться так понуро, причащаться во что бы то ни стало; и мертвого воскресить, и живого на путь истинный направить, и ближнему помочь* и т.д.

В медиапроповеди есть также много примеров употребления антитезы, построенной на противопоставлении и обладающей прагматическим характером. По мнению Л.А. Новикова, употребление «противопоставляемых слов свидетельствует о том, что в ряде случаев такие слова становятся противоположными в силу <...> прагматических свойств языковых единиц. В большинстве своем это употребительные противопоставления образного характера. Это противоположность особого рода — прагматическая» [23. С. 154].

В первом примере автор использует антонимические отношения *большие или маленькие* наравне с противопоставлением *розовенькие или синенькие*:

«Картофель — цветочек невзраченький <...> И нам совершенно неважно, розовенькие у него цветочки или синенькие, большие или маленькие».

Следующий отрывок содержит антитезу на базе однокоренных антонимов *мыта или немыта* и *причесан или непричесан*, также антитезу, где на семантику накладывается прагматика *стенка или шкаф* и *золотые коронки или половины зубов нет*:

*«Потому что, когда все болит, уже ни до чего: **мыта посуда или немывта, стенка в доме стоит или шкаф за 35 рублей** — это уже совершенно неважно. Что на себя одеть, как выгляжу, **причесан или непричесан, золотые у меня коронки или половины зубов нет** — это уже не так волнует человека».*

В последнем примере противоположность присутствует опосредованно, она актуализируется через образное противопоставление, благодаря использованию проповедником особых коннотативных свойств данных лексем, что способствует реализации прагматики высказывания.

В рассматриваемом медиаконтенте встречается немало и образных сравнений, связанных с тематикой проповеднического обращения. Первый отрывок содержит лексему, относящуюся к религиозной жизни ветхозаветного Израиля *фарисеи* и прецедентное библейское имя собственное *Иуда Искариот*, ставшее со временем универсальным символом предательства. Данное употребление предполагает наличие фоновых знаний у аудитории:

*«Конечно, они были чище, чем остальные: не были **такими лицемерами, как фарисеи, которые молились напоказ; не были так сребролюбивы, как позже Иуда Искариот; не были так переменчивы, как толпа, которая следовала за Господом**».*

В нижеследующем примере обнаруживается имплицитное цитирование Евангелия на церковнославянском языке, а именно «Притча о фарисее и мытаре»:

*«Если мы это усвоим, то сможем быть учениками Христовыми; если не усвоим — будем **как прочие человецы, и притом окажемся не только отвергнутыми от Царствия Божия, но попадем в гораздо худшее место, чем безбожники**».*

Ср.: «*Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди...*» [20. 18: 9–14].

В данных контекстах священник посредством узуальных сравнений прибегает к поучению, реализуя таким образом прагматические цели высказывания:

*«<...> внешнее благочестие без внутреннего содержания **гораздо хуже всякого убийства, гораздо хуже всякого пьянства**»;*

*«что все ученики <...> в своей земной жизни, когда окружали Христа Спасителя, очень много согрешили и, как и мы, были **весьма бестолковы и многого не понимали**»;*

«Как муж с женой соединяются в любви, так и Церковь соединяется со Христом».

Медиапроповедь священника построена на вопросно-ответной форме, использование которой продиктовано коммуникативной стратегией говорящего:

«Господь им обещал, и они этого сподобились. Почему они? Что, они были не как другие люди? Нет, те же кости, те же мышцы, тот же мозг, килограмм шестьсот грамм, ничего особенного в них не было»;

«Почему мы не усваиваем ту благодать, которую Церковь нам дает? Потому что мы ей пренебрегаем; мы сами изгоняем из своего сердца Христа и Его благодать своей приверженностью к миру, любовью к нему»;

«<...> любая бабушка или прабабушка жаждет, чтобы внук или правнук обязательно был крещен. Спрашивается, почему. Что, она хочет для него Небесного Царствия? Нет, она сама не знает, что это такое, и никогда к нему не стремилась. А почему она так жаждет крестить? Чтобы Господь ребеночка защищал, чтобы у него был ангел-хранитель, чтобы он поменьше болел, чтобы он был получше, попослушней, чтобы с ним было полегче»;

«Приходит человек семидесяти восьми лет и говорит: „Я болею“. А как же не болеть? Ты приближаешься к восьмидесяти, а после восьмидесяти сплошные болезни и дальше — смерть»;

«И каждый раз мы должны задавать себе этот вопрос: а ищем ли мы Царствия Небесного, желаем ли мы войти в дом Божий? Для чего я хожу в храм, что я ищу? Почему мне не хочется читать Евангелие каждый день? Вот телевизор я с легкостью смотрю, а Евангелие читаю с трудом. Почему? Потому что телевизор — это родное, плотское, душевное, греховное, похабное; это мне свойственно»;

«И многие просто ужаснутся, когда смерть наступит и Господь не впустит их в Царствие Небесное: „Ну как же так? Всю жизнь в церковь ходила <...> И Евангелие у меня есть, даже не одно, и Библия есть, и молитвослов, и Псалтирь; чего только у меня нет, и все это я читала“. И что? И ничего».

«Если надел на шею крест, то ты, значит, заявил о своем желании быть христианином, исполнять заповеди Божии. А иначе какой смысл? В церковь ходишь, духовные книги читаешь, крест на себе носишь, а жизнь твоя противоречит всем заповедям Божиим до одной. Тогда кто ты? Лицемер. И это страшная вещь»;

«Пусть каждый из нас, придя сегодня домой, подумает: чему посвящена моя жизнь? Когда меня крестили, священник крестообразно постригал мне голову в знак того, что я раб Божий, в знак того, что я свою жизнь приношу Богу в жертву. А есть ли это? Нет».

Комплексный анализ нижеследующего примера, построенного также на базе вопросно-ответной формы, показал наличие аллюзии на библейскую историю исхода евреев из Египта и их сорокалетнее хождение по пустыне: «„Голубчик, где ж ты ходил 40 лет?“ — „Да все было некогда“», а употребление лексем-маркеров разговорной речи голубчик и некогда привело к возникновению стилистического диссонанса.

Вопросно-ответная форма медиапроповеди содержит пять вопросов, начинающихся с вопросительного наречия *почему*, а из восьми контекстов часть вопросов представляют собой стилистический прием — риторический вопрос, который служит для выражения авторской позиции или способствует обострению полемики. Такие вопросы преобразуют монологическую форму проповеди в сокровенный диалог, при помощи которого активизируется внимание слушающих. Таким образом люди приглашаются к участию в разговоре, к сопереживанию и размышлению над тем или иным евангельским смыслом.

В проповедническом медиатексте нами обнаружены два микровывода, что свидетельствует о четко выстроенной речевой стратегии, преследующей лингвопрагматические цели: *«Вот в этом, собственно, и заключается смысл духовной жизни и смысл нашего празднования Пасхи»* и *«Следовательно, с нас спрос совершенно другой»*, сама же медиапроповедь заканчивается общим выводом, подводящим итог всему сказанному: *«Так и в духовной жизни: важно не то, как мы выйдем, сколько мы получаем, где живем, — все это внешнее неважно. Главное — что там сокрыто внутри, есть ли там жажда Царствия Небесного. Если этого нет, то все пусто, все бессмысленно, все увянет. Вот об этом нам Церковь и говорит каждый день, об этом, собственно, и сегодняшнее Евангелие»*.

Заключение

Анализ православной медиапроповеди показал, что данный медийный контент имеет все особенности проповеднического медийного жанра: традиционные приветствие и завершение; большое количество наименований Господа Иисуса Христа, упоминание библейских и евангельских имен собственных и исторических топонимов; цитация Священного Писания. Однако, представляя собой авторский проповеднический текст, рассмотренная медиапроповедь обладает определенными отличительными чертами, свойственными речетворчеству конкретного священника, который является ее автором: частое употребление суффиксов субъективной оценки, использование однородных членов предложения в лексических градациях и сравнительных оборотах, вопросно-ответная форма построения проповеди с преобладанием риторических вопросов. Креативность автора, как и его речевая стратегия, проявляются в использовании трансформированных устойчивых оборотов (фразеологизмы и поговорки), образных сравнений, в введении в речь неологизмов разговорно-просторечной окраски. Таким образом автор умело и целенаправленно акцентирует внимание аудитории на важных христианских смыслах, что

свидетельствует о лингвопрагматической направленности православной медиапроповеди и реализует одну из главных функций православного медиадискурса — миссионерскую.

Библиографический список

1. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: дис. ... д-ра филолог. наук. Омск, 1999. Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-russkoj-rechi> (дата обращения 20.07.2022).
2. *Генералова Е.В.* Медиаатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии // *Медиалингвистика*. 2021. № 8 (2). С. 180–192.
3. *Макарова А.С.* Семантика и прагматика языковых единиц православной медиапроповеди // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7–9 апр. 2022 г.: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Л.А. Нефедова*. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. С. 236–239.
4. *Макарова А.С.* Роль визуального компонента в православном медиадискурсе // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2021. № 7 (73(1)). С. 108–117.
5. *Алефиренко Н.Ф.* Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // *Медиалингвистика*. 2016. № 1 (11). С. 49–57.
6. *Добросклонская Т.Г.* Массмедийный дискурс как объект научного описания // *Научные ведомости*. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Выпуск 22. С. 181–187.
7. *Gajda S.* Nowe media w perspektywie lingwistycznej // *Styl — dyskurs — media / red. В. Bogolebska, M. Worsowicz*. Łódź, 2010.
8. *Van Dijk T.A.* Political discourse and ideology // *Ethnolinguistics*. 2013. Iss. 15.
9. *Ицкович Т.В.* Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Тезисы докладов Второго международного научного семинара / под ред. Ю.Н. Михайловой. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2017. С. 19–21.
10. *Малафеев А.Ю.* Современная православная проповедь и общественная лекция: лексика и прагматика // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2013. № 5 (26). С. 37–42.
11. *Петрушко И.В.* Интегративная модель коммуникативного события православной проповеди: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Тверь, 2018.
12. *Прохватилова О.А.* Аксиологический потенциал современной православной миссионерской проповеди // *Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции (УрФУ, 15–17 октября 2019)*. Екатеринбург: Ажур, 2019. С. 47–48.
13. Мультимедийный блог протоиерея Димитрия Смирнова. Режим доступа: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/proproved-105611/> (дата обращения 10.04.2022).
14. *Макарова А.С.* Особенности иронического контента в православном медиадискурсе // *Известия Смоленского государственного университета (СмолГУ)*. 2020. № 4 (52). С. 71–86. <https://www.10.35785/2072-9464-2020-52-4-86-101>
15. *Азбука веры*. Режим доступа: <https://azbyka.ru/carstvo-bozhie-nebesnoe> (дата обращения: 16.06.2022).
16. *Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров*. М.: Цитадель, 1997.
17. *Библейский словарь*. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskij-slovar-gesc/662> (дата обращения: 26.08.2022).
18. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург, 2007.
19. *Словарь русского языка: в 4 т. : под ред. А.П. Евгеньевой*. М., 1981–1984.

20. Евангелие от Иоанна, Луки, Матфея. Режим доступа: <http://bible.optina.ru/> (дата обращения: 23.04.2022).
21. Толкования Священного Писания. Режим доступа: <http://bible.optina.ru/new:gal:06:14> (дата обращения 30.04.2022).
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
23. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: МГУ, 1973.

References

1. Issers, O.S. (1999). *Communication strategies and tactics of Russian speech* [dissertation]. Omsk. 1999. URL: <https://cheloveknauka.com/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-russkoy-rechi> (accessed: 20.07.2022). (In Russ.).
2. Generalova, E.V. (2021). Media text as a reflection of dynamic chronological changes in vocabulary and phraseology. *Media Linguistics*, 8(2), 180–192. (In Russ.).
3. Makarova, A.S. (2022). Semantics and pragmatics of linguistic units of orthodox media HOSPITAL. In: *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah*, L.A. Nefedova (Ed.). Chelyabinsk. pp. 236–239. (In Russ.).
4. Makarova, A.S. (2021). Role of the visual component in orthodox media discourse. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 7(73), 1, 108–117. (In Russ.).
5. Alefirenko, N.F. (2016). Media discourse and its communicative-pragmatic entity. *Media Linguistics*, 1(11), 49–57. (In Russ.).
6. Dobrosklonskaya, T.G. (2014). Mass media discourse as an object of scientific description. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities Sciences*, 13(184), 22, 181–187. (In Russ.).
7. Gajda, S. (2010). Nowe media w perspektywie lingwistycznej. In: *Styl — dyskurs — media*, B. Bogolebska, M. Worsowicz (eds.). Łódź. (In Polish).
8. Van Dijk T.A. (2013). Political discourse and ideology. *Ethnolinguistics*, 15.
9. Ickovich, T.V. (2017). Axiological aspects of modern linguistic research. In: *Tezisy докладov Vtorogo mezhdunarodnogo nauchnogo seminara*, Yu.N. Mihajlova (Ed.). Ekaterinburg: Azhur publ. pp. 19–21. (In Russ.).
10. Malafeev, A. Yu. (2013). A modern Orthodox sermon and a public lecture: lexis and pragmatics. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 5(26), 37–42. (In Russ.).
11. Petrushko, I.V. (2018). *An Integrative Model of the Communicative Event of the Orthodox Sermon* [dissertation]. Tver'. (In Russ.).
12. Prohvatilova, O.A. (2019). Axiological potential of modern Orthodox missionary preaching. In: *Aksiologicheskie aspekty sovremennyh filologicheskikh issledovanij: tezisy докладov*. Ekaterinburg: Azhur publ. pp. 47–48. (In Russ.).
13. Multimedia blog of Dimitri Smirnov. URL: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/propoved-105611/> (accessed: 10.04.2022). (In Russ.).
14. Makarova, A.S. (2020). Features of Ironic Content in the Orthodox Media Discourse. *Izvestia of Smolensk State University*, 4(52), 71–86. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-52-4-86-101> (In Russ.).
15. Azbuka very = ABC of Faith. URL: <https://azbyka.ru/carstvo-bozhie-nebesnoe> (accessed: 16.06.2022). (In Russ.).
16. Bible dictionary. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskij-slovar-gese/662> (accessed: 26.08.2022). (In Russ.).
17. Phraseological dictionary of the Russian literary language (1997). A.I. Fyodorov (Ed.). Moscow: Citadel'. (In Russ.).

18. Nahimova, E.A. (2007). *Precedent Names in Mass Communication* [monograph.]. Ekaterinburg. (In Russ.).
19. Russian Dictionary: in 4 vols. (1981–1984). A.P. Evgen'eva (Ed.). Moscow. (In Russ.).
20. Gospel of John, Luke, Matthew. URL: <http://bible.optina.ru/> (accessed 23.04.2022). (In Russ.).
21. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *Big dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media. (In Russ.).
22. Novikov, L.A. (1973). *Antonymy in Russian (semantic analysis of opposites in lexis)*. Moscow. (In Russ.).

Информация об авторе:

Макарова Александра Стефановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков богословского факультета ПСТГУ и кафедры иностранных языков №3 Высшей школы экономики и бизнеса РЭУ им. Г.В. Плеханова, *сфера научных интересов*: медиалингвистика, фразеология, сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail*: aleste_63@mail.ru

Information about the author:

Alexandra S. Makarova, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Orthodox Faculty, PSTGU and of the Department of Foreign Languages of Higher School of Economics and Business. Plekhanov Russian University of Economics; *Research interests*: media linguistics, phraseology, comparative linguistics; *e-mail*: aleste_63@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082

УДК [811.161.1:811.111:811.581]’373.612.2:070:004.738.5

Научная статья / Research article

Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах информационного и воздействующего характера

О.И. Калинин^{1,2} , А.В. Игнатенко³

¹Военный университет министерства обороны РФ,
123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3, стр. 1

²Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ),
119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

³Российский университет дружбы народов,
112184, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 ignatenko-av@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема взаимосвязи метафоричности в информационных медиатекстах и ее речевого воздействия на реципиента на примере российских, английских и китайских источников. В качестве исходной гипотезы авторы используют предположение, базирующееся на том, что медиатексты, отличающиеся прагматическими характеристиками, содержат различный индекс метафоричности. Для проверки гипотезы была разработана методика вычисления индексов метафоричности: плотности, интенсивности, функций и взаимосвязи метафор с внешней и внутренней структурой текста. Значения данных индексов были последовательно подсчитаны для новостных сообщений на трех языках, условно разделенных на две группы: информационные и оценочные. Анализ показал, что по значениям всех индексов метафоричность текстов, обладающих воздействующим потенциалом, выше, чем текстов, выполняющих преимущественно информационную функцию. В «оценочных» текстах в среднем в полтора раза больше метафор, они значительно интенсивнее, в них использовано больше структурных метафор. В подобных текстах чаще метафоры встречаются не в основной части текста, а в водной части и в заключении, а относительно структуры текста — в них метафоры чаще концентрируются вокруг ремы. Результаты подтверждают исходную гипотезу: метафоричность действительно связана с потенциальным воздействием, а метафоры используются авторами медиатекстов для формирования оценки относительно предмета речевого высказывания. Предложенная методика вычисления индексов метафоричности может использоваться как действенный инструмент вычисления этого речевого воздействия.

Ключевые слова: метафоричность, медиатекст, интенсивность метафор, индексы метафоричности, речевое воздействие

© Калинин О.И., Игнатенко А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Калинин О.И., Игнатенко А.В. Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах информационного и воздействующего характера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1062–1082. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082>

Comparative Analysis of the Use of Metaphors in Russian, English and Chinese Media Texts of Informational and Influencing Nature

Oleg I. Kalinin^{1,2} , Alexander V. Ignatenko³

¹Military University,
3, p. 1, Volochaevskaya Str., Moscow, Russian Federation, 123001

²Moscow State Linguistics University,
38, Ostozhenka Str., Moscow, Russian Federation, 119034

³Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198
 ignatenko-av@rudn.ru

Abstract. The authors analyze the issue of the relationship between metaphoricity in informational media texts and its speech impact on the recipient on the example of Russian, English and Chinese sources. As an initial hypothesis, the authors use the assumption based on the fact that media texts which differ in pragmatic characteristics contain a different index of metaphoricity. To test the hypothesis, a method was developed for calculating the indices of metaphoricity: density, intensity, functions, and the relationship of metaphors with the external and internal structure of the text. The values of these indices were consistently calculated for news reports in three languages, conditionally divided into two groups: informational and evaluative. The analysis showed that, according to the values of all indices, the metaphoricity of texts with an influencing potential is higher than that of texts that perform mainly an informational function. The “evaluation” texts have on average one and a half times more metaphors, they are much more intense, and they use more structural metaphors. In such texts, metaphors are more often found not in the main part of the text, but in the water part and in the conclusion, but in relation to the structure of the text — in them, metaphors are more often concentrated around the rhema. The results confirm the initial hypothesis: metaphoricity is indeed associated with potential impact, and metaphors are used by the authors of media texts to form an assessment of the subject of speech utterance. The proposed method for calculating the metaphoricity indices can be used as an effective tool for calculating this speech impact.

Keywords: metaphoricity, media text, intensity of metaphors, metaphoricity indices, speech impact

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Kalinin, O.I. & Ignatenko, A.V. (2022). Comparative Analysis of the Use of Metaphors in Russian, English and Chinese Media Texts of Informational and Influencing Nature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1062–1082. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082>

Введение

Метафора, будучи изученной с точки зрения семантического, прагматического и когнитивного подходов, в современном языкознании понимается как один из способов структурировать, преобразовывать и создавать новые знания, а также вызывать эмоции и оценки. Наряду с другими средствами языка, используемыми для реализации персуазивной функции, метафору изучают как средство эмоционального и концептуального воздействия [1–6].

В работе П. Сопори, посвященной метаанализу взаимосвязи речевого воздействия и метафоричности, указывается шесть возможных факторов, влияющих на персуазивность метафоры: облегчение от снятия семантического напряжения, повышение доверия к собеседнику, повышение уровня согласия с содержанием речевого сообщения, мобилизации «когнитивных ресурсов» реципиента сообщения, стимулирования когнитивной обработки метафорического переноса, улучшения структуры речевого сообщения [7].

Существуют исследования, проводимые с использованием методов нейролингвистики, которые подтверждают, что за порождение и восприятие, то есть за когнитивную обработку «образного и буквального языка» отвечают разные структуры головного мозга [8]. Так, отличия в нейрофизиологической обработке конвенциональных и новых метафор были продемонстрированы в исследовании К. Аринс [9].

Мы полагаем, что последовательное использование метафор в тексте и дискурсе имеет прямую взаимосвязь с силой речевого воздействия. Однако проблема речевого воздействия метафоры по-прежнему остается малоизученной. В одном из предыдущих исследований нами совместно с Ю. Сунь было предложено использовать количественный метода выявления анализа речевого воздействия метафор, который был апробирован на материале публичных выступлений политиков России, Америки и Китая [10]. Также отдельно разрабатывалась проблема того, как количество метафор может влиять на принятие решений [11; 12]. Были представлены результаты эксперимента с принятием решений, а именно выбором из предложенных вариантов на основании предложенных текстов, отличных по плотности метафор. Исследование показало, что большая плотность метафоры при соблюдении условия «воспринимаемой уместности» способствует выбору респондентами варианта, описанного метафорически [13. С. 40].

Кроме того, в работах разных исследователей детально рассматривалась проблема коммуникативного воздействия метафоры. Основной вопрос этих

исследований состоял в том, каким именно образом содержание метафорического переноса на персуазивность данного сообщения. Исследования продемонстрировали, что учет семантики сферы-источника метафоры только лишь отчасти может быть использован для анализа метафорического речевого воздействия, так как на языковые реализации отдельных концептуальных метафор значительное влияние оказывает вариативность, связанная с межкультурными, внутрисоциальными, профессиональными и межличностными отличиями [14–16].

В настоящей работе мы продолжаем изучение проблематики речевого воздействия метафор в тексте и дискурсе и ставим целью провести сравнительный анализ метафоричности собранных нами корпусов медиатекстов, отличающихся прагматическими и интенциональными характеристиками. Гипотеза исследования состоит в том, что медиатексты, отличные по исходным прагматическим характеристикам, будут отличаться по разным проявлениям метафоричности, а именно по плотности метафор, их интенсивности, языковой форме, распределении по композиционным элементам текста и по внутренней иерархии текста.

Метафоры в медиадискурсе довольно часто становятся предметом лингвистических исследований. Чаще всего материалы СМИ являются источником выявления метафорических моделей, характерных для концептуализации той или иной сферы-источника. Например, в работе Т.Ю. Тамерьян и В.А. Цаголовой рассматривается когнитивная формула метафорической репрезентации канцлера Германии А. Меркель [17], а в исследовании А.С. Романова и О.И. Калинина — метафорическая репрезентация коронавируса в СМИ России и Китая [18].

Известны исследования, в которых анализируются типы метафор, характерных для медиадискурса: Н.В. Погребняк рассматривает воздействующий потенциал политической метафоры, вычлняя антропоморфные, артефактные и социальные метафоры в медиатекстах [19], Е.В. Семенова и Н.И. Налётова анализируют речевоздействующий потенциал и политическую ценность архетипической метафоры на материале американского медиадискурса [20], Ю.Е. Калугина рассматривает метафоры с национальной символикой [21].

Зарубежные исследователи часто прибегают к методам описания метафорических моделей, характерных для медиадискурсов разных стран, выявляя способы концептуализации значимых социально-политических явлений. Например, в работе Н. Тинчевой рассматриваются метафорические модели брексита, фиксируется частотность разных метафор, что отражает состояние общественного мнения относительно политических концептов [22]. Китайские исследователи Ху Чуньюй и Сю Юйтин анализируют военные метафоры в экономическом медиадискурсе [23].

Описанные исследования сходны по методологии, выполнены в практическом ключе, рассматривают метафоры в медиадискурсе как цель иссле-

дования; в нашей работе мы акцентируем внимание на взаимосвязи между речевым воздействием и использованием метафор, а сами метафорические модели в рамках медиадискурса становятся методом выявления указанной взаимосвязи.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования метафоричности стали тексты российского, китайского и американского медиадискурсов. Общий объем исследованного материала составил 173 295 слов из разных новостных сообщений на русском, китайском и английском языках. Медiateксты были отобраны методом сплошной выборки с сайтов официальных государственных новостных агентств, период выборки текстов с марта по апрель 2021 года.

Таблица 1

Материалы исследования

Корпус	Язык	Объем в словах
Коронавирус	русский	20 125
Коронавирус	китайский	19 221
Коронавирус	английский	22 278
Отношения с США	русский	20 658
Отношения с Китаем	русский	17 531
Отношения с Россией	китайский	17 242
Отношения с США	китайский	17 755
Отношения с Россией	английский	19 035
Отношения с Китаем	английский	19 430

Table 1

Research materials

Corpus	Language	Amount of words
Coronavirus	Russian	20 125
Coronavirus	Chinese	19 221
Coronavirus	English	22 278
Relations with the USA	Russian	20 658
Relations with China	Russian	17 531
Relations with Russia	Chinese	17 242
Relations with the USA	Chinese	17 755
Relations with Russia	English	19 035
Relations with China	English	19 430

Согласно таблице 1 материал исследования можно тематически разделить на два основных блока:

- 1. Новости про коронавирус.** В этом блоке представлены новостные сообщения на русском, китайском и английском языках, опубликованные государственными СМИ Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки по теме распространения коронавируса и борьбы с ним в период с 15 по 28 марта 2021 года. Анализируя прагматические характеристики этих текстов, мы можем сделать вывод, что они носят сугубо информационный характер. Как известно, пандемия как медиаповод в начале 2021 года перестала быть главной мировой темой и в значительной степени потеряла свою актуальность. В марте 2021 года с точки зрения содержания большинство сообщений мировых СМИ были сконцентрированы на таких аспектах пандемии как количество больных, разработка вакцин, частные меры по борьбе с эпидемией в разных странах. Мы полагаем, что прагматика этих текстов проявляется в низком уровне оценочности, обусловленной значительным снижением социальной остроты «вирусной» повестки. Новостные сообщения, отобранные нами для проведения анализа, не содержат прямой оценки, носят исключительно описательный характер, медиатексты этого тематического блока нацелены на донесение до аудитории трех стран информации о распространении коронавируса и борьбе с ним. Так, тексты этого блока мы маркируем как «информационные».
- 2. Межгосударственные отношения.** Для этого блока были подобраны новостные сообщения, тематически связанные с описанием взаимоотношений России, Китая и США друг с другом. Мы полагаем, что тексты, представленные в этом блоке, имеют значительный воздействующий потенциал, так как прагматические особенности подобранных новостных сообщений таковы, что одновременно с информированием о внешнеполитических событиях, мы также выявили значительные проявления оценочности, направленные на формирование определенного отношения к субъекту межгосударственных отношений. Стоит отметить, что с точки зрения очевидных экстралингвистических факторов отношения между значимыми игроками международной политики потенциально почти всегда содержат «проблемную повестку», так как отношения между «крупными державами» редко бывают «нейтральными», а степень «дружественности» или «враждебности» разных стран закрепляется законодательно. На основании вышеизложенного тексты этого блока мы маркируем как «оценочные».

Методом исследования метафоричности медиатекстов является последовательный анализ представленных в Таблице 1 корпусов медиатекстов посредством подсчета индексов метафоричности [10]. Полученные значения индексов далее интерпретированы в их соотнесенности с разными проявле-

ниями метафорического воздействия, после чего проведено сравнение с исходными прагматическими характеристиками исследованных текстов. Таким образом, с опорой на тексты, отличные по воздействию потенциалу, были сделаны выводы о взаимосвязи метафоричности и прагматическими характеристиками медиа дискурса.

Индексы метафоричности, лежащие в основе количественного исследования медиадискурса, позволяют представить использованием метафор в числовом формате, что является основой для дальнейшей интерпретации их значений в сопоставлении с исходными прагматическими характеристиками текстов. Логика вычисления и конкретные формулы вычисления индексов метафоричности представлены в нашей предыдущей работе, и кратко их можно охарактеризовать так:

1. «Индекс плотности метафор (MDI — Metaphor Density Index) — отражает среднее количество метафор на 100 слов текста;
2. Индекс интенсивности метафор (МИ — Metaphor Intensity Index) — отражает интенсивность метафор от слабых конвенциональных (1) до сильных авторских метафор (3);
3. Индекс функциональной типологии метафор (MfTI — Metaphor Functional Typology Index) — отражает функции метафор (ориентационные, онтологические и структурные), значение индекса близкое к 3 показывает, что большинство метафор структурные и что автор стремиться изменить отношение реципиента относительно предмета речи;
4. Индекс внешней структуры и метафоричности (MStI (ex) — Metaphor Structural Index external) — отражает взаимосвязь позиции метафор в тексте и речевого воздействия, а также функции;
5. Индекса внутренней структуры метафоричности (MStI (in) — Metaphor Structural Index internal) — отражает количественный анализ распределения метафор по блокам темы и ремы в тексте» [10].

Результаты исследования

Рассмотрим результаты подсчета индексов метафоричности сплошной выборки.

Далее последовательно рассмотрим разные проявления метафоричности, численно представленные в значениях индексов. С точки зрения плотности метафор в текстах информационного характера наибольшее значение индекса MDI было выявлено для медиатекстов на китайском языке. Так, в 26 новостных сообщениях было выявлено 462 языковых метафоры, а значение индекса плотности составило 2,4. Информационные сообщения по теме коронавируса на русском и английском языках отличались меньшим показателем метафорической плотности, показатели MDI составили 1,74 и 1,69 соответственно.

Таблица 2

Показатели индексов метафоричности

Корпус / Corpus		Язык / Language	MDI	MII	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Корпус		Язык	MDI	MII	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
информационные	Коронавирус	русский	1,74	1,44	2,12	1,54	2,17
	Коронавирус	китайский	2,4	1,5	2,05	1,53	2,21
	Коронавирус	английский	1,69	1,2	1,87	1,48	2,11
оценочные	Отношения с США	русский	4,9	1,82	2,22	1,62	2,43
	Отношения с Китаем	русский	2,7	1,51	2,08	1,34	2,31
	Отношения с Россией	китайский	2,73	1,67	2,06	1,30	2,57
	Отношения с США	китайский	4,61	2,01	2,28	1,55	1,73
	Отношения с Россией	английский	2,7	1,62	2,1	1,58	2,02
	Отношения с Китаем	английский	3,02	1,56	2,08	1,56	2,38

Table 2

Indicators of metaphorical indices

Corpus		Language	MDI	MII	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
information	Coronavirus	Russian	1,74	1,44	2,12	1,54	2,17
	Coronavirus	Chinese	2,4	1,5	2,05	1,53	2,21
	Coronavirus	English	1,69	1,2	1,87	1,48	2,11
estimated	Relations with the USA	Russian	4,9	1,82	2,22	1,62	2,43
	Relations with the China	Russian	2,7	1,52	2,08	1,34	2,31
	Relations with the Russia	Chinese	2,73	1,67	2,06	1,30	2,57
	Relations with the USA	Chinese	4,61	2,01	2,28	1,55	1,73
	Relations with the Russia	English	2,7	1,62	2,1	1,58	2,02
	Relations with the China	English	3,02	1,56	2,08	1,56	2,38

Среди медиатекстов оценочного характера наибольшая метафорическая плотность была выявлена для новостей про отношения с США на русском и китайском языках. Числовое значение MDI больше 4,5 в обоих случаях, что свидетельствует о плотности почти в 5 метафор на 100 слов текста. Значительно меньшее количество метафор использовалось для описания отношений с Россией в китайском дискурсе и отношений с Китаем в русскоязычном и американском дискурсах.

Так, в целом мы видим, что метафорическая плотность новостных сообщений разных с прагматической точки зрения текстов в значительной степени отличается. Среднее значение плотности для оценочных текстов с проблемной повесткой около 3,5, в то время как преимущественно информационных текстов

примерно 1,9, что свидетельствует о том, что плотность метафор может считаться одним из проявлений воздействующего характера речевого сообщения.

С точки зрения интенсивности выявленных в исследованных текстах метафорических проекций наиболее значительным для корпусов информационного характера стал показатель индекса МП для дискурса на китайском языке — 1,5. Так, в 26 новостных сообщениях было выявлено 258 конвенциональных и 28 сильных метафор, также 176 метафорических словоупотреблений были маркированы как метафоры средней интенсивности. В текстах корпуса Коронавирус на русском языке 50 метафор были идентифицированы как авторские и, соответственно, метафоры сильной интенсивности, также было выделено 55 метафор средней интенсивности и 245 метафор слабой интенсивности, что отражено в показателе МП = 1,44. Медiateксты информационного характера на английском языке отличались наименьшим уровнем интенсивности метафор — 1,2, что отражает доминирование конвенциональных метафор. Подчеркнем, что значения индекса интенсивности всегда в диапазоне от 1 до 3, и средняя интенсивность всех текстов, которые по прагматическим характеристикам были отнесены к преимущественно информационным текстам, составила 1,39.

Тексты воздействующего характера в целом отличаются значительно более высоким уровнем интенсивности, среднее значение составило 1,71. Отметим примечательный статистический факт, что среди медiateкстов про коронавирус самый высокий показатель МП составил 1,5, а среди новостных сообщений, освещающих отношения между странами, самый низкий показатель интенсивности — 1,51.

По конкретными значениями индексов для текстов воздействующего характера на разных языках наибольшим показателем интенсивности метафор отличались корпуса «Отношения с США» на русском и китайском языках. Так, например для китайскоязычного дискурса значение МП составило 2,01, что количественное распределение метафор сильной (225), средней (386) и слабой (209) интенсивности.

В текстах, посвященных отношениям с Китаем на русском и английском языках, был идентифицирован наименьший уровень интенсивности — 1,51 и 1,62 соответственно. Эти цифры безусловно отражают экстралингвистические факторы, в частности негативные отношения России и Китая с США манифестированы в использованиях метафор более высокой интенсивности в новостных сообщениях на русском и китайском. Словом, показатели интенсивности метафор в исследованных текстах явно коррелируют не только с самой оценочностью как таковой, сколько с видом оценки, отрицательной или положительной. Более значимой видится взаимосвязь метафоричности с отрицательной оценкой.

Далее рассмотрим получившиеся показатели индекса функциональной типологии метафоры (MfTI), который отражает распределение ориентацион-

ных, онтологических и структурных метафор по тексту. Среди новостных сообщений про коронавирус наибольшее значение было выявлено для корпуса на русском языке — 2,12, что отражает наличие в этом корпусе 40 структурных и 310 онтологических метафор. Наименьшее значение индекса функциональной типологии было выявлено в текстах на английском языке — 1,87, что отражает небольшое количество структурных метафор.

Функции метафор, отраженные в значениях MfTI, посчитанных для новостных сообщений про отношения между странами, также подтверждают тезис о взаимосвязи метафоричности и оценочности. В Таблице 1 мы видим, что снова для корпусов Отношения с США на китайском и русском языках значения индекса MfTI были наибольшими — 2,28 и 2,22 соответственно. Так, в среднем в двух этих корпусах около 245 метафор было идентифицировано как структурные. Обычно структурные метафоры используются для переструктуризации общественно-политических концептов, большинство структурных метафор строится с помощью сравнительных оборотов или по модели «А — это В». Подобная языковая форма предполагает, что носитель языка «как бы настраивает адресата своего сообщения установить в своем сознании определенную сферу-источник посредством прямого употребления соотносимых с этой сферой-источником лексических единиц» [24].

Так, насыщенность новостных текстов про отношения с США свидетельствует о том, что в медиадискурсе на русском и китайском языке происходит последовательное изменение структуры и содержания концепта США, что безусловно является следствием ухудшения отношений этой страны с Россией и Китаем.

Отметим, что средние значения индекса MfTI для текстов информационного и воздействующего характера также отличаются — 2,01 и 2,16 соответственно, при этом разница не столь значительна как при учете такого параметра как интенсивность метафорических переносов.

Последовательно рассмотрим примеры некоторых метафорических оборотов из исследованных текстов:

1. «Содержащиеся в растении фитонциды способны обеззараживать помещение, затормозить рост микроорганизмов и *снизить вирусную нагрузку на других людей*»¹.

В этом предложении мы выделили онтологическую метафору «вирусная нагрузка», которая была маркирована как метафорический перенос среднего уровня интенсивности. Клишированный оборот *какая-то нагрузка* (например, *долговая нагрузка, налоговая нагрузка*), безусловно, является стертой метафорой, однако перенос физического термина в новую семантическую сферу делает метафорический перенос более интенсивным. Так, словосочетание

¹ Лента.ру [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2021/03/19/onion/> (дата обращения: 21.02.2021).

вирусная нагрузка встречается в поисковике, но не зафиксировано в словарях, поэтому данная метафора отнесена к средней интенсивности.

2. «В Литве заговорили о смелости „прибалтийского *убийцы гигантов*“»².

Яркая авторская метафора ЛИТВА — УБИЙЦА содержательно отражает действия прибалтийского государства по отражению китайской экономической экспансии. Контекстуальное использование перифраза *гигант* вместо *КНР* было отнесено к метафоре среднего уровня интенсивности, так как олицетворение образа, частным случаем которого можно считать сравнение, — довольно частотное явление в политическом медиапространстве. Выявленные метафоры мы отнесли к структурному типу, так как языковая форма прямой замены одного понятия другим отражает наложение концептуальных значений и, как следствие, реструктуризацию исходного концепта.

3. 冠状病毒的传播史可谓“劣迹斑斑”，它不仅是普通感冒的主要病原体之一，更是几次严重疫情的罪魁祸首³ ‘Историю распространения коронавируса можно *описать* выражением «*быть известным своими злодеяниями*», это не один из обычных возбудителей простудных заболеваний, этот вирус — «*зачинщик*» *эпидемии*, которая сильнее в несколько раз’.

В этом небольшом отрывке из новостного сообщения на китайском языке мы встречаем сразу два фразеологических оборота: *劣迹斑斑* досл. ‘дурные следы повсюду’ и *罪魁祸首* досл. ‘главарь преступников и зачинщик бедствий’. Они оба соотнесены с пандемией коронавируса и безусловно метафорически описывают пагубное влияние вируса на жизнь людей. Указанные ченьюй (ченьюй — устойчивый оборот, чаще всего состоящий из четырёх иероглифов — *О.К.* и *А.И.*) не характерны для использования в медиадискурсе, они соотносятся больше с языком художественной литературы и несколько архаичны, поэтому их употребление создает и семантическое и функционально-стилистическое «напряжение», что в совокупности приводит к метафорическому эффекту. В этой связи данные метафоры были маркированы нами как сильные и онтологические.

4. 最近中国对欧盟的反制，同样是欧盟先挑的事，因为其响应美国的“群狼战术”，打破30多年来的现状，以莫须有的罪名制裁我国特定地区的相关人员和机构⁴ ‘Недавние контрсанкции Китая, ровно как и действия, которые ранее предпринял ЕС, следуя тактике США «*нападать толпой*», нарушили существовавший 30 лет порядок, что вылилось в наложении санкций на определенных лиц и организации особого района Китая по надуманным причинам’.

² Pravda.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.pravda.ru/world/1607193-litva_china/ (дата обращения: 21.02.2021).

³ 163.com [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.163.com/dy/article/F948HF340516ACFI.html> (дата обращения: 21.02.2021).

⁴ Baijiahao.baidu [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1695125544172210508&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 21.02.2021).

В этом предложении было выявлено несколько метафор разного уровня интенсивности. Выражение 因为其响应美国的“群狼战术” досл. ‘из-за того, что он [ЕС], откликаясь на тактику «волчьей стаи» США’ содержит слабую онтологическую метафору, связанную с олицетворением 响应美国 ‘откликаться на [призыв] США’ и метафору высокой степени интенсивности 群狼战术 ‘тактика волчьей стаи’. Кроме того, к метафорам онтологическим конвенциональным метафорам также относится 打破现状 ‘разрушить существующую ситуацию, порядок’, где глагол 打破 ‘разрушить, сломать’ используется во вторичном семантическом значении.

5. «The reason, she explains, is that those who developed the infection previously have an immune system that is already primed to fight it off»⁵ ‘Она объясняет, что причина в том, что те, кто перенес инфекцию ранее, обладает иммунной системой, которая уже готова бороться’.

Метафора борьбы с вирусом в данном примере отражена в глаголе *to fight off*. Использование военного термина *fight* для описания противодействия пандемии можно определить как онтологическую метафору средней интенсивности.

6. «Russian TV channel Russia Today indicated that Moscow is going to support troops of the self-proclaimed Donetsk People’s Republic (DPR) “to come home”»⁶ ‘Российский телеканал Russia Today отметил, что Москва собирается поддержать войска самопровозглашенной Донецкой Народной Республики в их стремлении вернуться домой’.

Фраза «войска возвращаются домой» представляет собой метафорический оборот среднего уровня интенсивности, так как лежащая в ее основе структурная концептуальная метафора РОССИЯ — ДОМ является сложившимся метафорическим переносом, но вербальная реализации концептуального переноса в рассматриваемом контексте принимает на себя дополнительные смысловые оттенки, усиливая структурное напряжение метафоры.

Далее рассмотрим выявленные значения метафоричности с точки зрения распределения языковых метафор по структурным элементам текстов. Как известно, обычно «большое количество метафор во вступительной части свидетельствует о том, что использование метафоричности подчинено идентификационной функции, а метафоры в заключении, то есть в выводах, преимущественно выполняют персуазивную функцию, направляя процесс когнитивной обработки реципиента, а в основной части текста метафоры преимущественно используются для усиления авторских аргументов» [25; 26].

⁵ Yahoo.life [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.yahoo.com/lifestyle/strong-reaction-first-covid-19-vaccine-may-signal-previous-infection-experts-214925129.html> (дата обращения: 21.02.2021).

⁶ Markets [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/is-russia-about-to-invade-ukraine-1030271205> (дата обращения: 21.02.2021).

Для более полного понимания, того как метафоры в исследованных текстах были распределены по внешней структуре текстов корпусов на трех языках мы также представим количественные показатели плотности по каждому композиционному элементу в виде процентов от общего количества метафор.

Таблица 3

Распределение метафор по композиционным элементам

Корпус / Corpus	Вступление / Introduction %	Основная часть / Main part %	Заключение / Conclusion %	MStI(ex)
Корпус	Вступление, %	Основная часть, %	Заключение, %	MStI(ex)
Коронавирус (русский)	37,14	54,28	8,57	1,54
Коронавирус (китайский)	27,38	59,22	13,09	1,53
Коронавирус (английский)	25,39	62,96	11,64	1,48
«Отношения с США» (русский)	25	56,4	18,6	1,62
«Отношения с Китаем» (русский)	17,3	74,5	8,2	1,34
«Отношения с Россией» (китайский)	15,3	72,9	11,8	1,30
«Отношения с США» (китайский)	17,4	64	18,6	1,55
«Отношения с Китаем» (английский)	18,1	61,9	20	1,58
«Отношения с Россией» (английский)	22,4	61	16,6	1,56

Table 3

Distribution of metaphors by compositional elements

Corpus	Introduction %	Main part %	Conclusion %	MStI(ex)
Coronavirus (Russian)	37,14	54,28	8,57	1,54
Coronavirus (Chinese)	27,38	59,22	13,09	1,53
Coronavirus (English)	25,39	62,96	11,64	1,48
Relations with the USA (Russian)	25	56,4	18,6	1,62
Relations with China (Russian)	17,3	74,5	8,2	1,34
Relations with Russia (Chinese)	15,3	72,9	11,8	1,3
Relations with Russia (Chinese)	17,4	64	18,6	1,55
Relations with China (English)	18,1	61,9	20	1,58
Relations with Russia (English)	22,4	61	16,6	1,56

По числовым данным, представленным в таблице, мы видим, что общая закономерность одинакова для всех исследованных корпусов, что в целом неудивительно, так как все тексты относятся к одному жанру речевого произведения публицистического стиля. Однако при общей схожести мы можем подчеркнуть ряд значимых отличий.

По представленным данным несколько выделяются большим относительным объемом метафор в основной части новостных сообщений корпус «Отношения с Китаем» на русском языке и корпус «Отношения с Россией» на китайском языке. Высокое сосредоточение метафорических проекций (более 70 %) в основной части текстов также отразилось в низком числовом значении $MStI(ex)$ — 1,3. Как указывала В. Коллер, метафоры в основной части текста имеют «риторическую функцию, украшают текст, делают аргументы автора более красочными» [25], поэтому мы можем сделать вывод, что эти новостные сообщения менее воздействующие, что в целом также соотносится с исходными экстралингвистическими характеристиками исследованных текстов. Как известно, отношения России и Китая находятся на высоком доверительном уровне, поэтому, описывая их содержание, авторы новостных сообщения не стремились оказать какое-либо суггестивное или персуазивное воздействие.

Также обратим внимание на тот факт, что несмотря на то, что в остальных исследованных корпусах метафоры в основной части текстов занимают меньший относительный объем, их распределение по вступлению и заключению медиатекстов имеет ряд очевидных отличий. В текстах преимущественно информационного характера в среднем больше метафорических проекций во введении, а в медиатекстах оценочного характера — в заключительной части текста. Согласно описанной выше разнице в функция метафор, реализуемых в разных частях структуры текста, мы можем сделать вывод, что в первом случае акцентируется постановка проблемы коронавируса, происходит метафорическая идентификация проблемы, а во втором — большее внимание уделялось повтору основной проблемы в заключении новостного сообщения, что говорит о формировании мнения относительно описываемой в новостях проблемы. Можно предположить, что обилие метафор в заключительной части новостного сообщения можно полагать жанровой особенностью медиатекстов воздействующего характера.

Рассмотрим также полученные числовые значения $MSt(in)$, индекса взаимосвязи внутренней иерархии текста и метафоричности. В Таблице выше мы видим, что показатель данного индекса для исследованных текстов не демонстрирует серьезный разброс. Напомним, что индекс $MSt(in)$ отражает распределение метафор относительно гипертемы и рематической доминанты. Среди примечательных особенностей можно выделить небольшое превышение показателя данного индекса для текстов на китайском языке. Мы полагаем, что это связано больше с особенностями китайской

лингвокультуры, чем с аспектами речевого воздействия. Как известно, для китайского медиадискурса свойственно значительное количество повторов в основной части новости, детальное описание каждого события, что отражается в некоторой степени «многословия» при описании тех или иных событий.

Также отметим полученные значения индекса MStI(in) для корпуса «Отношения с США» на китайском языке и для корпуса «Отношения с Китаем» на английском языке (1,73 и 2,02 соответственно). Особенность состоит в том, что несмотря на высокие показатели плотности и интенсивности, значение индекса MStI(in) для данного корпуса ниже, чем для других корпусов. Числовые значения данного индекса свидетельствуют о том, что большая часть метафор сконцентрированы вокруг гипертемы, а части текста, связанные с ремой, менее метафоричны.

При тесной связи метафоры с темой предмет высказывания метафоризируется, это значит, что автор старается не объяснить, охарактеризовать и придать какие-то новые концептуальные черты уже известному, существующему в когнитивной системе реципиента сообщению объекту, а изменить само содержание этого объекта, переструктурировать его в когнитивной системе реципиента. Другими словами, метафоры на тематическом уровне не являются персуазивными в плане убеждения, или изменения мнения, они служат иной цели — сформировать концептуально новое содержание и видение объекта. В таком контексте они во многом сходны со структурными метафорами, однако область применения несколько иная — структурные по форме, метафоры влияют на когнитивную структуру тела метафоры на уровне самой метафоры, тогда как метафоры в теме высказывания воздействуют на уровне речевого высказывания. Представляется, что данный тезис во многом соотносится с тем, что в настоящий момент в медиадискурсе США происходит определенное переосмысление отношений Китая и США, что безусловно является отражением политической ситуации, сложившейся в отношениях двух стран.

Вышеприведенный анализ показывает, что использование методики вычисления числовых показателей индексов метафоричности является действенным инструментом выявления потенциального речевого воздействия медиатекстов и позволяет делать выводы прагматических характеристиках новостных сообщений. Полученные значения индексов метафоричности, во-первых, подтверждают преимущественно информационный характер отобранных новостных сообщений, составивших корпуса «коронавирус». Средний уровень структурного напряжения метафор, преобладание онтологических метафор, а также большое количество метафор в основной части и во вступительной части показывают, что все они в исследованных текстах использовались преимущественно для определения и описания проблемы.

По значениям полученных индексов для корпусов медиатекстов с оценочного характера можно судить, что в новостных сообщениях на русском языке более явным выглядит формирование общественного мнения относительно США. Новостные сообщения из данного корпуса были более насыщены метафорическими оборотами, сами метафоры были более яркими и чаще были нацелены на структурирование общественно-политических конструктов и концептов.

Новостные сообщения на русском языке, освещающие события, связанные с Китаем, умеренно метафоричны. Показатели интенсивности метафор имеют среднее значение, что свидетельствует о среднем уровне эмоционального воздействия на реципиента. Метафоры распределены равномернее с точки зрения внешней структуры текста, а соотношение с внутренней иерархией демонстрирует большое количество метафор в рематической доминанте, что говорит о такой функции данных текстов, как «разъяснение, описание». В новостных сообщениях о Китае авторы больше стремились объяснить читателям контент новости, чем сформировать мнение относительно него. Примерно также формируется образ России в новостных сообщениях на китайском языке. Подчеркнем, что для этих двух корпусов значения плотности, интенсивности и функциональной типологии метафор почти идентичны.

Иная картина наблюдается в новостных сообщениях, составляющих корпус «США» на китайском языке. Насыщенность метафорическими оборотами, высокая степень их интенсивности и структурный характер показывают, что формируется определенный образ, новостные сообщения наделены сильным воздействующим потенциалом. При этом обилие метафор в теме отражают формирование именно новой, нехарактерной новостной повестки. В этих текстах, на наш взгляд, не просто описываются события, в них содержится стремление утвердить новый взгляд, новую точку зрения.

Новостные сообщения на английском языке, которые составили корпуса «Россия» и «Китай» отражают скорее уже сформировавшийся в медиадискурсе США подход к формированию образов РФ и КНР. Тексты были умеренно метафоричны по всем показателям, в них было среднее количество структурных метафор. Мы можем утверждать, что эти тексты также носят характер констатации уже сложившейся новостной повестки, а содержащийся в них потенциал речевого воздействия носит идентификационный характер.

Для более наглядной разницы в метафоричности медиатекстов информационного и оценочного характера приведем сводные данные по индексам метафоричности.

Из Таблицы 4 видно, что по значениям всех индексов метафоричность текстов, обладающих воздействующим потенциалом, выше, чем текстов, выполняющих преимущественно информационную функцию.

В «оценочных» текстах в среднем в полтора раза больше метафор, они значительно интенсивнее, в них использовано больше структурных метафор. Кроме того, в подобных текстах чаще метафоры встречаются не в основной части текста, а во вступительной части и в заключении, а относительно структуры текста — в них чаще метафоры концентрируются вокруг ремы.

Таблица 4

**Метафоричности текстов информационных
и оценочных текстов масс-медиального дискурса**

Тип текста / Type of text	Объем / Amount of words	MDI	MII	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Информационный	97538	1,93	1,39	2,01	1,52	2,02
Воздействующий	142646	3,47	1,71	2,16	1,52	2,22

Table 4

**Metaphoricity of texts of informational and evaluative texts
of mass-medial discourse**

Type of text	Amount of words	MDI	MII	MfTI	MStI(ex)	MStI(in)
Information	97538	1,93	1,39	2,01	1,52	2,02
Acting	142646	3,47	1,71	2,16	1,52	2,22

Заключение

Таким образом, количественно оценив метафоричность медиатекстов на разных языках, мы сопоставили полученные выводы с исходными прагматическими характеристиками этих текстов, а также с влиянием экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на порождение этих текстов. Исходя из приведенного выше анализа метафоричности текстов медиадискурсов, отличающихся прагматическими характеристиками, а также основываясь на понимании зависимости разных аспектов употребления метафор в текстах, мы можем заключить, что гипотеза исследования верна, и метафоричность действительно связана с потенциальным воздействием, а медиатексты, отличные по исходным прагматическим характеристикам, отличаются по разным проявлениям метафоричности, а именно по плотности метафор, их интенсивности, языковой форме, распределении по композиционным элементам текста и по внутренней иерархии текста. Кроме того, предложенная методика вычисления индексов метафоричности может использоваться как действенный инструмент вычисления этого речевого воздействия.

Библиографический список

1. *Burgers C., Konijn E.A., Steen G., Iepma M.* Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising // *International Journal of Advertising*. 2015. № 34 (3). С. 515–532.
2. *Солопова О.А., Чудинов А.П.* Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 2. С. 313–337. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337>
3. *Larina T.V., Ozyumenko V., Ponton D.M.* Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2020. № 15 (1). Р. 3–22. <https://doi.org/10.1515/lpp-2019-0002>
4. *Malyuga E., McCarthy M.* English and Russian vague category markers in business discourse: Linguistic identity aspects // *Journal of Pragmatics*. 2018. № 135. Р. 39–52. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.07.011>
5. *Sibul V.* Psycholinguistic analysis of lexical-semantic structure in linguistic consciousness of Russian, English and German native speakers // *Training, Language and Culture*. 2017. Vol. 1. № 2. Р. 54–70. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.2.4>
6. *Thibodeau P.H., Matlock T., Flusberg S.J.* The role of metaphor in communication and thought // *Lang. Linguist. Compass*. 2019. № 13 (5).
7. *Sopory P.* Metaphor and Attitude Accessibility // *South. Commun. J.* 2006. Vol. 71. № 3. Р. 251–272.
8. *Mashal N., Faust M., Hendlar T.* The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of Principal Components Analysis to fMRI data // *Neuropsychologia*. 2005. Vol. 43. № 14. Р. 2084–2100.
9. *Ahrens K., Liu H.L., Lee C.Y., Gong S.P., Fang S.Y., Hsu Y.Y.* Functional MRI of conventional and anomalous metaphors in Mandarin Chinese // *Brain Lang*. 2007. Т. 100. № 2. С. 163–171. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2005.10.004>
10. *Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В.* Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 250–277. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277>
11. *Калинин О.И.* К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. № 2. С. 31–43.
12. *Игнатенко А.В., Дорофеева Е.А.* Политические метафоры в контексте стереотипизации и когнитивных искажений // *Политическая лингвистика*. 2022. № 3. С. 27–38.
13. *Калинин О.И.* К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от содержания метафорического переноса // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. № 4. С. 82–92.
14. *Fomin A.G., Mona E.A.* Conceptual metaphor as a means of terrorist suggestion (on the material of the islamic state video messages) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. Р. 698–713. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-698-713>
15. *Козлова Л.А.* Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когнитивности // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 899–925. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925>
16. *Игнатенко А.В.* Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюна на примере романа «Я не Пань Цзиньянь» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Востоковедение и африканистика*. 2022. № 14 (3). С. 507–523. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.308>
17. *Тамерьян Т.Ю., Цаголова В.А.* Структурные формулы когнитивной метафоры: образ ангелы Меркель по материалам немецких СМИ // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2017. № 3 (27). С. 79–89.

18. Kalinin O.I., Romanov A.S. Comparative Analysis of the Coronavirus Metaphorical Projections in the Chinese and Russian Mass Media // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2021. № 14 (10). P. 1499–1508. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0834>
19. Погребняк Н.В. Воздействующий потенциал метафоры в современном политическом медиадискурсе // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 3 (136). С. 118–125.
20. Семенова Е.М., Налётова Н.И. Политическая ценность архитектурной метафоры (на материале современного американского медиадискурса) // *Политическая лингвистика*. 2020. № 2 (80). С. 111–119.
21. Калугина Ю.Е. Анализ национально-маркированных терминологических единиц экономики на материале английского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 3. С. 517–531. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-517-531>
22. Tincheva N. Good Brexit, Bad Brexit: Evaluation Through Metaphoric Conceptualizations in British Media // *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*. 2020. № 10. P. 149–167. <https://doi.org/10.22364/BJELLC.10.2020.10>
23. Hu C., Xu Y. WAR Metaphor in the Chinese Economic Media Discourse // *High. Educ. Stud*. 2017. № 7 (1). С. 94.
24. Steen G. Deliberate Metaphor Theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues // *Intercult. Pragmat.* 2017. № 14 (1). P. 1–24.
25. Koller V. *Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor in Text*, 2003.
26. Koller V. *Metaphor and gender in business media discourse: A critical cognitive study*. Palgrave Macmillan, 2004.

References

1. Burgers, C., Konijn, E.A., Steen, G. & Iepson, M.A.R. (2015). Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising. *International Journal of Advertising*, 34(3), 515–532. <https://doi.org/10.1080/02650487.2014.996200>
2. Solopova, O.A. & Chudinov, A.P. (2018). Diachronic analysis of political metaphors in the British corpus: from victory bells to Russia's V-Day. *Russian Journal of Linguistics*, 22(2), 313–337. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337> (In Russ.).
3. Larina, T., Ozyumenko, V. & Ponton, D.M. (2020). Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz Papers in Pragmatics*, 15(1), 3–22. <https://doi.org/10.1515/lpp-2019-0002>
4. Malyuga, E. & McCarthy, M. (2018). English and Russian vague category markers in business discourse: Linguistic identity aspects. *Journal of Pragmatics*, 135, 39–52. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.07.011>
5. Sibul, V. (2017). Psycholinguistic analysis of lexical-semantic structure in linguistic consciousness of Russian, English and German native speakers. *Training, Language and Culture*, 1(2), 54–70. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.2.4>
6. Thibodeau, P.H., Matlock, T. & Flusberg, S.J. (2019). The role of metaphor in communication and thought. *Lang. Linguist. Compass*, 13(5).
7. Sopory, P. (2006). Metaphor and Attitude Accessibility. *South. Commun. J.*, 71(3), 251–272. (In English).
8. Mashal, N., Faust, M. & Hendler, T. (2005). The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of Principal Components Analysis to fMRI data. *Neuropsychologia*, 43(14), 2084–2100.
9. Ahrens, K., Liu, H.-L., Lee, C.-Y., Gong, S.-P., S.-Y. & Hsu, Y.-Y. (2007). Functional MRI of conventional and anomalous metaphors in Mandarin Chinese. *Brain Lang*, 100(2), 163–171. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2005.10.004>

10. Sun, Y., Kalinin, O.I. & Ignatenko, A.V. (2021). The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches. *Russian Journal of Linguistics*, 25(1), 250–277. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277> (In Russ.).
11. Kalilin, O.I. (2020). The Correlation Between Metaphor Content and the Message Persuasive Power. *Actual problems of philology and pedagogical Linguistics*, 4, 82–92. (In Russ.).
12. Ignatenko, A.V. & Dorofeeva, E.A. (2022). Political Metaphors in the Context of Stereotyping and Cognitive Distortions. *Political Linguistics*, 93(3), 27–38. (In Russ.).
13. Kalilin, O.I. (2020). The correlation between metaphor density and the message persuasive power. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2, 31–43. (In Russ.).
14. Fomin, A.G., Mona, E.A. (2019). Conceptual Metaphor as a Means of Terrorist Suggestion (on the Material of the Islamic State Video Messages). *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 698–713. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-698-713>
15. Kozlova, L.A. (2020). Metaphor as the reflection of culture determined cognition. *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 899–925. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925> (In Russ.).
16. Ignatenko, A.V. (2022). Features of the language game in Liu Zhenyun's prose on the example of the novel "I am not Pan Jinlian". *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 14(3). 507–523. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.308> (In Russ.).
17. Tamerian, T.U. & Tsagolova, V.A. (2017). Structural formulas of cognitive metaphors: the image of Angela Merkel based on the materials of the German media. *Actual problems of philology and pedagogical Linguistics*, 3(27), 79–89. (In Russ.).
18. Kalinin, O.I. & Romanov, A.S. (2021). Comparative. Comparative Analysis of the Coronavirus Metaphorical Projections in the Chinese and Russian Mass Media. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 14(10), 1499–1508. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0834>
19. Pogrebniak, N.V. (2019). The influencing potential of the metaphor in the modern political media discourse. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3(136), 118–125. (In Russ.).
20. Semenova, E.M. & Naletova, N.I. (2020). The political value of the archetypal metaphor (based on the material of the modern American media discourse). *Political Linguistics*, 2(80), 111–119. (In Russ.).
21. Kalugina, U.E. (2020). Analysis of country specific terminological units in economics from English sources. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 517–531. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-517-531> (In Russ.).
22. Tincheva, N. (2020). Good Brexit, Bad Brexit: Evaluation Through Metaphoric Conceptualizations in British Media. *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*, 10, 149–167.
23. Hu, C. & Xu, Y. (2017). WAR Metaphor in the Chinese Economic Media Discourse. *High. Educ. Stud.*, 7(1), 94.
24. Steen, G. (2017). Deliberate Metaphor Theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues. *Intercult. Pragmat.*, 14(1), 1–24.
25. Koller, V. (2003). *Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor in Text*.
26. Koller, V. (2004). *Metaphor and gender in business media discourse: A critical cognitive study*. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторах:

Калинин Олег Игоревич, доцент кафедры китайского языка МГЛУ, доцент кафедры восточных языков МПГУ, докторант Военного университета. *Сфера научных интересов* касается когнитивной лингвистики, в частности теории концептуальной метафоры и теории категоризации, дискурсивной лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, медиалингвистики; *e-mail*: iokalinin.lingua@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1807-8370.

Игнатенко Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов* включает межкультурную коммуникацию, переводоведение, историю китайской и русской литературы, лингвокультурологию, сопоставительное языкознание, чеховедение; *e-mail*: ignatenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9261-4306.

Information about the authors:

Oleg I. Kalinin is an Associate Professor of the Chinese Language Department at Moscow State Linguistic University, Associate Professor of the Oriental Languages Department at Moscow State Pedagogical University, a postdoctoral researcher at the Military University. His research interests embrace cognitive linguistics, especially Conceptual Metaphor Theory and the Theory of categorization, discourse analysis, cultural linguistics, intercultural communication and media linguistics; e-mail: okalinin.lingua@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1807-8370.

Alexander V. Ignatenko holds a Ph.D. in Philology and is a Associate Professor in the Department of Foreign Languages at the Philological Faculty of RUDN. The main areas of his research interests are intercultural communication, translation studies, cultural linguistics, history of Chinese and Russian literature, comparative studies and Chekhov studies; e-mail: ignatenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9261-4306.

СЕМИОТИКА И ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА SEMiotics & FICTION TEXT RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1083-1093

УДК 811.161.1'22:82-1:75

Научная статья / Research article

Картина Исаака Левитана «Над вечным покоем» и ее интерпретация в современных поэтических текстах

Е.Ю. Муратова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
210038, Республика Беларусь, г. Витебск, Московский пр., д. 33

 mouratova@tut.by

Аннотация. Исследуется семиотика картины Исаака Левитана «Над вечным покоем» и ее интерпретации в современных поэтических текстах. Любой текст культуры, будь то живопись, художественная литература, музыка и под., функционирует в едином социокультурном пространстве на фоне важных современных интеграционных процессов в мире. В связи с этим исследование взаимодействия и взаимообогащения разных видов искусства, в частности живописи и поэзии, представляется весьма актуальным. При анализе материала использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Исследуется само понятие «покой» в словарях, абсолютный покой как нечеловеческий холод в девятом кругу ада в «Божественной комедии» Данте. Рассматривается понимание покоя в христианской церкви: войти на небо, приять тамошнее царство, общение с Богом, упокоевание в тамошнем блаженстве, общение с ангелами, жизнь бессмертная. «Если человек не узнает, что такое скорбь, то не узнает и что такое покой»: к такому пониманию близка философская концепция украинского философа XVIII в. Григория Саввича Сковороды: покой является наградой за все земные страдания человека «истинного», покой олицетворяет вечность, вечный дом. В картине Левитана, судя по изображенному на ней, по преобладанию темных и холодных цветов, по самому сюжету (церковка и заброшенное кладбище) вечный покой понимается художником не как смерть, а как особое состояние души: это и макрокосмос, и микрокосмос, и библейское понимание вечности. Анализируется мир поэтических образов, возникающих под влиянием картины И. Левитана.

Ключевые слова: живопись, поэзия, покой, земные страдания, вечность

© Муратова Е.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 30.04.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Муратова Е.Ю. Картина Исаака Левитана «Над вечным покоем» и ее интерпретация в современных поэтических текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1083–1093. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1083-1093>

The Painting of Isaac Levitan “Over Eternal Rest” and its Interpretation in Modern Poetic Texts

Elena Yu. Muratava

Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
33, Moskovsky ave., Vitebsk, Republic of Belarus, 210038

 muratova@tut.by

Abstract. The article examines the painting of Isaac Levitan “Over Eternal Rest” and its interpretation in modern poetic texts. Any cultural text, whether it is painting, fiction, music, etc., functions in a single socio-cultural space against the background of important modern integration processes in the world. In this regard, the study of the mutual influence and mutual enrichment of different types of art, in particular painting and poetry, is quite relevant. The main general scientific methods of observation, description, analysis and interpretation were used in the analysis of the material. The author explores the very concept of *peace* in dictionaries, absolute *peace* as an inhuman cold in the ninth circle of hell in Dante’s “Divine Comedy”. The understanding of *peace* in the Christian Church is considered, namely: to enter the Heaven, to accept the kingdom there, to commune with God, to rest in the bliss there, to commune with angels, to live an immortal life. “If a man does not know what sorrow is, he will not know what peace is.” The philosophical concept of the Ukrainian philosopher of the 18th century is close to this understanding. Grigory Savvich Skovoroda: *peace* is the reward for all the earthly sufferings of a “true” person, *peace* represents eternity, the eternal home. In Levitan’s painting, judging by the image depicted on it, by the predominance of dark and cold colors, by the very plot (a church and an abandoned cemetery), eternal rest is understood by the artist not as death, but as a special state of mind: this is the macrocosm, the microcosm, and the biblical understanding of eternity. The article analyzes the world of poetic images that arise under the influence of I. Levitan’s painting.

Keywords: painting, poetry, peace, earthly suffering, eternity

Article history:

Received: 01.06.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Muratava, E.Y. (2022). The Painting of Isaac Levitan “Over Eternal Rest” and its Interpretation in Modern Poetic Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1083–1093. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1083-1093>

Введение

В культуре всегда происходили и происходят сейчас важные интеграционные процессы, заключающиеся во взаимодействии различных видов искусства. Ю.М. Лотман ввел понятие и разработал теорию семиосферы как пространства порождения и функционирования культурных текстов, уточняя «сам текст мыслится не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции... В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории» [1. С. 179]. Таким образом, любое произведение искусства — это текст культуры, которая представляет собой сумму и даже единый организм разных текстов [2], как считают многие ученые, работающие в области семиотики и культурологии.

Любой текст культуры, будь то живопись, художественная литература, музыка и под., функционирует в едином социокультурном пространстве. Ярким примером такой связи является «Бетховенский фриз» Густава Климта, представленный в 1902 году на XIV выставке «Объединения художников Венского Сецессиона», посвященной Людвигу ван Бетховену. Фриз представлял собой художественное произведение длиной 34 метра, являясь интерпретацией Девятой симфонии Бетховена, которая включает часть положенной на музыку поэмы Ф. Шиллера «Ode an die Freude», «Оды радости».

Г. Климт слева направо описывает свои впечатления от симфонии в соединении с одой Шиллера. Героев на фризе много, назовем некоторых из них: три коленапреклоненные женщины (страдания человека), золотой рыцарь (внешняя сила), гигант Тифон (враждебные силы), три дочери-горгоны Болезнь, Безумие и Смерть, женщина, играющая на лютне (Поэзия) и т.д. В данном случае перед нами наглядная связь между музыкой (Л.ван Бетховен), поэзии (Ф. Шиллер) и живописью (Г. Климт).

Особенно ярко это взаимодействие проявляется в поэзии и живописи. О специфике связи этих двух видов искусства еще в XVIII веке писал Г.Э. Лессинг: «Живопись в своих подражаниях действительности употребляет средства и знаки, совершенно отличные от средств и знаков поэзии, а именно: живопись — тела и краски, взятые в пространстве, поэзия — членораздельные звуки, воспринимаемые во времени» [3. С. 444].

Творчество Исаака Левитана

Рассмотрим специфику этой взаимосвязи на примере творчества Исаака Левитана и некоторых современных поэтических текстов.

Исаак Левитан прожил короткую и довольно трудную жизнь, полностью отданную живописи. Художник часто страдал мрачными настроениями и депрессиями, во время которых он не мог видеть людей и хотел только одиночества. В такие моменты он брал свою собаку Весту и уходил в лес, в поля, бродил вдоль реки, успокаиваясь и наслаждаясь только природой. Отсюда

его известные пейзажи «Золотая осень», «Март», «Березовая роща» и многие другие, полные воздуха и света. Но есть у И. Левитана и иные по духу, настроению и цвету картины. Картина «Озеро» нашла такое отражение в стихотворении Э. Гоник:

*По небу мчатся облака, как кони,
Холодный ветер озеро взмутил,
Он тяжело над водной гладью стонет
И мрачно крылья всюду распустил.*

*Бушует озеро, вздымая волны,
Ненасстье может облик изменить, —
Вода затопит низкий берег, склоны,
Начнет вокруг все рушить и крушить.*

В картинах И. Левитана «Тишина» или «Владимирка» мы видим тусклые, лишённые ярких красок пейзажи. Название картины «Владимирка» символично, так называли Владимирский тракт, по которому шли в Сибирь в кандалах каторжники. И разбитая пустынная дорога, и нависшие темные облака, и серый пейзаж вокруг как будто рисуют нашему воображению тысячи и тысячи горестных судеб людей, прошедших по этой дороге.

Предшественником картины «Над вечным покоем» можно назвать очень значимую в творчестве И. Левитана картину «Тихая обитель», написанную в 1890 году. Картина, на которой изображен Саввино-Сторожевский монастырь, произвела огромное впечатление на зрителей. Александр Бенуа в книге «История русской живописи в XIX веке» очень ярко и образно написал следующее: «В первый раз Левитан обратил на себя внимание на Передвижной выставке 1891 года. Он выставился и раньше, и даже несколько лет, но тогда не отличался от других наших пейзажистов, от их общей, серой и вялой массы. Появление «Тихой обители» произвело, наоборот, удивительно яркое впечатление. Казалось, точно сняли ставни с окон, точно раскрыли их настежь, и струя свежего, душистого воздуха хлынула в спертый выставочный зал, где так гадко пахло от чрезмерного количества тулупов и смазных сапог» [4. С. 345].

А.П. Чехов описал «Тихую обитель» в повести «Три года»: «На первом плане — речка, через нее бревенчатый мостик, на том берегу тропинка, исчезающая в темной траве... А вдали догорает вечерняя заря. И почему-то стало казаться, что эти самые облачка, и лес, и поле, она видела уже давно и много раз, и захотелось ей идти, идти и идти по тропинке, и там, где была вечерняя заря, покоилось отражение чего-то неземного, вечного, океана чистой радости и ничем не омраченного блаженства» [5. С. 12].

В 1892 году Левитан написал в похожем ключе картину «Вечерний звон», на которой также изображен монастырь на берегу реки в свете вечерних солнечных лучей. Некоторые исследователи рассматривают «Вечерний звон» как вариант «Тихой обители». И при этом, по мнению искусствоведа Владимира Петрова, эта картина является «одним из самых песенных, музыкальных и совершенных по своему художественному строю произведений Левитана... обладает своим, неповторимым обаянием, своим „аккордом“» [б. С. 76]. По мотивам этой картины Николай Рубцов написал стихотворение «Левитан»:

*В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!
Звон заокольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.
И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...*

Колокол, кол- являются стержнем всего стихотворения, от них как будто расходятся звуковые волны колокольного звона: *колокольчиковый, колокола, заокольный, окольный, окон, около колонн, колокольный, колокольчиковый, колокольцем, колоколов*. Так, разными средствами разных семиотических систем и художник, и поэт творчески воссоздают необыкновенность, неповторимость России, которая одновременно и органично предстает и босоногой (*колокольчиковый луг, колокольчиковый звон*) и богоносной (*колокольный звон, колокола Руси*).

Картина Исаака Левитана «Над вечным покоем» и ее интерпретация в стихотворении В. Хромовой

Картина И. Левитана «Над вечным покоем», которую он считал одним из главных своих произведений, заслуживает особого внимания. На фоне огромного свинцового неба, нависающего над темным и мрачным озером, стоит маленькая покосившаяся церковь, в окошке которой виден светящийся огонек, а за ней — старое сельское кладбище с крестами и неухоженными могилами. Полное безлюдье и тишина, звенящая тишина. На все смотришь как будто с высоты птичьего полета. Но такое небо поглотит любые, даже самые

сильные и непокорные крылья. В таком небе нет места для птиц. Так увидел И. Левитан этот реальный фрагмент действительности. «Художник заставляет нас смотреть на мир его глазами», — отмечал А. Шопенгауэр [7. С. 390]. «Результатом этого, — пишет Л.А. Новиков, — является творческая трансформация обычного предмета действительности в особый художественно моделируемый предмет, отражающий авторское видение действительности и как бы стоящий между субъектом и эмпирическим миром» [8. С. 21]. Один из друзей художника назвал эту картину «реквиемом самому себе», а сам И. Левитан говорил о своей работе: «Вечность, грозная вечность, в которой потонули поколения и потонут еще... Какой ужас, какой страх!».

Вот как увидела и поняла эту картину Вероника Хромова:

*Я у картины Левитана
Лечу души уставшей раны,
По волшебству его руки
Парю над кружевном реки.*

*Вокруг покой зеркально-вечный,
И звон печальный вдаль плывет.
Как жизнь земная быстротечна,
Внезапно каждый здесь поймет.*

*С погоста вижу я дорогу
На небеса, все ввысь и ввысь,
Нашли покой там ближе к Богу
Те, что ушли от нас, увя!*

*Спокойно, ласково и грустно
Из мира мертвых в мир живых
К вам в душу льются мысли-чувства
И тех, кого не знали вы.*

Разные взгляды на понятие покой

Какой покой имеет в виду художник и поэт? Словарь под ред. А.П. Евгеньевой [9] дает только одно толкование: вечный покой — это смерть. И другие словари определяют вечный покой как смерть, но просто покой (и словарные толкования, и узуальное употребление) — это отсутствие движения и шума; тишина, состояние бездействия, неподвижность; отдых, роздых; мир и тишина, безмятежное состояние; отсутствие возмущенья, тревоги и т.д.

Другое понимание покоя, особенно абсолютного, — это абсолютный ноль по Кельвину — (–273 градуса Цельсия), то есть нечеловеческий холод.

А это порождает ассоциации с девятым кругом в 34 песне «Божественной комедии» Данте. В центре Преисподней в ледяное озеро Коцит заморожены Иуда Искариот, Люцифер, Брут, Кассий. Известные предатели разных времен корчатся в трех пастях Люцифера: Одни лежат, другие вмерзли стоя, / Кто вверх, кто книзу головой застыв, / А кто — дугой, лицо ступнями края [10. С. 218].

У церкви свой взгляд на понимание покоя. Приведем высказывания отцов церкви, известных богословов и святых из книги «Добротолубие» (Азбука спасения) [11].

Во-первых, церковь никогда не отождествляла покой и праздность. «Покой и праздность — гибель душе, и больше демонов могут повредить ей», — писал преподобный Исаак Сириянин, и он же призывал не допускать «до сближения с собою мысли, побуждающей к покою, которая порождает нерадение, леность и боязнь, а чрез них во всем расслабление».

Во-вторых, богослужебная литература отвечала на вопрос: что такое покой и где искать его? «Не ищи покоя и утешения в людях, там нет его, ищи только в Боге... и обретешь все» (Инок Никодим). «Покой же истинных христиан есть искупление от греховных страстей, а также полное и явное вселение Святого Духа в чистое сердце» (Святой Макарий Великий). «И нигде, никогда, и ни в чем ином на земле не найдет человек покоя для души своей, пока не вселится в его сердце обещанный Спасителем всем верным чадам Своим Посланник свыше — небесный Дух Утешитель» (Преподобный авва Дорофей). Покой (в Боге) есть искупление от греховных страстей (Святой Макарий Великий).

И самое главное, отцы церкви всегда утверждали, что покой надо заслужить. «Кто хочет достигнуть покоя, тот здесь пусть терпит скорби...» (Иоанн Златоуст). «Если человек не узнает, что такое скорбь, то не узнает и что такое покой» (Преподобный авва Дорофей). Преподобный Исаак Сириянин писал: «Как часто человек, когда хочет начать что-либо ради Господа, спрашивает так: «Есть ли в этом покой? Нет ли возможности удобно пройти сим путем без труда? Или, может быть, есть на нем скорби, причиняющие томление телу?» Вот как везде, горе и долу, всеми мерами домогаемся мы мнимого покоя. Что говоришь ты, человек? Желаете войти на небо, приять тамошнее царство, общение с Богом, упокоение в тамошнем блаженстве, общение с ангелами, жизнь бессмертную и спрашиваете: не труден ли сей путь? Странное дело! Желющие того, что есть в этом преходящем веке, переплывают страшные волны морские, отваживаются проходить путями многотрудными — и вовсе не говорят, что есть труд или печаль в том, что хотят сделать. А мы на всяком месте допытываемся о покое. Но если во всякое время будем представлять в уме путь крестный, то размыслим, какая печаль не легче этого пути?».

Как видим, Исаак Сириянин наиболее глубоко и концентрированно определил, что означает покой в понимании церкви: войти на небо, приять тамош-

нее царство, общение с Богом, упокоение в тамошнем блаженстве, общение с ангелами, жизнь бессмертную.

Близка к такому пониманию философская концепция украинского философа XVIII в. Григория Саввича Сковороды: покой является наградой за все земные страдания человека «истинного», покой олицетворяет вечность, вечный дом. Как утверждают многие литературоведы, именно на эту концепцию опирался М.А. Булгаков в своем романе «Мастер и Маргарита»:

– Он не заслужил света, он заслужил покой, — говорил Левий Воланду в «Мастере и Маргарите». По сути, Булгаков устами своих героев задает антагонистическую пару — покой противопоставляется свету. В этом романе художественно воплощена теория трех миров Г.С. Сковороды: земного (люди), библейского (библейские персонажи) и космического (Воланд и его спутники). Согласно этой теории, главный мир — космический, всеобъемлющий макрокосм, второй — человеческий, микрокосм; третий — символический, т. е. мир библейский [12. С. 41]. Все три мира сотканы из зла и добра. Человеку присуща двойственная природа: земное тело и духовное, и последний никогда не погибает: умирая, он только лишается своего земного тела [13. С. 498].

Разное понимание и отражение вечного покоя в картине И. Левитана «Над вечным покоем» и в поэтических текстах

Как кажется, И. Левитан, если и не знал теорию трех миров, то очень похоже воспринимал мир, который отражал в своих картинах. В картине И. Левитана, судя по изображенному на ней, по преобладанию темных и холодных цветов, по самому сюжету (церковка и заброшенное кладбище) вечный покой понимается художником не как смерть, а как особое состояние души: это и макрокосмос, и микрокосмос, и библейское понимание вечности. На эту мысль наводит также и структура названия картины — не Вечный покой, а НАД вечным покоем. Что может быть выше вечного покоя? Как думается, Левитан изобразил один покой — земной, реальный, где тишина, мрачность, ни одной живой души, кроме маленького огонька в церкви, это понимание неизбежности смерти, а над земным покоем — покой библейский, покой вечности, симбиоз макро- и микрокосмоса.

В стихотворении В. Хромовой мы наблюдаем похожий с художником взгляд на вечный покой, что передает лексический ряд стихотворения: покой зеркально-вечный, звон печальный, погост, дорога на небеса, покой ближе к Богу, мир мертвых и мир живых, воскресать, души, бессмертье. В стихотворении одновременно и описание картины, и испытываемые при этом чувства поэта, и философские мысли о жизни, смерти, бессмертии. Свинцовое небо и мрачное озеро как будто отражают друг друга, это именно зеркально-веч-

ный покой, к которому добавляется звук: И звон печальный вдаль плывет. Лирический герой как будто сам находится в центре этого печального места:

*С погоста вижу я дорогу
На небеса, все ввысь и ввысь.*

Такую невидимую в реальной жизни дорогу на небеса, мысли о быстротечности жизни, мысли-чувства из мира мертвых в мир живых возможно увидеть, почувствовать, понять только при определенном состоянии души, которое и рождает картина И. Левитана.

Мир поэтических образов, возникающих под влиянием картин И. Левитана, многомерен и разнообразен. Как писал Л.А. Новиков, «Словесный образ — диалектически противоречивая сущность: в каждый данный момент он и равен и не равен себе, устойчив и одновременно подвижен...» [8. С. 167]. Иной образ, иной взгляд на картину, иные художественные ассоциации и акценты мы находим в стихотворении Эллы Гоник «Картина Исаака Левитана Над вечным покоем»:

*О русская смурь, о российская нежить, —
Печальный кладбищенский звон,
Плывёшь ты над Русью и хмурой, и нежной, —
Предсмертный и жалобный стон.*

*Над тихим погостом и небо пригнулось
В тяжёлых густых облаках
И воды реки так взволнованно вздулись,
Что в сердце вонзается страх.*

*О Русь вековая, ты молча страдаешь,
Но боль свою сносишь, терпя,
Судьбу свою горькую, милая, знаешь
И молишься, мир весь любя.*

*Последний приют на земле, на родимой
Ведь каждый из нас обретёт,
И звук колокольный, что сердцем хранимый,
С собой навсегда унесёт.*

Для автора эта картина И. Левитана является олицетворением Руси, которая веками окутана кладбищенским звоном, предсмертным и жалобным стоном, вся она — смурь и нежить, молча страдающая, знающая свою горькую судьбу. И при этом Русь — любящая весь мир и любимая каждым русским,

для которого она — навсегда родимая земля, ее колокольный звон хранится в сердце, а эта покосившаяся церковь и заброшенное кладбище — символ последнего приюта каждого на бедной, несчастной, но любимой и родной земле.

Заключение

Таким образом, картина И. Левитана «Вечный покой» рождает разные толкования и ассоциации у зрителей и у поэтов — для кого-то это философская картина о смысле жизни, о неизбежности смерти, для кого-то это картина-притча, картина-история русской жизни, картина неповторимой и всегда разной русской природы, картина-мысль о вечности. В любом случае и картина, и стихи рождает лучшее и высокое, может быть, грустное и горькое, но именно духовно высокое в человеке, чего очень недостает в современном мире.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
2. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. СПб., 2002.
3. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии // Избранные произведения. М., 1953. С. 385–516.
4. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 9. М., 1985.
6. Петров В.А. Исаак Ильич Левитан. СПб.: Белый город, 2000.
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. II. М., 1901.
8. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. М., 2001.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
10. Данте Алигьери. Божественная комедия. М., 1982.
11. Добротолубие. Репринт. изд. Т. I. М., 1992.
12. Иванько И.В., Шинкарук В.И. Философское наследие Григория Сковороды // Сковорода Г.С. Соч.: в 2 т. М., 1973.
13. Сковорода Г.С. Соч.: в 2 т. М., 1973.

References

1. Lotman, Yu.M. (1992). *Culture and Explosion*. Moscow. (In Russ.).
2. Lotman, Yu.M. (2002). *History and typology of Russian culture: Semiotics and typology of culture. Text as a semiotic problem. Semiotics of everyday behavior. History of literature and culture*. St. Petersburg. (In Russ.).
3. Lessing, G.E. (1953). Laocoön, or on the limits of painting and poetry. In: *Selected Works*. Moscow. pp. 385–516. (In Russ.).
4. Benois, A.N. (1995). *History of Russian painting in the 19th century*. Moscow. (In Russ.).
5. Chekhov, A.P. (1985). *Complete collection of works and letters in 30 volumes*. Vol. 9. Moscow. (In Russ.).
6. Petrov, V.A. (2000). *Isaac Ilyich Levitan*. St. Petersburg: Belyy gorod. (In Russ.).
7. Schopenhauer, A. (1901). *World as will and representation*. Vol. II. Moscow. (In Russ.).

8. Novikov, L.A. (2001). *Selected works*. Vol. II. Aesthetic aspects of language. Moscow. (In Russ.).
9. *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes* (1999). A.P. Evgenieva (Ed.). Moscow. (In Russ.).
10. Dante Alighieri (1982). *The Divine Comedy*. Moscow. (In Russ.).
11. Dobrolyubie (1992). Reprint. Vol. 1. Moscow. (In Russ.).
12. Ivanyo, I.V. & Shinkaruk, V.I. (1973). Philosophical heritage of Grigory Skovoroda. In: *Skovoroda G.S. Selected works*. Moscow. (In Russ.).
13. Skovoroda, G.S. (1973). *Selected works*. In 2 vols. Moscow. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Муратова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; *e-mail*: mouratova@tut.by
ORCID: 0000-0002-5246-8911.

Information about the author:

Elena Yu. Muratava, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics. Vitebsk State University named after P.M. Masherov; *e-mail*: mouratova@tut.by
ORCID: 0000-0002-5246-8911.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1094-1109

UDC [811.161.1:811.581]’373.612

Research article / Научная статья

Linguocultural Connotations of the Lexeme willow ‘ИВА’ in Russian and Chinese Languages

Yunuo Sun , Mikhail A. Rybakov , Marina V. Lysyakova

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maclay Str., Moscow, Russian Federation, 117198
 876136269@qq.com

Abstract. This paper attempts to explain linguocultural connotations of phytonomen WILLOW by analyzing the results of process that Russian and Chinese perceive this object in our surrounding world and their aesthetic ideas about it. The relevance of the study is due to the need for an accurate understanding and transmission of the information received in the communication of representatives of different cultures, as well as insufficient knowledge of linguocultural connotations of phytonomen in Russian and Chinese, especially in comparative aspect. The aim of this paper is to study connotations of the lexeme WILLOW in Russian and Chinese linguocultures. The material of the study is proverbs and lyrical works containing the phytonomen WILLOW with special linguocultural connotations for the Russians and Chinese. The paper uses such methods as descriptive, paremiological, contextual, comparative, component analysis, cognitive modeling. The study belongs to the sphere of the current direction in linguistics — comparative linguoculturology and paremiology. The scientific novelty lies in clarification of the historical and cultural associative meanings of the lexeme WILLOW in Russian and Chinese linguocultures. The result of the study is establishing of the fact that WILLOW occupies an important position in both linguocultures. It symbolizes strong life and graceful female image in the two languages. In addition, WILLOW personifies grief, soreness and even funerals in Russian linguoculture and has connotations of «frivolous girl», «farewell», «longing for someone absent or the homeland» in Chinese. Hence follows the conclusion that linguocultural connotations of the lexeme WILLOW in Russian and Chinese do not completely coincide, they have both similarities and differences.

Keywords: linguoculture, connotation, Russian language, Chinese language, willow, contrastive lexicology

Article history:

Received: 01.08.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Sun, Yunuo, Rybakov, M.A. & Lysyakova, M.V. (2022). Linguocultural Connotations of the Lexeme WILLOW ‘ИВА’ in Russian and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1094–1109. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1094-1109>

© Sun Yu., Rybakov M.A., Lysyakova M.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Лингвокультурные коннотации лексемы ИВА в русском и китайском языках

Ю. Сунь , М.А. Рыбаков , М.В. Лысякова

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, Миклухо-Маклая, д. 6
 876136269@qq.com

Аннотация. Предлагается обзор лингвокультурных коннотаций фитонима ИВА через анализ результатов процесса восприятия данного объекта окружающего мира и эстетических представлений о нем носителей русского и китайского языка. Актуальность исследования обусловлена потребностью точного понимания и передачи полученной информации при коммуникации представителей разных культур, а также недостаточной изученностью лингвокультурных коннотаций фитонима в русском и китайском языках, в особенности в сопоставительном аспекте. Цель работы — изучение коннотаций лексемы ИВА в русской и китайской лингвокультурах. Материалом исследования является фитоним ИВА с особыми лингвокультурными коннотациями в сознании россиян и китайцев. Методы исследования: дескриптивный, контекстуальный, сопоставительный, компонентного анализа, когнитивного моделирования. Исследование принадлежит сфере интересов актуального направления в языкознании — сопоставительной лингвокультурологии. Научная новизна предпринятого анализа состоит в уточнении историко-культурных ассоциативных значений лексемы ИВА в русской и китайской лингвокультурах. Результатом исследования стало установление того факта, что ива занимает высокое положение в обеих лингвокультурах, тесно связана с мотивами «спасения» в русской и рассматривается как священное дерево в китайской. Ива символизирует весну, жизнь и грациозный женский образ в двух языках. Кроме того, она еще олицетворяет скорбь, горе и даже похороны в русской лингвокультуре, а в китайской ива обладает коннотациями «легкомысленная девушка», «расставание», «тоска по кому-нибудь отсутствующему или по родине». Отсюда вытекает заключение о том, что лингвокультурные коннотации лексемы ИВА в русском и китайском языках не полностью совпадают, они имеют как сходства, так и различия.

Ключевые слова: лингвокультура, коннотация, сопоставительная лексикология, русский язык, китайский язык, ива

История статьи:

Дата поступления: 01.08.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Сунь Ю., Рыбаков М.А., Лысякова М.В. Лингвокультурные коннотации лексемы ИВА в русском и китайском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1094–1109. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1094-1109>

Introduction

Russian encyclopedic dictionary [1. P. 725], Soviet Encyclopedic Dictionary [2. P. 31] and the Big Encyclopedic Dictionary [3. P. 563] give the following definition of connotation: connotation — in linguistics, an additional, accompanying meaning of a language unit or category. It includes semantic and stylistic aspects related to the main meaning.

Connotation has become the object of systematic analysis in L. Hjelmslev's «connotative semiology» [4. P. 139]. In structural semantics, taking the definition of the concept of the word according to F. de Saussure («valeur») into account, L. Hjelmslev presented arguments that in order to describe the semantic content of a word, the designated objects (extension) and features (intention) of the designated objects also include judgments and evaluation related into a single linguistic community [5. P. 187].

In 1950s the ethnolinguistic approach to the meaning of a word leads Yu. Naida to recognize the role of culture in the formation of the accompanying meaning (connotation) [6. P. 45–71].

In 1962 T. Pavel expressed the idea of researching the semantic structure of a metaphor with the help of connotations for the first time [7. P. 84], in which the denotative meaning is replaced by contextual, figurative, connotative. Since that time the view of connotation as an integral part of the language system, which cannot be limited only by stylistic framework, has been increasingly strengthened in linguistics.

O.H. Rakitina connects the connotation with the cultural and national identity of associations due to the «layered impact of practical, theoretical, cultural and linguistic experience itself» and defines the connotation as an emotive-evaluative and stylistically marked coloring of a language unit, expressing the attitude of the subject of speech to reality of a usual or occasional nature [8. P. 32].

This paper attempts to explain linguocultural connotations of the phytonomena WILLOW in minds of Russian and Chinese speakers. It is impossible to obtain the necessary information only from explanatory dictionaries that fix only «pure» semantics. It is necessary to refer to the knowledge about this object of the surrounding world, reflected in the linguistic consciousness of Chinese and Russians [9. P. 1179]. The relevance of this study is due to the need for accurate understanding and transmission of the information received in intercultural communication. Despite of a significant number of works devoted to similar and specific for different linguistic cultures features of perception and characteristics of zoonym [10. P. 252] and color terms [11. P. 729–730], however, there is insufficient comparative study of linguocultural connotations of the phytonomena in Russian and Chinese, so this topic seems to be especially relevant. The aim of the work is to clarify connotations of the lexeme WILLOW in Russian and Chinese linguistic cultures.

Linguocultural connotations of the lexeme WILLOW in Russian

According to «Big Encyclopedic Dictionary», WILLOW is a genus of trees and shrubs of the willow family [12]. Among Russian willow is widely known. This is evidenced by signs, sayings and riddles about willow. For example, «Ива рано инеем покрылась — к долгой зиме» ‘The willow was covered with frost early — by the long winter’.¹ The saying «От ивы яблоко не родится» ‘An apple will not be born from a willow’² indicates the similarity of children and parents, the value of family traditions. There are such riddles as «Живёт в низинке, из неё плетут корзинки» ‘He lives in a lowland, baskets are woven from it’; «Вышли девицы весне подивиться, Сели гурьбой над самой водой. Ноги в воде купаются, Руки в воде плещаются, Косы с плеч опускаются, Серёжки висят, качаются» ‘The girls came out to marvel at the spring, They sat down in a crowd over the very water. Feet bathe in the water, Hands splash in the water, Braids fall from the shoulders, Earrings hang, sway’; «Кудри в речку опустила, И о чём-то загрустила, А о чём она грустит, Никому не говорит» ‘She lowered her curls into the river, And she was sad about something, And what she is sad about, She doesn’t tell anyone’.³

Willow is salt-tolerant, extremely resistant to water and dampness, it loves warm and humid climate conditions, but can also grow in dry areas with high temperatures. Even if you take one willow branch and insert it into the soil as you like, it will be able to grow normally. It is obvious that willow has a strong vitality, therefore, it is a symbol of life and contains the meanings of ‘growth’, ‘fertility’. The proverb «Ива из тычка растёт» ‘The willow grows from a poke’⁴ testifies to the high adaptability and survival of willow, i.e. willow will grow in any place in which it is planted without much care. This proverb can also be said about a simple, unpretentious person. A similar proverb «Гибкую иву ветер не ломает» ‘The wind will not break a flexible willow’ can indicate such human qualities as perseverance, resistance to life’s adversities.

In Russian, willow is beautiful, and is often associated with youth, female harmony and beauty of the figure. As they sing in the song «Beauty Willow»:

Живёт на лужайке красавица ива...

Она будто дева красы неземною

Раскинув прекрасные косы свои

И словно принцесса в шикарном наряде

A beautiful willow lives on the lawn...

She is like a virgin of unearthly beauty

Spreading their beautiful braids

And like a princess in a chic outfit

¹ Белов Н.В. Загадки, скороговорки, считалки, потешки, стишки. Минск: Харвест, 2021. С. 230—231.

² Интернет-ресурс о русском языке (афоризмы, пословицы, поговорки, приметы). Режим доступа: <https://rich-language.ru/primety/primeta-1689> (дата обращения: 10.02.2022).

³ Там же.

⁴ Санжаровский А.Н. Природы краса. М.: Книга по требованию; 2017. С. 230—231.

<i>По ветру качается в танце весны.</i>	<i>Swinging in the wind in the dance of spring.</i>
<i>Ах ива ивушка краса</i>	<i>Ah willow willow-ear beauty</i>
<i>Ты так прекрасна и мила...</i>	<i>You are so beautiful and sweet...</i>
<i>Ах ива ивушка моя</i>	<i>Ah, my willow willow</i>
<i>Ты очень нежна и добра</i>	<i>You are very gentle and kind</i>
<i>Ты королева доброты</i>	<i>You are the queen of kindness</i>
<i>Приносишь лишь покой души [13].</i>	<i>You bring only peace of mind.</i>

People admire willow as a beauty, a princess in a chic outfit, she is beautiful, gentle, sweet, and kind, bringing peace to the soul.

At the same time, in addition to positive symbolic meanings of willow in Russian, there are stable expressions: *sad willow*, *weeping willow*. It symbolizes sorrow, grief, and even funerals.

For example, Afanasy Fet is a poet who used the image of willow many times in his work, expressing significantly different emotions. His work as a whole can be divided into two periods. At first, he wrote sweet, light and carefree poems, but then deep melancholy took possession of his poetry. «Willows and Birches» was written in the last period:

<i>Но ива, длинными листьями</i>	<i>But the willow, long sheets</i>
<i>Упав на лоно ясных вод,</i>	<i>Falling into the bosom of clear waters,</i>
<i>Дружней с мучительными снами</i>	<i>Friends with painful dreams</i>
<i>И дольше в памяти живет...</i>	<i>And lives longer in memory ...</i>
<i>Всю землю, грустно-сиротлива,</i>	<i>The whole earth, sad and lonely,</i>
<i>Считая родиной скорбей,</i>	<i>Considering the birthplace of sorrows,</i>
<i>Плачущая склоняет ива</i>	<i>Weeping willow bends</i>
<i>Везде концы своих ветвей [14].</i>	<i>Everywhere the ends of their branches.</i>

The reason for the abrupt change in the style of Afanasy Fet's poetry was the death of Maria Lazich, his dear beloved girl. They had a great relationship, but Afanasy Fet rejected his marriage to Mary in order to receive a title of nobility. The trouble is that Maria Lazich later died in a fire. The poet remembered his girlfriend all his life and regretted that everything collapsed because of his mistake. Indeed, it was possible to acquire a title of nobility, but happiness was lost forever. This event greatly changed Afanasy Fet, there was no more joy in his work. It is not for nothing that in the poem «Willows and Birches» the poet creates an extremely gloomy atmosphere with the help of the words *torturous*, *sad*, *sorrow* and the characteristic image of a weeping willow.

At the same time, willow in Russian carries linguocultural connotations associated with such concepts as “cemeteries”, “funerals”, since willow often grows on the grave. For example, under the pen of Marina Tsvetaeva there is a weeping willow on the granite grave of Napoleon:

<i>Длинные кудри склонила к земле, Словно вдова молчаливо. Вспомнилось, — там, на гранитной скале, Тоже плакучая ива. Бедная ива казалась сестрой Царскому пленнику в клетке, И улыбался пленённый герой, Глядя пушистые ветки. Помните, там на могиле Его Тоже плакучая ива... [15].</i>	<i>Long curls bent to the ground, Like a widow silently. I remembered — there, on a granite rock, Also weeping willow. The poor willow looked like a sister To the king's prisoner in a cage, And the captive hero smiled, Stroking fluffy branches. Remember, there at His grave Also a weeping willow...</i>
---	--

In the poem «Funeral», written by Nikolai Nekrasov in 1861, a young man who committed suicide was buried by the villagers precisely under weeping willows:

<i>Под большими плакучими ивами Успокоился бедный стрелок [16].</i>	<i>Under the big weeping willows The poor shooter calmed down</i>
---	---

The ideologist of Russian symbolism Zinaida Gippius also associates willow with death, including the lines of the poem «Women's 'No'»:

<i>Где гниёт седящая ива, где был и ныне высох ручеёк, девочка, на краю обрыва, плачет, свивая венки... [17].</i>	<i>Where the graying willow rots where the brook was and now dried up, girl on the edge of a cliff cries, twisting a wreath...</i>
---	--

Linguocultural connotations of the lexeme WILLOW in Chinese

Among more than 550 species of willow all over the world about 257 grow in China. According to archaeological data, willow has existed since the Paleolithic, and willow pollen was found in the Malan loess of the Loess Plateau more than 50,000 years ago [18. P. 34], later the character «柳» [Liu] (willow) appeared in Jiaguwen (bone and tortoise shell inscriptions) of the Yin and Shang dynasties.

Цзягувэнь Jiaguwen	Цзиньвэнь Jinwen	Чжуаньшу Zhuanshu	Лишу Lishu	Кайшу Kaishu

Fig. 1. The character «柳» (willow) in different stages of Chinese calligraphy development

Рис. 1. Иероглиф «柳» (ива) в разные периоды развития китайской письменности

Since Chinese ancestors used the scheme as a written sign, the hieroglyph as the earliest letter is similar in appearance to the signified and belongs to the ideogram. Not without reason, in the hieroglyph «柳» (willow), especially in the ancient styles of Jiaguwen and Jinwen, we can even clearly see the shape of the trunk, branches and leaves of willow.

In process of time willow ceased to be an ordinary plant in nature, our ancestors gave it soul of culture, a special «willow culture» was gradually formed, which became an integral part of our Chinese culture. According to the statistics of Shi Jinyao in his article «The study of the theme and image of Willow in ancient Chinese literature», in the collection «Poems of the Tang Dynasty» there are 2703 poems, in which willow is found; in the Song Dynasty, willow appeared 2864 times in Song Tsy (a genre of rhythmic prose) [19. P. 28].

As in Russian, willow in Chinese has linguocultural connotations of “spring” and “life”, which depends on its natural properties. About the strong vitality of willow in the annals «Documents of the Warring States Era» it is written: «...今夫杨，横树之则生，倒树之则生，折而树之又生...» [... jin fu yang, heng shu zhi ze sheng, dao shu zhi ze sheng, zhe er shu zhi you sheng...] ‘Horizontally inserting a willow branch into the soil, or turning it upside down, and even breaking it, then planting, willow will still be able to survive’ [20. P. 267]. Willow will grow quickly within a year and can be used forever. Chinese proverb says, «家有百株柳» [Jia you bai zhu liu] ‘If there are a hundred willows at home’, «吃穿不用愁» [chi chuan bu yong chou] ‘don’t worry about the food and clothes’; «养花不如栽柳» [yang hua bu ru zai liu] ‘it is better to plant a willow than to sow flowers’.

Willow is regarded as the herald of spring. This is evidenced by phraseological units and proverbs, such as 宠柳娇花 [chong liu jiao hua] ‘pleasant willow and lovely flowers; trans. meaning: landscape of spring’, 花红柳绿 [hua hong liu lv] ‘red flowers and green willow; trans. meaning: beautiful scenery of spring’, 五九和六九 [wu jiu he liu jiu], 河边看杨柳 [he bian kan yang liu] ‘in the weather ‘fifth and sixth nine days you can come to the river to see willow; trans. meaning: on the 45th — 54th day after the winter solstice, spring comes’.

Willow as a messenger of spring is embodied in many poems. Among them the most famous is the poem from the Tang Dynasty «咏柳» [yong liu] ‘Praise of the Willow’ by the poet He Zhizhang, which was included in the Chinese elementary school textbook:

碧玉妆成一树高 [bi yu zhuang cheng yi shu gao],
 万条垂下绿丝绦 [wan tiao chui xia lv si tao].
 不知细叶谁裁出 [bu zhi xi e shui cai chu],
 二月春风似剪刀 [er yue chun feng si jian dao]. [21].

Interlinear translation: ‘Tall willow trees are covered with new green leaves. Weeping tender willow branches are like green ribbons. Who cut these thin leaves? It turned out that the warm spring breeze of February is like skillful scissors’.

The poet describes the image of willow in general, vividly depicting its beauty and elegance. Then, drawing attention from the rods to the leaves, the author compares the spring breeze with scissors, which shows its magical power. Since the spring breeze, as the creator of beauty, cuts not only willow leaves, but also spring, He Zhizhang sings of spring through the willow, expressing his joy for its coming. This poem can be called a masterpiece in the history of poetic creativity.

It is no coincidence that Chinese “Buddha of Poetry” Wang Wei from the Tang Dynasty also associates willow with spring in his poem «田园乐» [tian yuan le] ‘fun in the countryside’:

桃红复含宿雨 [tao hong fu han su yu],
柳绿更带春烟 [liu lv geng dai chun yan]... [22].

Interlinear translation: ‘On the petals of pink peach flowers are still drops of night rain, fresh green willows are shrouded in spring morning fog...’.

After resigning his official duties and moving away from the imperial court to the rural forest, Wang Wei became a hermit in the last years of his life and found great pleasure in nature. In this poem, the poet depicts us a calm picture of an idyllic rural life: pink peach flowers, raindrops, fresh willow branches and morning mist — light coloring brings the breath of spring. This is where the idiom 桃红柳绿 [tao hong liu lu] ‘peach red willow green’ comes from, which is used to describe a vibrant spring landscape of flourishing flowers and lush trees.

Due to its flexible graceful figure, weeping willow is often associated with a graceful woman. For example, the idiom 柳腰 [liu yao] ‘waist like willow’ is characterized by a woman’s thin, flexible waist, and the idiom 柳腰莲脸 [liu yao lian lian] ‘waist like willow, face like a lotus’ is straight means beauty. 柳腰 [liu yao] ‘waist like willow’ became especially popular during the Tang Dynasty, when a woman wears tight clothing combined with a belt to show off the beauty of her body lines. At the same time, the Tang Dynasty is an era of unprecedented prosperity of dancing to music. Charmingly dancing geishas are very similar to the branches of a weeping willow swaying in the wind, which arouses the admiration of writers. The great poet Bai Juyi has this line:

樱桃樊素口 [ying tao fan su kou],
杨柳小蛮腰 [yang liu xiao man yao] [23. P. 87].

Interlinear translation: ‘Fansu has a mouth like a cherry; Xiaoman’s waist is like a willow’.

Fansu and Xiaoman are the favorite concubines of Bai Juyi. Comparing the mouth with a cherry and the waist with a willow, the poet praises their beauty.

In addition, Bai Juyi uses long, narrow willow leaves to describe the well-defined eyebrows of one of the four beauties in ancient China — Yang Yuhuan: «芙蓉如面柳如眉 [Fu rong ru mian liu ru mei]» ‘Blooming hibiscus are like her face, willow leaves are like her eyebrows’ [24]. Today, 柳叶眉 [liu ye mei] ‘eyebrows look like willow leaves in shape’ is considered one of the generally

accepted criteria for evaluating a beauty. No wonder the saying «樱桃小嘴柳叶眉 [ying tao xiao zui liu ye mei], 貌美如花赛西施 [mao mei ru hua sai xi shi] ‘lips are like cherries and eyebrows are like willow leaves, the girl is beautiful such as Xishi’ is popular.

In addition to the beauty of a woman, willow also symbolizes her love and longing. The famous writer Liu Yuxi from the Tang Dynasty depicts a young girl in her first love with the help of a willow tree:

杨柳青青江水平 [yang liu qing qing jiang shui ping],
闻郎江上唱歌声 [wen lang jiang shang chang ge sheng]... [25].

Interlinear translation: «Willows are green, river is quiet. Suddenly from a boat on the river came the singing of a beloved...».

This is a poem about the love of a boy and a girl. It describes the mental activity of a young girl with her first love when she hears her lover’s song: he is sailing in a boat to the river bank, singing. Does he like me too? The girl doesn’t know. Spring willows on the banks of a calm river, most likely, evoke a tender feeling in the girl, they carry her desire for wonderful love.

The most talented poet of ancient China, Li Qingzhao from the Song Dynasty, also uses willow to express her deep longing for her husband:

柳眼梅腮 [liu yan mei sai],
已觉春心动 [yi jue chun xin dong].
酒意诗情谁与共 [jiu yi shi qing shui yu gong]?
泪融残粉花钿重 [lei rong can fen hua dian zhong]... [26].

Interlinear translation: ‘The willow sprouts, the mume apricot flowers bloom, it gives a feeling of the approach of spring. At such a moment, with whom can you drink and discuss poetry? Tears mix the remaining powder on the face, even the head jewelry seems too heavy...’.

These lines were written by the lonely poetess when her husband Zhao Mingcheng returned to the position in another city. Enjoying the beautiful spring willow, Li Qingzhao involuntarily recalls those happy days with Zhao: they together admired gold and stones, brewed tea, heated wine, discussed and appreciated poetry. And now only she sits alone with an extremely bitter heavy mood. the poetess misses her husband greatly, dreaming of happiness.

However, willow as symbol of woman also has a negative connotation: ‘fallen’ and ‘frivolous’. For example, in one of the four Chinese classics — «Dream in a Red Chamber» it is written: «大凡女人都是水性杨花» [da fan nv ren dou shi shui xing yang hua] ‘Most women are changeable like flowing water, frivolous like willow flakes’ [27. P. 97]. This comparison with an obvious pejorative connotation implies an unfaithful woman of easy virtue. In addition, idiom 败柳残花 [bai liu can hua] ‘withered willow and withered flowers’ directly refers to a fallen woman and a prostitute. At the same time, idiom 柳巷花街 [liu xiang hua jie] ‘willow lane and flower street’ is often used to refer to a brothel or street where brothels gather. Idiom 寻花问柳 [xun hua wen liu] ‘visit flowers and willow’ means to have fun with women.

The hieroglyph «柳» [liu] ‘willow’ in Chinese is a homonym of the word «留» [liu] ‘stay’, so willow carries the symbolic meaning of ‘hold’, ‘part’, ‘mourn at separation’. In ancient times, it was customary to break off a branch from willow and give it to the departing person as a keepsake at parting, thus the mourner expresses the longing of unwillingness to part, hoping to keep the loved one; at the same time, the mourner sends him a blessing through a willow branch, hoping that he will be able to make a brilliant career wherever he is, and that he will return as soon as possible. It is not for nothing that the farewell text of Chinese literature is always greeted with the image of willow.

For example, the poet Wang Wei wrote farewell lines with the image of willow:

渭城朝雨浥轻尘 [wei cheng zhao yu yi qing chen],
客舍青青柳色新 [ke she qing qing liu se xin],
劝君更尽一杯酒 [quan jun geng jin yi bei jiu],
西出阳关无故人 [xi chu yang guan wu gu ren] [28].

Interlinear translation: ‘In the morning of Weicheng, the spring rain wetted the dust around the courtyard, the willow leaves were young and fresh. I ask you to drink another glass of wine. When you leave Yangguan to the west, it will be difficult for you to meet old friends’.

This poem is about the poet’s farewell to his friend Yuan Er, who sets off on a long journey to the west to guard the border. The author Wang Wei lived in an era when inter-ethnic conflicts escalated, and the Tang kingdom was constantly invaded by northern Turks and Tufan, one of the ancient tribes of Tibet. Yangguan in the text is an important military territory of China against the aggression of the Huns since the Han Dynasty, located in the Hexi corridor of Gansu province [29. P. 132]. An old friend of the poet leaves for a remote western region, they do not know when they will see each other again. Light-leaved willow branches hint at parting in poetry, reflecting Wang’s deep affection for Yuan, while the poet expresses boundless blessing to his friend, wishing him a happy journey and a bright future. At the end of the poem, all these emotions dissolve into their last glass of wine: drink up and hit the road! This poem is included in the philological textbook for schoolchildren and is regarded as a classic in the Chinese poetic circle.

Due to the fact that willow plays an important role in separation, whenever people mention willow, they are unable to restrain themselves, mourning for distant relatives and friends. As a result, willow in Chinese has the linguocultural connotation of «longing for someone absent or for the homeland».

In the era of Western Zhou the famous politician, thinker, writer and military figure Zhou Gongdan compiled the classics of the Confucian teachings “Zhou Etiquette”, which provides that the common people do not have a grave, instead a willow is planted at their burial place [30. P. 56]. After the death of a commoner, the offspring expresses condolences and sadness for him only with the help of a planted willow. It can be seen that as early as 3000 years ago people put the longing for a close-dead person into the image of willow.

As for poetry, Li Bai wrote a poem about homesickness with the image of a willow tree:

此夜曲中闻折柳 [ci ye qu zhong wen zhe liu],
何人不起故园晴 [he ren bu qi gu yuan qing]? [31].

Interlinear translation: ‘Hearing the flute song ‘Break a Branch from Willow’ late at night, who doesn’t miss his hometown?’

《折柳》 [zhe liu] ‘Break a branch from willow’ here refers to the famous flute song of farewell sadness in the Han Dynasty. In fact, a branch broken off from willow is not only a custom in Chinese culture, but also a picture, as well as an emotion. On a quiet night, just such a melody was heard, living far from his homeland, Li Bai inevitably felt very sad for his family.

Since willow sprouts easily even after being damaged by toxic gas, Chinese believe that it has the functions of curing disease, chasing away devil, and protecting from evil, so willow as a sacred tree is a symbol of happiness and prosperity.

Willow holds a high status in Chinese Buddhist culture. The image of Bodhisattva Guanyin is known to everyone: she holds a vase with cleansing water in one hand, and a willow branch in the other, relieving people from suffering. In «Journey to the West», one of the four Chinese classics, a willow branch in Guanyin’s hand, like a sacred utensil, can turn into anything and resurrect the dead.

In the ancient storybook «云仙杂记» [yun xian za ji] ‘Notes of a Cloud Celestial’ edited by Fen Zhi of the Tang Dynasty, it says, «柳枝染子衣矣 [liu zhi ran zi yi yi], 科第无疑 [ke di wu yi]» ‘The dress is moistened with willow juice, you will definitely pass the imperial exam’ [32. P. 48]. This shows that in minds of the Chinese, willow always brings us good luck and happiness.

In addition, the sanctity of willow is reflected in folk custom. Since ancient times, people have put willow branches on doors on certain days in order to protect the family from evil spirits. This tradition is recorded in many famous writings, notably the one written at the end of the Northern Wei Dynasty «齐民要术» [qi min yao shu] ‘Crafts needed by the people’ — the earliest agricultural monograph in China: «正月旦取柳枝著户上 [zheng yue dan qu liu zhi zhu hu shang], 百鬼不入家 [bai gui bu ru jia]» ‘In the first month of the lunar calendar, insert willow rods on the doors, devilry will not enter the house’ [33. P. 73]. It is worth mentioning that the custom of wearing willow branches for well-being on Qingming festival is especially popular. According to the proverb, «清明不戴柳 [qing ming bu dai liu], 来生变黄狗 [lai sheng bian huang gou]» ‘If you do not wear a willow branch on your head on Qingming Festival, you will turn into a dog in the next generation’. Even until now, the custom of wearing willow during the Qingming Festival is still preserved in most regions of our country. It can be seen that the sacredness of willow and its magic to eliminate evil is clearly demonstrated in Chinese culture.

Conclusion

Linguocultural connotations of the lexeme WILLOW in Russian and Chinese have both similarities and differences. Firstly, they fully coincide in the symbolic meaning ‘strong life’ in connection with willow’s own property, moreover, willow is the personification of spring in Chinese. Secondly, willow is associated with young graceful female image in both languages, but in Chinese it also has a negative meaning — fallen or frivolous girls. Thirdly, willow occupies an important position in two linguistic cultures, especially in Chinese willow as a sacred tree is the symbol of happiness and prosperity. Finally, willow symbolizes sorrow, grief, and even funeral in Russian. Its sad connotation is also found in Chinese, but the latter comes from the linguocultural connotation of the willow ‘farewell’, it personifies longing for someone absent or the homeland.

Библиографический список

1. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1983.
3. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1999.
4. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. Пер. с англ. / Сост. В.Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006.
5. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
6. *Найда Е.А.* Анализ значения и составления словарей // Новое в лингвистике. Вып. 2 / Сост. В.А. Звегинцев. М.: Иностранная литература, 1962. С. 45–71.
7. *Говердовский В.И.* История понятия коннотации // Филологические науки. 1979. № 2. С. 83–86.
8. *Ракитина О.Н.* Ценностный аспект немецких и русских наименований элементов рельефа как сегмента языковой картины мира // Язык. Культура. Коммуникация. В 2 ч. Ч. 1: материалы 2-й Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 14–15 мая 2008 г. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. С. 216–221.
9. *Чулкина Н.Л., Кольцова Н.В.* Уровень конфликтогенности концептуального поля «богатство/бедность» в языковом сознании русских и китайцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1178–1190. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1178-1190>
10. *Коваль В.И.* Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 250–264. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264>
11. *УПэйхуа.* Семантика цветообозначения желтый в китайской и русской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 729–746. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746>
12. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufu.me/dict/bes/%D0%98%D0%92%D0%90>. (дата обращения: 06.03.2021).
13. *Блидари Е.* Красавица ива. Режим доступна: <https://www.realrocks.ru/evghenii/92816>. (дата обращения: 6.03.2021).
14. *Фет А.А.* Ивы и берёзы. Режим доступна: <http://stih.su/ivy-i-berezy/> (дата обращения: 06.03.2021).

15. *Цветаева М.И.* Бонапартисты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/34708/bonapartisty>. (дата обращения: 06.03.2021).
16. *Некрасов Н.А.* Похороны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/stihi/256.htm>. (дата обращения: 06.03.2021).
17. *Гиннус З.Н.* Женское «Нету». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/26764/zhenskoe-netu>. (дата обращения: 06.03.2021).
18. *Го Ж., Ян Х.* Сопоставление символических значений ивы в русской и китайской культурах // Экономика и культура в пограничных районах. 2020. № 6. С. 34–38. (На китайском языке). 郭荣荣, 杨海云. 俄汉文化中柳的象征意义对比. 边疆经济与文化, 2020. № 6. С. 34 — 38.
19. *Ши Ч.* Исследование темы и изображения ивы в древнекитайской литературе: Дис. ... канд. филол. наук. Нанькин, 2007. (На китайском языке). 石志鸟. 中国古代文学杨柳题材与意象研究. 南京师范大学, 2007.
20. *Хань Ф.* Энциклопедия о Хань фэйцзы. Пекин: Издательство Чанань, 2009. (На китайском языке). 韩非. 韩非子全书. 内蒙古: 内蒙古人民出版社, 2009.
21. *Хэ Ч.* Восхваление ивы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E5%92%8F%E6%9F%B3/172>. (дата обращения: 06.03.2021). (На китайском языке).
22. *Ван В.* Сельское веселье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%B0%E5%9B%AD%E4%B9%90%E4%B8%83%E9%A6%96/1734294?fromtitle=%E7%94%B0%E5%9B%AD%E4%B9%90&fromid=10391610>. (дата обращения: 06.03.2021). (На китайском языке).
23. *Мэн Ц.* Стихи сюжетного содержания. Шанхай: Китайское книгоиздательство, 2014. (На китайском языке). 孟荣. 本事诗. 上海: 中华书局, 2014.
24. *Бай Ц.* Песнь о бесконечной скорби. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E9%95%BF%E6%81%A8%E6%AD%8C/22524> (дата обращения: 06.03.2021). (На китайском языке).
25. *Лю Ю.* Бытовая фольклорная поэзия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E7%AB%B9%E6%9E%9D%E8%AF%8D%E4%BA%8C%E9%A6%96/2877635?fromtitle=%E7%AB%B9%E6%9E%9D%E8%AF%8D%E4%BA%8C%E9%A6%96/2877635&fromid=3000814>. (дата обращения: 06.03.2021). (На китайском языке).
26. *Ли Ц.* Схизанутус. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E8%9D%B6%E6%81%8B%E8%8A%B1%C2%B7%E6%9A%96%E9%9B%A8%E6%99%B4%E9%A3%8E%E5%88%9D%E7%A0%B4%E5%86%B8>. (дата обращения: 06.03.2021). (На китайском языке).
27. *Цао С., Гао Э.* Сон в красном тереме. Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 2006. Т. 4. (На китайском языке).
28. *Ван В.* Провожая друга Юаньэр в Аньси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E9%80%81%E5%85%83%E4%BA%8C%E4%BD%BF%E5%AE%89%E8%A5%BF/2802011?fromtitle=%E6%B8%AD%E5%9F%8E%E6%9B%B2&fromid=3884>. (дата обращения: 06.03.2021). (На китайском языке).
29. *Ван Ц., Дун Н.* Собрание о Ван Вэй. Цзянсу: Феникс, 2014. (На китайском языке). 王继洪, 董乃斌. 王维集. 江苏: 凤凰出版社, 2014.
30. *Бань Г.* Общий принцип Байху. Пекин: Китайское книжное издательство, 2018. (На китайском языке). 班固. 白虎通义. 北京: 中国书店出版社, 2018.
31. *Ли Б.* Слышу свирель весенним вечером в городе Лоян. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://so.gushiwen.cn/mingju/juv_d26a6d8d3f1b.aspx (访问日期: 2022年3月6日)

32. 冯贲. 云仙杂记. 北京: 商务印书馆, 1934.
Фэн Ч. Набросок Юньсянь. Пекин: Коммерческое издательство, 1934. (На китайском языке).
33. 惠富平. 齐民要术. 北京: 科学出版社, 2019.
Хуй Ф. Нужные народу ремесла. Пекин: Научное издательство, 2019. (На китайском языке).

References

1. Russian Encyclopedic Dictionary (2000). In 2 vols, A.M. Prokhorov (Ed.). Moscow. (In Russ.).
2. Soviet Encyclopedic Dictionary (1983). A.M. Prokhorov (Ed.). Moscow. (In Russ.).
3. Big encyclopedic dictionary (1999). Moscow: Great Russian Encyclopedia; St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
4. Elmslev, L. (2006). *Prolegomena to the theory of language*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
5. Postmodernism. Encyclopedia. (2001). Minsk: Interpressservice; Book House. (In Russ.).
6. Naida, E.A. (1962). Analysis of the meaning and compilation of dictionaries. *New in linguistics*. Iss. 2. Moscow: Inostrannaya literatura. pp. 45–71. (In Russ.).
7. Goverdovsky, V.I. (1979). History of the concept of connotation, 2, 83–86. (In Russ.).
8. Rakitina, O.N. (2008). Valuable Aspect of German and Russian Names of Landscape Elements as Segments of Linguistic Worldview. *Language. Culture. Communication. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference, Volgograd, May 14–15. In 2 parts. Part 1*. Volgograd: Izd-vo VolGU. pp. 216–221. (In Russ.).
9. Chulkina, N.L. & Koltsova, N.V. (2017). Conflictogeny level of the conceptual field “wealth / poverty” in the linguistic consciousness of russians and the Chinese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1178–1190. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1178-1190> (In Russ.).
10. Koval, V.I. (2020). Symbol of Mouse in Slavonic and Chinese Linguocultures. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 250–264. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264> (In Russ.).
11. Wu, P. (2018). The semantics of yellow color terms in Chinese and Russian linguocultures. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 729–746. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746> (In Russ.).
12. Big encyclopedic dictionary. URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%98%D0%92%D0%90>. (accessed: 6.03.2021). (In Russ.).
13. Blidari, E. *Beautiful willow*. URL: <https://www.realrocks.ru/evghenii/92816>. (accessed: 6.03.2021). (In Russ.).
14. Fet, A.A. *Willows and birches*. URL: <http://stih.su/ivy-i-berezy/> (accessed: 6.03.2021). (In Russ.).
15. Tsvetaeva, M.I. *Bonapartists*. URL: <https://www.culture.ru/poems/34708/bonapartisty>. (accessed: 6.03.2021). (In Russ.).
16. Nekrasov, N.A. *The funeral*. URL: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/stihi/256.htm>. (accessed: 6.03.2021). (In Russ.).
17. Gippius, Z.N. *Female “No”*. URL: <https://www.culture.ru/poems/26764/zhenskoe-netu>. (accessed: 6.03.2021). (In Russ.).
18. Guo, R. & Yang, H. (2020). Comparison of the symbolic meanings of willow in Russian and Chinese cultures. *Economy and culture in border areas*, 6, 34–38. (In Chinese). / 郭荣荣, 杨海云. 俄汉文化中柳的象征意义对比. *边疆经济与文化*, 2020, 6, 34–38.
19. Shi, Z. (2007). *Study of the theme and image of willow in ancient Chinese literature* [dissertation]. Nankin. (In Chinese). 石志鸟. 中国古代文学杨柳题材与意象研究. 南京师范大学.
20. Han, F. (2009). *Encyclopedia of Han Feizi*. Beijing: Chang’an. (In Chinese). 韩非. 韩非子全书. 内蒙古: 内蒙古人民出版社.

21. He, Z. Praising the willow. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%92%8F%E6%9F%B3/172> (accessed: 6.03.2021). (In Chinese).
22. Wang, W. Rural fun. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%B0%E5%9B%AD%E4%B9%90%E4%B8%83%E9%A6%96/1734294?fromtitle=%E7%94%B0%E5%9B%AD%E4%B9%90&fromid=10391610> (accessed: 6.03.2021). (In Chinese).
23. Meng, Q. (2014). Poems of plot content. Shanghai: Chinese Book Press. (In Chinese). 孟榮. 本事诗. 上海: 中华书局.
24. Bai, J. A song of endless sorrow. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%95%BF%E6%81%A8%E6%AD%8C/22524> (accessed: 6.03.2021). (In Chinese).
25. Liu, Y. Household folk poetry. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%AB%B9%E6%9E%9D%E8%AF%8D%E4%BA%8C%E9%A6%96/2877635?fromtitle=%E7%AB%B9%E6%9E%9D%E8%AF%8D%E4%BA%8C%E9%A6%96/2877635&fromid=3000814> (accessed: 6.03.2021). (In Chinese).
26. Li, Q. Schizanthus. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%9D%B6%E6%81%8B%E8%8A%B1%C2%B7%E6%9A%96%E9%9B%A8%E6%99%B4%E9%A3%8E%E5%88%9D%E7%A0%B4%E5%86%BB> (accessed: 6.03.2021). (In Chinese).
27. Cao, X. & Gao, E. (2006). *Dream in the Red Chamber*. Shanghai: Shanghai Ancient Book Press. Vol. 4. (In Chinese). 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 全四册. 上海: 上海古籍出版社, 2006. 第4册.
28. Wang, W. *Seeing me friend Yuan'er off to Anxi*. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%80%81%E5%85%83%E4%BA%8C%E4%BD%BF%E5%AE%89%E8%A5%BF/2802011?fromtitle=%E6%B8%AD%E5%9F%8E%E6%9B%B2&fromid=3884> (accessed: 6.03.2021). (In Chinese).
29. Wang, J. & Dong, N. (2014). *Collection of Wang Wei*. Jiangsu: Phoenix. (In Chinese). 王继洪, 董乃斌. 王维集. 江苏: 凤凰出版社.
30. Ban, G. (2018). *The general principle of Baihu*. Beijing: Chinese Book Press. (In Chinese). 班固. 白虎通义. 北京: 中国书店出版社.
31. 李白. 春夜洛城闻笛. https://so.gushiwen.cn/mingju/juv_d26a6d8d3f1b.aspx (访问日期: 2022年3月6日)
Li, Bai. *Hear the pipe on a spring evening in Luoyang*. URL: https://so.gushiwen.cn/mingju/juv_d26a6d8d3f1b.aspx (accessed: 6.03.2022). (In Chinese).
32. 冯贲. 云仙杂记. 北京: 商务印书馆, 1934.
Feng, Zhi. (1934). *Yunxian's sketch*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
33. 惠富平. 齐民要术. 北京: 科学出版社, 2019.
Hui, Fuping. (2019). *Crafts needed by people*. Beijing: Science Press. (In Chinese).

Сведения об авторах:

Сунь Юйно, аспирант по направлению 45.06.01 Языкознание и литературоведение кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: сопоставительная лексикология, лингвокультурология; *e-mail*: 876136269@qq.com
ORCID: 0000-0002-0854-6097.

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: лингвистическая типология, сопоставительная семантика; *e-mail*: rybakov-ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9444-3889; eLIBRARY SPIN-код 6890-700; Scopus ID:57200527717.

Лысякова Марина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: лингвистическая типология, сопоставительная семантика; *e-mail*: lysyakova-mv@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-2592-6067.

Information about the authors:

Sun Yunuo, post-graduate student in the direction of 45.06.01 Linguistics and literary studies of Department of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: contrastive lexicology, linguoculture; *e-mail*: 876136269@qq.com
ORCID: 0000-0002-0854-6097.

Mikhail A. Rybakov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: linguistic typology, contrastive semantics; *e-mail*: rybakov-ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9444-3889; eLIBRARY SPIN-код 6890-700; Scopus ID:57200527717.

Marina V. Lysyakova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: linguistic typology, contrastive semantics; *e-mail*: lysyakova-mv@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-2592-6067.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1110-1121

UDC 811.161.1:82-1:784.1(470+571)

Research article / Научная статья

Synergism of Music and Word in Polyphonic Forms of Choral Works a Cappella by Modern Russian Composers

Natalia V. Koshkareva

State Musical and Pedagogical Institute named after M.M. Ippolitov-Ivanov,
36, Marksistskaya Str., Moscow, Russian Federation, 109147

 nkoshkarevav@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of a polyphonic choral composition as a polycode text, in which literary and musical texts as paralinguistic means contain heterogeneous information and add additional shades to the content of the score, i.e., the musical text as a whole. The novelty of the study lies in the fact that for the first time, synthesizing scientific achievements of linguistics and musicology, the polyphonic forms of a cappella choral works are analyzed as polycode texts. Due to the specifics of the choral art form as a musical and performing art, the nature of the perception of a musical text is multimodal. For performers who ‘decipher’ and ‘voice’ a musical notation, a musical text has one visual mode. For listeners, multimodality characterizes the practice of communication in terms of auditory, linguistic, spatial and visual resources, for example, the auditory mode when listening to a work without a visual range, or a polymodus complex when listening with a visual range. This refers to listening to music while simultaneously viewing the musical text of a work, observing the process of public performance, which in modern practice is often accompanied by a specially selected video sequence. The leading paradigm is the synergy of literary and textual sources and polyphonic form in works for a cappella choir by contemporary Russian composers. Based on the differentiation of the structure of a literary and textual source, the attribution of polyphonic forms of motet, madrigal, fugue and fugato is the subject of the work, while the goal is to form a research picture based on a close ‘polyphonic’ connection between word and music. In polyphonic analysis, it is important to determine the content of choral compositions and the composer’s method of dealing with the structure of a text source. A whole poem can be taken as the basis of a musical work (an example is the text-musical forms of motets and madrigals), one strophe, one line, one word (the analysis of fugato and fugue becomes the evidence base). An interesting case is the use as a text base of a polyphonic composition of individual syllables and phonemes (preludes and fugue-vocalizes) and a ‘silent’ performance — with a closed mouth. Thus, it is proved that the musical text is a complex multimodal complex in which the main information is conveyed by semiotically heterogeneous components. It is concluded that, on the one hand, a literary text influences the choice of a polyphonic form, on the other hand, it is often a static text that does not have an external plot development in the context of polyphonic dramaturgy and form and acquires internal dynamics of development to expand its semantic field.

© Koshkareva N.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: polycode text, multimodality, musical text, score, literary text, polyphonic forms, modern choral music a cappella, text-musical form, motet, madrigal, fugue, fugato

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Koshkareva, N.V. (2022). Synergism of Music and Word in Polyphonic Forms of Choral Works a Cappella by Modern Russian Composers. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1113–1121. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1113-1121>

Синергизм музыки и слова в полифонических формах хоровых произведений А CAPPELLA современных отечественных композиторов

Н.В. Кошкарёва

Государственный музыкально-педагогический институт имени М.М. Ипполитова-Иванова,
109147, Российская Федерация, г. Москва, ул. Марксистская, д. 36

 nkoshkarevav@gmail.com

Аннотация. Полифоническая хоровая композиция рассматривается как поликодовый текст, в котором литературный и нотный тексты как паралингвистические средства являются носителями разнородной информации и вносят дополнительные оттенки в содержание партитуры, то есть музыкального текста в целом. Новизна исследования: синтезируя научные достижения лингвистики и музыковедения, полифонические формы хоровых произведений а cappella анализируются как поликодовые тексты. В силу специфики хорового вида искусства как музыкально-исполнительского природа восприятия музыкального текста мультимодальна. Для исполнителей, «расшифровывающих» и «озвучивающих» нотную запись, музыкальный текст имеет один модус — визуальный. Для слушателей мультимодальность характеризует практику коммуникации с точки зрения аудиальных, лингвистических, пространственных и визуальных ресурсов. Например, аудиальный модус при прослушивании произведения без визуального ряда, или полимодусный комплекс — с визуальным рядом. Имеется в виду слушание музыки с одновременным рассмотрением нотного текста произведения, наблюдением за процессом публичного исполнения, которое в современной практике часто сопровождается специально подобранным видеорядом. В качестве ведущей парадигмы выступает синергизм литературно-текстовых источников и полифонической формы в произведениях для хора а cappella современных отечественных композиторов. Основанное на дифференцировании структуры литературно-текстового источника, атрибуция полифонических форм мотета, мадригала, фуги, фугато составляет предмет работы, тогда как целью является формирование исследовательской картины, основанной на тесной, «полифонической» связи слова и музыки. При полифоническом анализе важно определить содержание хоровых сочинений и метод обращения композитора со структурой текстового источника. За основу музыкального произведения может быть взято стихотворение полностью (примером выступают тексто-музыкальные формы мотетов и мадригалов), одна строфа, одна строка, одно слово (доказательной базой становится анализ фугато и фуги). Интересным случаем становится применение в качестве текстовой основы полифонической композиции отдельных слогов и фонем (прелюдии и фуги–вокализы), а также «безмолвное» исполнение — закрытым ртом. Таким образом доказываем, что музыкальный текст есть сложный мультимодальный комплекс, в котором основная информация передается семи-

отически разнородными компонентами. Сделан вывод о том, что с одной стороны — литературный текст влияет на выбор полифонической формы, с другой — часто статичный, не имеющий внешнего сюжетного развития текст в контексте полифонической драматургии и формы обретает внутреннюю динамику развития и расширяет свое семантическое поле.

Ключевые слова: поликодовый текст, мультимодальность, музыкальный текст, нотный текст, литературный текст, полифонические формы, современная хоровая музыка а cappella, тексто-музыкальная форма, мотет, мадригал, fuga, фугато

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Koshkareva N.V. Synergism of Music and Word in Polyphonic Forms of Choral Works a Cappella by Modern Russian Composers // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1113–1121. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1113-1121>

Introduction

At the beginning of the 21st century, the rapid growth in the amount of visual information in the modern field of communication aroused interest among scientists and linguists in non-verbal means that accompany written speech. Particularly great importance is attached to the graphic design of the text. This led to the nascence of the concept of a ‘polycode’ text. Features of polycode texts were studied by Yu.A. Sorokin and E.F. Tarasov [1], E.E. Anisimova [2], N.M. Dugalich [3], L.S. Bolshakova [4] and others. As a matter of fact, hereinunder we will use the term *polycode text* (for more information about terminology see: N.V. Novospasskaya, N.M. Dugalich [5]).

It should be noted that beginning from the second half of the 20th century, we can observe the publication of works devoted to the theoretical understanding of choral works from the point of view of the interaction of words and music. First of all, let’s name the books: *Word and Music in Vocal and Drama Genres* by A.S. Ogolevets [6], *Analysis of Choral Works* by K.N. Dmitrevskaya [7], *Vocal Forms in the Course of Analysis of Musical Works* by I.V. Lavrentieva [8], *Music and Poetic Word* by V.A. Vasina–Grossman [9; 10], *Word and Music: Dialectics of Semantic Relations* by I.V. Stepanova [11]. The beginning of the 21st century marks the appearance the fundamental work by V.N. Kholopova *Forms of Musical Works*, which focuses on the fact that «vocal musical forms require their own method of analysis <...> Capturing the meaning of words, it becomes a method of analyzing the entire vocal composition as a whole» [12. P. 13–14]. In the development of this idea, young researchers present works directly devoted to the interaction of musical and verbal series: *Theoretical problems of text-musical form* by G.A. Rymko [13] and *Musical allegory in the choral work* of S.I. Taneev by V.P. Tereshchenko [14]. In addition, a number of scientific studies related to choral music touch upon the

synergism of words and music among the leading aspects: *Choral composition in modern Russian music* by N.V. Koshkareva [15] and *Choral vocalization in Russian music: genre and style features* by V.V. Krasov [16]. A highlight was the publication of G.V. Grigoryeva's textbook *Musical forms in the choirs of S.I. Taneev* [17]. Using the example of S.I. Taneev's choral music, the proposed manual clarifies the methodology for analyzing works of the choral genre, gives recommendations for analyzing syntactic structures of a poetic text and music, and examines the characteristic features of vocal forms that are typical not only for this composer, but also for many others. Besides, interesting examples of scientific theories are associated with the development of this problematics in the field of philology, for example, *Polyphony of the word in a literary text: based on the work by J. Joyce "Dubliners"* by A.S. Golovkina [18] and also as a synthesis of philology and art criticism, for example *Choral vocalization and mono-vocalism* by V.V. Krasov [19] and "Music as a constant of Russian literature" by I.V. Stepanova [20].

The value of these works is in deepening and clarifying the methodology for analyzing choral works based on the synthesis of two arts — poetry and music, both in figurative and emotional terms, and in the constructive field. Continuing this direction, this article chooses polyphonic works for a cappella choir by Russian composers of the second half of the 20th and early 21st centuries as the object of analysis. The novelty of the study lies in the fact that, synthesizing the scientific achievements of linguistics and musicology, the polyphonic choral composition appears as a *polycode text*, in which *literary* and *musical texts*, as paralinguistic means, are carriers of heterogeneous information and introduce additional shades into the content of the score, that is, the *musical text* as a whole. We give reasons for the hypothesis that the relationship between literary and musical text lies in their flexible mutual influence, forming a *polycode text*. On the one hand, the poetic source influences the structure of the polyphonic form, on the other hand, the artistic word itself, immersed in the context of the polyphonic texture, acquires new semantic facets.

Choral Composition as A Genre of a Polycode Text

The genres of polycode texts are diverse, and their list is constantly expanding. In terms of impact on various senses, polycode texts can be divided into three groups: *visual*, *auditory* and *audiovisual*. As an example, let's have a closer look at audiovisual polycode texts of modern polyphonic compositions for a cappella choir.

Due to the specifics of the choral art as a musical and performing art, the nature of the perception of a musical text is *multimodal* [21]. For performers who 'decipher' and 'voice' a musical notation, a musical text has one mode — visual. For listeners, multimodality characterizes the practice of communication in terms of auditory, linguistic, spatial and visual resources (for example, the auditory mode

when listening to a work without a visual range, or a polymodus complex with a visual range). This refers to listening to music while simultaneously viewing the musical text of a work, observing the process of public performance, which in modern practice is often accompanied by a specially selected video sequence, and so on. In general, any musical text can be attributed to polycode texts, since it includes verbal, visual and sound information. Polycode texts, like ordinary texts, have a number of features, such as integrity, the category of modality, the category of time and the category of locality [1].

If we analyze a choral score as a polycode text, then it should be noted that it can combine verbal, iconic and audio components, which form a single integral system among themselves, and therefore they are perceived by the addressee as a community of elements [22]. The verbal component can be represented by both written and oral text (including the part of the reader in the choral composition), which also allows it to be attributed to the audio component. This means that the choral composition as a *polycode text* can be differentiated into *literary* and *musical texts*, acting as paralinguistic means and being carriers of heterogeneous information, introducing additional shades into the content of the score, that is, the *musical text* as a whole [23].

Paradigm of Artistic Relations of Literary and Music Text in Polyphonic Forms of Choral Compositions

The choral composition in its typical form appears as the result of the interaction of the characteristic features of two arts — music and poetry. Each of these arts brings to the choral work not only the strength of its content resources, but also aspects of form shaping. If the changeable, ‘associative’ aspect of poetry tends to liberate music from strictness, from refined and typified structures and schemes, then the rhythmically organized form of a literary text directly affects the structure of the musical form. The complex dialectical interaction of constructive and destructive formants of the architectonics of the musical form of a choral composition can be expressed in relief and in various ways. Let us turn to the attribution of polyphonic forms of motet, madrigal, fugue, fugato in works for a cappella choir, differentiating the structure of the literary text source.

Most often, the literary basis of a choral work is the full version of the poem (sometimes composers exclude one or even several strophes). This allows most fully reflecting the meaning of poetry, the features of the plot structure. In terms of polyphonic genres, especially madrigals and motets, we can speak of musical architectonics, the specific feature of which is determined by the structure of a poetic text, that is, the *textual-musical form*. For example, in A.A. Korolev’s *Madrigal* to the verses by A.A. Blok, the writing technique is focused on a strict polyphonic style. The exception is the last unprepared detention. The symbolism

of A.A. Blok is consonant with madrigal poetry, singing the ideal image, an unattainable dream.

The poem by A.A. Blok, which became the basis of the musical madrigal, was written on December, 08th 1908 and are not titled. The structure of the poem is rather loose, it consists of two six-line refrains. The musical material, following the poetic source, is saturated with various themes. For each eight-syllable line of the poem, A.A. Korolev composes a separate small theme (Vl. Protopopov) or *soggetto* in the spirit of the interpretation of the theme in the 16th century, which gives the work maximum richness and variety, leading to a through form. Due to the repetition of the first minor theme at the end of the work, the effect of reprise is created. But, as was often the case in the ‘madrigal form’, the final section does not always repeat the material literally. So here, too, the initial musical phrase is carried out in a rakish inversion (bass and tenor part — bar 16). At the end of each of the six musical strophes, a cadence construction is given, accompanied by a rhythmic stop (the only exception is the end of the fourth strophe, which merges with the beginning of the fifth). This was typical of Renaissance madrigals. The final constructions are quite lengthy, they are chains of concords (polyphonic consonances) and are written in the technique of monorhythmic counterpoint (*contrapunctus simplex*). Such constructions can be compared with dots in symbolist poetry.

The *motet form* becomes the key to the solution of the choir *The Swan, the Crayfish and the Pike* by A.T. Grechaninov to the text of the fable by I.A. Krylov [24]. The high art of the composition of the work, the birth of a new genre of musical fable, is manifested in the fact that «the actions of the characters are symbolized by the independence of the voices of the polyphonic fabric» [25. P. 342]. Thus, at the very beginning of the work, in the first two measures (A.T. Grechaninov skips the first three lines of the poetic text), an endless canon sounds, where the *proposta* is presented in the parts of sopranos and altos (dubbing into thirds), and the *risposta* is presented in the tenors’ part, ending in words *together, three* (in the eighth measure) in a symbolic homophonic-harmonic construction. The second part of a complex three-part reprise form begins with a four-voice fugato (*they climb out of their skin*). After the second presentation of the theme and the answer, there is an interlude with canonical sequences in all choral parts except for the bass one (bars 25–30). After long imitative roll calls, the voices unite in a homophonic-harmonic sound.

In the second section of this part, on the words *the cart is still no move*, a stuck cart is sounded — the “trampling on the spot” semitone *a -gis* in the bass part becomes the background for the main theme in the three remaining choral parts. Interestingly, this arrangement of musical material is not constant. In the next phrase, the initial background is transposed from the bass part to the soprano and tenor parts, and the melody is transferred to the alto part (bars 42–43).

The third section begins with new material — a *stretto* introduction of a new topic on the words *The luggage would seem easy for them*. All the heroes are depicted

in the key of D-dur with graphic means of choral texture: Swan — chord texture, romantic-lyrical melodic line, directed upwards (bars 49–52); Cancer — imitative holding of a downward broken second movement (bars 53–57); Pike is a melodic line of contrast structure: the word *pulls* is musicalized by an ascending stroke, which abruptly breaks down by a pure octave at the words *into the water*, leading to a general choral unison on the sound *cis* (bars 58–62).

The reprise sounds in the key of Fis-dur. The canon, from which the chorus began, is presented in an abbreviated form, leading to a climax, which contains the final phrase of the fable, which has become a popular expression *And things are still there!*. Following the poetic text, A.T. Grechaninov singles out the final words with a homophonic-harmonic warehouse of choral texture, subsequently confirming them with a five-fold imitation in all voices (altos-basses-tenors-soprano-basses) and a solemn chord of the Fis-dur triad.

One strophe of a literary text often becomes used by composers to write a fugato (expositional or developmental type). For example, in the fugato of the expositional type of the choir *Executed* by D.D. Shostakovich, the initial strophe of the poem of the same name by A.M. Gmyrev lay down: *In this dreary and stuffy cell, two wrestlers lived out their last days*. On the whole, the theme forms a nine-bar period (4 bars + 5 bars), but its internal structure is polyphonic. The monophonic introduction of the bass part resembles the beginning of a fugue. This is emphasized by the traditional support of the theme elements on the quarter frame. The interval range of the theme is as if clamped “in the thes” of a minor sixth. The introduction of tenors with a tonal response turns into a “dialogue” of two male voices, which changes the perception of a monophonic beginning from a fugue to the beginning of a Russian song in a natural minor key characteristic of folklore. I.K. Kuznetsov notes that «this form of the melodic formation of the theme by Shostakovich contains features that make it related to both Western and Russian polyphony» [26. P. 132]. The subsequent introductions of altos and sopranos are built similarly to male voices. In general, the use of fugato allows ‘drawing’ a musical picture of the limited space of a prison cell. A different kind of fugato of a developing type is laid down in the first part of Y.A. Evgrafov’s concerto for choir *Proverbs in C*. Here, the quadruple holding of the theme ‘*Joy to a man in the answer of his mouth, and how good the word is in time*’ seems to strengthen the power and spirit of the singing. Polyphony in V.Y. Shebalin almost always acts as an active, effective principle in the dramaturgy of a work. The fugato of the developing type in the choir *The Grave of a Fighter* to the verses by M.Y. Lermontov (op. 47, No. 1) concentrates chromatic intonationally unstable turns, creating an atmosphere of anxious foreboding, excitement: *And the dead man’s cheeks are pale, as the face of his enemies turned pale when alone he appeared, alone among their ranks*.

One line, in many cases, takes the form of a choral fugue. As an example, let us consider the vocalization of R.K. Shchedrin’s *Willow, Willow*, where the

syntagma acts as the verbal basis of the composition. According to V.V. Krasov, «the introduction as a literary text of only a brief verbal turnover, repeated many times in whole or in part, concisely concretizes the semantic subtext of music, although it does not give grounds for its figuratively unambiguous interpretation» [16. P. 93–101]. In the text itself, there is no development of the action, which leads to the expansion of figurative-associative links. So, the willow becomes both a symbol of sadness and strength, more broadly — with Russian nature, with Russia with centuries-old cultural traditions. Thus, a rather short verbal text acquires a multi-parameter meaning in the form of a fugue.

It is interesting to regard the use of *individual syllables of the text and solmization* in polyphonic works for chorus a cappella [16. P. 83]. Such a technique introduces an instrumental element into vocal forms, which often leads to the birth of a sonorous texture. Examples are the preludes and fugue-vocalises by V. Barkauskas, T.I. Korganov, Yu.A. Falik. As an example, let us consider *Prelude and Fugue in C-dur* by T.I. Korganov. In the instructions, the composer gives different options for singing the prelude and fugue: the composition can be solfegged or sung in any convenient syllables. The prelude immediately tunes in to a cheerful mode, which will be preserved throughout this small polyphonic cycle. The prelude anticipates the fugue in many ways: primarily in structure, since it contains the features of the fugue. This is expressed in the fact that the author uses a monophonic theme, bright and recognizable, running throughout the prelude, in different voices. In addition, the author works with the theme in accordance with the law of the fugue genre: he uses such techniques as inversions (bar 49) and the sounding of the theme in a different voice, inversion of the main theme (bar 49), sounding of the main theme and its inversion in another part at the same time. Thanks to various strokes (at the beginning — *marcato*, then — *legato*), the theme changes its character from the dashing character of a folk dance to the character of a lyrical lingering song. The classical one-dark three-part fugue was written in the classic-romantic traditions with characteristic types of counterpoint: the theme in the increase in the bass part (bar 32), which allows the melody to sound more solemn, the inversion technique in the soprano part (bar 19) allows coming to the finale of the fugue, admitting doubling and vertically reversible counterpoints. The main stretta bears witness to the composer's polyphonic mastery and gives the fugue a scherzo character.

In variations on basso-ostinato in the choir *Thermometers that have fallen to zero* from Y.A. Evgrafov's choral oratorio *Autumn Cry of a Hawk*, one syllable *bom* is used, a typical element symbolizing bells in Russian music.

There are polyphonic choral works where composers *do not use literary text at all*. This refers to vocalizations for the choir, performed with a closed mouth. Such an example is the fugato in the Prologue of the choral oratorio to the verses by I.A. Brodsky *Autumn Cry of a Hawk* and the Epigraph from the choral concerto

to the texts of V.T. Shalamov *Children's Literature* by Y.A. Evgrafov. In the latter case, the conductor decides for himself which sounds the choir should exhibit. A lot depends on the choice here: the associative series can be unlimited.

Conclusion

Polyphonic forms (fugue, fugato) provide ample opportunities for a rather embossed reflection of the structure of a literary and textual source in choral music. First of all, this is achieved due to the possibility of constant repetition of the same words (or phrases) in imitating voices. Let us note that imitative polyphony is characterized, on the one hand, by the expression of the most generalized ideas, and, on the other hand, by purely private sound-pictorial episodes. Both these extreme cases are equally far from the consistent disclosure of a detailed literary plot. It is no coincidence, therefore, that the verbal range of most choral fugues and fugatos is limited to a minimum of phrases or even words, and sometimes is completely absent. If the composer aims to achieve a really audible embodiment of a fairly detailed verbal text, then, as a rule, he uses various textual and musical forms (motet, madrigal). Summarizing what has been said about the form-building and figurative-semantic functions of choral polyphony, it should be noted that in the field of musical form it acts primarily as a factor in the complication of details and dynamization of the structural process, and in the field of verbal content — as a parameter for identifying the main idea, generalization, and expansion of semantics of literary text source. However, the generalizations that have gone very far, the concentration of the expression of the leading idea of a poetic text, has as its logical limit the switching of the listener's attention from the textual sphere to the purely musical sphere in the course of artistic discourse. Sooner or later, a moment may come when a few and often repeated words already practically fall out of the field of hearing, cease to attract attention.

Thus, the choral score is a *polycode text* in which the transmitted information is encoded by semiotically heterogeneous components, that is, by verbal and non-verbal means, which together represent a certain structure that is distinguished by the manifestation of the interdependence of its constituent parts in the content and formal aspects. In polyphonic analysis, it is important to determine the content of choral compositions and the composer's method of dealing with the structure of a text source. A whole poem can be taken as the basis of a musical work (an example is the text–musical forms of motets and madrigals), one stanza, one line, one word (the analysis of fugato and fugue becomes the evidence base). An interesting case is the use of a polyphonic composition of individual syllables and phonemes (preludes and fugue–vocalises) as a textual basis, as well as a 'silent' performance — with a closed mouth. It can be concluded that, on the one hand, the *literary text* influences the choice of *polyphonic form*, on the other hand,

an often *static* text that does not have external plot development in the context of polyphonic dramaturgy and form acquires internal development *dynamics* and expands its *semantic field*.

Библиографический список

1. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Тезарус, 2013.
3. Дугалич Н.М. Проблема перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры (на материале арабского и французского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 92–911. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911>
4. Большакова Л.С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Языкознание. 2008. № 4 (63). С. 19–24.
5. Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
6. Оголевец А.С. Слово и музыка в вокально-драматических жанрах. М.: Музгиз, 1960.
7. Дмитриевская К.Н. Анализ хоровых произведений. М.: Советская Россия, 1965.
8. Лаврентьева И.В. Вокальные формы в курсе анализа музыкальных произведений. М.: Музыка, 1978.
9. Васина-Гроссман В.А. Музыка и поэтическое слово. Ч. 1: Ритмика. М.: Музыка, 1972.
10. Васина-Гроссман В.А. Музыка и поэтическое слово. Ч. 2–3: Интонация: Композиция. М.: Музыка, 1978.
11. Степанова И.В. Слово и музыка: Диалектика семантических связей. М.: Книга и бизнес, 2002.
12. Холопова В.Н. Формы музыкальных произведений. СПб.: Лань, 2001.
13. Рышко Г.А. Теоретические проблемы тексто-музыкальной формы: дис. ... канд. иск.: 17.00.02. М., 2013.
14. Терещенко В.П. Музыкальная аллегория в хоровом творчестве С.И. Танеева: дис. ... канд. иск.: 17.00.02. М., 2015.
15. Кошкарёва Н.В. Хоровая композиция в современной отечественной музыке: дис. ... канд. иск.: 17.00.02. М., 2007.
16. Красов В.В. Хоровой вокализ в отечественной музыке: жанровые и стилевые особенности: дис. ... канд. иск.: 17.00.02. Магнитогорск, 2020.
17. Григорьева Г.В. Музыкальные формы в хорах С.И. Танеева. Методика. М.: Московская консерватория, 2021.
18. Головкина А.С. Полифония слова в художественном тексте: на материале произведения Дж. Джойса «Дублинцы»: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.04. Самара, 2011.
19. Krasov V.V. Choral vocalization and mono-vocalism: A contextual analysis // Opción. 2019. Año 35. № 24. P. 170–183.
20. Степанова И.В. Музыка как константа русской литературы. Александр Куприн: монография. М., 2019.
21. Koshkareva N.V. A Multimodal Analysis of Hommage à Marina Tsvetayeva by Sofia Gubaidulina // Music Scholarship. 2021. № 3. С. 123–136.
22. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов (опыт исследования современной английской медиа речи). М.: МАКС Пресс, 2000.

23. Баранова С.Ю. Музыкальный текст: язык, знак, сигнал, символ // Аналитика культурологии. 2009. № 3 (15). С. 95–98.
24. Кошкарёва Н.В. Полифоническое мастерство А.Т. Гречанинова на примере хоровой миниатюры «Лебедь, рак и Щука» // Тенденции инновационных процессов в науке: сборник статей Международной научно-практической конференции (10 декабря 2015 г., г. Москва). М.: РИО ЕФИР, 2015. С. 160–162.
25. Паусов Ю.И. Александр Гречанинов: жизнь и творчество. М.: Композитор, 2004.
26. Кузнецов И.К. Полифония в русской музыке XX века. Вып. 1. М.: ДЕКА-ВС, 2012.

REFERENCES

1. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). *Creolized texts and their communicative function. Optimization of speech effects*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Anisimova, E.E. (2013). *Text linguistics and intercultural communication* (based on the material of creolized texts). Moscow: Tezarus. (In Russ.).
3. Dugalich, N.M. (2017). The problem of translating the verbal component of the creolized text of the political caricature (based upon the material of the Arabic and French languages). *RUDN Journal of language studies, semiotics and semantics*, 8(4), 902–911. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911> (In Russ.).
4. Bol'shakova, L.S. (2008). About the content of the concept of «polycode text». *Vestnik of Samara State University. Gumanitarnaya seriya. Yazykoznanie*, 4(63), 19–24. (In Russ.).
5. Novospasskaya, N.V. & Dugalich, N.M. (2022). Terminological system of the polycode text theory. *Russian Language Studies*, 20(3), 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
6. Ogolevec, A.S. (1960). *Word and music in vocal and dramatic genres*. Moscow: Muzgiz. (In Russ.).
7. Dmitrevskaya, K.N. (1965). *Analysis of choral works*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
8. Lavrent'eva, I.V. (1978). *Vocal forms in the course of analysis of musical works*. Moscow: Muzyka. (In Russ.).
9. Vasina-Grossman, V.A. (1972). *Music and poetic word*. Vol. 1: Rhythmics. Moscow: Muzyka. (In Russ.).
10. Vasina-Grossman, V.A. (1978). *Music and poetic word* Vol. 2–3: Intonation. Composition. Moscow: Muzyka. (In Russ.).
11. Stepanova, I.V. (2002). *Word and music: dialectics of semantic connections*. Moscow: Kniga i biznes. (In Russ.).
12. Holopova, V.N. (2001). *Forms of musical works*. St. Petersburg: Lan'. (In Russ.).
13. Rymko, G.A. (2013). *Theoretical problems of the text-musical form* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
14. Tereshchenko, V.P. (2015). *Musical allegory in the choral work of S.I. Taneyev* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
15. Koshkareva, N.V. (2007). *Choral composition in modern Russian music* [dissertation]. Magnitogorsk. (In Russ.).
16. Krasov, V.V. (2020). *Choral vocalization in Russian music: genre and style features* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
17. Grigorieva, G.V. (2021). *Musical forms in the choirs of S.I. Taneyev. Methodology of analysis*. Moscow: Moskovskaya konservatoriya. (In Russ.).
18. Golovkina, A.S. (2011). *The polyphony of words in a literary text: based on the material of the work of J. Joyce “The Dubliners”* [dissertation]. Samara. (In Russ.).
19. Krasov, V.V. (2019). *Choral vocalization and mono-vocalism: A contextual analysis*. *Opcion*, 35(24), 170–183. (In Russ.).

20. Stepanova, I.V. (2019). *Music as a constant of Russian literature. Alexander Kuprin: monograph*. Moscow. (In Russ.).
21. Koshkareva, N.V. (2021). A Multimodal Analysis of Hommage à Marina Tsvetayeva by Sofia Gubaidulina. *Music Scholarship*, 3, 123–136.
22. Dobrosklonskaya, T.G. (2000). Questions of studying media texts (research experience of modern English media speech). Moscow: MAKS Press. (In Russ.).
23. Baranova, S.Yu. (2009). Musical text: language, sign, signal, symbol. *Analitika kul'turologii*, 3(15), 95–98. (In Russ.).
24. Koshkareva, N.V. (2015). A.T. Grechaninov's polyphonic skill on the example of the choral miniature "Swan, Crayfish and Pike". In: *Tendencii innovacionnyh processov v nauke: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (December 10, 2015, Moscow)*. Moscow. pp. 160–162. (In Russ.).
25. Paisov, YU.I. (2004). *Alexander Grechaninov: life and creativity*. Moscow: Kompozitor. (In Russ.).
26. Kuznecov, I.K. (2012). *Polyphony in Russian music of the twentieth century*, 1. Moscow: DEKA-VS. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Кошкарёва Наталья Владимировна, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой дирижирования академическим хором, Государственный музыкально-педагогический институт имени М.М. Ипполитова-Иванова; *сфера научных интересов*: поликодовый текст, мультимодальность, музыкальный текст; *e-mail*: nkoshkarevav@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4578-6591.

Information about the author:

Natalia V. Koshkareva, Ph.D. in Art History, Professor, Head of Academic Choir Conducting Department, State Musical and Pedagogical Institute named after M.M. Ippolitov-Ivanov; *Research interests*: polycode text, multimodality, musical text; *e-mail*: nkoshkarevav@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4578-6591.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1122-1135

UDC 81:003:394.25(910)

Research article / Научная статья

Bias Meaning of Symbols and Sings of Indonesian Topeng Malangan Puppet Show

Radita Gora Tayibnapis¹ , Munadhil Abdul Muqsith¹ ,
Valerii L. Muzykant² , Ana Kuswant¹

¹UPN Veteran Jakarta University,

Jalan RS. Fatmawati Raya, Pd. Labu, Kec. Cilandak, Depok City, Jawa Barat 12450

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198

 raditagora@upnvj.ac.id

Abstract. The study is devoted to the discussion of symbols and signs in the *Topeng Malangan* puppet mask show, which is a traditional heritage of the ancient Javanese society. The *Wayang* or mask show is described as a depiction of human nature. Its very existence gives rise to many interpretations of the symbolism and meanings contained in it, and these conflicting interpretations seek to convey to their public their own vision of human essence in various historical circumstances. The costumed show of masked characters, like the masks themselves, cannot be separated from historical stories, such as *Malangan Topeng Wayang*, which tells about the history of the kingdoms of *Daha and Jenggala*, where the conflicting interpretations contained in the narration of symbols and signs are fully observed. Using a semiotic approach based on the R. Barthes model, the article explores the mythologized mask show, analyzes the symbols rooted in ancient history, which have come down to us in the form of drawings documented on fabric painting, lontars — manuscripts on palm leaves or in ancient books. The results of the study proved that the symbolism of signs and ancient artifacts of *Malangan Topeng Wayang* is rooted in retold stories that turn into folk fantasy myths that celebrate the heroism and kindness of the people of Indonesia. Nevertheless, these stories also show the presence of shameful pages of the past, hushed up by the community, since they immanently have more negative connotations which contribute to the emergence of some semantic bias, that, if misinterpreted, can distort historical facts.

Keywords: Topeng Malangan Puppet Show, Cultural Artifacts, Javanese society, Semiotics

Article history:

Received: 01.11.2022

Accepted: 15.11.2022

For citation:

Tayibnapis, R.G., Muqsith, M.A., Muzykant, V.L. & Kuswant, A. (2022). Bias Meaning of Symbols and Sings of Indonesian Topeng Malangan Puppet Show. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1122–1135. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1122-1135>

© Tayibnapis R.G., Muqsith M.A., Muzykant V.L., Kuswant A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Мисинтерпретация символов и знаков в индонезийском масочном шоу Topeng Malangan

Р.Г. Тайибнапис¹ , М.А. Мукситх¹ ,
В.Л. Музыкант² , А. Кусванти¹

¹ Джакартский национальный университет развития ветеранов,
12450, Западная Ява, Депок, р-н. Чиландак,
Больничная дорога. Фатмавати Рая, Рд. Тывка

² Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 raditagora@upnvj.ac.id

Аннотация. Исследование посвящено изучению символов и знаков в масочном шоу Топенг Маланган, являющемся традиционным наследием древнего яванского общества. Ваянг или шоу масок описывается как изображение человеческой природы. Само его существование порождает множество интерпретаций заключенных в нем символики и смыслов, и эти противоречащие друг другу толкования стремятся донести до публики собственное видение человеческой сущности в различных исторических обстоятельствах. Костюмированное шоу масочных персонажей, как и сами маски, нельзя отделить от исторических повествований, таких как Маланган Топенг Ваянг, рассказывающих об истории королевств Даха и Дженггала, где в полной мере наблюдаются противоречивые толкования содержащихся в повествовании символов и знаков. С помощью семиотического подхода, базирующегося на модели Р. Барта, исследуется мифологизированное шоу масок, анализируются символы, уходящие корнями в древнюю историю, дошедшую до нас в виде задокументированных на тканевой росписи рисунках, лонгарах — манускриптах на пальмовых листьях или в древних книгах. Результаты исследования показали, что символизм знаков и древних артефактов Маланган Топенг Ваянг уходит корнями в пересказываемые истории, которые превращаются в народные фэнтезийные мифы, воспевающие героизм и доброту населения Индонезии. Тем не менее, эти истории показывают и наличие страниц прошлого, замалчиваемых сообществом, поскольку им имманентно присущ скорее негативный подтекст, способствующий появлению некой смысловой предвзятости, а при неверном толковании — искажению исторических фактов.

Ключевые слова: кукольное шоу Топенг Маланган, культурные артефакты, яванское общество, семиотика

История статьи:

Дата поступления: 01.11.2022

Дата приема в печать: 15.11.2022

Для цитирования:

Tayibnapis R.G., Muqsith M.A., Muzykant V.L., Kuswanti A. *Tayibnapis R.G., Muqsith M.A., Muzykant V.L., Kuswanti A. Bias Meaning of Symbols and Sings of Indonesian Topeng Malangan Puppet Show // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1122–1135. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1122-1135>*

Introduction

Characteristics of Javanese culture are often depicted in artifacts such as puppets or Java, so called *wayang*, such as skin puppets, wooden puppets, human puppets, and mask puppets. The basic difference with kin puppets is that puppet characterizations are depicted in shape (face) of each face on the mask, which has a different meaning that describes the characters in certain puppets characters in certain stories that are not the same. as characterizations of characters in kin puppets stories which are usually shown in puppets cultural performances.

This characterization becomes increasingly unknown with the times. It also raises the meaning bias in the people of Malang, especially the younger generation, who are rather more ignorant of the meanings contained in mask puppets characters. As for this meaning bias, it also creates a speculative bias, creating a new meaning bias.

The symbols contained in the mask puppets are — full of descriptions of the people's characteristics and how the signs which appear, give a distinct impression compared to art in general. The aesthetics of puppet art have! become diverse, and when displayed in public spaces, it raises the potential for its meaning, which is still biased now.

Speculation on the interpretation of meaning which occurs in the art of mask puppets often leads to identifying bias and reduced cultural adaptation to the local culture itself. So that this research is expected to interpret the meaning of puppet masks correctly basing on their characteristics and provide a complete picture of the meaning of mask puppets to correlate with the lives of the surrounding community, especially in specific cultural communities; this is the main character when society is still in the old cultural condition.

According to Koentjaraningrat (2000), sculpture, relief, masks, paintings, and drawings are the most flexible and easy-to-use art fields to develop our personality traits based on high characteristics and qualities. This characteristic can be attributed not only to the outward form of art but to its outward appearance, but its content and intellectual conception. The source of the search for elements that can give special characteristics is not only the past life but the present life, as well, and the entire Indonesian universe [1].

The problems which occur in the cultural artifacts of masks puppets, are quite a dilemma because the life of modern society is increasingly stretched; *Malangan Topeng puppets* culture is also a crucial issue. Like the community, especially the younger generation, who tend to ignore the distinctive culture and cultural artifacts around the environment or are in their regional identity, that mask culture is decreasing in popularity. Social changes also make the meaning of symbols and signs on the masks forgotten, and in the end, a meaning bias arises due to speculation from people who do not know the exact meaning.

Cultural values are always depicted in a work of art or art object symbolized as a forum for understanding the life of a cultured community, such as puppet art,

including mask art in East Java which describes the sides of people's lives and the values contained therein [2].

The uniqueness of regional arts has become an inherent identity in a homogeneous society with one vision and mission to maintain ethnic and racial entities. For example, art objects are often attached to the identity of an area, such as the mask puppets art in Malang, which used to be an inherent identity for the culture of the Malang people.

Topeng Malangan in Malang, commonly known as Mbah Karimun's mask art, could be said to reflect quite complex problems in maintaining its identity as part of the traditional culture of the Malang people. The symbols and signs on the Malangan masked puppets become a system of cultural values of the local community, which it considers as part of the values of life. A cultural-value system consists of concepts, which live in most people's minds, about the things they should consider very valuable in life. Therefore, a system of cultural values usually serves as the highest guideline for human behavior. Other systems of human behavior of a more concrete level, special rules, laws, and norms are all also guided by the system of cultural values [1].

Traditional culture in Kedungmonggo Village, Pakisaji, Malang Regency is slowly starting to be eroded by modern culture, especially the younger generation who are carried away by the flow of urban modernization, which hinders the empowerment of Malang masks. In addition, the public began to not fully know about the cultural objects of Malang masks. And, this is what causes a speculative meaning bias in the representation of the depiction of the Mask Puppets from Malang. So that through this research to find a representation of the meaning contained in the depiction of the appearance of the Malang wayang mask, then look for the basis for the occurrence of meaning bias in the Malang puppet mask and the occurrence of changes in the cultural adaptation of the community.

To dissect the meaning of symbols and signs in the *Topeng Malangan* Puppet, researchers use the concepts and methods of semiotics. According to R. Barthes, signs are the tools we use to find our way in this world among and with human beings. Semiotics, or in R. Barthes' words, semiology, is primarily about how humans interpret things. In this context, the meaning of representation cannot be confused with communication. Meaning concerns that the object not only carries information, in this case, but the object communicates, and is a structured symbol system [3].

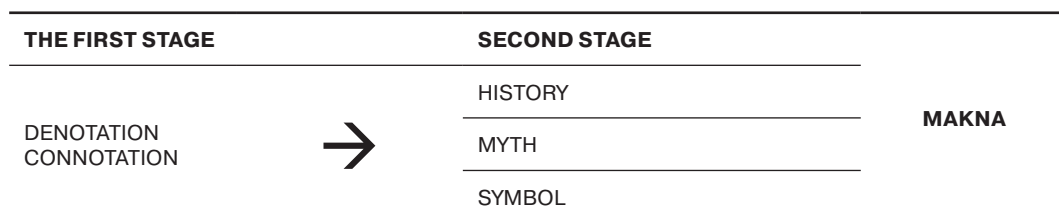
Texts are always produced in a social context; texts are always influenced by and reproduce the cultural values and myths of the context, as is the case with Malangan mask culture, which has a thick myth concept in society. The prevailing cultural myth determines the key denotation, code, connotation, and sign of the text, even if a text contradicts these values and publicly expresses its disagreement [4].

Research Method

The approach used in this study is qualitative in that the research process will produce descriptive data in the form of a written or spoken words from people or the observed behavior. The qualitative descriptive format focuses on a particular unit of various phenomena. Thus, this study can be carried out in-depth, and the depth of data is considered in this research [5].

In Barthes’s semiology, denotation is the first level of the signification system, while connotation is the second level. In this case, denotation is more associated with closed meaning. As a reaction against the literality of this oppressive denotation, Barthes tried to get rid of and reject it. For him, there are only connotations. The connotations are seen in the myth, then the historical aspect of the myth appears [6].

If to interpret the sign in the meaning of the mask puppets, it is done using a semiotic data analysis mode related to the meaning of signs and symbols in language. The agreement of a symbol, according to Barthes, does not really exist by itself, but there is a historical trajectory that transcends and forms the symbol of the agreement. The important idea is that words or signs can be assigned mainly to conceptual categories, and these categories represent important aspects of a theory to be tested. The importance of the idea is to reveal the frequency that appears in the text [7]. This understanding means Barthes’ thinking based on two stages, namely:

In this study, the research object is the *Topeng Malangan* Puppet, especially on the subject of signs and symbols as the texts under the study. In this study, the object of research is the object of Mask puppet cultural objects, which are spread in several areas in the Malang district, East Java.

Result and Discussion

Based on the semiotic analysis of the *Topeng Malangan* Puppet, East Java, which has been analyzed by researchers using the Roland Barthes semiotic model, the overall meaning of the denotation of the Malang mask viewed in the aspect of appearance (face) has a characteristic that distinguishes men and women, then if a character is good and evil, besides involving the the kind of the color on the face.

As well as the meaning of denotation, men are always characterized by having a mustache or beard; then, on the crown surface, they have more carvings (*issenan*) than women. In addition, in men, the eye area (*kedhelen*) is wider than in women, whose eye surface is more glazed.

In addition, on the surface of the lips between male and female characters, there are special differences in the carvings, as is the case for male characters whose lips tend to be wider and show the surface of their teeth, like the mask of Panji Asmarabangun, then Klana Sewandana, Bapang Jayasentiko. When tracing from the surface of the mask on the physical mask for other characters, such as the Yuyu Kangkang (*Panji Dirga*) mask, then Raden Gunung Sari, the male mask character tends to show the surface of his teeth with a smiling face.

Unlike the case with the female characters on the Malangan mask, such as the Galuh Candrakirana (Dewi Sekartaji) mask, then also Dewi Hunengan (Ragil Kuning) who on the surface of her lips closes with her characteristic solid red, solid-colored lips and also displays her sweet smile on the mask. This is, of course, the hallmark of the female character mask on the Malangan mask. In addition, the crown worn by the female characters on the Malangan mask, the pattern displayed is not as much as the crown on the male character. This is the difference in the physical appearance of the Malangan mask, which differentiates based on the character of gender.

Meanwhile, the character traits or dispositions on the Malang mask between the protagonist and the antagonist are also distinguished from their physical characters as well as the difference in facial characters between Panji Asmarabangun Klana Sewandana and Bapang Jayasentika. In Panji Asmarabangun as the protagonist, he displays a softer face with narrower eye surfaces and a thin smile on his lips that requires the surface of his teeth.

The colors on the visual characters of the protagonist have various colors. As is the case with Panji Asmarabangun, which has a green appearance, and the color was agreed upon by the mask craftsmen of Malang, East Java, who gave the face of Panji Asmarabangun a green color. Then on the appearance of Galuh Candrakirana, which has a white color, and also on Ragil Kuning, which depicts a yellow color.

Meanwhile, Klana Sewandana and Bapang are both depicted with red color on their faces; then their eyes are wide-open with sharp gazes showing a wide smile by showing the shape of their teeth have fangs on their right and left teeth.

As for the other facial characters in the antagonists of Klana Sewandana and Bapang, they have the same scary face, have a thick hairy mustache (in Javanese, it is called *Brengos*), then a thick beard, then a sideburn on the surface that blends with his hair in his ear hair.

Of course, this contrasts with the protagonist, Panji Asmarabangun, whose mustache is thin, then he does not have a sharp gaze, and his eyes only show a sad look, the lip color of the protagonist is red. Meanwhile, the antagonist does not have

a lip color that is a certain characteristic. The characters that are distinguished in terms of appearance/real physical differences occur so that the wider community can understand them.

When examined in terms of the meaning of the connotations of the Malangan mask, the myth formed on the Malang mask is a myth about a person's character, which is permanently depicted in the characterization of the characters on this Malangan mask. By taking the characteristics of East Javanese folklore, such as the story of Panji Asmarabangun and about the kingdoms of Dhaha and Janggala, during the heyday of the Kahuripan Dynasty, the character of this story has been adapted for a long time since the pre-Singosari era, Majapahit or before the glory of the Majapahit Kingdom, and also long before the story of the Mataram period.

This story tells that since Saka Warsa 1057 (1135 AD), Kadhaton Janggala, which was originally a formidable competitor to Kadhaton Daha, has been completely conquered. Now the existence of the two Kadhatons has been united under the banners of the Kadhaton Dhaha as in the past Kadhaton Medhang. It is the figure of Syiri Naranatha Prabhu Jayabaya, who has won the victory and succeeded in conquering Janggala. So, during three years he managed to conquer Janggala. And since three years ago, this victory has always been remembered with a cry of pride: Panjalu Jayanti [6].

In the overall connotation, meaning describes the representation of the human character; the myths formed are a cause and effect of human action. Just as when people have ambitions for power, that person will be 'killed' with this ambition described as the story of Bapang who betrays, seeks face, seeks power, ambitions for power, but in the end, dies with his dagger. The symbol of Klana Sewandana and Bapang is a myth of human hypocrisy who will receive retribution for his actions. At the same time, in the symbol of fertility, there is a myth depicted by Panji Asmarabangun which describes a man's loyalty to his authority, loyalty to his kingdom. However, fertility is a myth of maintaining physical health, fertility in having children and having a knight spirit and a noble heart and gentle. This is described in the myth of Panji Asmarabangun.

The myth about Panji Asmarabangun emphasizes that Panji is a symbol of fertility (this can be seen from the green color on the face) which means that fertility is not only seen when he leads the kingdom to fertilizes the land of the Jenggala kingdom.

Although on the one hand, the myth is about a strong man, chivalrous and gentle towards women, and with a noble heart, there is a hidden meaning in the figure of Panji Asmarabangun, which is like being 'covered up by the community about the character of Panji Asmarabangun, namely about his passion and high sexual drive. This concerns the meaning of fertility (in green) from Panji which is not only the fertility of the soil and plants or grass, but the fertility of the «sperm» seeds to easily have children from the woman he sleeps with.

Researchers have found that the meaning of the Malangan mask is full of story camouflage so that the role model does not show his disability or bad character that he remains a role model for many people. Therefore the myth about Panji Asmarabangun can also be said to be a symbol of male fertility in terms of sexuality and a myth about male sexual dominance over women.

This myth can be explained in the current textuality that men have a higher sex drive than women. Sex drives in men and women are very diverse. The hormone responsible for the emergence of sex drive is testosterone. It turns out that women also produce this hormone, and only a small amount of this hormone production is needed to trigger sexual urges. What distinguishes this variation of sex drive is very individual; the cause is because of the physical condition of the body, psyche, and each person's perspective towards sexual relations, which are also different. Influenced by parenting and past situations [8].

In general, sex myths thrive in societies with low levels of sexual knowledge. In such a society, sex myths easily influence sexual behavior, often leading to unwanted consequences. The Panji story also describes the existence of men who are more competitive than women in terms of gender, career position, and position in a sexual relationship [8].

As seen in the story of the Kahuripan period, the patriarchal position was thick and became sacred, making women unable to fulfill the King's decree. Like the position of the Janggala kingdom, Dewi Kili Suci Anom is the older brother of Prabu Lembhu Amiluhur. He cannot occupy the position of King in the Janggala kingdom. Finally, Prabhu Lembhu Amiluhur became King until his life's end. Likewise, Rahdyan Kuda Rawisrengga (Panji Asmarabangun) has been mandated to lead the Janggala kingdom before the end of his life. This principle is held by the Javanese people, who consider the position of men to be higher than women, including in the religious condition of the majority of Islam, and also teaches this [9].

Meanwhile, the Galuh Candrakirana myth is marked by attitudes and traits, and characters that humanize other humans and signify beauty by maintaining the appearance of a woman's beauty in the beauty myth in modern society like this. If examined in the intertextual (comparison between texts in the past with the present), the beauty of a woman is seen from her hair as a crown of female beauty [7].

To maintain healthy hair, hair should be washed every two or three days according to conditions. On days when women don't wash their hair, comb the hair thoroughly using a quality brush comb to stimulate an even distribution of oil. Likewise, washing your face with cold water can minimize pores and maintain the beauty of a woman's face. The size of dead skin cells can shrink pores. Microscopically dead skin cells 'clump' near the open pores, making them appear larger [4].

This myth is also told in the story of Galuh Candrakirana as a princess of the Dhaha kingdom, Kadhiri, who has a habit in the kingdom that has become the rule

of a pramesywari (empress), Bini Aji, a concubine and who comes from work as a descendant of Brahma who has to take care of herself physically starting from head to toe. If in the past, there was no special shampoo for washing hair, as is the case in modern times now, but the King's consort to the previous King's daughter always washed her hair with traditional ingredients such as leaves and flowers. However, the same thing is washing hair with cold water as a substitute. The habit of the previous King's daughter is to keep her hair healthy [10].

It is the same with the hidden meaning of Panji Asmarabangun's character, the hidden character of Dewi Sekartaji (Galuh Candrakirana), who, in the people's belief in the folklore that developed such as the story of Galuh Candrakirana, or the story of Klenthink Kuning and Keong Mas, which is described as a woman whose heart is pure, chaste and full of loyalty.

Myths like this are often misunderstood because of the camouflage of the story in which some truths of a story are covered up to pay attention to social and ethical issues, so this is where the effort to arouse the imagination, the story is made in fictional form as an effort to 'trick' so that aesthetics are maintained. Stories without having to disclose historical records openly [11].

Although some stories are camouflaged, some versions of this folklore are often played on in the position of the characters, such as Klana Sewandana, which in some art dance stories is described as a king and Bapang is his subordinate or commander. However, in the recording of Panji Anggraeni's fiber in the historical chronology of the history of the Kahuripan kingdom, he explained that Bapang Jayasentika was the grandfather of the Sewandana Clan and was a distant King. The latter had led the Janggala kingdom long before the Sewandana clan to Prabu Lèmbu Amiluhur. However, this kind of historical record is ignored in the story of the dance ballet Panji Asmarabangun, the character of Bapang seems to be an iconic entertainer for the spectacle of performances. However, Bapang himself is a character that existed long before Klana Sewandana including Panji Asmarabangun.

In the undeniable myth of the story of Klana and Bapang, it is the nature of evil and human ugliness. The evil intentions of a person will not be achieved and will be defeated by goodness. Likewise, with someone's evil intentions, that person will be exposed to karma or the impact of his crime. This is illustrated in the cause-and-effect relationship of the antagonist story of Klana Sewandana and Bapang Jayasentika, in which an evil behavior will be rewarded with evil karma as well.

The Kedungmonggo community believes the depiction of these characters as a description of a person's character, behavior, actions, and all forms of human traits closely related to the nature and character of the Javanese society. The ancient Javanese society depicted these characters as 'form,' which means human nature is like in the parables of humans and puppets. So, this is what makes a strong symbolism for the Javanese people.

In this case, the parable is depicted in puppet performance, including a dance ballet in a completely different field. Puppet performances are now happening within humans themselves. The puppeteer is life, and his speech, namely everything that becomes a means to reveal itself, is that the mind of life enters the means to reveal itself, that the mind of life enters the body and moves it, just as a puppeteer moves his puppet [12].

Thus, here as well, we encounter the image of the world as the appearance of the Self by God. That this parable must be interpreted in a non-orthodox and esoteric way is reinforced by the fact that in the text quoted by Rinkes (1970), the picture is called «*saesan tokid*» (a symbol of the doctrine of oneness), contrary to the parable above [14]. The thing called «*paesan sarêngat*.» The «perfect insight into oneness,» which describes a person's state of ecstasy who eventually acquires a spiritual body (*suksma watchman*), also points towards a monistic interpretation.

Explained from Serat Dewaruci [14]:

“*lir wayang sarireku | saking dalang solah ng ringgit | mangka panggung kang (koreksi mengenai tang) jagad | lir ing badan iku | amolah pinolah | sapolahe kumedep myarsa ningali | tumindal lan pangucap.*” ‘The body is like a puppet, all its movements come from the puppeteer. *Ingkai kelir* is the world. Bodies only move when they are moved. Regarding all his actions, such as winking, hearing, looking, acting, and speaking.’

Likewise, in Hindu teachings are parables depicted in symbolism to express wisdom and love for the truth, just as philosophy is expressed in image symbols such as wayang. In addition to these images, such as statues in temples that describe the nature and life of people since ancient times. So, this is depicted in symbols of sign characters that need to be understood by the Javanese and believed and sacred [13].

The ancient Javanese people believed that the elements in wayang were mystical and believed to exist as a ‘form’ in humans, which was described in the romanticism of wayang stories such as the story of Panji and Dewi Sekartaji [13].

“*Wonten baka nenggih kang linuwih | lir wayang rekè angundang dalang | miwah saparipolahè | polah ing dalang iku | saking ringgit polahireki | lan pangucap ing dalang | saking ringgitipun \ tindak tandukè ki dalang | saking wayang sapolah-polah ing ringgit | marga saking ki dalang.*” ‘There is a mystical union (which can be described by) wayang that invites the dalang (to master) with all his movements. The dalang's movements are caused by the puppets, he said, the puppeteers come from the puppets. But the existence of wayang comes from the Immortal.’

In the parable of the Wayang masks, humans who wear masks and carry out their characters, deepen the intuition of the characters being played, even down to their movements. The human being is the puppeteer, just as the

appearance of the mask is the puppet. The puppeteers and wayang masks are like shadows and creators. Between the Creator and his shadow does not exist, neither is real.

Pronounced in Dhandanggula [15]:

“Mangkana Gusti Kaula | nora nyata yen datan silih-sinilih | Allah lawan Muhkamad”. ‘Similarly, with Gusti and Kawula, without mutual influence are do not present themselves, just like Allah and Prophet Muhammad.’

Based on the meaning of the appearance on the mask, it basically lies at the text level where the characterization on the face of the mask can be interpreted freely and also has various interpretations, but also has an agreed interpretation. However, when this freedom of interpretation appears in the cultural community, it does not escape causing a meaning bias that occurs in the characterizations of the Malangan wayang mask.

The appearance of the mask and the characters contained in it are also believed to be a myth that developed in Javanese society in Kedungmonggo, Malang, besides that it is also used as a cultural symbol in Malang.

Conclusion

The overall narrative on the Malangan Wayang mask tells the story of the Kahuripan kingdom under the rule of Prabu Amiluhur. The main characters such as Panji Asmarabangun, Dewi Sekartaji, and Ragil Kuning, are the protagonists who have a variety of mask styles, both in terms of color, physical shape, and the crown pattern worn by the characters in the mask characterizations.

In the sense of denotation for the protagonist, it can be seen that the physical appearance on the color surface of the face looks bright and also attracts eye-catching people who don't see green, white, and yellow colors.

At the same time, on the surface of the lips on the mask character, the lips are thinner with red lips, and the eyes are sad both for male characters such as Panji Asmarabangun and Dewi Sekartaji and Dewi Ragil Kuning. Meanwhile, the Panji Asmarabangun character himself has a mustache with a thin surface, while the female character is depicted with a clean face.

The physical appearance of the protagonist has uniformity in all Malang mask arts so that physically it has a characteristic shape that is easy to understand.

And the antagonists themselves, such as Klana Sewandana and Bapang Jayasentika, have the same visual color, namely red, with thick lips following the color of the mask's appearance.

In addition, the physical surface that has the characteristic appearance of this antagonist is on the surface of the mustache, beard, or 'brewok' and then also has a thick beard shape. At the same time, the protagonist does not have a thick beard or sideburns surface.

The meaning of the connotation of the Malangan Wayang mask is divided into the meaning of the antagonist and the protagonist. In the meaning of the protagonist, it can be seen that the character Panji Asmarabangun has the main meaning, namely the meaning of fertility as the green color on the face, which means a symbol of fertility as well as the meaning of the color on the leaves or lush green plants. Then on the meaning of the white color, Dewi Sekartaji has a white appearance, symbolizing purity, purity of heart, and goodness in oneself. In addition, the color of Dewi Ragil Kuning's mask means kindness, and the bright yellow color means activeness or an active woman. This meaning appears as a form of meaning that agrees with the mask artists.

While the antagonist has a uniform meaning in the visual color, which is defined as a color that is bold but evil and has a violent, violent character, what distinguishes Bapang Jayasentika is not only a familiar evil figure but also a cunning and deceitful figure.

Both Klana and Panji Asmarabangun are depicted as a knight who has courage and skill in their roles and is believed to be a powerful figure, even though Panji himself had to die at the hands of Klana Sewandana when there was an ambition of the old Janggala kingdom to rule Daha.

In the Panji story itself, many stories are hidden, or they are hidden stories, such as the existence of Bapang, who is the ruler of the old Janggala, then also the figure of Rara Anggraeni, who is hidden in Panji Asmarabangun's love story. This is because Panji's love story with Rara Anggraeni is considered a disgrace to the kingdom, especially to the Janggala kingdom. In addition, the Daha royal envoy killed Rara Anggraeni so as not to become a burden or a barrier to Panji Asmarabangun's marriage to Galuh Candrakirana. Including the biased meaning of the sanctity of a Panji Asmarabangun, which is told in almost all folklore or fantasy stories for children and is described as Panji Asmarabangun's love with Galuh Candrakirana are true love and holy love, which is described as if Panji himself only loves Galuh Candrakirana.

Fantasy stories which are spread in the community, are disgraced and covered up because, in the hidden story, before marrying Panji Galuh Candrakirana, he already had four concubines, including a concubine named Gandri. However, when he met Rara Anggraeni, Panji fell to his knees more in love with Rara Anggraeni until finally, Panji secretly married Rara Anggraeni. Finally, this news was widely known by the Daha and Janggala Kingdoms until finally, Rara Anggraeni was killed. The story was covered up by the people of Malang and the community. Even though the story of wayang in Cirebon is considered a scandal that should be covered up and not known by the public, there is not even a characterization of Rara Anggraeni's face in Malangan mask crafts, even Cirebon masks, and even disgraceful things in history are considered stories that will have a bad impact on society. There is nothing wrong with the history mentioned, but it is necessary to continue to

be educated the public so that it can be a valuable lesson for the community. Historical facts need to be reviewed so that it is not easy to bring up meaning bias in society.

References

1. Koentjaraningrat. (1998). *Pengantar Antropologi. Pokok-pokok Etnografi II*. Jakarta: Rineka Cipta. (In Indonesian).
2. Harsojo. (1999). *Pengantar Antropologi*. Bandung: Putra A.Bardin. (In Indonesian).
3. Rusmana, D. (2014). *Filsafat Semiotika*. Bandung: Pustaka Setia. (In Indonesian).
4. Thwaites, Tony; Davis, Lloyd; Mules, W. (2009). *Introduction Cultural and Media Studies*. Suah pendekatan semiotik. Jakarta: Jalasutra.
5. Hidayat, D.N. (2018). Metodologi Penelitian dalam Sebuah “Multi Paradigm Science.” *Mediator: Jurnal Komunikasi*, 3(2), 197–220. (In Indonesian).
6. Shasangka, D. (2016). *Rara Anggraeni*. Dolphin. (In Indonesian).
7. Gora, R.I. (2016). *Hukum, Etika, & Etika Media* (Regulasi, Praktik dan Teori). Deepublish. (In Indonesian).
8. Rorong, M.J. (2016). Analisis Warna Mcdonald’s Dan Perbedaan Kesetiaan Pelanggan. (Studi Tentang Warna Logo McDonald’s dan Kesetiaan Pelanggan dari Orang Manado, Tionghoa dan Batak). *Semiotika: Jurnal Komunikasi*, 10(2), 303–334. (In Indonesian).
9. Raffles, T. St. (2014). *The History of Java*. Narasi. (In Indonesian).
10. Olthof, W. (2019). *Babad Tanah Jawi*. Narasi. (In Indonesian).
11. Ozturkcan, S., Kasap, N., Cevik, M., & Zaman, T. (2017). An analysis of the Gezi Park social movement tweets. *Aslib Journal of Information Management*, 69(4), 426–440. <https://doi.org/10.1108/AJIM-03-2017-0064>
12. Powell, B.B. (2003). *Classical Myth*. London: Pearson College Div publ.
13. Zoetmulder. (2000). *Manunggaling Kawula Gusti*. Jakarta: Gramedia Pustaka Utama. (In Indonesian).
14. Shasangka, D. (2014a). *Ilmu Jawa Kuno. Sanghyang Tattwajnanan Nirmala Nawaruci*. Dolphin. (In Indonesian).
15. Shasangka, D. (2014b). *Induk Ilmu Kejawen. Wirid Hidayat Jati*. Dolphin. (In Indonesian).

Information about the authors:

Radita Gora Tayibnapis, Dr Associate Professor at the UPN Veteran Jakarta University, Faculty of Social Science & Political Sciences. *Research interests*: Digital Culture Communication, media studies *e-mail*: raditagora@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0002-0447-8154.

Munadhil Abdul Muqsith, Ph.D. in Philology. Associate Professor at the UPN Veteran Jakarta University, Faculty of Social Science and Political Science, *Research interests*: Digital Media and Society, Political Communication, Fake News, *e-mail*: munadhil@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0003-1525-0136.

Valerii L. Muzykant, Dr. (Sociology), Professor. Ph.D., Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: branding communication, marketing management; *e-mail*: vmouzyka@mail.ru.
ORCID: 0000-0001-9422-351X.

Ana Kuswanti, Dr Associate Professor at the UPN Veteran Jakarta University, Faculty of Social Science and Political Science, *Research interests*: Communication, gender studies, group communication. *e-mail*: anakuswanti@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0003-2543-4596.

Сведения об авторах:

Радита Гора Тайибнапис, доктор, адъюнкт-профессор Джакартского университета ветеранов UPN, факультет социальных и политических наук, *исследовательские интересы*: цифровая культурная коммуникация, исследования в области СМИ, электронная почта: raditagora@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0002-0447-8154.

Мунадхил Абдул Мукситх, доктор филологических наук. Адъюнкт-профессор UPN Veteran Jakarta University, факультет социальных и политических наук, *исследовательские интересы*: цифровые медиа и общество, политическая коммуникация, фейковые новости, электронная почта: munadhil@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-003-1525-0136.

Музыкант Валерий Леонидович, доктор социологических наук, кандидат филологических наук, филологический факультет РУДН; *область научных интересов*: коммуникация в новых медиа, брендинговая коммуникация: e-mail: vmouzyka@mail.ru.
ORCID: 0000-0001-9422-351X.

Ана Кусванти, доктор, адъюнкт-профессор Джакартского университета ветеранов UPN, факультет социальных и политических наук, *исследовательские интересы*: коммуникация, гендерные исследования, групповая коммуникация: электронная почта: anakuswanti@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0003-2543-4596.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
